

Аннотация

Куда идет человечество? Как решить "тупиковые" социально-нравственные проблемы? Эти и многие другие вопросы затрагивают в своих произведениях писатели-фантасты Западной Европы, представленные в этом сборнике (Л. Альдани, А. Кларк, Ф. Карсак, Н. Нильсен и др.).

Размышления авторов над природой и сущностью проблем, стоящих перед миром "всеобщего благоденствия", и попытки предложить оригинальные выходы из сложных ситуаций, несомненно, привлекут внимание читателей.

Пер ВАЛЁ

СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК

ПОВЕСТЬ

1

Йенсен получил письмо с утренней почтой.

В тот день он встал очень рано, упаковал саквояж и уже стоял в прихожей, в плаще и в шляпе, когда письмо ударилось о дно почтового ящика. Йенсен наклонился и достал его. Выпрямляясь, он почувствовал острую боль в правом боку – словно коническое сверло, вращающееся с бешеной скоростью, пробуравило внутренности. Но он уже свыкся с болью и почти не обратил на нее внимания.

Не глядя, Йенсен сунул письмо в карман, взял саквояж, спустился по лестнице к автомобилю и отправился на работу.

Без одной минуты девять он въехал в ворота полицейского участка шестнадцатого района и поставил машину в желтом прямоугольнике с крупными буквами «КОМИС-САР» на асфальте. Он вылез из машины, достал саквояж из багажника и окинул взглядом бетонный простор двора. У двери, через которую обычно пропускают арестованных, стояла белая машина «Скорой помощи» с красным крестом на распахнутых задних дверцах. Два молодых человека в белых халатах заталкивали внутрь носилки. Лица их ничего не выражали, руки действовали автоматически. В нескольких метрах поодаль полицейский в зеленой форме водой из шланга смывал кровь с асфальта. На но-

силках лежала белокурая молодая женщина с окровавленной повязкой на шее. Йенсен мельком взглянул на нее и повернулся к полицейскому со шлангом:

– Мертва?

Полицейский выключил воду и попытался встать по стойке смирно.

– Да, комиссар.

Йенсен молча повернулся, вошел в дежурку, кивнул полицейскому, сидящему за деревянным столом у двери, и направился к винтовой лестнице.

Воздух в годах не проветривавшемся служебном помещении на втором этаже был затхлым, пахло гнилью. В батарее под подоконником в дальнем углу что-то шипело и пощелкивало. Полицейский участок размещался в одном из самых старых зданий той части города, которая, казалось, была выстроена исключительно из бетона, стали и стекла. Правда, несколько лет назад камеры для арестованных перестроили и расширили, но в целом здание осталось без изменения. Скоро его снесут, и на том месте, где оно стоит, пройдет новая транспортная магистраль. Как только будет закончено новое здание Центрального налогового управления, полицейский участок переведут туда. Но все это уже мало беспокоило Йенсена.

Войдя в комнату, он снял плащ и шляпу, повесил их на вешалку, приоткрыл окно и пододвинул стул к письменному столу. Несколько минут он читал донесение ночного дежурного, аккуратно исправил несколько ошибок в тексте и расписался на полях. Только после этого он сунул руку в карман, достал письмо и взглянул на конверт.

Комиссар Йенсен был человеком среднего роста с не-

выразительным лицом и коротко стриженными седыми волосами. Ему было пятьдесят лет, и двадцать девять из них он прослужил в шестнадцатом полицейском участке.

Он все еще смотрел на письмо, когда дверь отворилась и в комнату вошел полицейский врач.

– Сначала нужно постучаться, – заметил Йенсен.

– Извините. Я думал, что сегодня вас уже не будет на работе.

Йенсен посмотрел на часы.

– Мой заместитель явится в десять часов, – сказал он. Как прошла ночь?

– Как обычно. Уже под утро произошел несчастный случай. Женщина. Рапорт еще не готов.

Йенсен кивнул.

– Это случилось не в камере, – добавил врач. – Во дворе. Она перерезала себе горло, как только надзиратель выпустил ее из-под ареста. Осколком зеркала, который она спрятала в сумочке.

– Упущение, – произнес Йенсен.

– Нельзя же отобрать у них все.

– Вы полагаете?

– Кроме того, она уже отрезвела и ей был сделан укол. А главное, когда ее обыскивали, никто и не подозревал, что у нее стеклянное зеркальце. Насколько мне известно, карманные зеркала из стекла запрещены.

– Не запрещены, – сказал Йенсен. – Просто их больше не выпускают.

Полицейский врач был высоким, сравнительно молодым человеком с щеткой рыжих волос на голове и резкими чертами лица. Он хорошо знал свое дело и, пожалуй,

был лучшим полицейским врачом участка за последние десять лет. Йенсену он нравился.

— Правильно ли мы делаем? — сказал врач и покачал головой.

— Что именно?

— Да когда примешиваем эту дрянь к спирту. Чтобы вызвать идиосинкразию к алкоголю. Правда, за последние два года количество алкоголиков не увеличилось, зато...

Йенсен посмотрел на врача холодными, пустыми глазами.

— Договаривайте.

— ...зато резко возросло количество самоубийств. Депрессия все углубляется.

— Статистика это опровергает.

— Вы не хуже меня знаете, чего стоит наша официальная статистика. Перечитайте собственные секретные донесения о несчастных случаях и самоубийствах. Об этой женщине хотя бы. Нельзя же без конца скрывать правду и притворяться, что ничего не произошло.

Врач засунул руки в карманы халата и посмотрел в окно.

— А вы слышали последние новости? Говорят, они собираются примешивать фтор и порошок от головной боли к питьевой воде. С медицинской точки зрения это безумие.

— Выбирайте выражения!

— Вы правы, — сухо сказал врач.

В комнате наступило молчание. Йенсен внимательно разглядывал письмо, пришедшее с утренней почтой. На белом конверте были напечатаны его имя и адрес. Внутри

лежала прямоугольная белая карточка и синевато-серая марка с зубчиками по краям. На марке был изображен пролет моста, перекинутого через глубокую пропасть. Йенсен выдвинул средний ящик стола, достал деревянную линейку и измерил стороны карточки. Врач, внимательно следивший за его действиями, удивленно спросил:

– Зачем вы это сделали?

– Не знаю, – пожал плечами Йенсен.

Он положил линейку обратно и задвинул ящик стола.

– Какая старина! – заметил врач. – Деревянная, со стальной окантовкой.

– Да, – ответил Йенсен. – Она у меня уже двадцать девять лет. С тех пор, как пришел сюда. Таких теперь не делают.

Карточка, лежавшая в конверте, была длиной в четырнадцать и шириной в десять сантиметров. На одной стороне ее типографским способом был напечатан адрес, на другой пунктиром отмечен квадрат, куда следовало приклеить марку. Выше шел печатный текст:

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ПОЛИТИКУ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ? ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ПРИНЯТЬ АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ВРАГОВ ГОСУДАРСТВА?

ПРИКЛЕЙТЕ МАРКУ НА УКАЗАННОМ МЕСТЕ. НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ.

ВНИМАНИЕ! ОПЛАЧИВАТЬ ОТКРЫТКУ НЕ НУЖНО.

Под пунктирным квадратом шла линия, где следовало написать свое имя. Йенсен перевернул открытку и взглянул на адрес:

Центральное статистическое бюро Министерства внутренних дел. Почтовый ящик 1000.

– Еще одно исследование общественного мнения, – сказал врач и пожал плечами. – По-видимому, все получили такие открытки. Все, кроме меня.

Йенсен промолчал.

– А может, это очередная проверка лояльности. Перед выборами.

– Выборами? – пробормотал Йенсен.

– Ну да, ведь через месяц выборы. Но в таком случае это никому не нужно. Напрасная трата государственных средств.

Йенсен снова выдвинул ящик стола, достал зеленую резиновую губку из коробочки с надписью «Собственность полицейского департамента» и дотронулся до нее кончиками пальцев. Губка была совершенно сухая. Комиссар встал и вышел из комнаты. Войдя в туалет, он смочил губку водой из-под крана.

Вернувшись в кабинет, Йенсен сел за стол, провел обратной стороной марки по влажной губке и аккуратно приклеил марку к пунктирному квадрату. Затем положил открытку в ящик с почтой, предназначенной для отправки, спрятал губку в стол и задвинул ящик. Врач, смотревший на комиссара с едва заметной улыбкой, насмешливо произнес:

– Оборудование полицейского департамента достойно музея.

Он взглянул на настенные часы, затем перевел взгляд на аккуратный саквояж у двери.

– Ну что ж, через два часа вы уже будете в самолете.

– Наверно, я умру, – сказал комиссар Йенсен.

Его собеседник внимательно посмотрел на него, чуть помедлил.

– Возможно, – наконец вымолвил он.

2

– Разумеется, у вас есть шанс, – продолжал врач. – Иначе ни я, ни кто-либо другой не взяли бы на себя ответственность рекомендовать вам эту поездку. Их врачи умеют делать такие вещи.

Йенсен кивнул.

– Конечно, было бы лучше, если бы вы обратили внимание на свою болезнь еще несколько лет назад. Вам очень больно?

– Да.

– Сейчас тоже?

– Да.

– С другой стороны, несколько лет назад вряд ли можно было бы вылечить эту болезнь. В ту пору к оперативному методу лечения прибегали лишь в порядке эксперимента. У нас в стране его еще только начинают разрабатывать. А ваше положение критическое.

Йенсен снова кивнул.

– Но, как я уже сказал, надежда есть.

– И большая?

– Трудно сказать. Быть может, процентов десять, а может, только пять. Скорее всего, еще меньше.

Йенсен наклонил голову.

– Понимаете, в течение нескольких секунд вся кровь,

находящаяся в нашем организме, прогоняется через печень. А в печени, как известно, протекает ряд важнейших процессов. Возможна ли ее пересадка? Я не знаю.

– Через несколько дней узнаете.

– Вы правы.

Врач задумчиво посмотрел на Йенсена.

– Дать болеутоляющее?

– Не надо.

– Не забудьте – вам предстоит длительное путешествие.

– Я знаю.

– Вы взяли обратный билет?

– Нет.

– Говорят, это вдохновляет. – Врач невесело улыбнулся.

Наступило молчание. Наконец Йенсен, не глядя на собеседника, буркнул:

– Ну, выкладывайте, в чем дело?

– Я давно хотел вас кое о чем спросить.

– Ну?

– Правда ли, что вы ни разу не потерпели неудачи в следствии?

– Да, – сказал комиссар Йенсен.

Зазвонил телефон.

– Комиссар шестнадцатого полицейского участка слушает.

– Это вы, Йенсен?

Последний раз Йенсен слышал голос начальника полиции года четыре назад. Встретаться с ним ему приходилось еще реже. Неужели он позвонил, чтобы попрощаться?

– Да.

– Отлично. В течение ближайших минут вы получите письменный приказ. Он должен быть исполнен с максимальной быстротой.

– Понятно.

– Я знал, что могу на вас положиться, Йенсен.

Йенсен посмотрел на электрические часы на стене.

– Через восемнадцать минут начинается мой отпуск по болезни, – сказал он в трубку.

– Что? Разве вы больны?

– Да.

– Очень жаль, Йенсен. Надеюсь, вы проинструктируете своего заместителя.

– Да.

– Это дело исключительной важности. Приказ поступил из... В общем, из высочайших кругов.

– Понятно.

Шеф полиции замолчал. Казалось, он не знал, как ему быть. Наконец он выдавил из себя:

– Ну, желаю удачи, Йенсен.

– Благодарю вас.

Комиссар Йенсен положил трубку. Голос шефа показался ему испуганным. А может быть, он всегда был таким?

– ...менее чем за пять секунд, – снова сказал врач. – Вся кровь, содержащаяся в организме человека...

Йенсен машинально кивнул. Спустя минуту от спросил:

– Куда вы думаете перебраться после того, как участок переведут в другое место?

– Наверно, в Центральное налоговое управление. А вы?

И осекся. Помолчав, он спросил:

– Вы видели здание Управления?

Йенсен покачал головой.

– Потрясающее сооружение! Напоминает гигантскую тюрьму. Самое большое здание, какое мне когда-либо приходилось видеть. Так вы куда?

Йенсен промолчал.

– Извините, – сказал врач.

– Ничего.

В дверь постучали. В кабинет вошел полицейский в зеленой форме. Вытянувшись в струнку, он протянул комиссару красный конверт. Йенсен расписался на квитанции, и полицейский вышел из комнаты.

– Красный, – сказал врач, – теперь все засекречено.

Он наклонил голову, стараясь разглядеть, что написано на конверте.

– «Стальной прыжок». Что это такое?

– Не знаю, – ответил Йенсен. – «Стальной прыжок». Не помню такого названия.

Он сломал печать и извлек приказ из конверта. Приказ состоял из одного листа бумаги с машинописным текстом.

– Так что же это такое?

– Список людей, которые подлежат аресту.

– В самом деле? – В голосе врача послышались нотки сомнения. – В этой стране не бывает преступлений.

Йенсен медленно вчитывался в текст.

– В этой стране не совершаются преступления и не рождаются дети. Все довольны своим существованием.

Нет счастливых людей, но нет и несчастных. Кроме тех, кто кончает жизнь самоубийством.

Врач замолчал. На его губах появилась грустная, едва заметная улыбка.

– Вы правы, – сказал он. – Мне действительно следовало бы попридержать язык.

– Вы слишком импульсивны.

– Пожалуй. Ну, так что, любопытный список?

– С известной точки зрения, да, – сказал комиссар Йенсен. – Во всяком случае, могу вас утешить: вы в него включены.

– Отлично, – сказал врач. – По мнению некоторых специалистов, перед сложной операцией главное для пациента – хорошее настроение. Важно, чтобы он шутил и смеялся – это свидетельствует о его воле к жизни. А теперь мне надо идти. Да и вам тоже, если вы не хотите опоздать на самолет. Желаю счастья.

– Спасибо, – сказал комиссар Йенсен.

Не успела за спиной врача закрыться дверь, как Йенсен снял телефонную трубку и набрал трехзначный номер.

– Говорит Йенсен. Сейчас в дежурку спустится врач. Арестуйте его и поместите в камеру предварительного заключения.

– Полицейского врача?

– Да. И немедленно.

Он нажал на рычажок аппарата и вновь набрал трехзначный номер.

– Говорит Йенсен. Попросите начальника гражданских патрулей подняться ко мне. И вызовите такси.

Когда начальник гражданских патрулей вошел в каби-

нет комиссара, электрические часы на стене показывали без одной минуты десять.

– С десяти часов начинается мой отпуск по болезни, – сказал Йенсен. – Как вам известно, вы будете временно исполнять мои обязанности.

– Благодарю вас, комиссар.

– У вас нет никаких оснований благодарить меня. Вы знаете, что я всегда был о вас чрезвычайно низкого мнения, и вы назначены моим заместителем отнюдь не по моей рекомендации.

Начальник гражданских патрулей открыл было рот, собираясь что-то возразить, но передумал.

– Вот фамилии сорока трех человек, проживающих или работающих в районе шестнадцатого участка, их следует немедленно арестовать, обыскать и поместить в камеры предварительного заключения. К вечеру за ними приедут из Центральной прокуратуры.

– Но, комиссар...

– Слушаю вас.

– В чем виноваты эти люди?

– Мне это неизвестно.

Йенсен взглянул на часы.

– Итак, теперь вы комиссар шестнадцатого участка. Машина во дворе. Ключи на столе.

Он встал, взял плащ и шляпу. Его заместитель поднял глаза от списка и сказал:

– Но здесь все до единого...

Он замолчал.

– Совершенно верно, – сказал Йенсен. – Все до единого врачи. До свиданья.

Он взял саквояж и вышел.

Аэродром находился к югу от города. Чтобы добраться до него от шестнадцатого полицейского участка, требовалось в лучшем случае не менее полутора часов. Раньше на это уходило еще больше времени, но за последние несколько лет центр города превратился в единый огромный транспортный узел, состоявший из сложнейшего сплетения мостов, автострад и развилочек. Почти все старые здания были снесены – они уступили место автомобилям, и теперь центральная часть города представляла собой гигантское сооружение из стали, стекла и бетона. То там, то здесь, стиснутые бесчисленными автострадами, виднелись сверкающие сталью и хромом гаражи, административные здания, универмаги, кинотеатры, заправочные станции и рестораны. Много лет назад, когда разрабатывался план реконструкции, кое-кто возражал против него на том основании, что строительство сделает жизнь людей в городе невозможной. Архитекторы же утверждали, что современный город предназначен не для пешеходов или конных повозок, а для автомобилей. Как и во многих других вопросах, оказалось, что обе стороны правы, и это полностью соответствовало духу всеобщего согласия и взаимопонимания.

Такси быстро пересекло центральные улицы, нырнуло в подземный туннель около Министерства внутренних дел и вновь появилось на поверхности восемью километрами южнее, в промышленном районе, вихрем промчалось по мосту и въехало на окраины.

В то осеннее утро было свежо и прохладно, в небе ни

облачка. На бетонной ленте шоссе кое-где виднелся иней, а серый отравленный воздух огромного города гигантским колоколом навис над людьми, автомашинами, дорогами и зданиями. По подсчетам специалистов из Министерства здравоохранения, купол достигал шестидесяти метров в толщину. Еще несколько лет назад высота этого воздушного колокола не превышала пятнадцати метров, а диаметр составлял километров двенадцать. По последним данным, диаметр увеличился вдвое. Результаты проводимых исследований держались в секрете – власти опасались, что они могут вызвать беспокойство среди определенных слоев населения. Однако старшие офицеры полицейского корпуса о них знали. Йенсен также ознакомился с докладом и вернул его без всяких комментариев.

По шоссе непрерывным потоком стремительно мчались машины. На обочине дороги через небольшие интервалы стояли красочные афиши, напоминающие о предстоящих выборах. На каждой второй афише был изображен человек с редкими волосами, выступающим вперед подбородком и пронзительными синими глазами и нарисована огромная светло-красная буква «С». Это был портрет будущего премьер-министра, человека, который, как утверждали, лучше других олицетворял собой единство трех основных понятий: благополучия, уверенности в завтрашнем дне и всеобщего взаимопонимания. Он был связан родственными узами с королевской фамилией и некоторое время возглавлял профсоюзы страны; сейчас занимал пост министра внутренних дел. До возникновения коалиции крупнейших партий принадлежал к социал-демократам.

Едва такси въехало на длинную ленту огромного моста, как дорогу машине преградил полицейский, высоко поднявший свой жезл. Впереди одетые в зеленую форму полицейские пытались ликвидировать образовавшуюся пробку. Шофер опустил стекло со своей стороны, вынул из нагрудного кармана платок и высморкался. На белой ткани появились темные пятна, он равнодушно посмотрел на них, откашлялся и сплюнул на мостовую.

– Опять демонстрация, – сказал он. – Сейчас поедем.

Вскоре полицейский дал знак, шофер включил сцепление, и машина медленно тронулась.

– Идиоты, – пробормотал шофер. – Заняли целую полосу.

Они увидели демонстрацию, когда достигли середины моста. Людей было не так много. С профессиональной точностью Йенсен прикинул: тысячи три, не больше, примерно равное количество мужчин и женщин и на редкость много детей – удивительно для страны, в которой непрерывно падает рождаемость. Многих ребятишек родители везли в колясках или держали на плечах. Демонстранты несли плакаты и лозунги. Йенсен, проезжая мимо, читал надписи. Некоторые были ему понятны: люди жаловались на отравление воздуха и одноразовые пакеты, а также критиковали правительство. «Всеобщее согласие до всеобщей смерти» – этот лозунг попадался несколько раз. Но большинство транспарантов ставило Йенсена в тупик. В них говорилось о солидарности с другими расами и народами, об угнетенных странах, о которых Йенсен никогда раньше не слышал. Попадались в них и какие-то непонятные комбинации букв – очевидно, сокращения. Кое-кто нес порт-

реты незнакомых людей с диковинными именами – по всей видимости, то были главы или политические деятели иностранных государств. Очевидно, демонстранты восхваляли одних и обвиняли в чем-то других. Кое-где попадались плакаты с призывами, в которых речь шла о классовой борьбе, пролетариате, капитализме, империализме, солидарности рабочих масс и всемирной революции. Возглавляли и замыкали колонну демонстранты с красными знаменами в руках.

Люди, сидящие в автомобилях и стоящие на тротуарах, словно бы и не обращали внимания на шествие, лишь изредка невидящим взглядом скользили по флагам и плакатам. Безучастные ко всему зрители производили впечатление бездомных, голодных, нервных, ожесточенных, но их чувства не имели никакого отношения к демонстрации. Йенсен знал это из личного опыта.

Демонстранты шли по восемь человек в ряд. Полиция очищала им дорогу и следила за тем, чтобы по свободным полосам шоссе транспорт следовал непрерывно. Никаких волнений, вся манифестация выглядела совершенно безобидной.

Когда колонна демонстрантов прошла, шофер прибавил скорость и, не поворачивая головы, спросил:

– Кто такие? Социалисты?

– Не знаю.

Шофер взглянул на часы.

– Только уличному движению мешают. Из-за них мы проторчали на мосту по крайней мере три-четыре минуты. Куда смотрит полиция?

Йенсен промолчал. Он и сам не знал, что на это ответить.

За последние четыре года демонстрации такого рода возникали не однажды и с каждым разом становились все многочисленнее. Почти все они следовали одному образцу: шествие начиналось где-нибудь в пригороде и двигалось в центр города, к одному из посольств или же к зданию коалиционного правительства. Там демонстранты останавливались, произносили речи, выкрикивали лозунги и через каких-нибудь полчаса мирно расходились по домам. Закона, запрещающего демонстрации, не было – считалось, что все должно зависеть от позиции, которую займет полиция, как в принципе, так и в каждом конкретном случае. На деле же все обстояло совершенно по-иному. Министерство внутренних дел отдало приказ разгонять демонстрации, а плакаты и лозунги, призывающие к свержению правительства, конфисковать. Власти опасались выступлений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на население. Но вмешательство полиции привело к обратному результату – попытки полицейских разогнать манифестации вызывали столкновения и заторы на магистралях. Тогда власти предложили полиции воспользоваться другими методами, однако какими – разъяснения не последовало. И полиция стала действовать по своему разумению. Участников демонстрации, например, заставляли проходить тесты на опьянение. Дело в том, что несколько лет назад обеспокоенное растущим потреблением алкогольных напитков правительство приняло закон, запрещающий распитие спиртного не только в публичных местах, но и дома. Появление человека в нетрезвом виде рассматривалось как нарушение общественного порядка, и у полиции прибавилось хлопот. Но эта мера не привела к желаемому резуль-

тату, а в отношении демонстрантов и вовсе оказалась бесполезной, ибо у них, как правило, не обнаруживали ни малейших признаков алкоголя. По мнению Йенсена, это единственное, что отличало демонстрантов от остальной массы населения.

Два года назад правительство повысило цены на спиртные напитки и обязало употреблять химические препараты. Кроме того, было решено, что марши протеста не причиняют властям никакого вреда. Полиции вменили в обязанность следить за порядком и регулировать поток транспорта на пути колонн, а также усилить охрану некоторых иностранных представительств. Демонстрации стали проходить спокойно, к ним присоединялось все больше народу, хотя пресса, радио и телевидение окружили манифестации стеной молчания.

Несмотря на принятые меры, правительство испытывало известное беспокойство. Во время последних выборов по непонятным причинам заметно упало количество избирателей. В то же время никогда раньше политические партии не проводили столь широкой предвыборной кампании, как сейчас. Кампания началась еще летом и теперь быстро набирала силу.

Йенсен не задумывался над тем, какие цели преследовали демонстранты, но знал, где и когда они начали свою деятельность.

Боль в правом боку стала невыносимой. Йенсен, сжавшись в комок, стиснул зубы и забыл обо всем. Только бы не заскулить подобно побитой собачонке. В глазах у него потемнело. Шофер подозрительно покосился на пассажира, но промолчал.

Йенсену показалось, что минула целая вечность, прежде чем боль исчезла, уступив место привычному ноющему чувству. На самом же деле приступ длился не более двух минут. Йенсен выпрямился, хватая ртом воздух и стараясь подавить кашель.

Когда он вновь взглянул в окно, пригород, в котором он жил, остался позади. Такси стремительно летело по ровной глади шоссе.

– Через полчаса будем на аэродроме, – сказал шофер.

Район, где жил комиссар Йенсен, состоял из нескольких десятков восьмиэтажных домов, выстроившихся четырьмя параллельными колоннами. Между домами были разбиты зеленые лужайки; там же размещались площадки для стоянки автомашин и павильоны из прозрачного пластика, предназначенные для немногочисленной детворы. Это был весьма благоустроенный район.

Южнее тянулись шпили серых обветшалых высотных домов. Несколько лет назад правительство преодолело жилищный кризис, построив множество жилых домов типа того, в котором жил Йенсен. Это были так называемые «упрощенные» районы с абсолютно стандартными квартирами в стандартных домах. И вслед за этим опустели высотные дома, построенные, как это ни парадоксально, вдали от центра. Сначала от них отказались бизнесмены и торговцы недвижимым имуществом, затем муниципалитет и сами жильцы. Немалую роль сыграло падение рождаемости и, как следствие этого, сокращение населения. Из-за отсутствия ухода вышли из строя коммуникации, а после того, как было выключено электричество и прекращена

подача воды, высотные дома начали быстро превращаться в трущобы. Большинство из них в свое время появилось на свет благодаря предприимчивости некоторых дельцов, воспользовавшихся жилищным кризисом. Сооруженные наспех, как попало, они ветшали и разрушались, всем своим видом напоминая надгробные памятники в окружении разросшихся сорняков. Как утверждали эксперты из Министерства общественных работ, после того как все жители покинут районы высотных домов, дома полностью придут в упадок. Они называли эти места «районами естественного санирования», среди населения же за ними укрепилась слава гигантских свалок. Прогнозы экспертов подтверждались во всем, кроме одного; в домах, еще пригодных для жилья, по-прежнему было заселено около пяти процентов квартир. В них жили люди, о которых государство всеобщего благосостояния по тем или иным причинам не сумело позаботиться. Время шло, дома окончательно разрушались, увеличивалось число несчастных случаев, но в соответствии с законом ни владельцы домов, ни городские власти за это не отвечали. Население давно предупреждали об опасности.

Йенсен взглянул направо – машина проезжала мимо одного из участков «естественного санирования». Примерно треть домов сохранилась. На фоне светло-голубого осеннего неба они возвышались подобно исполинским столбам, покрытым копотью и сажей. Вдали он заметил группу детей, игравших среди разбитых автомобилей и груд бутылок и пластмассовых упаковочных ящиков.

Взгляд Йенсена был спокойным и безучастным.

Минут через пятнадцать такси остановилось перед зданием аэропорта. Йенсен расплатился и вылез из машины.

Бок по-прежнему болел.

4

В комнате было два окна, задернутых легкими светло-голубыми занавесками. Стены выкрашены в темно-синий цвет, потолок белый. Кровать из светлого дерева хорошо вписывалась в общий стиль комнаты.

Йенсен неподвижно лежал на спине, вытянув руки по бокам. Справа от него виднелась кнопка звонка. Стоит на нее нажать, и через несколько секунд в комнату войдет медсестра. Йенсен не касался кнопки. Он думал об одном – какое сегодня число. Первое ноября или второе? А может, третье? Он знал, что находится в этой палате около двух месяцев, но никак не мог вспомнить точную дату прихода сюда, и это его раздражало.

Он знал также, что выжил. Это его не удивляло, однако он испытывал легкое недоумение из-за того, что не был этим удивлен.

Вдали у окна стояло плетеное кресло. Последние две недели ему дважды в день разрешалось в нем посидеть – полчаса утром и полчаса после обеда. Сейчас была вторая половина дня, и Йенсена потянуло к окну. Давно уже он не испытывал ничего подобного.

Дверь открылась, и в комнату вошел стройный мужчина в светло-сером костюме. Его смуглое лицо с тонкими

черными усиками обрамляли длинные кудрявые волосы, Кивнув Йенсену, вошедший остановился у его ног, полистал толстый журнал, висевший на спинке кровати, затем достал желтоватую сигарету с длинным бумажным мундштуком и сунул ее в рот. Рассеянно пожевал сигарету, достал коробок со спичками и закурил. Задув крошечный огонек, мужчина бросил спичку на пол, быстрыми шагами подошел к изголовью кровати, наклонился над Йенсеном и посмотрел ему в глаза.

Йенсену казалось, что он видел это лицо несчетное число раз. Выражение смотрящих на него карих глаз менялось – оно бывало озабоченным, спокойным, любопытным, ищущим или печальным. Запах же был неизменным – от мужчины пахло табаком и бриллиантином. Йенсен смутно припоминал, что однажды видел этого человека с марлевой повязкой на лице, в оранжевой резиновой шапочке, закрывавшей кудрявые черные волосы. Тогда все вокруг Йенсена было залито резким бело-голубым светом, и мужчина был одет во что-то, напоминающее белый фартук мясника. Более того – и это Йенсен отчетливо помнил – еще раньше он долго тряс ему руку и говорил что-то на непонятном гортанном языке – очевидно, это должно было означать: «Добрый день» или «Добро пожаловать». А может, он просто назвал свое имя.

Сегодня мужчина выглядел веселым. Он ободряюще кивнул Йенсену, небрежно стряхнул на пол пепел, затем повернулся и вышел.

Через несколько минут в комнату вошла медсестра, чем-то похожая на врача – такая же загорелая и темно-волосая, но с серыми глазами. На ней был белый халат с ко-

роткими рукавами, застегивающийся на спине, на ногах, сильных и мускулистых, синие матерчатые туфли. Двигалась она быстро и плавно, прикосновения ее красивых рук было нежным и приятным. Но Йенсен знал, что руки эти могут быть поразительно сильными. С лица ее не сходила улыбка, даже когда ей приходилось заниматься самой грязной работой, однако Йенсену доводилось видеть ее задумчивой и серьезной.

Йенсен не видел, чтобы она когда-нибудь курила или пользовалась косметикой. Лишь изредка от нее пахло мылом. Вот и сегодня, когда она наклонялась, от ее тела исходил едва ощутимый аромат, пробудивший в Йенсене далекие воспоминания.

Медсестра убрала одеяло и простыни, сняла с больного длинную ночную рубашку и протерла тело влажной губкой. Когда она наклонилась, чтобы протереть ноги, Йенсен заметил, как тугая ткань халата четко обрисовала линию ее спины и бедер. «Интересно, что у нее под халатом?» – подумал он. И ему пришла в голову мысль, что вот уж много лет он не задумывался над такими вещами.

У медсестры были полные губы и черный пушок на ногах. Когда она улыбалась, были видны ее неровные, но очень белые зубы. Эти двое, врач и сестра, с самого начала были единственными, кто связывал Йенсена с окружающим миром. Он не понимал ни слова из того, что они говорили, и поэтому в последнее время они предпочитали не разговаривать. Как-то врач принес с собой газету, но в ней не было фотографий, а слова состояли из букв, которых Йенсену никогда не приходилось видеть.

Сидя в плетеном кресле у окна, Йенсен обзирал

большую лужайку с дорожками, выложенными гравием, и невысокие деревья с розовыми и белыми цветами. По дорожкам гуляли или сидели у маленьких каменных столиков и играли в какую-то игру (очевидно, шахматы) мужчины и женщины в таких же, как у него, белых халатах. Парк был небольшой, за ним тянулась улица, по которой с дребезжанием проносились желтые троллейбусы. Однажды Йенсен увидел на улице верблюда.

На другой стороне улицы находилась фабрика. По утрам тысячи людей, в основном женщины самого различного возраста, непрерывным потоком шли через ворота. Многие приходили с детьми. Их оставляли в одноэтажном желтом кирпичном здании справа от фабрики. Дети поначалу капризничали и плакали без матерей, но уже через несколько минут, забыв про слезы, начинали носиться по площадке. Женщины, ухаживающие за детьми, были одеты в белые хлопчатобумажные халаты с застежкой впереди. Они были похожи на беременных. Йенсен даже решил, что это работницы фабрики, которых по беременности просто переводили на работу в детский сад.

Йенсен больше не испытывал болей, однако ходить ему было трудно, и он быстро уставал. Почти все время он спал. Как-то в палату пришел врач с газетой в руках. Ткнув пальцем в газетный лист, он заговорил быстро и взволнованно, но, заметив, что Йенсен его не понимает, пожал плечами и вышел.

Йенсен смотрел в парк. Вместо халата на нем был его собственный костюм. Швы уже сняли, и он мог передвигаться почти свободно.

В дверь постучали, и Йенсен обернулся. Вряд ли это был кто-то из обслуживающего персонала – врач, медсестра, санитарка или водопроводчик, постоянно чинящий что-то в туалете, входили без спроса.

Стук повторился. Йенсен подошел к двери и распахнул ее. В коридоре стоял низенький седой человек в темно-синем костюме и черной фетровой шляпе. На носу у него были очки, в правой руке – черный портфель. Он тут же снял шляпу.

– Комиссар Йенсен?

– Да.

Это было первое слово, которое он произнес с тех пор, как три месяца назад вошел в самолет. Собственный голос показался ему чужим.

– У меня для вас письмо. Разрешите войти?

Незнакомец говорил правильно, но с легким акцентом. Йенсен сделал шаг в сторону.

– Пожалуйста.

Говорить было трудно, почти противно.

Незнакомец положил на стол шляпу и расстегнул портфель. Достал из него розовую ленту телекса и протянул ее Йенсену. Текст был краток:

НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ДОМОЙ.

Йенсен недоуменно посмотрел на незнакомца.

– Кто послал эту телеграмму?

– Не знаю.

– Почему она никем не подписана?

— Не знаю.

На мгновение незнакомец заколебался.

— Телеграмма прибыла по дипломатическим каналам, — наконец произнес он.

— Кто вы?

— Сотрудник одного из отделов Министерства иностранных дел. Я никогда не бывал в вашей стране, а языком овладел в университете.

Йенсен промолчал в надежде, что незнакомец продолжит разговор.

— Мы ничего не знали о состоянии вашего здоровья. Мы даже не знали, живы ли вы. Меня послали вручить телеграмму.

Йенсен и на этот раз промолчал.

— По словам доктора, вы уже выздоровели, и послезавтра он может вас выписать. Осталось лишь несколько анализов.

Незнакомец снова заколебался. Затем прибавил:

— Поздравляю.

— Благодарю вас.

— Доктор говорит, что сначала он и не надеялся на ваше выздоровление.

Незнакомец достал из портфеля конверт.

— Я взял на себя смелость забронировать вам место в самолете, вылетающем послезавтра в девять утра. Вот ваш билет.

Йенсен взял конверт и положил его во внутренний карман.

— В сообщении больше ничего не было?

И вновь незнакомец помедлил, прежде чем ответил.

– Всего лишь обычные инструкции, в частности – как и где вас разыскать.

– Вам известно, кто послал телеграмму?

Снова колебание.

– Да.

– Кто именно?

– Я не уполномочен говорить об этом.

– Почему?

– Тот, кто прислал сообщение, попросил нас об этом.

Так что не думайте, что это из-за нашего нежелания.

– Вот как?

– Да. Кроме того, меня попросили передать ваш ответ на телеграмму. Согласны ли вы лететь послезавтра?

– Да, – ответил Йенсен.

– Превосходно, – сказал незнакомец и, взяв шляпу, направился к двери.

– Одну минутку, – сказал Йенсен. – Вы были в нашем посольстве?

Незнакомец, приоткрывший было дверь, замер на месте. Наконец он ответил:

– Ваше посольство покинуто.

– Покинуто?

– Да. Там нет ни единого человека.

– Но почему?

– Этого я не знаю. Будьте здоровы.

6

Медсестра отвезла Йенсена в аэропорт. На сей раз вместо халата на ней было открытое красное хлопчатобумаж-

ное платье, а на ногах сандалии с ремешками вокруг лодыжек. Дорога была неровной, автомобиль – старый и изношенный, но вела машину она искусно.

Йенсен, сидевший сзади, видел, как от напряжения шея и спина у нее покрылись капельками пота.

Они проехали деревню. По улице, вытянувшейся между низкими глинобитными домами, бегали ребятишки и разгуливал домашний скот. Девушка почти не снимала палец с гудка, стараясь разогнать свиней, коз и кур, мирно бредущих по дороге. Дети были в восторге и, глядя на нее, громко смеялись. В ответ она показала им язык, и они засмеялись еще громче.

Перед зданием аэропорта девушка приподнялась на цыпочки и чмокнула Йенсена в щеку.

...В шуме двигателей появилась новая нота, и самолет начал снижаться. Йенсен посмотрел на часы. Они шли на посадку на два часа раньше, чем следовало. Зажглись предупредительные надписи, самолет пробил облака, пронесся над полями, закутанными пеленой тумана, и приземлился на залитой дождем посадочной полосе. Когда рев реактивных двигателей стих, Йенсен посмотрел в окно.

Он был еще не дома. Однако он сразу узнал контуры аэропорта и понял, где они приземлились. Это было одно из соседних государств. Он понимал местный язык и даже мог сносно разговаривать. По расписанию самолет не должен был делать посадки. Поэтому Йенсен остался сидеть в кресле.

Через несколько минут в салоне появился одетый в штатское человек и объявил:

– Самолет дальше не полетит. Всех пассажиров просят выйти.

Он повторил объявление на нескольких языках. Кроме Йенсена, в самолете находилось всего лишь два пассажира.

Шел дождь, и было на удивление холодно. Зал прибытия был заполнен людьми, которые пили пиво и громко разговаривали, то и дело перебивая друг друга. Воздух казался сизым из-за табачного дыма.

Девушка в справочном бюро виновато сказала:

— Туда самолеты не летают. Все рейсы отменены.

— Отменены?

— Да. Сообщение прервано.

— Откуда я могу позвонить?

— Вот отсюда. Только это бесполезно. Телефонная связь тоже прервана.

— Почему?

— Не знаю. Никто точно не знает.

В то же мгновение он услышал, как по радио несколько раз назвали его имя. Девушка взглянула на билет, лежащий перед ней на столе.

— Ваша фамилия Йенсен?

— Да.

— Идемте.

Она провела Йенсена к лифту, и они поднялись на следующий этаж.

— Теперь идите в приемную номер четыре, — сказала она. Там вас ждут.

Йенсен прошел по устланному коврами коридору, читая таблички на дверях. Он остановился перед дверью под номером четыре и постучал.

— Войдите, — послышалось в ответ.

В комнате было трое мужчин. Двое в напряженной позе, будто выжидая чего-то, сидели в глубоких креслах. Йенсен не знал никого из них в лицо. Еще один мужчина стоял у окна спиной к двери. Когда он повернулся, Йенсен сразу узнал его: это был человек с предвыборных афиш, человек, который лучше других воплощал в себе единство трех понятий – благополучия, уверенности в завтрашнем дне и всеобщего взаимопонимания. Раньше он был министром внутренних дел, а после выборов ему предстояло занять пост премьер-министра.

– Так это вы и есть Йенсен? – спросил он высоким резким голосом.

– Да.

– Садитесь, ради бога. Садитесь.

Комиссар Йенсен сел.

7

– Я много слышал о вас, Йенсен, – сказал министр. – Несколько лет назад вы доставили мне немало хлопот.

Было заметно, что он изо всех сил старается говорить нормальным голосом – чтобы казаться спокойным.

– Хотите пива? – неожиданно спросил он.

– Нет, благодарю вас.

– В этой стране умеют делать чертовски хорошее пиво.

Он сел напротив Йенсена. Когда он наливал пиво, его руки так дрожали, что он едва не выронил стакан.

– Вы, конечно, узнали этих господ?

Йенсен никогда раньше их не видел и не знал, кто они такие – даже после того, как министр представил их ему. Оба входили в правительство...

– Кто-то однажды справедливо заметил, что расстояние между народом и властями слишком велико, – пробормотал министр.

Йенсен понял, что он имел в виду. Рыжеволосый полицейский врач участка как-то сказал:

– Можно ли представить себе что-нибудь более абстрактное, чем господь бог и министры?

В этих словах заключался глубокий смысл. Политика страны, направленная на достижение единообразия и устранение каких бы то ни было различий, не допускала усиления влияния той или иной личности – кроме тех, чья сила и власть зиждились на капитале и кто занимал ведущее положение в обществе независимо от желания народа. Однако в результате последних выборных кампаний на авансцену стали выдвигать определенного человека – это делалось для того, чтобы не допустить чрезмерно большого разрыва между подавляющим большинством народа и узкой группой технократов, в руках которых формально была сосредоточена власть в стране.

– Господин премьер-министр... – начал Йенсен, но тот оборвал его:

– Я не являюсь главой правительства. Выборы были... отложены.

– Отложены?

Министр поспешно встал, сделал было порывистый жест, но, взглянув на свои дрожащие руки, засунул их в карманы пиджака.

– При создавшихся обстоятельствах мы приняли решение отложить проведение демократических выборов в стране, – официальным тоном произнес он.

Один из членов правительства, до сих пор молчавший, кашлянул и спросил:

– Комиссар Йенсен?

– Да?

– Вы давали присягу в верности правительству?

– Да.

– Сколько раз я говорил, что это совершенно не относится к делу, – раздраженно проговорил министр.

В комнате стало тихо – слышался только рев реактивных двигателей за окном. Йенсен поочередно посмотрел на присутствующих и тихо спросил:

– Что случилось?

– Самое непонятное заключается в том, что мы и сами не знаем. Нам не известно, что произошло, более того, нам не известно, как это произошло. Между теми событиями, о которых мы знаем, не существует никакой логической связи.

– Какие же подробности вам известны?

– Йенсен, нам придется начать с самого начала.

– Хорошо. Почему вы находитесь здесь?

– Не знаю.

– Не знаете? Как вы сюда попали?

– Так же, как и вы. Самолетом. Мы возвращались из-за границы... из поездки с государственным визитом. Продолжить путь нам не удалось. Все пути сообщения были прерваны.

– Почему?

– Мы не знаем. Никто этого не знает.

– Как долго вы находитесь здесь?

– Три дня.

– Вы пытались вернуться домой?

Министр не ответил.

– Это вы вызвали меня сюда?

– Да.

– Зачем?

– Йенсен, давайте разберемся во всем по порядку. Во-первых, согласны ли вы выполнить наше задание?

– Какое именно?

– Выяснить, что там произошло. Поскольку нам не известно, где мы находимся, я не могу вам приказывать.

– Я знаю, где мы находимся.

– Вы меня не так поняли. Я имею в виду юридическую сторону вопроса. Вы же знаете, что по чисто экономическим соображениям наше правительство не признает режима, существующего в этой стране. Для нас она – всего лишь географическое понятие. Мы не пользуемся никакими экстерриториальными правами.

– В таком случае почему же вы здесь?

Министр неожиданно всплеснул руками и, потеряв над собой власть, крикнул:

– А куда же нам деваться, черт побери? Я обращаюсь к вам с просьбой оказать услугу стране, а вы...

Он осекся. Третий член правительства, который до сих пор не произнес ни единого слова, покачал головой и сказал:

– Полиция. Я же вам говорил.

Он был совсем молод. Его лицо и вся поза выражали презрение и высокомерие. Йенсен вдруг вспомнил, что раньше слышал его имя. Этот человек принадлежал к числу наиболее многообещающих политических деятелей. Он

занимал различные посты в правительстве и, по всеобщему мнению, со временем должен был стать премьер-министром. Сейчас он возглавлял Министерство просвещения. До этого он был министром связи, и ему вменялась в обязанность деликатная задача – руководить цензурой на радио и телевидении.

Йенсен равнодушно посмотрел на него и негромко произнес:

– Мне хотелось бы напомнить, что я сейчас не на службе, что мы находимся на территории иностранного государства и что я до сих пор не получил никаких конкретных разъяснений если не считать той информации, которую мне удалось получить в зале ожидания.

– Йенсен, Йенсен, – умоляющим тоном начал министр. – Мы знаем вас как исключительно способного офицера полиции.

– Вот как?

– Да, да. И хотя расследование того неприятного дела, которое вы провели четыре с половиной года назад, осложнило ситуацию, с технической точки зрения вы провели его безукоризненно...

– Настолько безукоризненно, что в результате погибло тридцать два человека?

– Нужно ли снова копаться в старых неприятностях?

Министр просвещения холодно процедил:

– Господин Йенсен, надеюсь, вам ясно, что в тот момент, когда положение стабилизируется, мы можем разжаловать вас и отправить патрулировать улицы? Мы можем вообще уволить вас из полиции. Вы и раньше причиняли нам немало хлопот.

– Совершенно верно, – подтвердил министр. – Подумайте о своей семье.

– Я одинок, – заметил Йенсен.

– Ну хорошо, чего вы хотите? Денег?

– Правды.

– Но я уже сказал, что нам ничего не известно. Мы не знаем, что произошло в стране.

– Почему отложены выборы? – спросил Йенсен.

Министр нервно пожал плечами.

– Ведь я уже сказал...

Министр просвещения быстро встал и презрительно взглянул на своего коллегу.

– Выборы отложены потому, что в ходе заключительной части предварительной кампании возникли серьезные осложнения, сказал он.

– Что вы имеете в виду?

– Уличные беспорядки. Мятежи. В них замешаны полиция и армия.

– Восстание? – с сомнением произнес Йенсен.

– Ни в коем случае. Скорее можно сказать, что население справедливо выступило против внутренних врагов страны. К сожалению, при этом были использованы насильственные меры, перешедшие все границы.

– Что случилось после того, как выборы были отложены?

– Этого мы точно не знаем. К тому моменту большинство членов правительства покинуло страну.

– Вместе с семьями?

– Да. Они находятся в безопасности.

– А регент?

– Он тоже вне опасности.
– Почему закрыты границы?
– Насколько нам известно, границы открыты.
– Но все сообщение прервано?
– Да. Под предлогом, что в стране вспыхнула эпидемия. Как здесь, так и в других странах эта версия общепринята.

– Существуют ли какие-нибудь факты, подтверждающие ее?

– Да. Незадолго до того, как было прервано сообщение, власти запросили медицинскую помощь из-за рубежа.

– Дальше.

– Многие медики из различных уголков земного шара, в основном врачи и медицинские сестры, тотчас откликнулись на это обращение и отправились туда в качестве добровольцев. Вскоре после этого поступили официальные сообщения о том, что распространение эпидемии приостановлено, положение в стране находится под контролем, и в дальнейшей медицинской помощи нет необходимости.

– Что произошло потом?

– Вслед за этим все транспортные коммуникации и связь были прерваны.

– Когда это случилось?

– Дней пять назад. Точнее, в течение последних пяти суток не поступало официальных сообщений.

– А неофициальных?

– За это время многие покинули страну. Большими группами и в одиночку. Мы беседовали кое с кем из них, но никто с уверенностью не может сказать, что же там произошло.

- Почему они покинули страну?
- Из страха и чувства неуверенности. Но...
- Продолжайте.
- Некоторые утверждают, будто в стране свирепствует тяжелая эпидемия. Несколько человек умерло в зарубежных больницах.
- Диагноз?
- Врачам не удалось установить характера заболевания.
- Пограничная охрана на месте?
- Вы же знаете, что большая часть нашей границы проходит по морю, а сухопутная граница, как вам, безусловно, тоже известно, проходит в основном через ненаселенные районы. По нашей настоятельной просьбе полиция соседних государств обследовала пограничные заставы на нашей территории. С крайней неохотой, между прочим. Все боятся эпидемии.
- Каковы результаты инспекции?
- Пограничные заставы покинуты.
- Судьба иностранных представительств вам известна?
- Большинство было эвакуировано еще во время волнений. Полиция и армия не имели возможности, а быть может желания, охранять их.
- Не верится.
- И, тем не менее, это факт. Остальные посольства были закрыты при первых же слухах о чуме.
- Что вы знаете о медиках-добровольцах из-за рубежа?
- Никто из них не вернулся. И никто не дал о себе знать.
- Действует ли внутренняя связь в стране?

– По-видимому, нет. Три военных самолета и один гражданский разбились на территории соседних государств. Причина неизвестна.

Йенсен на мгновение задумался, затем спросил:

– Все эти сведения точные?

– К сожалению, да.

Наступило молчание. Йенсен некоторое время сидел не двигаясь.

– Еще один вопрос, – сказал он наконец.

– Я вас слушаю.

– Может, все население погибло?

– Нет. Нам известно, что в стране развивается бурная деятельность, особенно в столице.

– Откуда у вас эти сведения?

Министр просвещения быстро взглянул на своего коллегу. Тот покорно пожал плечами.

– Я не могу ответить на этот вопрос, не разгласив военной тайны.

Йенсен промолчал.

– Но я все-таки попытаюсь ответить. Дело в том, что в течение ряда лет над территорией нашей страны совершают систематические полеты на большой высоте разведывательные самолеты одной дружественной великой державы. На борту этих самолетов установлено исключительно мощное разведывательное оборудование. Через неофициальные каналы мы получили информацию о некоторых результатах их наблюдений.

– Что вам сообщили?

– Я уже сказал: в стране отмечают значительную активность.

- Военные действия?
  - Не в столице. Однако в сельской местности замечены признаки передвижений войск.
  - Что происходит в столице?
  - Этого мы не знаем. Но знаем, что там что-то происходит.
  - Это производит впечатление организованных действий?
  - Да.
- Немного помолчав, Йенсен снова задал вопрос, с которого начал беседу:
- Почему вы находитесь здесь?
- Министр просвещения ответил с циничной откровенностью:
- Потому что все остальные страны отказались нас принять.
  - Почему же вы не хотите отправиться домой?
  - Не решаемся.

8

- Йенсен встал и подошел к окну, испещренному струйками дождя. Затем, не оборачиваясь, спросил:
- Что вы намерены предпринять?
  - Вы должны выяснить, насколько это возможно, что произошло в стране.
  - Здесь вы не можете мне приказывать.
  - Мы знаем. И все-таки мы это делаем. Вы попытаетесь как можно быстрее оценить обстановку и сообщите нам результаты.

– Каким образом?

– В этой стране у нас есть определенные контакты. Официально она для нас не существует, поэтому мы не нуждаемся в соблюдении дипломатического протокола. Вертолет доставит вас в любое место по вашему выбору, затем вернется в заранее условленное время и заберет вас. Вы вернетесь сюда. Вам разрешается отсутствовать не более трех суток, в крайнем случае, вы должны прислать сообщение до истечения этого срока, иначе...

– Договаривайте.

– ...иначе нам придется прибегнуть к другим мерам.

– Каким именно?

Собеседники о чем-то зашептались за спиной Йенсена. Но он не обернулся, ожидая ответа. Через несколько минут раздался голос министра:

– Та великая дружественная держава, о которой я говорил, по ряду важных политических и экономических причин заинтересована в нашей стране. К сожалению, она втянута в тяжелый конфликт в другой части земного шара и не хотела бы вмешиваться напрасно, особенно сейчас, когда положение неясно. Однако, если выяснится, что подрывные элементы пытаются использовать создавшееся положение, мы можем обратиться к ней и получить военную помощь. По крайней мере, я на это надеюсь. Разумеется, речь может идти о помощи в ограниченных размерах. Как я уже сказал, эта великая держава ведет войну в другом полушарии. Но она обещала нам помочь. При условии, конечно, что подрывные элементы не успеют захватить в свои руки органы управления и утвердиться там. Впрочем, это исключено.

– Кого вы называете подрывными элементами?

В ответе можно было не сомневаться.

– Коммунистов.

Внезапно наступила тишина. Смолк рев моторов на аэродроме. И только непрекращающийся дождь продолжал монотонно бить в стекла.

– Итак, Йенсен, вы согласны ехать?

– Да.

– Немедленно?

– Да.

– Превосходно.

Йенсен промолчал.

– У вас есть оружие?

– Нет.

– Видимо, вам следует взять пистолет.

– Зачем?

– На, всякий случай. Но об этом мы позаботимся.

Йенсен продолжал стоять, неподвижный как изваяние.

– Еще один вопрос, – сказал он.

– Ну, что еще?

– Непосредственно перед тем, как начался мой отпуск по болезни, я получил приказ об аресте сорока трех врачей, работавших в пределах шестнадцатого участка, в том числе нашего полицейского врача. Остальные полицейские участки тоже получили аналогичные приказы?

– Нам об этом ничего не известно, – поспешно ответил министр. – Это дело полиции.

– Можно ли считать, что эти аресты как-то связаны с последующими событиями? – невозмутимо продолжал Йенсен.

– Ни в коем случае, – парировал министр просвещения.

– Я ведь уже сказал, что между этими событиями нет никакой связи, – поддержал его министр.

Вновь все замолчали. Тишину нарушил министр:

– Где вы намерены приземлиться?

– В столичном аэропорту.

– У вас бедное воображение, – с сожалением отметил министр просвещения.

– Да, – согласился Йенсен. – Вы совершенно правы.

Министру просвещения не было и сорока лет. У него были синие, немного косящие глаза и по-женски пухлые губы. Но, несмотря на молодость, очевидно, именно ему принадлежало здесь решающее слово.

9

Они летели на военном вертолете, и все же продвигались медленно – из-за тумана и низкой облачности земли почти не было видно. Внезапно мощный порыв дождя и мокрого снега залепил плексигласовые стекла кабины, и пилот вынужден был набрать высоту.

Йенсен сидел неподвижно – все равно смотреть было не на что. Сунув руку в карман, он достал пистолет, тяжесть которого действовала ему на нервы.

Это была «Беретта» 7,65-миллиметрового калибра старого образца, однако Йенсен выбрал ее потому, что был знаком с механизмом. Вместе с пистолетом он получил кожаную кобуру и три обоймы патронов.

С момента окончания полицейской школы Йенсену ни

разу не приходилось стрелять из пистолета. Свой служебный пистолет он одно время держал в машине, в отделении для перчаток, но года два назад запер в сейфе в полицейском участке. Когда-то он неплохо стрелял и даже получил медаль на соревнованиях.

Йенсен пододвинул к себе саквояж, расстегнул, засунул пистолет в кобуру и аккуратно положил его поверх вещей, после чего закрыл крышку и щелкнул замком.

Вертолет, попав в спокойные слои атмосферы, летел плавно. Монотонный рев мотора успокаивающе действовал на Йенсена. Правда, поле зрения по-прежнему ограничивалось облаками и кожаной курткой пилота.

Боль уже давно перестала мучить Йенсена. Но до сих пор немного тянуло кожу вокруг шва, да и слабость давала о себе знать. Однако боль исчезла. И с ее исчезновением Йенсен ощущал какое-то удивительное чувство пустоты, будто не стало чего-то близкого, родного. Долгие годы боль была неотъемлемой частью его организма, верным и постоянным его спутником. Теперь же, когда ее не стало, он не испытывал никакого чувства облегчения или удовлетворения.

Он задремал, откинув голову на спинку кресла.

Через полчаса пилот разбудил его.

– По-моему, мы над аэродромом, – сказал он.

За окнами кабины по-прежнему ничего не было видно, кроме густой серой пелены облаков.

– Контрольная башня не отвечает, – продолжал пилот.

– Радар не действует. Видимость почти нулевая, к тому же быстро темнеет. Попробуем сесть?

– Да.

– Очень рискованно. Ну что ж, спустимся и посмотрим.

Йенсен кивнул. Достав из внутреннего кармана пиджака бумажник, он извлек эмалированный полицейский значок и положил его в нагрудный карман.

Пилот с удивлением взглянул на него. Очевидно, он думал, что Йенсен хочет предложить ему денег.

– Ага, – немного погодя с удовлетворением отметил пилот. – Значит, прямо над зданием аэропорта. Ну и навигация! Все огни потушены.

Машина быстро взмыла вверх.

– Попробуем сесть немного дальше, на посадочной полосе.

На сей раз вертолет спускался медленно и осторожно. Через несколько минут внизу показалась земля – трава и бетон. Справа виднелся какой-то красно-белый предмет, плохо различимый в сумерках.

– Бронеавтомобиль, – сказал пилот. – Прямо на посадочной полосе, чтобы блокировать аэродром.

Он внимательно посмотрел вниз.

– Здесь, – сказал он. – Хорошее место.

Йенсен встал, надел плащ и взял шляпу.

Вертолет мягко коснулся земли. Пилот протянул руку и открыл дверцу кабины.

– Видите вон там посадочный огонь? На полосе под номером четыре? Будем считать его нашим опознавательным знаком.

Он посмотрел на свои часы.

– Послезавтра и день спустя я буду здесь ровно в девять утра и буду ждать вас не более двух минут. С 9.00 до 9.02.

Йенсен взял саквояж и сошел на землю.

— Ну, пока, — сказал пилот. — Желаю удачи.

— До свиданья.

Подняв винтом воздушный вихрь, машина взмыла ввысь и исчезла в тумане. Вскоре шум мотора стих.

Тишина. И ни души вокруг.

Темнело.

Комиссар Йенсен надел шляпу и направился к зданию аэропорта.

10

Когда Йенсен подошел к зданию, уже почти стемнело. Огромные стеклянные двери были заперты, все огни погашены. Казалось, все живое покинуло помещение.

На бетонной площадке перед зданием аэропорта стояли шесть багажных тележек и один танк, окрашенный в защитный цвет. Танк был пуст. Экипаж покинул его, даже не потрудившись закрыть люк. Йенсен влез на башню и заглянул внутрь. Судя по всему, танк был в полной исправности.

Поодаль виднелся остов сгоревшего пассажирского самолета, там же сгрудились несколько грузовиков и военных автобусов, поставленных поперек взлетно-посадочной полосы.

Йенсен обошел здание и повернул к высокой загородке из колючей проволоки. Отыскал калитку, но она была заперта. Тогда Йенсен перебросил саквояж через забор и перелез сам. В тот момент, когда он приготовился спрыгнуть на землю, его плащ зацепился за проволоку. Вырвав длин-

ный лоскут из рукава, Йенсен неловко спрыгнул на землю, выпрямился и потрогал оторванный кусок. «Видимо, починить плащ не удастся», – подумал он.

Йенсен побрел вдоль загородки, пока не увидел перед собой здание аэропорта. Уже совсем стемнело. Но, очевидно, уличное освещение не работало, и Йенсену приходилось передвигаться с большой осторожностью. Он шел вдоль стены аэровокзала. Воздух был пронизывающе холодным. Моросил мелкий дождь. Йенсен остановился и попытался понять, где находится. Он не очень хорошо знал расположение аэропорта, но у него была отличная память. Насколько он помнил, метрах в десяти от того места, где он находился, должен быть главный вход в здание аэровокзала, а рядом с ним несколько телефонных будок и стоянка такси. Йенсен отошел от стены, пересек тротуар и наткнулся на автомобиль. Нашупал ручку и открыл переднюю дверцу. Когда он протянул руку к рулю, пальцы его наткнулись на что-то мягкое.

Он сразу понял, что это такое, но не отпрянул назад, не испугался и не удивился, а просто поставил на землю саквояж и открыл дверцу пошире. За рулем, наклонившись вперед и охватив руль обеими руками, сидел мертвец.

Йенсен захлопнул дверцу, взял саквояж и снова пересек тротуар. Так и есть, телефонные будки оказались именно там, где он ожидал. Он вошел в ближайшую, достал из кармана монету и опустил ее в автомат. Было слышно, как монета упала на дно, однако гудка не последовало. Телефон не работал. Он вошел в соседнюю будку. То же самое.

Едва Йенсен вошел в третью будку, как послышался вой сирены. Звук быстро приближался. Через несколько

минут луч света от автомобильных фар рассекает туман и плену дождя. Машина резко затормозила и, упершись передними колесами в обочину тротуара, остановилась метрах в пятнадцати от Йенсена. Фары ее ярко осветили стеклянную стену и кусок тротуара и мостовой. Сквозь запотевшее стекло телефонной будки Йенсену удалось разобрать, что подъехала машина «Скорой помощи», белая, с красным крестом на бортах. Синий свет от вращающейся на крыше лампы появлялся и исчезал через регулярные промежутки. Вой сирены стих, и мотор был выключен, однако фары продолжали гореть, и синие вспышки наверху то и дело вспарывали тьму.

Из машины вышли двое в белых халатах. Йенсен поднял саквояж и начал открывать дверь будки, но остановился: ему никогда еще не приходилось видеть женщину-санитара. Он замер, прислушиваясь.

– Наверно, они ошиблись, – сказала женщина. – Разве можно приземлиться в такую погоду?

– Я тоже так думаю, но лучше проверить.

Они пошли вдоль здания в разные стороны, держа в руках включенные электрические фонарики. Женщина прошла совсем рядом с телефонной будкой. Йенсен по-прежнему не двигался. С виду женщина казалась совсем молодой, она шла быстрым упругим шагом. Вскоре ее шаги замерли вдали. Наступила тишина. Затем снова послышались шаги.

– Эй! – крикнула женщина.

– Да?

– Иди-ка сюда. Здесь в машине труп.

Мужчина в белом халате тоже прошел мимо Йенсена.

Из-за тумана комиссар не мог их различать, но голоса слышал отчетливо.

– Старик, – печально сказал мужчина. – Сидел в своем такси перед закрытым зданием вокзала и умер за рулем. Даже фуражка на голове.

– Просто удивительно, как это люди не хотят делать того, что им говорят, – сказала женщина.

– Нужно забрать его с собой на Центральную станцию.

– Конечно. Берись с той стороны.

– Может, принести носилки?

– Не нужно. Я сильнее, чем кажется с первого взгляда.

– Эй, подожди-ка минутку.

– Что там такое?

– Старик-то болен.

– Но ведь он умер.

– Так-то оно так, но посмотри – он совсем синий. У него, видно, был сердечный приступ.

– Мы захватим его на Центральную станцию, там разберутся.

Они понесли труп к машине, открыли задние дверцы и опустили тело старика на пол. Женщина выпрямилась, отерла рукавом лоб и оглянулась вокруг.

– Когда у тебя переливание? – спросила она.

– Сегодня вечером, в двенадцать.

– Отлично. Мы еще успеем поспать.

– Конечно. Прости, я не расслышал твоего имени.

– А я его не называла.

Они одновременно распахнули дверцы машины, каждый со своей стороны, мотор взревел, и машина, разворачиваясь, попятилась назад, так что свет от фар пробежал

по всему зданию. Йенсен успел заметить, что чуть поодаль стоят еще три машины. Одна из них полицейская.

«Скорая помощь» исчезла в темноте, и через некоторое время шум мотора стих, заглушаемый дождем, но тут же послышался рев сирены. Вскоре и он стих.

Дождавшись тишины, Йенсен вышел из будки и уверенно зашагал к тому месту, где ранее заметил полицейскую машину. Он хорошо знал эту машину, и, если только в баке остался бензин, ему ничего не стоит включить зажигание с помощью кусочка проволоки.

Однако этого не потребовалось. Дверцы машины не были заперты, и ключ от зажигания торчал на месте. Йенсен включил верхний свет и осмотрел машину: как будто ничего подозрительного. Бак почти полон; в отделении для перчаток – начатая пачка сигарет, пистолет и карманный электрический фонарик. Йенсен взглянул на номер машины под щитком управления. Так и есть, машина принадлежала отряду полицейских, обслуживающих аэропорт.

Йенсен нажал на стартер, мотор послушно отозвался. Тогда Йенсен включил фары и выехал на шоссе. Машина неторопливо покатила вперед. Минут через двадцать ее догнала санитарная машина с синим огнем на крыше и включенной сиреной. Но едва она сделала попытку обогнать Йенсена, как он прибавил скорость и вскоре оставил ее далеко позади. Некоторое время спустя мимо него на огромной скорости промчались серый автобус и еще две санитарные машины.

Дождь все хлестал, видимость ухудшилась. Но когда Йенсен проезжал мимо высотных домов, ему показалось,

что в одном из них горел свет. До района, где он жил, Йенсену оставалось не более трех километров, когда дороге ему преградили несколько грузовиков, блокировавших шоссе.

На одном из них, что стоял в центре, висел лист фанеры с наспех намалеванным текстом:

МЕСТО ЗАРАЖЕНО – САНИТАРНАЯ СТАНЦИЯ В 4 КИЛОМЕТРАХ. СЛЕДУЙТЕ ПО ШОССЕ 78!

Стрелка внизу показывала вправо.

Йенсен не сразу увидел преграду, но все же успел остановиться. Водитель, ехавший перед ним, не сумел этого сделать – и сейчас рядом с многотонными грузовиками валялись остатки разбитого автомобиля. Йенсен дал задний ход и свернул на шоссе 73. Миновав еще несколько указателей, направляющих автомобилистов к санитарной станции, он выехал на узкую дорогу, которая вела в сторону от шоссе 73.

Комиссар хорошо знал этот район, тем не менее ему потребовалось не меньше двух часов, чтобы обходными путями добраться до собственного дома. Из-за серой пелены мелкого дождя здания почти не было видно. Йенсен поставил машину на обычное место. Выходя, он прихватил с собой пистолет, электрический фонарик и путевой журнал, который находился в отделении под сиденьем водителя. После этого запер машину, достал из багажника саквояж и вошел в подъезд.

На лестнице было темно. Лифт не работал. В окнах также не было света. Кругом ни звука.

Йенсен включил фонарик и осмотрелся.

Все как обычно. За дверью квартиры лежали четыре

конверта, очевидно опущенных в почтовый ящик. На двух из них адрес был напечатан, два надписаны от руки.

Едва он наклонился, чтобы поднять конверты, как фонарик погас. Йенсен несколько раз потряс его, но свет не зажегся. Другого фонарика под рукой не было.

Йенсен взглянул на фосфоресцирующий циферблат часов. Пять минут первого. Итак, с момента получения задания пошли вторые сутки.

В квартире было темно, хоть глаз выколи. Йенсен ощупью добрался до кровати, снял шляпу, плащ, пиджак, галстук и рубашку.

Он смертельно устал. Его путь к дому оказался очень трудным.

В комнате было холодно и сыро – неопровержимое свидетельство того, что отопление тоже было выключено.

Йенсен лег на спину и с головой закутался в одеяло. Затем, в надежде согреться, повернулся на бок и подтянул колени к груди.

Где-то послышалось завывание сирены.

Потом все стихло.

11

Он проснулся сразу, едва открыл глаза. Серый рассвет проник в комнату. Первое, о чем вспомнил Йенсен, был порванный плащ – лучшее, что у него было, – и что следует умыться. Он встал и направился в ванную. Воды не было. Однако в бачке оставалось немного – хватило на один раз.

Йенсен провел кончиками пальцев по подбородку и

вздохнул – ничего не поделаешь, он пользовался только электрической бритвой.

Вернувшись в спальню, он сменил белье и носки. Вынул чистую белую рубашку. Одевался он быстро, но тщательно, причесался перед зеркалом.

Йенсен замерз и проголодался. Он вошел в кухню и открыл холодильник – пусто. Верно, три месяца назад он сам убрал все продукты из холодильника и поставил его на размораживание. Правда, в шкафу, за форменными фуражками лежали две бутылки водки, однако Йенсен не испытывал потребности в алкоголе. Он тщательно осмотрел кухонные шкафы и обнаружил в чулане банку меда. Это был единственный съедобный продукт, который ему удалось найти, и, так как пить, кроме водки, было нечего, Йенсену не оставалось ничего другого, как открыть одну из бутылок. Он съел около трети банки меда, запивая его водкой.

Почувствовав себя бодрее, он снова вернулся в спальню и из ящика письменного стола достал полевой бинокль. Встав у окна, он принялся внимательно осматривать местность. Дождь почти прекратился, но из-за тумана по-прежнему было плохо видно. Йенсен направил бинокль на дом напротив, отрегулировал резкость и начал не спеша осматривать окна ряд за рядом. С виду все выглядело как прежде, только ни в одном из окон не горел свет, и прошло немало времени, прежде чем Йенсену удалось заметить признаки жизни. Но вот в окне на седьмом этаже поднялась занавеска и показалось чье-то лицо. Это была женщина. В следующее мгновение рядом появилось лицо мужчины. Лица показались Йенсену бледными и какими-

то странными. Возможно, это объяснялось расстоянием или плохим освещением. Через несколько секунд лица исчезли и больше не появлялись. Йенсен прикинул на глаз расположение квартиры и расстояние до нее от входной двери. Так, подъезд В, седьмой этаж, первая дверь налево.

Йенсен продолжал наблюдение и постепенно начал замечать ряд деталей, указывающих на то, что дом обитаем: едва заметные движения в глубине комнаты, тени на занавесках, отражения на стеклах окон. «Пожалуй, – подумал он, – примерно треть квартир заселена».

Послышался слабый шум мотора, и Йенсен направил бинокль в сторону шоссе. Из города проехал автобус. Йенсен не заметил пассажиров, но туман лишил его возможности быть в этом уверенным до конца. Вплотную за автобусом шли две легковые машины белого цвета, судя по всему, «Скорая помощь», с выключенными сиренами и синими огнями на крышах.

Йенсен положил бинокль на подоконник, подошел к кровати и взял плащ. Внимательно осмотрел рукав – вырван кусок сантиметров в двадцать, – сложил плащ и оставил его на столе в коридоре. Затем подошел к шкафу, выбрал другой плащ и повесил его на вешалку в коридоре. Подобрал конверты с написанным от руки адресом и положил их вместе с путевым журналом из полицейской машины на ночной столик возле кровати.

Только после этого он сел и принялся читать. Прежде всего путевой журнал. Он перелистал несколько страниц, пока не добрался до дня своего отъезда. Йенсен начал быстро просматривать страницу за страницей. Сначала все шло как обычно. Шестеро полицейских, пользовавшихся

машиной, работали по двое в три смены. Каждый раз, сдавая дежурство, они подписывали записи своими служебными номерами. Эти же номера стояли на их полицейских бляхах, которые они были обязаны носить во время дежурства на левой стороне груди. У полицейских были следующие номера: 80, 315, 104, 405, 103 и 61. По заведенному раз и навсегда порядку смены были составлены таким образом, что менее опытный полицейский (у него был большой порядковый номер) работал с ветераном. Как правило, в журнале отмечались аресты за пьянство, автомобильные катастрофы, самоубийства и попытки к самоубийству.

Первую тревожную запись Йенсен обнаружил на странице, датированной 30 сентября. Полицейский под номером 80, дежуривший в интервале 16.00-24.00, сделал следующую запись:

16.46 НПРВ 9 КМ ШСЕ ДЕМ 2 АРСТ ЕЛ 9 УЧСТ

19.05 ПРД ВСТ ВЗВР ОБРТ

Итак, без четырнадцати минут пять патруль был направлен на девятый километр южного шоссе для наблюдения за демонстрацией. Двое арестованных были доставлены в полицейский участок девятого района. В пять минут восьмого, то есть через два с лишним часа после тревоги, порядок был восстановлен, и патруль возвратился обратно.

Девятый километр находится неподалеку от центральной части города. То обстоятельство, что полицейская машина была вызвана туда из аэропорта, показалось Йенсену примечательным, и он начал внимательнее просматривать журнал. В первую неделю октября появились еще

две аналогичные записи, затем они начали встречаться все чаще, в то время как аресты за пьянство неуклонно сокращались. Очевидно, у полиции не оставалось времени следить за алкоголиками. Случаи самоубийства, о которых в начале журнала упоминалось не реже двух-трех раз в неделю, в дальнейшем почти не попадались.

Йенсен заметил, что одновременно с резким изменением характера патрульной службы полицейские отказались от обычно принятых сокращений в своих записях, ограничиваясь короткими заметками, написанными почти открытым текстом. Записи стали торопливыми, неряшливыми и с каждым разом менее точными. На каждой странице попадались такие слова, как «беспорядки», «мятежи», «столкновения». Очевидно, патруль ежедневно посылали в центр города или в близлежащие районы. Запись от 4 ноября состояла всего из пяти слов:

ЖЕСТОКИЕ СТОЛКНОВЕНИЯ. СРЕЛЬБА. ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ.

Слова «санитарный транспорт», впоследствии сокращенные до «снтр», впервые появились в журнале ровно три недели назад. Это, видимо, должно было означать, что «Скорая помощь» не справлялась более со все учащающимися случаями заболеваний, и в помощь ей была придана полиция. После этой записи количество больных, перевозимых полицейскими машинами, непрерывно росло.

Затем «санитарный транспорт» исчез со страниц журнала, его заменили слова «Центральная станция», «районная больница», «главный госпиталь». С понедельника 25 ноября журнал продолжал вести только полицейский под номером 405. Йенсен с особым вниманием прочел последние страницы.

Понедельник. Центральная станция; главный госпиталь, №№ 104 и 315 на службу не явились. Вторник. № 80 умер в машине. Отвез на Центральную станцию.

Среда. Чрезвычайное положение. Приказ находится на аэродроме.

Четверг. Приказано участвовать в блокировании взлетно-посадочной площадки.

Пятница. Радио не действует. 81-й участок покинут.

Суббота. Получил приказ прибыть в главный госпиталь, секция В. Автобус.

Эта запись была сделана пять дней назад. Больше записей не последовало. Йенсен перелистал страницы и снова вернулся к записям за последний месяц. Затем захлопнул журнал и отложил его в сторону.

Вдали послышался вой сирены. Он приближался. Йенсен подошел к окну, поднял бинокль к глазам и направил его на шоссе. Видимость по-прежнему была плохой, кажется, снова пошел дождь. Вскоре из тумана вынырнула машина «Скорой помощи». Она ехала не очень быстро, с зажженным фонарем на крыше. Метрах в пятидесяти за ней следовал серый автобус – очевидно, тот, который Йенсен видел раньше. За автобусом ехала еще одна санитарная машина.

Йенсену показалось, что автобус полон. Кортёж проследовал на север, к центру города.

Йенсен быстро направил бинокль на то окно в доме напротив, где раньше заметил лица, и успел уловить слабое движение: будто кто-то чуть отодвинул занавеску, стараясь рассмотреть дорогу.

Вернувшись к ночному столику, он вскрыл конверты и

разложил их в хронологическом, как ему казалось, порядке. В первом конверте находилось послание:

«В городе вспыхнула серьезная эпидемия. В связи с этим отменяются всякого рода собрания и митинги. Встречи групп более трех человек запрещаются. Все граждане, не работающие в государственных учреждениях, должны оставаться дома. Школы и частные фирмы, где число работающих больше трех, немедленно закрываются. Населению рекомендуется пополнить запасы продовольствия. Оснований для паники нет. Правительство запросило медицинскую помощь, прибытие которой ожидается в ближайшее время. Соблюдайте строжайшую чистоту.

Все средства связи, радио, телевидение и телефон будут действовать лишь в ограниченных размерах. Не перегружайте телефонную сеть ненужными разговорами.

Первые симптомы заболевания: слабость, головокружение, сильная головная боль, красные круги перед глазами. Если есть подозрение, что вы сами или кто-либо из членов вашей семьи заражены, немедленно обращайтесь в ближайшую санитарную станцию. Санитарные станции размещаются во всех районных школах. Ближайшая станция находится в школе вашего микрорайона.

Строжайше запрещается покидать город.

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ПАНИКЕ! ПАНИКА СПОСОБСТВУЕТ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭПИДЕМИИ!»

Послание, датированное 15 ноября, было выпущено Министерством здравоохранения, как и следующее, опубликованное ровно через неделю:

«Эпидемию удалось локализовать, однако положение по-прежнему остается серьезным.

Следуйте ранее обнародованным инструкциям. Дальнейшие сообщения будут передаваться по радио. Снабжение электроэнергией и водой в ближайшие дни будет ограничено. Поэтому наполните ванны и все имеющиеся у вас сосуды питьевой водой. Экономьте электроэнергию.

Все здоровое население с удостоверениями доноров должно прибыть на ближайшую санитарную станцию или прямо в главный госпиталь, секция В.

НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ПАНИКЕ!»

Два других листка заметно отличались от извещений, разосланных Министерством здравоохранения. Во-первых, бумага была другой и меньшего формата. Во-вторых, они были напечатаны не типографским способом, а на ротаторе. И хотя ни на одном из них не было даты, Йенсену удалось установить, сравнив текст с записями в журнале полицейского патруля, что первое послание было разослано в прошлую среду, то есть 27 ноября. Текст его был кратким:

«С полуночи объявляется чрезвычайное положение. Всем жителям, кроме больных и доноров, категорически запрещается покидать квартиры. Каждый, кто обнаружит у себя признаки заболевания, обязан немедленно обращаться в районную санитарную станцию или непосредственно в Центральное налоговое управление, расположенное на 6-километровой отметке шоссе № 2. Донорам надлежит явиться в районную санитарную станцию или в центральный госпиталь.

Ждите дальнейших сообщений.

Главный районный врач»

Услышав шум мотора Йенсен подошел к окну и взял бинокль. По шоссе, направляясь на север, промчались три тяжело нагруженных военных грузовика. Груз был закрыт брезентом.

Йенсен взглянул на часы. Без одной минуты восемь. Он вернулся к кровати и прочитал последнее извещение, размноженное на ротаторе:

«Эпидемия локализована, но чрезвычайное положение остается в силе. Начиная с этого момента, жителям категорически запрещается выходить из дома. Больные и доноры также должны оставаться дома и ожидать дальнейших указаний. Нарушители, подвергаящие серьезной опасности здоровье нации, будут караться по всей строгости закона».

Это извещение также не имело даты. Под ним стояла та же подпись – главный районный врач.

Йенсен раскрыл чемодан, вынул два пистолета и аккуратно положил их на кровать.

Служебный пистолет, который он прихватил из полицейской машины, оказался парабеллумом 9-миллиметрового калибра. Что и говорить, надежное оружие. С другой стороны, «Беретта» легче и удобнее.

Йенсен оставил оба пистолета на кровати, взял вместо них шариковую ручку и чистый блокнот, надел плащ и вышел из квартиры. По пути открыл люк мусоропровода и бросил туда порванный плащ.

Йенсен неторопливыми шагами пересек участок, отведенный для стоянки автомобилей, и детскую площадку. Пластмассовые павильоны для игр напоминали легкие, прозрачные иглу. Но детская площадка была пуста. Даже до начала событий детей в этом районе почти не было.

Входная дверь и тесный вестибюль дома, в который он вошел, ничем не отличались от двери и вестибюля дома, где жил Йенсен. И там было темно и лифт не работал. Йенсен начал подниматься по узкой винтовой лестнице. На полпути остановился, чтобы перевести дыхание, прислушался. Он не сомневался, что в доме, по крайней мере в нескольких квартирах, есть люди. Кроме того, он прекрасно знал по собственному опыту, что дом выстроен наспех и стены его отличаются особой звукопроницаемостью. Но кругом было тихо и ничто не выдавало присутствия людей.

На площадке седьмого этажа он снова остановился, осмотрелся, затем легонько постучал в одну из дверей. Ни звука в ответ. Йенсен подождал, затем снова постучал. На этот раз сильнее. Вновь безрезультатно.

Тогда он грохнул по двери кулаком и крикнул:

– Откройте, полиция!

Тут ему показалось, будто из квартиры донесся какой-то звук – не то шепот, не то сдавленный вздох.

Йенсен взглянул на дверь. Пожалуй, ему не составило бы большого труда открыть ее. В соответствии с законами о запрещении спиртных напитков полиция имела право беспрепятственно входить в частные квартиры. Йенсен

всегда носил с собой набор универсальных ключей, с помощью которых легко мог открывать все обычные замки в квартирах и конторах. В упомянутых законах имелся целый ряд специальных ограничений, исключений, разъяснений, причем все они были сформулированы одинаково неопределенно. Там указывалось также, что жильцы не имеют права устанавливать в квартирах засовы и специальные замки. Во всяком случае, в обычных условиях. Но так как никто не мог объяснить разницу между обычными и особыми условиями, то этот вопрос решался всегда на месте. На сей раз речь шла об обычном жилом доме и обычной двери, ведущей в квартиру, поэтому Йенсену не сложно было ее открыть. Но для этого требовалось, чтобы он подозревал хозяев квартиры в преступных намерениях.

Внезапно за дверью началось какое-то движение. Казалось, там передвигали тяжелые предметы. Видимо, те, кто находился в квартире, пытались забаррикадироваться.

Йенсен повернулся и начал спускаться вниз по лестнице. Еще на четвертом этаже он слышал шум, доносящийся из квартиры, — там подтаскивали к двери мебель.

(Дверь открывалась внутрь. Йенсен не сомневался, что в случае необходимости сумел бы ее взломать.)

На улице все так же шел дождь, мелкий и успокаивающий. По-прежнему стоял туман, и тучи, казалось, нависли над самой головой.

Йенсен остановился и посмотрел вокруг. Полицейская машина стояла там, где он ее оставил накануне.

Автомобиль был построен специально для патрульной службы — у него были бронированная обшивка и пуленепроницаемые стекла и шины. Он запирался изнутри, был

оборудован двусторонней радиосвязью и магнитофоном. На автомобиле был установлен специальный двигатель с форсажем. Йенсен хорошо знал подобного рода машины. Подойдя к автомобилю, он без труда отпер дверцу и сел за руль. Включил магнитофон. Магнитофон работал, но лента оказалась чистой. Тогда Йенсен включил радиоприемник. Приемник тоже действовал, и Йенсен отчетливо слышал шум в эфире. Это было все. Он выключил приемник, завел мотор, выехал на шоссе и направился к центру города.

И хотя ничто не препятствовало движению — автомобиль в одиночестве двигался по широкой автостраде, — Йенсен не торопился.

Минут через двадцать сзади послышался гудок клаксона. Йенсен взглянул в зеркало. Метрах в пятидесяти от него появилась белая машина «Скорой помощи». Йенсен не снизил скорости, но машина, не переставая сигналить, быстро догоняла его. Когда она поравнялась с полицейским автомобилем, Йенсен увидел на переднем сиденье двух мужчин в белых халатах. Мужчина, сидящий за рулем, отчаянно жестикулируя, пытался что-то ему объяснить жестами, но Йенсен невозмутимо продолжал путь. Тогда санитарная машина опередила полицейский автомобиль и начала оттеснять его с дороги на обочину. Шофер «Скорой помощи» выполнял этот маневр не очень искусно, и прошло не менее двух минут, прежде чем Йенсену удалось затормозить, чтобы избежать столкновения. «Скорая помощь» тоже остановилась поперек шоссе. Йенсен выключил зажигание, но с места не двинулся. Теперь он увидел, что его догнала не обычная карета «Скорой

помощи», а фургон, перекрашенный в белый цвет; на его бортах и задней дверце был небрежно намалеван красный крест.

Мужчины вышли из машины и направились к Йенсену. За исключением синих повязок на рукавах, на них все было белое. Белые халаты, белые брюки, белые деревянные башмаки.

Один из них высокий, с откинутыми назад длинными волосами и холеной темной бородкой. Из-под очков в черной оправе глядели серо-голубые глаза. На лице застыло серьезное, даже торжественное выражение.

Второй худощавый, небольшого роста, с узким лицом. Волосы зачесаны набок, одна прядь падала на лоб. Полные губы раздвинуты в неуверенной улыбке. Взгляд карих глаз казался отсутствующим и был устремлен куда-то вниз.

Высокий попытался открыть дверцу автомобиля Йенсена. Дверца не открывалась. Тогда он сделал нетерпеливый жест и начал что-то говорить.

Йенсен показал на другую сторону автомобиля, протянул руку и нажал кнопку. Стекло опустилось. Люди в белых халатах обошли автомобиль.

– Вы больны или здоровы? – торопливо спросил высокий.

– Здоров.

– Выходите, мы должны вас осмотреть.

Йенсен не ответил. Высокий сердито посмотрел на него.

– Разве вы не слышали, что я сказал?

– Слышал.

– Тогда выходите.

Худошавый потянул товарища за рукав, показал на борт автомобиля и что-то произнес. Его голос был таким тихим и невнятным, что Йенсен не сумел разобрать слов. Высокий, выслушав его, кивнул, и снова посмотрел на Йенсена.

— Почему вы ездите в полицейском автомобиле?

— Потому что я полицейский.

Йенсен показал свой служебный значок.

— В таком случае вы больны, — категорическим тоном заявил высокий.

— Мы о вас позаботимся, — сказал тот, что поменьше, не глядя на Йенсена. — Ваше состояние может быть очень серьезным.

— Да, ваше состояние может быть очень серьезным, — повторил высокий твердым голосом.

— Я совершенно здоров. А кто вы такие?

— Врачи.

— У вас есть документы?

Мужчины одновременно сунули руки в карманы халатов и достали удостоверения в пластмассовых чехлах. Йенсен кивнул. Удостоверения казались подлинными.

— Вы нарушили запрещение выходить на улицу, — сказал высокий. — Мы обязаны вас задержать.

— Обязаны вас задержать, — прошептал маленький.

— Не думаю, — ответил Йенсен. — Повторяю, я из полиции.

— Ваше звание?

— Комиссар.

— Полиция не имеет никакой власти в городе. Кроме того, вы больны.

- А кто обладает властью? – спросил Йенсен.
- Органы здравоохранения.
- Кто ваш ближайший начальник?
- Главный врач.
- Главный врач?

Человек с застывшей улыбкой на узком лице снова прошептал что-то едва слышным голосом.

– Вот именно, – кивнул высокий. – Мы не обязаны отвечать на ваши вопросы. В городе объявлено чрезвычайное положение. Вы нарушили закон и ставите под угрозу безопасность населения.

Йенсен промолчал.

– Вы серьезно больны, и мы отвезем вас в больницу. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

– Не беспокойтесь, – повторил маленький тихим голосом.

Он сунул руку в карман и достал шприц. Задумчиво повертел его в руках и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Какая у него группа крови?

– Какая у вас группа крови? – спросил высокий тоном, не допускающим возражения.

– РХ-отрицательная, – ответил Йенсен.

Человек со шприцем на мгновение ожил.

– Великолепно, – прошептал он. – Великолепно. Пусть он выйдет из машины.

– Выходите из машины, – приказал высокий.

Йенсен не двинулся с места.

– У нас чрезвычайные полномочия. Необходимо остановить распространение эпидемии. Вы сами должны это понять. Исполняйте, что вам приказывают.

- Куда вы хотите меня отвезти?
- В центральный госпиталь, – ответил высокий.
- Палата «В», – пробормотал его коллега.
- Я сам поеду туда.
- Выходите немедленно. У нас нет времени на разговоры. РХ-отрицательная, – пробормотал маленький и взглянул на шприц.
- У нас есть более важные дела, – добавил высокий.
- Отлично, – сказал Йенсен. – В таком случае до свидания.

Он протянул руку и нажал на кнопку. Стекло поползло вверх и отделило его от врачей. Человек со шприцем бросился вперед и в бессильной ярости дернул за ручку автомобиля. Высокий успокаивающим жестом взял его под руку и повел к «Скорой помощи». Маленький время от времени подозрительно оглядывался на Йенсена.

Врачи сели на переднее сиденье машины и, не закрывая дверцы, принялись что-то делать. Через мгновение Йенсен увидел, как человек с бородкой поднес к губам микрофон и его губы зашевелились.

Йенсен немедленно включил радиоприемник и повернул рычажок настройки. Не прошло и пятнадцати секунд, как он нашел нужную частоту. Очевидно, еще до того, как человек в «Скорой помощи» успел вызвать свой радиоцентр.

– Центральный госпиталь, центральный госпиталь. Вызываю центральный госпиталь. Черт бы их побрал, не отвечают. Ну, наконец-то.

В радиоприемнике что-то затрещало, и едва слышный хрипловатый мужской голос произнес:

- Докладывает машина номер триста.
- Что случилось?
- Мы находимся на южном шоссе у...

Из приемника донесся треск, и связь прервалась. Йенсен повернул рычажок настройки и вскоре снова различил голоса.

- ...полицейский автомобиль?
- Да.
- Комиссар полиции?
- Да.
- Немедленно доставьте его сюда.
- Он отказался следовать за нами.
- Разве вы не вооружены?
- Н-нет, у нас есть пистолет. Но...
- В чем же дело?
- Мы не знаем, как с ним обращаться.
- Идиоты!

На мгновение наступила тишина. Затем в приемнике послышался раздраженный голос:

– Ладно, высылаем санитарный патруль. Постарайтесь его задержать.

Йенсен тут же включил мотор, дал задний ход и начал отъезжать от «Скорой помощи».

– Он уезжает!

Йенсен уже проехал «Скорую помощь» и увеличил скорость. Посмотрев в зеркало, он увидел, что белая машина также начала набирать скорость.

- Он уходит от нас, – донеслось из динамика.
- В каком направлении?
- На север.

– Не беспокойтесь и следуйте за ним. Ему придется остановиться у въезда в транспортный туннель. Дальше он не проедет.

Йенсен нажал на педаль, машина рванулась вперед и через несколько секунд «Скорая помощь» исчезла в пелене мелкого дождя. У первой же развилки он свернул с шоссе вправо.

Через четверть часа ему снова удалось подслушать разговор по радио.

– Этот полицейский...

– Да?

– Он исчез.

Голос врача звучал очень серьезно, но, казалось, потерял свою торжественность. На этот раз ему ответил женский голос.

– Это не имеет значения, – ответила она безразлично. – Он все равно не проедет в запретную зону,

– Нам нужно ехать обратно.

– Поезжайте и не беспокойтесь.

13

Оставив в стороне жилые массивы, комиссар Йенсен пересек огромные промышленные районы и заброшенные, поросшие бурьяном пустыри, чудом ускользнувшие от внимания спекулянтов земельными участками. Промышленные предприятия, казалось, вымерли, и птицы были единственными живыми существами, которые встретились Йенсену на пути. Дорога, которую он выбрал, шла мимо Центральной городской станции очистки, и чем

ближе к ней, тем больше птиц – в основном белых и черных – ему попадалось. Йенсен был полицейским комиссаром, а не орнитологом и потому затруднялся определить их вид. К тому же в их скоплении здесь он не усмотрел ничего удивительного.

Несмотря на дождь, кучи мусора продолжали гореть, испуская отвратительное зловоние. Едва Станция осталась позади, как количество птиц заметно уменьшилось.

Радиоприемник был по-прежнему включен, однако ничего нового Йенсен не слышал. Очевидно, госпиталь и машины «Скорой помощи» общались между собой на нескольких частотах.

Йенсен миновал редкий лесок, больше похожий на свалку. Большинство деревьев погибло, а на уцелевших редкая, покрытая густым слоем пыли листва виднелась лишь на вершинах. Дорога была узкой и неровной. По ней редко ездили, и никто не заботился о ее состоянии. Йенсен сбавил скорость и остановился на опушке.

Он прекрасно знал это место – двадцать первый полицейский округ, на самой границе с центром города. Если центр действительно закрыт, сейчас ему предстоит преодолеть критический участок пути. Дорога шла вверх, к вершине холма. За холмом находился стандартный жилой квартал: шесть домов, автобусная остановка, магазин самообслуживания и несколько киосков. Жилые дома вытянулись по одной стороне широкой улицы. На противоположной стороне высилась железнодорожная насыпь, которая вела к Центральной станции очистки. И хотя это была даже не улица, а скорее тупик, она была связана с дорогой, на которой сейчас стоял Йенсен. Это знали все жители

района. Более того, это было известно каждому, кто знал план города.

Выйдя из машины, Йенсен запер дверцу, сошел с дороги и направился к поросшей кустами вершине холма. Здесь он остановился и внимательно осмотрелся. Заброшенные высотные здания как бы застыли под пеленой мелкого морозящего дождя. На конечной остановке стоял пустой автобус. В магазине было выбито окно. Всюду – в домах и на улице, которую Йенсен окинул зорким взглядом, – ни души. На улице не было видно никаких заграждений. Конечно, закрыть все улицы, ведущие к центру города за пределами этого района, практически невозможно.

Йенсен уже собирался вернуться к автомобилю, как вдруг ему показалось, будто в магазине кто-то копошится. Он замер. Через некоторое время опять послышались какие-то неясные звуки и через разбитое окно на улицу вылез человек.

Вот он выпрямился, и Йенсен увидел, что это ребенок. Маленький ребенок в желтой нейлоновой куртке, голубых брюках и красных резиновых сапогах. Расстояние было слишком большим, и Йенсен не мог с уверенностью сказать, кто это, мальчик или девочка. В руке у него было что-то зажато. Оглянувшись по сторонам, ребенок, петляя, побежал к дому, который ближе других стоял к лесочку.

Йенсен быстро подошел к зданию, в котором не было окон, и прижался к стене. Осторожно выглянув из-за угла, он увидел идущего по тротуару мальчика. В руке у него был пластмассовый пакет с разноцветными карамельками. Мальчик шел, неуклюже загребая ногами, слишком увлеченный сладостями, чтобы следить за походкой. Два раза он едва не упал.

На вид малышу было года четыре, от силы пять. Он повернулся и вошел в последний подъезд, всего метрах в пяти от угла дома. Ему пришлось навалиться на дверь всем телом, прежде чем он сумел ее открыть.

Йенсен пробежал вдоль стены и последовал за мальчиком. На лестнице отчетливо слышались шаги ребенка.

14

Какое-то время комиссар Йенсен неподвижно стоял перед дверью. В квартире как будто все вымерло, но он знал, что минуту назад в эту дверь вошел мальчик. Он знал также, что за дверью, которая, очевидно, была уже приоткрыта, кто-то ждал ребенка и сразу же втащил его в квартиру, пробормотав что-то укоризненное. Йенсену, который в эту минуту находился на площадке между этажами, голос показался хриплым и встревоженным. Йенсен ступал очень осторожно, и, очевидно, никто его не заметил.

Он тихонько постучал в дверь. Ответ последовал немедленно. По коридору прошлепали мелкие, быстрые шаги. Затем кто-то приподнял крышку над прорезью для почты. Через узкое, сантиметра три шириной, отверстие на Йенсена смотрели два широко раскрытых синих глаза, опущенных густыми ресницами. За дверью на коленях стоял маленький мальчик и в щель рассматривал Йенсена.

— Это какой-то дядя, — сказал мальчик звонким голосом.

— Отойди от двери! Сейчас же отойди от двери!
Голос принадлежал женщине.

– Это какой-то дядя, – повторил мальчик. – Он стоит за дверью.

– Иди сюда. Бога ради, иди сюда, – сказала женщина голосом, полным отчаяния.

Йенсен снова постучал, на сей раз сильнее. Крышка со стуком упала. Кто-то оттащил мальчика от двери.

– Откройте! – сказал Йенсен.

После длительной паузы послышался слабый женский голос:

– Кто это?

– Полиция. Откройте.

Снова тишина. Наконец женщина спросила:

– Что вам нужно?

– Я видел, как мальчик украл пакет с конфетами из магазина. Откройте.

Йенсен постучал еще раз. Ответа не последовало.

– Если вы не откроете, я обойдусь без вашей помощи.

Он слышал, как люди за дверью перешли на другое место, стараясь двигаться как можно тише.

Йенсен достал из кармана ключи. Замок на двери был обычной конструкции, и он, не колеблясь, выбрал одну из специально изготовленных для таких целей отмычек, вставил ее в скважину и повернул. Легкий щелчок подтвердил, что замок открылся. Йенсен толкнул дверь, и она распахнулась, чуть слышно скрипнув. Шторы на окнах были задернуты, однако света было достаточно и он мог без труда рассмотреть квартиру. Она ничем не отличалась от его собственной и была обставлена такой же стандартной мебелью. Посреди комнаты недвижимо, словно изваяние, крепко держа мальчика за руку, стояла женщина. Ма-

лыш смотрел на Йенсена широко раскрытыми глазами, но страха не проявлял.

Йенсен стоял, не шевелясь, и смотрел вперед. Справа от себя, сквозь доносящийся с улицы шум дождя он уловил сдерживаемое дыхание.

— А ну-ка, — сказал он. — Отойдите от двери и встаньте рядом с ними.

Женщина со страхом взглянула на него. Пальцы руки, стиснувшей руку мальчика, побелели. Йенсен достал из кармана полицейский значок.

— Отойдите от двери и встаньте рядом с ними, — повторил он. — Это приказ, и я не собираюсь повторять его.

Послышался вздох, и мужчина, стоявший за распахнутой дверью, покорно направился к центру комнаты. Он встал рядом с мальчиком и обескуражено посмотрел на Йенсена. Мужчина был небольшого роста, без ботинок, в расстегнутой на груди рубашке. В руке он держал молоток.

Йенсен протянул свой полицейский значок.

— Я — Йенсен, — сказал он. — Комиссар шестнадцатого участка. Я веду расследование и хочу побеседовать с вами.

— Полицейский, — недоверчиво повторил мужчина. — Ведете расследование?

— Он еще не понимает, — торопливо заговорила женщина, пытаясь скрыть растущий страх. — Он еще маленький. Всего четыре года. Он еще ничего не понимает.

— Положите молоток, — сказал Йенсен.

Не спуская с Йенсена глаз, мужчина наклонился и осторожно, как бы избегая лишнего шума, опустил молоток на пол. Его взгляд говорил скорее о безразличии и страхе, нежели о решимости и ненависти.

– Он умеет одеваться сам и научился открывать дверь. Он привык играть на улице. Сегодня он убежал, когда мы были в кухне и не успели остановить его.

Женщина замолчала и посмотрела на Йенсена полными страха глазами.

– Он еще такой маленький, – повторила она.

– Вы его родители?

– Да.

– Родители несут ответственность за своих малолетних детей.

– Да, но...

– Почему вы не пошли за ним и не вернули его?

Мужчина удивленно посмотрел на Йенсена.

– Мы не решились...

Йенсен перешагнул порог и захлопнул за собой дверь.

– Он чувствует себя одиноким, – сказал мужчина вполголоса, как бы про себя. – Мне следовало бы избить его до полусмерти.

В квартире пахло мочой, отбросами и экскрементами. Но жильцы, казалось, этого не замечали.

– Отвратительный запах, – заметил Йенсен.

– Нет ни воды, ни электричества, – ответила женщина. Мусоропровод и канализация не работают. А окна мы не решаемся открыть.

Йенсен достал шариковую ручку и блокнот.

– Почему?

– Странно, что вы об этом спрашиваете, – сказал мужчина. – Разве вы не знаете, что случилось?

Йенсен промолчал.

– Эпидемия. Вы слышали об эпидемии?

– Скажите, вы сами или кто-либо в вашей семье пострадал от эпидемии?

– Нет.

– Вам известен кто-нибудь, кто заразился этой болезнью?

– Да. Несколько человек, которые жили в этом районе. Но мы не были с ними знакомы.

– Что с ними случилось?

– Их отвезли в госпиталь. Правда, один из них умер еще до приезда «Скорой помощи». Между прочим, он тоже был полицейским.

– И из-за страха заразиться вы не выходите из квартиры?

Мужчина неуверенно посмотрел на Йенсена.

– Да, отчасти, – ответила женщина.

– Отчасти?

– Мы не должны выходить из дому, – сказала она. – Это не разрешается.

– Однако никто не запрещает вам открывать дверь своей квартиры.

– Это правда, – нехотя согласился мужчина. – Но...

– Продолжайте.

– Я не знал, что вы из полиции. Я думал...

Он замолчал. Вместо него заговорил маленький мальчик:

– А ты дядя полицейский?

– Да, – серьезно ответил Йенсен. – Я полицейский.

– Вот уже несколько недель, как мы не видели ни одного полицейского, – сказала женщина. – Мы думали, что полицейских больше не осталось.

Йенсен снова обратился к мужчине.

— Где вы работаете?

— В городском Управлении по поддержанию чистоты. На Центральной станции очистки. То есть работал, пока это не началось.

— Что «это»?

— Сначала все только и говорили, что об этой ужасной болезни. Затем появилось сообщение о том, что опасность заражения чрезвычайно велика и поэтому все виды работ, кроме самых необходимых, прекращаются. Скажите, почему вы спрашиваете меня обо всем этом?

— Потому что я ничего не знаю, — ответил Йенсен. — Я был в отъезде.

— Ага, — недоверчиво сказал мужчина.

— В каком виде вы получили это сообщение?

— Оно было напечатано на листках бумаги, опущено каждому в почтовый ящик. То же сообщение повторили по телевидению. Тогда еще телевидение работало. Это было ровно в середине прошлого месяца.

— А потом?

— Мы продолжали работать как обычно. Очистка входила в число чрезвычайных мероприятий.

— Что вы слышали об эпидемии?

— Я слышал, что тысячи людей находятся в больницах. Что люди мрут как мухи. И что требуются доноры. И тогда...

— Продолжайте.

— Примерно через неделю забастовали работники телевидения и радио, и мы получили приказ прекратить работу. И тогда появилась новая листовка. В ней говорилось,

что теперь опасность не столь велика, но все-таки следует запастись продуктами и водой и не выходить из дому. И сообщалось, что требуются доноры.

— И вы вызвались стать донором?

— Сдавать кровь? Нет. Я слышал, что некоторые согласились, но...

— Договаривайте.

— Они не вернулись обратно.

— И с тех пор вы не выходили из квартиры?

— Нет, что вы! О запрещении покидать квартиры было объявлено всего лишь неделю назад, в прошлую среду. За день до этого прекратили подачу воды. А электричество выключили несколькими днями раньше, в пятницу.

— Как вам об этом сообщили?

— Раздавали листовки.

— Кто это делал?

— Солдаты и санитары. Кроме того, по улицам разъезжали автомобили с громкоговорителями и все время объявляли, что выходить на улицу запрещается, что требуются доноры и что следует слушаться только врачей и медицинский персонал.

— Автобусы продолжали ходить?

— Нет, автобусное сообщение было прервано гораздо раньше. Одновременно с прекращением выпуска газет.

— Сколько людей здесь осталось?

— Не знаю. Несколько человек.

— А где остальные?

Мужчина долго смотрел на Йенсена, прежде чем ответить. Наконец он спросил:

— А вы разве не знаете?

– Нет. Где они?

– Не знаю. Ничего не знаю.

– Когда они переехали?

– Они не переехали, – сказала женщина. – Их арестовали.

– Арестовали?

– Странно, что вы этого не знаете. Мы думали, что такое творится всюду.

– Все были арестованы сразу?

– Сначала забрали детей. Это было вечером, накануне того дня, когда объявили чрезвычайное положение и запретили выходить на улицу. К дому подъехал автобус. В нем находилось четверо: двое мужчин и двое женщин. Они ходили из квартиры в квартиру и забирали всех детей до двенадцати лет. В нашем районе их не так-то много.

– Вы не пустили их в квартиру?

– Пустили. Но это был последний раз, когда мы открыли кому-либо дверь. К нам зашла одна из женщин. Она хотела забрать его с собой.

И мужчина показал на мальчика.

– Но мы отказались. Тогда она рассердилась и заявила, что если бы она могла, то забрала бы его от нас силой. Она и в самом деле попыталась это сделать, но я выставил ее за дверь.

– Почему она хотела забрать ребенка?

– Сказала, что для его же блага, а мы этого не понимаем. И еще сказала, что если бы они имели возможность, то увезли бы и нас тоже.

– Вы не знаете, кто она такая?

– Не знаю. Мы раньше никогда ее не видели. Наверно,

медсестра. Правда, она не назвалась, но на ней была форма. По-моему, какой-то зеленый комбинезон.

– Куда они собирались отвезти детей?

– По ее словам, в какое-то безопасное место. Когда я спросил, куда, она ответила, что не знает. Мы не решились отпустить его.

– А другие дети вашего района?

– Многие уехали в автобусе. Я видел, как их посадили в автобус и отправили.

– Сколько там было человек?

– Около тридцати.

Йенсен быстро прикинул: значит, в автобусе увезли почти всех детей района.

– Несчастные родители, – сказала женщина. – Чудовищно отбирать детей!

– И вы не знаете, кто были эти люди?

– Нет.

– У них были на руках повязки?

– Нет.

– Среди детей были больные?

– Я этого не заметил.

– Что произошло потом?

– На следующий день объявили чрезвычайное положение и запретили выходить на улицу. Но детей уже не было.

– А жители продолжали оставаться?

– Да, только никто не выходил на улицу. На следующее утро, это было в прошлый вторник, прибыли четыре автобуса и три машины «Скорой помощи».

– Какие автобусы?

– По-моему, военные. В них сидели в основном врачи и санитары, но и человек десять солдат из медицинских войск. Я их форму знаю. Сам когда-то служил в медсанбате.

– А полицейские?

– Полицейских не заметили. Правда, мы смотрели очень осторожно, старались, чтобы нас не увидели. Кстати, вы спрашивали о повязках. Вот у них были голубые повязки. У всех поголовно. Какая-то женщина, врач или медсестра, объявила по радио, что все здоровое население будет эвакуировано – чтобы спасти его от эпидемии. Нас хотели отвезти куда-то, где опасность была не так велика. Она сказала, что ничего не нужно брать с собой, так как скоро мы вернемся обратно, а там, куда нас отправляют, все необходимое имеется. Мы только должны побыстрее спуститься вниз и оставить двери квартир открытыми, чтобы они смогли продезинфицировать помещение. После этого нас подвергнут вакцинации. Она сказала, это приказ какого-то генерала или что-то вроде этого.

– Генерального врача?

– Вот-вот. Многие спустились вниз и сели в автобусы.

– А вы остались?

– Да... Мы испугались, когда забирали детей, и решили остаться в квартире.

– Что-нибудь случилось потом?

– Да. Да, конечно.

Мужчина растерянно посмотрел на жену.

– Это было ужасно, – сказала она. – После того как, несмотря на уговоры, никто больше не вышел из домов, санитары и солдаты отправились по квартирам...

– Продолжайте.

– Я вышел на лестницу, – запинаясь, проговорил мужчина. И я... да, я слышал, что, стоило им обнаружить запертую дверь, как они взламывали ее и выволакивали тех, кто не хотел уезжать. Тогда мы открыли входную дверь, а сами спрятались в платяном шкафу. Они нас не нашли.

– Я все время зажимала ему рот рукой, – сказала женщина и посмотрела на мальчика. – Я боялась, что задушу его. Примерно через полчаса снова раздался рев сирен, и они уехали. Только тогда мы решились выйти.

– После этого никто больше сюда не приходил?

– До вас никто, – сказал мужчина. – Но время от времени по улице проезжали машины «Скорой помощи». Они забирали тех, кто осмеливался выйти на улицу.

– Нельзя выходить из дому, – сказала женщина и стиснула руку ребенка.

– В вашем доме кто-нибудь остался еще?

Они нерешительно переглянулись.

– Вы слышали мой вопрос? – спросил Йенсен.

– Да, – сказал мужчина, – слышали.

– Так как же?

– Нет, мы в доме не одни. Еще несколько человек спрятались. Мы их не видим, но слышим.

– Стены такие тонкие, – сказала женщина извиняющимся голосом.

Йенсен пристально смотрел на мужчину.

– Ответьте мне еще на один вопрос, – сказал он.

– Да?

– Почему вы отказались выполнить приказ об эвакуации, когда почти все ему подчинились? И почему вы не отпустили ребенка в безопасное место?

Мужчина переступал с ноги на ногу и растерянно смотрел по сторонам.

– Отвечайте, когда вас спрашивают!

– Ну, я работал дольше других и...

– И что?

– Мои товарищи по работе обслуживали поезда и автомашины, вывозившие отбросы из центрального госпиталя и из огромного здания Центрального налогового управления. Они говорили...

Мужчина замолчал.

– Я жду.

– Что все, кого привозили в больницы, там заражались и умирали. И доноры, и все остальные.

– Но ведь ваши коллеги не заразились?

– Нет. Но их никогда не пускали внутрь.

– Значит, это всего лишь слухи?

– Да, – сказал мужчина. – Слухи.

Йенсен внимательно посмотрел в свою записную книжку, затем спросил:

– А что произошло раньше, до эпидемии?

Мужчина и женщина уставились на Йенсена непонимающим взглядом.

– Ничего, – сказал мужчина. – Я работал.

– Были же всякие беспорядки, волнения. Отложили выборы.

– Я слышал об этом. Но по телевидению ничего об этом не говорили, да и в газетах не было ни слова.

– Ни слова?

– Только сообщили, что выборы откладываются, так как враждебные обществу элементы непременно хотят их сорвать.

– Вам приходилось встречаться с этими враждебными элементами на работе?

Мужчина пожал плечами.

– Откуда мне знать? Полиция, правда, арестовала несколько человек.

– Какая полиция?

– Не знаю. Говорили, будто тайная полиция.

– У нас нет тайной полиции.

– Ах, вот как? Нет тайной полиции?

– Нет. Сколько человек было арестовано?

– Всего несколько человек. И еще несколько скрылись сами.

– Куда?

– Не знаю.

– А вы интересуетесь политикой?

– Нет.

– Вы голосуете на выборах?

– За всеобщее взаимопонимание? Конечно.

Женщина беспокожно зашевелилась.

– Это неправда, – сказала она тихо.

Мужчина посмотрел на нее с несчастным видом.

– Ну, если говорить откровенно, раньше голосовали, а теперь уже не голосуем. Но ведь это не преступление, верно?

– Нет.

Мужчина пожал плечами.

– Зачем голосовать, – сказал он. – Все равно никто ничего не понимает.

Йенсен закрыл записную книжку.

– Итак, вы сами никаких беспорядков не замечали?

– Нет, я только слышал, что говорили другие.

– А о чем они говорили?

– Что многим социалисты стали поперек горла. Участников демонстрации избили.

– Когда это случилось?

– Во время одной из демонстраций, наверно. И подолом.

Йенсен положил в карман блокнот и ручку.

– Вы не знаете, кто разбил витрину в магазине напротив?

– Знаю. Те, кто приезжал за детьми. Они вошли в магазин и погрузили в автобус массу разных вещей и продуктов.

Мальчик пробормотал что-то непонятное. Женщина попыталась его унять.

– Что он хочет? – спросил Йенсен.

– Он спрашивает, есть ли у дяди полицейского «бабах», покраснела женщина. – Он имеет в виду пистолет.

– Нет, у меня нет пистолета.

Йенсен посмотрел на открытый пакет с конфетами, который мальчик по-прежнему держал в руке, и строго сказал:

– Когда положение нормализуется, не забудьте заплатить за конфеты.

Мужчина кивнул.

– Иначе у вас могут быть неприятности.

С этими словами Йенсен направился к двери. Женщина последовала за ним и неуверенно спросила:

– А когда положение нормализуется?

– Этого я не знаю. Пожалуй, вам лучше пока не выходить на улицу. До свидания.

Они промолчали.

Комиссар Йенсен вышел на лестницу и осторожно прикрыл за собой дверь.

15

По дороге к шестнадцатому полицейскому участку ему не встретилось ничего заслуживающего внимания. Улицы в центре города опустели, сам центр словно вымер. Магазины были закрыты, на дверях висели замки; не работали и сверкающие хромом столовые, где раньше частный синдикат общественного питания по контракту с Министерством здравоохранения продавал основанные на научном принципе, но малосъедобные стандартные блюда. Единственно, в чем выражалась забота и внимание к потребителю, были названия столовых: почти все они назывались «Кулинарным раем», но встречались и такие названия, как «Лакомый кусочек», «Мечта повара», «Ешь и наслаждайся» и так далее. В витринах лежали пластмассовые муляжи, повсюду — и в витринах, и в самих помещениях — висели плакаты, распространяемые Министерством здравоохранения и синдикатом. В основном это были напоминания вроде: «Хорошенько пережевывай пищу, но не занимай места напрасно. Тебя ждут другие». В этих призывах были отражены интересы обеих сторон. Во время болезни Йенсен редко посещал подобные заведения. Но он знал, что пища для этих столовых готовилась централизованно и упаковывалась по порциям. Несколько лет назад рационализация зашла столь далеко, что во всех столовых и ресторанах синдиката ежедневно продавали только одно

блюдо, и это считалось прогрессом, ибо вело к значительной экономии, другими словами, росту прибылей. Стандартные блюда, предназначенные для массового потребления, составлялись экспертами Министерства здравоохранения. Типичный обед состоял из трех ломтиков холодного мясного фарша, двух печеных луковиц, пяти вареных картофелин, листика салата, половинки помидора, трети литра пастеризованного молока, густого мучного соуса, порции витаминизированного маргарина, кусочка плавленого сыра, кружки черного кофе и пирожного. На следующий день продавали то же самое, только мясо заменяли рыбой. Пища подавалась в гигиенических пластмассовых пакетах. Постепенно гигантский синдикат поглотил все остальные предприятия общественного питания.

Специалисты, занимающиеся вопросами общественной солидарности, уже давно пришли к выводу, что, если сотни тысяч людей изо дня в день в одно и то же время едят одну и ту же пищу, у них вырабатывается чувство солидарности и уверенности в будущем. Владельцы общественно необходимых предприятий жили за границей, у южных морей. Время от времени в журналах появлялись посвященные им репортажи и фотографии. И тогда читатели получали возможность увидеть их – на яхтах или на фоне белоснежных мраморных балюстрад с пальмами и песчаными пляжами на заднем плане.

То тут, то там Йенсену попадались автомобили, а на оживленных некогда перекрестках стояли, как и на аэродроме, покинутые танки и бронетранспортеры. Кое-где в зданиях были разбиты стекла, а стены, как оспой, испещ-

рены следами пуль. Но разрушений или серьезных повреждений нигде не было видно. Йенсен также не заметил ни трупов, ни живых людей. Навстречу ему не попалось ни одной санитарной или какой-либо другой машины, и только когда он проезжал мимо здания муниципалитета, по шоссе № 7 проследовала колонна грузовиков с грузом, покрытым брезентом. Судя по всему, она направлялась к Центральному налоговому управлению. Колонну никто не сопровождал.

Минут через пятнадцать Йенсен подъехал к зданию шестнадцатого полицейского участка. Свернул в ворота и увидел свой служебный автомобиль на отведенном для комиссара месте, хотя он и не был поставлен так аккуратно, как это привык делать сам Йенсен. Он заметил, что дверцы не заперты и ключ зажигания вставлен в замок. Йенсен покачал головой. Он всегда считал, что начальник гражданских патрулей небрежен в своих действиях. Его рапорты также оставляли желать много лучшего; чаще всего им недоставало точности, они были переполнены второстепенными деталями. Йенсену никогда не пришлось бы в голову рекомендовать начальника гражданских патрулей на более ответственный пост.

Двери полицейского участка также оказались открытыми. Просторное помещение для патрульных на первом этаже было пусто, и ничто не указывало на то, что в здании вообще были люди, живые или мертвые. Йенсен осмотрелся и неторопливо направился по винтовой лестнице к своему служебному кабинету. Войдя в знакомую комнату, он снял плащ, аккуратно повесил его на вешалку и впервые за три месяца сел за свой письменный стол. По-

смотрел на электрические стенные часы. Они стояли, впервые за пятнадцать лет.

При виде беспорядка, царившего на столе, Йенсен почувствовал раздражение. Ручки и бумаги были разбросаны как попало. Он выдвинул ящики стола и увидел, что и там картина не лучше. Йенсену понадобилось не менее четверти часа, чтобы хоть немного прибраться. После этого он подошел к сейфу, достал дневник, который обязан был вести его заместитель, положил толстую тетрадь в картонном переплете на стол и начал читать. Он раскрыл дневник в том месте, где в свое время сделал последнюю запись:

10.00. ПЕРЕДАЛ КОМАНДОВАНИЕ.

Ниже почерком его заместителя было написано:

39 ЧЕЛОВЕК ИЗ 43 АРЕСТОВАНЫ. ГРАЖДАНСКИЙ ИЗ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАБРАЛ ИХ ДЛЯ ДОПРОСА. ПО-ВИДИМОМУ, ЙЕНСЕН ЧТО-ТО НАПУТАЛ. ПРАВДА, ОН БОЛЕН.

Запись, типичная для человека, не умеющего четко выражать свои мысли. Йенсен поморщился – не из-за невежливого замечания, а скорее из-за неясных и неточных выражений.

Он продолжал читать. В течение следующей недели записи касались только количества задержанных пьяниц и процента «неожиданных» смертей. Например:

48 НАРУШИТЕЛЕЙ ЗАКОНА О ПОТРЕБЛЕНИИ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ЗА ВЕЧЕР. ДВОЕ ИЗ НИХ ПОКОНЧИЛИ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ.

Очевидно, заместитель и сам заметил неудачную формулировку, так как он вычеркнул слова «покончили жизнь самоубийством» и написал:

НЕОЖИДАННО СКОНЧАЛИСЬ ПРИ АРЕСТЕ.

Еще через день:

ВСЕ ЕЩЕ НЕ ПРИСЛАЛИ НОВОГО ВРАЧА. НЕ-ПРИЯТНО.

Йенсен просмотрел еще несколько страниц и наткнулся на совершенно неуместную запись:

СЕГОДНЯ ПРИБЫЛ НОВЫЙ ВРАЧ. УЗНАЛ, ЧТО ЙЕНСЕН УМИРАЕТ И ЧТО КРЕМАЦИЯ СОСТОИТСЯ НА МЕСТЕ. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЧИТАЕТ, ЧТО ПЕРЕВОЗИТЬ ТЕЛО СЮДА НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО. СОБИРАЮТ ДЕНЬГИ НА КРАСИВЫЙ ПЛАСТМАССОВЫЙ ВЕНОК – ВЫГЛЯДИТ КАК НАТУРАЛЬНЫЙ.

Запись, сделанная в субботу 21 сентября, резко отличалась от предыдущих:

ВСЕ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ УЧАСТКА МОБИЛИЗОВАН ДЛЯ ОХРАНЫ ДЕМОНСТРАНТОВ ОТ ВОЗМУЩЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. ИНЦИДЕНТОВ НЕ БЫЛО, ОДНАКО АТМОСФЕРА БЫЛА НАПРЯЖЕННОЙ.

Еще через неделю:

СНОВА СТЫЧКИ С ДЕМОНСТРАНТАМИ. ГОРАЗДО ХУЖЕ, ЧЕМ В ПЕРВЫЙ РАЗ, НО МЫ СНОВА СПРАВИЛИСЬ С ПОЛОЖЕНИЕМ. ПРИВЛЕЧЕНО МНОГО ПОЛИЦЕЙСКИХ ИЗ ДРУГИХ УЧАСТКОВ. МНОГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ НЕДОВОЛЬНЫ – ИМ ПРОТИВ ИХ ВОЛИ ПРИХОДИТСЯ ЗАЩИЩАТЬ ДЕМОНСТРАНТОВ ОТ СПРАВЕДЛИВОГО ГНЕВА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

3 октября заместитель записал:

СЕРЬЕЗНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ С

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ. МОБИЛИЗОВАН ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧАСТКОВ ВОКРУГ ГОРОДА.

Неделю спустя:

НАСТОЯЩАЯ СВАЛКА У ЗДАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА И НЕСКОЛЬКИХ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ПОСОЛЬСТВ. ПОЛИЦИИ ТРУДНО КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ. МНОГИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ДЕЙСТВУЮТ НАПЕРЕКОР СВОИМ УБЕЖДЕНИЯМ.

Через несколько дней:

НАКОНЕЦ-ТО МЫ ПОЛУЧИЛИ ПРИКАЗ НОСИТЬ ОРУЖИЕ И ПРИНИМАТЬ ЖЕСТКИЕ МЕРЫ;

Запись от 21 октября была, очевидно, сделана в спешке и сформулирована недостаточно ясно:

ВЫБОРЫ ОТЛОЖЕНЫ, ПОРЯДКА БОЛЬШЕ НЕТ. СОЦИАЛИСТЫ НЕ РЕШАЮТСЯ НАПАДАТЬ НА ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ПОСОЛЬСТВА. ВМЕСТО ЭТОГО ЛОЯЛЬНЫЕ ГРАЖДАНЕ ОСАЖДАЮТ ЗДАНИЯ ПОСОЛЬСТВ ВРАЖДЕБНЫХ ГОСУДАРСТВ. МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ЗАЩИТИТЬ ИХ, ДА И НИКТО ИЗ ПОЛИЦЕЙСКИХ НЕ ИМЕЕТ ТАКОГО ЖЕЛАНИЯ. ГОВОРЯТ, ПЕРСОНАЛ ПОСОЛЬСТВ УЕЗЖАЕТ.

Йенсен продолжал читать.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЗАДЕРЖАНО ТОЛЬКО ДВОЕ ПЬЯНИЦ. У НАС НЕТ ДЛЯ НИХ ВРЕМЕНИ.

ИЗ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ ПРИСЛАЛИ ДЛИННЫЙ СПИСОК НА АРЕСТ. 125 ЧЕЛОВЕК. ЗАДЕРЖАНО 86. ОСТАЛЬНЫЕ, ОЧЕВИДНО, СКРЫЛИСЬ.

НОВЫЙ СПИСОК НА АРЕСТ ИЗ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ. ПОПЫТАЛСЯ ОТЫСКАТЬ НАЧАЛЬНИКА

ПОЛИЦИИ. ОН ЗА ГРАНИЦЕЙ. БОЛЬШИНСТВО ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТОЖЕ. ТРУДНО ПОЛУЧИТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЕ УКАЗАНИЯ.

Эта запись была датирована 30 октября. На следующий день появилась новая запись:

С СЕГОДНЯШНЕГО УТРА В ГОРОД ВВОДЯТСЯ ВОЙСКА. ТАНКИ, БРОНЕМАШИНЫ И ТОМУ ПОДОБНОЕ. ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ, ЧТО ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ ГОТОВЯТ В СУББОТУ ПЕРЕВОРОТ – ОБ ЭТОМ ПИСАЛИ В ГАЗЕТАХ И ПЕРЕДАВАЛИ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ. ДУХ ПОЛИЦЕЙСКИХ НЕБЫВАЛО ВЫСОК. ВСЕ ГОРЯТ ЖЕЛАНИЕМ ПОКОНЧИТЬ С СОЦИАЛИСТАМИ РАЗ И НАВСЕГДА.

Далее шло совершенно непонятное замечание:

КАК ЖАЛЬ, ЧТО СТАРЫЙ Й. НЕ С НАМИ! НАДЕЮСЬ, ЕМУ ХОРОШО НА НЕБЕСАХ!

Йенсен недовольно поморщился. Но продолжал читать о критических событиях в субботу:

КРАСНОЕ ГНЕЗДО РАЗГРОМЛЕНО НАМИ И ВОЕННЫМИ. МНОГИЕ ЧЕСТНЫЕ ГРАЖДАНЕ ОКАЗЫВАЛИ ПОМОЩЬ. КАКОЙ ДЕНЬ!

Через два дня:

СЕГОДНЯ В УЧАСТОК ЯВИЛИСЬ ДВА МЕРЗАВЦА-СОЦИАЛИСТА И ИМЕЛИ НАГЛОСТЬ ПРОСИТЬ О ЗАЩИТЕ! ПОЛУЧИЛИ ПО ЗАСЛУГАМ.

Запись от 12 ноября свидетельствовала о том, что для полицейских положение стабилизировалось:

ВСЕ ПРИХОДИТ В НОРМУ. ВОЕННЫЕ ПОПРЕЖНЕМУ В ГОРОДЕ, НО МЫ СНОВА МОЖЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ПЬЯНИЦАМИ.

Однако через день появился первый тревожный сигнал:

ВСПЫХНУЛА КАКАЯ-ТО ЭПИДЕМИЯ, ПОЛИЦЕЙСКИЕ АВТОМОБИЛИ ИСПОЛЬЗУЮТ В КАЧЕСТВЕ САНИТАРНЫХ МАШИН.

Затем последовало подтверждение:

В ГОРОДЕ ТЯЖЕЛОЕ ИНФЕКЦИОННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ. ОКОЛО ТРИДЦАТИ ПРОЦЕНТОВ ЛИЧНОГО СОСТАВА УЧАСТКА ВЫБЫЛО ИЗ СТРОЯ. МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ ВСТРЕВОЖЕН.

После этого в течение недели не было никаких записей. И новая:

БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ ЛИЧНОГО СОСТАВА БОЛЬНЫ МНОГИЕ УМЕРЛИ. ВСЕ АВТОМОБИЛИ ИСПОЛЬЗУЮТ ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ БОЛЬНЫХ И УМЕРШИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЕ НАЛОГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ДОНОРОВ – В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ.

Через три дня:

БОЛЕЗНЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЗАРАЗНА. ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ПЛОХО. ЛИЧНОГО СОСТАВА НЕ ХВАТАЕТ НЕСМОТРЯ НА ПОМОЩЬ ВОЕННЫХ.

Далее шло всего три записи. Они были сделаны другим почерком и не подписаны:

ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 НОЯБРЯ. ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ КОМИССАРА УМЕР СЕГОДНЯ. КРЕМАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНА НЕМЕДЛЕННО. СРЕДА, 27 НОЯБРЯ. ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ. СУББОТА, 30 НОЯБРЯ. ВСЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ, НАХОДЯЩИЕСЯ В СТРОЮ, А ТАКЖЕ ВОЕННЫЕ ПОДЧИНЕНЫ МЕДИЦИНСКИМ ВЛАСТЯМ. ДОЛОЖИЛ ГЛАВНОМУ ВРАЧУ.

Последняя запись была сделана четыре дня назад. Больше в дневнике никто не писал.

Комиссар Йенсен внимательно перечитал дневник. Затем взял шариковую ручку и аккуратно записал:

СРЕДА, 4 ДЕКАБРЯ. 10.30. ПРИНЯЛ КОМАНДОВАНИЕ. УЧАСТОК ПОКИНУТ. Й-Н.

Закрыл дневник и положил его на место. Когда он снова сел за стол, ему показалось, что откуда-то, кажется из подвала, донесся слабый шум.

16

Комиссар Йенсен спустился по винтовой лестнице, пересек помещение для патрульных, открыл стальную дверь и спустился в подвал. Недавно отстроенное помещение для арестованных было выкрашено в белый цвет, решетчатые двери сверкали никелем. Несмотря на пасмурную погоду и отсутствие искусственного освещения, в помещении было светлее, чем можно было ожидать. Большинство камер пустовало, однако две двери были заперты. Он заглянул в один глазок. На нарах под закрытым решеткой окном (окно находилось под самым потолком) лежала обнаженная женщина. Ее одежда была небрежно брошена на пол. Женщина лежала на спине, и Йенсену было достаточно одного взгляда, чтобы определить, что она мертва и, по всей вероятности, умерла несколько дней назад. Ее кожа поражала неестественной белизной, глаза широко открыты. Женщина была совсем молодая. Светловолосая, с невыразительными чертами лица. Волосы под мышками и на лобке были выбриты. Если не считать удивительной

бледности, смерть почти не изменила ее внешности. Очевидно, холод в неотапливаемом подвале задержал процесс разложения.

Йенсен не стал отпирать дверь, чтобы посмотреть на нее поближе, а направился ко второй запертой камере в конце коридора. И здесь на нарах лежал человек. Это был мужчина, и он был жив. Он лежал лицом к стене, закутавшись с головой в серое казенное одеяло. Казалось, он никак не мог согреться. В камере нестерпимо пахло мочой и экскрементами. Несколько мгновений Йенсен стоял не двигаясь и смотрел на лежащего человека. Затем достал связку ключей, отпер дверь и вошел в камеру. Человек повернул голову и взглянул на него. Кожа туго обтягивала кости его лица, налитые кровью глаза гноились. На подбородке и впалых щеках седая щетина.

— Что? — пробормотал он хрипло. — Кто?

— Сколько времени вы здесь находитесь? — спросил Йенсен.

— Четверо или пятеро суток, — сказал мужчина слабым голосом. — Что-то около этого.

— За что вас задержали?

— Как обычно. Алкоголь.

Йенсен кивнул.

— Это мой третий арест.

Три ареста за незаконное употребление спиртного означали немедленное принудительное лечение в больнице для алкоголиков, или, как ее стали недавно называть, платной поликлинике.

— Но наутро за мной никто не пришел. Никто. Если бы не таз с водой для мытья, я умер бы от жажды.

– Вы здесь были все время один?

– Легавые... простите... полицейские вместе со мной привезли девуку. Вы полицейский?

– Да.

– Мне она не казалась пьяной. Во всяком случае, она была не только пьяна. Я, правда, видел ее только при обыске, зато слышал, как она выла и выкрикивала что-то непонятное. Но вот уже дня два ее не слышно.

Йенсен снова кивнул. Затем посмотрел на мужчину и спросил:

– Вы можете идти сами?

– Смогу, наверно. Но я не ел с тех пор, как меня привезли. Только пил эту вонючую воду из таза.

– Следуйте за мной.

Арестованный вылез из-под одеяла и с трудом, покачиваясь, встал на ноги. Йенсен взял его под руку и повел в патрульное помещение. Мужчина был крайне истощен, но это, очевидно, следовало объяснить скорее хроническим алкоголизмом, нежели «курсом лечения голодом», которому он подвергся последние несколько суток.

В столовой по соседству с патрульным помещением Йенсен обнаружил несколько пачек печенья и пакет сухарей. Кроме того, он прихватил три бутылки лимонада и два удостоверения личности, которые нашел в шкафу, куда обычно складывали на ночь личные вещи арестованных.

Он отвел мужчину в свой кабинет и, в то время как тот, осторожно и нерешительно отщипывая кусочки печенья, запивал их лимонадом, принялся внимательно изучать удостоверения.

Женщине было двадцать шесть лет. Незамужняя, по профессии оператор вычислительной машины, работала в Министерстве связи. За пьянство ни разу не арестовывалась, и сейчас причина ареста была иной: нарушение норм приличия.

Мужчине сорок семь лет, по профессии – разнорабочий. Трижды подвергался приводу в полицию; три красные пометки на его удостоверении свидетельствовали о том, что ему действительно предстояло пройти курс лечения. Продолжительность курса с каждым разом увеличивалась на месяц. Первый раз курс лечения занимал один месяц, второй – два, третий – три и т.д. После пяти курсов лечения человека заносили в категорию неизлечимых и оставляли в больнице навсегда. Таков закон.

Йенсен внимательно посмотрел на мужчину, который ел теперь с заметно лучшим аппетитом. Когда первая пачка печенья исчезла, арестованный нерешительно спросил:

– Скажите...

– Я вас слушаю.

– Не найдется ли у вас случайно немного спирта?

Обычно в одной из комнат полицейского участка имелось весьма солидное количество спиртных напитков, конфискованных при арестах. Раз в квартал машины государственной монополии объезжали полицейские участки и собирали конфискованные бутылки, чтобы снова пустить их в оборот.

– Правила не разрешают распитие спиртных напитков в помещении полицейского участка, – уклончиво ответил Йенсен.

– Ага. Жаль, хотел согреться.

Йенсен достал из кармана записную книжку и открыл ее на чистой странице.

– Я хотел бы спросить вас кое о чем, – сказал он.

– Да, конечно.

– Вы сказали, что женщина не показалась вам пьяной.

С чего вы это взяли?

– Ну, я только слышал ее плач и крики. По-моему, она была больной или ненормальной.

– Вы слышали, что она кричала?

– Да, временами. Она кричала, что все вокруг красное, что камера наполнена красным туманом.

– Что еще?

– Всякие неприличные вещи.

– Какие неприличные вещи?

– Самые разные. Кричала, что одежда ее душит. Что она свободна и не может ограничивать зов своей плоти. И тому подобное. Потом плакала и выла, точно зверь. Но последние два дня я не слышал ни звука из ее камеры. Может, даже три дня. Мне трудно судить.

– При каких обстоятельствах вас задержала полиция?

– Совершенно случайно.

– Каким образом?

– Я был пьян в стельку. Пил беспробудно несколько недель подряд. И вот споткнулся в подъезде, упал и за-
снул.

– Прямо в подъезде?

– Да. По крайней мере, я лежал в подъезде, когда лег-
га... когда полицейский в форме разбудил меня и доставил
в участок.

– Кто вас обыскивал?

– Тот же полицейский. Других я не видел. Я думал, на следующее утро придет автобус и отвезет меня в вытрезвилку, но никто не пришел. Больше я никого не видел. До тех пор, покуда вы не появились и не выпустили меня.

– Когда вы впервые увидели женщину?

– Полицейский, который задержал меня, арестовал и ее.

– Почему?

– Не знаю. Мне она не показалась пьяной.

– Да, вы уже говорили.

– По-моему, она просто сумасшедшая. Спятила. Она кричала, ругала полицейского и требовала, чтобы он ее отпустил и лучше занялся сбродом.

– Каким сбродом?

– Не знаю. Затем она подняла подол и показала... Ну, да вы понимаете, о чем я говорю.

– А как вел себя при этом полицейский?

– О, он был очень спокоен. Сказал, что у него много дел, что он позаботится о том, чтобы меня захватили и отвезли в вытрезвилку. И еще сказал, что пришлет доктора осмотреть девку. Но никто так и не пришел. Во всяком случае, я никого не видел. Затем он ушел. Торопился в госпиталь. Он хотел сразу же вернуться и не вернулся. И никто не пришел. Если бы не вода в тазу для мытья... Послушайте, у вас, правда, нет спиртного?

Йенсен промолчал.

– Здесь холодно, – сказал пьянчужка. – Никак не согреюсь.

– Вы получите бутерброды и несколько одеял. Еще один вопрос.

– Ну, что еще?

– Как по-вашему, что это было за время, до того как вас задержали?

– Хорошее время.

– Что значит «хорошее время»?

– А то, что я сказал. Еще никогда не было так хорошо, как последние два месяца.

– В каком отношении?

– Да во всех. Понимаете, я люблю выпить. Раньше я работал автомехаником. У меня нет постоянного места жительства, я ночевал то здесь, то там. И вечно боялся полиции. Вечно пытался скрыться, чтобы меня не задержали и не отправили в вытрезвилку.

Мужчина замолчал, затем пробормотал себе под нос:

– Ну, на этот раз меня загонят на четыре месяца.

– Так почему же вам было хорошо?

– Наконец-то перестали обращать внимание на нас, пьяниц. Полиция смотрела на все сквозь пальцы. У нее была куча других забот. Каждый день били людей с плакатами и лозунгами. Это связано с политикой. В городе полно военных. Стреляют и тому подобное.

– Но ведь выборы были отложены?

– Какие выборы?

– Выборы правительства. Демократические выборы.

– Ах, это... Простых людей это не касается. Сам я, к примеру, никогда не голосую. Политика – это для тех, кто понимает, о чем там идет речь. Определяют и всякое такое. Ну, так вот...

– Я вас слушаю.

– Сразу после этого все прекратили работать. Началась заразная болезнь. Говорят, люди от нее мрут как мухи.

– А вы сами не боитесь заболеть?

– А-а, все равно умирать, рано или поздно.

– Итак, вы не знаете, что произошло?

– Не имею понятия. Знаю только, что на улицах становилось все меньше народу, фонари погасли. Сам-то я большую часть времени был пьян в стельку. Жаль вот, что я упал и заснул прямо в подъезде полицейского участка.

– Читать умеете?

– А как же. Этому нас учили в школе. Но...

– Да?

– Беда в том, что я никогда не читаю. Ведь в газетах пишут только то, что тебя не касается. Непонятное.

Наступило непродолжительное молчание. Затем мужчина спросил:

– А эта болезнь уже кончилась?

– Не думаю.

– Надо же...

– Судя по вашему удостоверению, вы провели здесь пять суток. За это время вы слышали или видели еще кого-нибудь? Не считая женщины в восьмой камере.

На мгновение мужчина заколебался.

– Д-да. Вчера.

– Кто это был?

– Я не видел. Но я слышал, как во двор въехал автомобиль. Судя по мотору, джип. Я-то разбираюсь – раньше был автомехаником... до того, как стал вот таким. Могу узнать мотор по звуку. Так вот, по-моему, это был джип.

– Дальше.

– Кто-то вышел из машины. Один. Это было слышно по шагам. В подвал он не спускался, а поднялся наверх, на второй этаж.

– Вы уверены, что это был мужчина?

– Мне так показалось.

– Продолжайте.

– Я попробовал кричать, но у меня пропал голос, через несколько минут он уехал.

– Больше вы ничего не слышали?

– Ничего.

Йенсен закрыл блокнот и положил в карман, собрал сухари, взял две бутылки лимонада и печенье и отвел мужчину в подвал. Принес два одеяла, ночной горшок, кувшин с водой и поставил все это в чистой камере, после чего запер дверь.

– Значит, не дадите мне выпить? – спросил мужчина.

– Не дам. Я постараюсь сделать так, чтобы вас доставили в лечебницу как можно скорее.

Йенсен вернулся в свой кабинет, сел за стол и не торопясь прочитал все записи, которые ему удалось сделать. Примерно через час он услышал шум мотора и подошел к окну.

В ворота въехал маленький джип с парусиновым верхом. Он остановился так близко к стене, что Йенсен не мог разглядеть, кто вышел из машины.

17

Сидя за письменным столом в своем кабинете, комиссар Йенсен прислушивался.

Человек, вышедший из джипа, не пытался прятаться или скрывать свои намерения. Его шаги гулко прозвучали по патрульному помещению, потом по лестнице. Через

несколько секунд посетитель прошел по коридору мимо кабинета Йенсена. Судя по прерывистому дыханию, он нес что-то тяжелое. Где-то рядом открылась и снова захлопнулась дверь. По мнению Йенсена, незнакомец вошел в помещение радиоцентра.

Йенсен подождал несколько минут и снова прислушался. Ему казалось, что он различает едва слышные звуки – будто в радиоцентре включали аппаратуру.

Тогда он встал, вышел из кабинета и прошел несколько метров, отделявших его от радиокомнаты. Прежде чем войти, осторожно постучал в дверь.

Наклонившись над радиоаппаратурой, стоял человек. Рядом с ним на полу, похожие на большие батареи от автомобиля, стояли два аккумулятора в деревянных коробках. Человек повернулся и посмотрел в сторону двери. Йенсен сразу узнал его. Это был рыжеволосый полицейский врач.

Он был одет в зеленый комбинезон и резиновые сапоги. Через левое плечо висел автомат, направленный дулом вниз, к полу.

– Вот как, – медленно проговорил он. – Йенсен. А я – то подумал, откуда взялся автомобиль во дворе. Вчера его не было. Итак, вы выкарабкались.

– Как видите. Чем вы занимаетесь?

– Хотел запустить этот аппарат, – ничуть не смущаясь, сказал врач. – А вы чем занимаетесь?

– Пытаюсь выяснить, что здесь произошло.

– Это не так просто.

Полицейский врач задумчиво покачал головой и снова наклонился над аппаратурой.

– Итак, вам удалось выкарабкаться, – повторил он. – Признаться, я этого не ожидал. Когда вы вернулись?

Йенсен посмотрел на часы.

– Час назад.

– И пытаетесь выяснить, что здесь произошло?

– Да. И что происходит.

Врач снова покачал головой.

– Это будет не просто, – сказал он. – Как вы проникли в страну?

– На вертолете.

– По заданию правительства?

– В какой-то степени.

Наступила пауза. Затем Йенсен спросил:

– А вам известно, что здесь произошло?

– Отчасти.

– Что именно?

– Нечто ужасное.

– Это мне и самому понятно.

– И, к сожалению, нечто вполне логичное и закономерное. Это длинная история. Очень длинная.

– Рассказывайте, я слушаю.

– Сейчас у меня нет времени. К тому же вы знаете почти столько же, сколько я. Если только дадите себе труд подумать.

– Меня не было здесь более трех месяцев.

– Знаю. За время вашего отсутствия произошло много событий. И все-таки наиболее значительные из них, те, что имели решающее значение, произошли до вашего отъезда. Задолго до вашего отъезда.

На время он замолчал, поглощенный возней с проводами и контактами. Затем поднял голову и спросил:

– Вы что-нибудь понимаете в этой штуке?

– Нет.

– Ну что ж, тогда постараемся сделать все, что можем.

В аппаратуре что-то затрещало. Затем из множества шумов в эфире отчетливо послышался голос:

– Машина двадцать семь. Вы меня слышите?

– Да, да, слышим. В чем дело?

Йенсен узнал голос и равнодушную манеру говорить. Это была женщина, которая разговаривала с санитарями.

– Центральный госпиталь говорит с одной из санитарных машин, – сказал он.

– Ага, вам уже пришлось с ними столкнуться.

– Я беседовал с двумя санитарями, которые ехали в машине «Скорой помощи».

– Жаль, что вы их не прикончили.

– У меня не было оружия. Кроме того, они предъявили свои удостоверения.

– Все равно жаль.

Полицейский врач повернул рычажок громкости, и голоса стали тише. Он задумчиво посмотрел на Йенсена.

– Интересно, много ли вы знаете? – сказал он наконец.

– Очень немного.

– Я тоже всего не знаю. Вернулся только вчера. Я хочу сказать, вернулся сюда, в город. Есть некоторые вещи, которые и мне непонятны.

– А где вы были до этого?

– За городом. В лесу.

– Вы скрывались?

– Да.

– Но ведь вас арестовали?

Врач внимательно посмотрел на Йенсена.

– Нет, меня не арестовали.

Йенсен молчал.

– Благодаря вам, – добавил врач.

– Вы хотите сказать, что вам удалось скрыться?

– Да. Я не спустился по лестнице. Вместо этого я остался за дверью и слышал, как вы позвонили дежурному. Тогда я вылез на крышу и перебрался на крышу соседнего дома. И скрылся.

– В таком случае я вынужден вас арестовать.

Врач покачал головой.

– Послушайте, Йенсен. Полиции больше не существует. Насколько мне известно, вы – единственный полицейский. И, насколько мне известно, в стране больше нет правительства, которое могло бы приказывать вам. Или мне. Нет никого, кто мог бы вновь заставить нас вести себя подобно идиотам.

– Я вас не понимаю.

Врач повернул выключатель на контрольной панели.

– Ну что ж, – сказал он. – По крайней мере аппаратура действует. Она может нам еще пригодиться.

– Вы говорите загадками, – сказал Йенсен.

– Да. И к тому же у меня нет времени. Каждые десять минут недалеко отсюда умирает человек. Умирает совершенно бессмысленно.

– Эпидемия?

Врач кивнул и направился к двери. Но, не дойдя, остановился и повернулся к Йенсену. Глаза его слезились, он был небрит и казался смертельно усталым.

– Йенсен?

— Да?

— У вас есть какой-нибудь канал связи с вашими... начальниками?

— Нет.

— Вы понимаете что-нибудь в политике?

— Не больше любого другого человека.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы помогли мне в одном деле.

— Что вы имеете в виду?

— У меня в машине находится человек. Мужчина. Он очень плох. Было бы хорошо, если бы вы присмотрели за ним до тех пор, пока я не вернусь. Идемте.

Йенсен кивнул и вслед за врачом пошел к джипу.

— Беритесь с той стороны, — сказал врач. — Мне помнится, в комнате рядом с вашим кабинетом стоит диван, правда?

— Да.

— Там мы его и положим.

На вид мужчине было лет тридцать. Он лежал, завернутый в одеяло, на заднем сиденье джипа. Лицо его было бледным, щеки ввалились. Вряд ли он понимал, что с ним происходит. Когда его подняли и понесли к винтовой лестнице, оказалось, что он очень легкий. И только после того, как больного уложили на диван и врач развернул одеяло, Йенсен увидел, что у него нет ног.

— Разве не лучше было бы доставить его в госпиталь?

— Он только что оттуда, — ответил врач.

Йенсен в недоумении посмотрел на него.

— Сейчас он спит, но скоро должен проснуться. Я сделал ему укол. Когда он придет в себя, можете с ним погово-

ворить. Уж ему-то есть что вам рассказать. Психически он совершенно здоров.

Врач пожал плечами.

— Как ни странно. Если хотите, можете допросить его, добавил он с иронией.

— Кто он?

— Мой друг. Если ему будет очень больно, дайте одну из этих вот таблеток. Он заснет и будет спать около часа. Боль на время исчезнет. Боюсь, придется очень часто давать ему таблетки. И пусть как можно больше пьет. Если вам понадобится отлучиться, положите рядом с ним таблетки. И дайте ему что-нибудь почитать.

— А если кто-нибудь придет?

— Сюда никто не придет. В центре города не осталось людей. Пока. Ну, так как, предполагаете продолжить свое так называемое расследование?

Йенсен кивнул.

— В таком случае могу дать вам совет. «Стальной прыжок».

— «Стальной прыжок»?

— Да. Выясните, что это означает. Вы можете спросить кого-нибудь. Или, к примеру, попробовать разузнать об этом в Министерстве внутренних дел или в тайной полиции. Или же у членов правительства.

— У нас нет тайной полиции.

— Да, теперь уже нет. Но несколько недель назад она существовала. А теперь мне нужно идти.

Он взглянул на часы.

— Я вернусь к семи вечера.

— Еще один вопрос, — сказал Йенсен.

– Слушаю.

– В восьмой камере лежит мертвая женщина. Вам следовало бы взглянуть на нее.

– Пожалуй.

Они спустились в подвал. Пьянчужка спал, дрожа под двумя одеялами.

– А что делает здесь этот бедняга? – спросил врач.

– Алкоголик, по третьему разу.

– Почему бы вам не дать ему бутылку водки из конфискованного запаса?

– Это против правил.

– Правил больше не существует. А человек мерзнет.

Они подошли к камере, где лежала мертвая женщина, открыли дверь со стальной решеткой и вошли внутрь. Полицейский врач бегло осмотрел ее, затем провел пальцем по коже живота.

– Эпидемия? – спросил Йенсен.

– Да. Она жертва эпидемии. Смотрите, у нее почти прозрачная кожа. Половые органы неестественно увеличены. Очевидно, последние дни были для нее очень необычными.

– Как называется эта болезнь?

– Этого я не знаю.

Он на мгновение замолчал, затем добавил:

– Ее открыли совсем недавно.

– От нее можно вылечить?

– Нет. Если бы перед самой смертью у этой женщины взяли кровь, ее кровь была бы густой, как сливки.

– И не существует никакой вакцины?

– Никакой.

– А вы не боитесь заразиться?

– Нет.

Полицейский врач внимательно посмотрел на Йенсена.

– Эта болезнь незаразна, – сказал он.

18

Человек на диване зашевелился и открыл глаза. С того момента, как полицейский врач сел в джип и уехал, прошло тридцать пять минут. Йенсен придвинул стул поближе и поймал вопрошающий взгляд больного.

– Вы находитесь в здании шестнадцатого полицейского участка. Меня зовут Йенсен.

Он поднял руку к грудному карману за полицейским значком, но так и не достал его. Вместо этого спросил:

– Хотите пить?

Больной кивнул и провел языком по губам.

– Да, спасибо.

Его голос оказался на удивление молодым и звонким.

– Ваш друг оставил вас здесь, со мной. Он скоро вернется. Вам больно?

Мужчина покачал головой. Йенсен открыл одну из принесенных бутылок лимонада и налил его в пластмассовый стакан. Мужчина дрожащими руками взял стакан и с жадностью начал пить.

– Вы всегда были инвалидом?

– Что? А, вы имеете в виду мои ноги. Нет, недавно.

– Как недавно?

– Точно не знаю. Какой сегодня день?

– Сегодня среда, 4 декабря.

– Ага. Здесь холодно.

Йенсен накрыл его еще одним одеялом.

– Так лучше?

– Да, спасибо. О чем вы меня спрашивали?

– Что с вами произошло?

– Это длинная история. Вы не хуже меня знаете, что случилось.

– Нет, я не знаю.

Больной испытующе посмотрел на Йенсена.

– Кто вы такой?

Йенсен достал свой служебный значок.

– Йенсен. Полицейский комиссар шестнадцатого участка.

– Ненавижу полицию.

– Почему?

– И вы еще спрашиваете. Что вы намерены со мной сделать?

– Ничего. Присмотрю за вами, пока не вернется ваш друг.

Мужчина, казалось, все еще не пришел в себя.

– Четвертое декабря, – прошептал он. – Значит, прошло уже больше месяца.

– После чего?

– После 2 ноября.

– А что было 2 ноября?

– Разве вы не помните? Вы что, спятили?

– Я был в отъезде. Вернулся только вчера.

– Не верю. Вы пытаетесь меня обмануть.

Мужчина отвернулся к стене.

– Зачем мне обманывать вас? – спросил Йенсен.

Больной не ответил, и Йенсен не настаивал. На улице дождь перешел в снегопад. Большие мокрые хлопья залепили окно. Через некоторое время мужчина произнес:

— Конечно, вы правы. Зачем вам меня обманывать?

Снова наступила тишина.

— Что вы хотите узнать?

— Я пытаюсь выяснить, что здесь произошло.

— Я знаю только то, что произошло лично со мной.

После короткой паузы он добавил:

— И с людьми, которых я знаю.

Несколько секунд Йенсен молчал. Затем спросил:

— Вы знаете полицейского врача шестнадцатого участка?

— Да.

— Давно?

— Несколько лет. Лет пять-шесть.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с ним?

— Мы были членами одного клуба. Или союза, если хотите.

— Какого союза?

— Политического союза нашего района.

— Коммунистическая организация?

— Скорее социалистическая. По крайней мере, так мы себя называли.

Мужчина повернул голову.

— Это не запрещается законом, — сказал он внезапно. — Политические клубы не запрещаются законом.

— Я знаю.

— Демонстрации также разрешены законом.

— Конечно. Разве кто-нибудь утверждает обратное?

– Нет. Но тем не менее...

Он запнулся и посмотрел в глаза Йенсену.

– Вы в самом деле не принимали участия в событиях 2 ноября?

– Не принимал. Чем вы занимались в этом своем политическом союзе?

– Обсуждали различные вопросы.

– И к какому же выводу пришли?

– Мы пришли к выводу, что существующая в нашей стране общественная система ни к черту не годятся. Ее нужно уничтожить.

– Почему?

– Потому что так называемое государство «всеобщего взаимопонимания» всегда было не чем иным, как блефом. Оно было создано только потому, что прежнее социалистическое движение потеряло контроль над рабочим классом и трудящимися. И тогда социал-демократы продали своих избирателей, целиком и полностью, буржуазии. Они вошли в эту великую коалицию, иначе называемую всеобщим взаимопониманием, только для того, чтобы сохранить власть в руках горстки людей. Они предали социализм, изменили программу собственной партии и отдали страну на милость империализма и частного капитала.

– Вы вряд ли помните это время, – осторожно заметил Йенсен. – Сколько вам лет?

– Тридцать. Но я изучал эти вопросы долго и основательно. Для того чтобы не допустить торжества социализма в нашей стране, социал-демократическая партия и руководство профсоюзами предали свои идеологические принципы. Тогдашние лидеры столько времени находи-

лись у власти, что они уже не могли заставить себя расстаться с ней. А кроме того, они узнали, что можно управлять рабочим движением с помощью буржуазно-плутократических методов с целью извлечения экономических выгод для себя, для избранных. Основным принцип нашего так называемого «всеобщего взаимопонимания» состоит в том, что все должно оправдывать себя экономически. Именно поэтому и была создана эта видимость народного правительства, а его подлинная сущность скрыта за дымовой завесой стандартных фраз о росте благосостояния, взаимопонимания и уверенности в завтрашнем дне, за непрерывными заверениями, что жизнь с каждым днем становится все лучше.

— Она действительно становилась лучше, — заметил Йенсен.

— Да, в материальном отношении и к тому же временно. Человек был обеспечен физически, но ограблен духовно. Политика и общество стали для него чем-то абстрактным, что не имеет к нему никакого отношения. И для того чтобы убедить в этом людей, на них с помощью газет, радио и телевидения лили непрерывный поток лжи, прошедший к тому же сквозь сито цензуры. Дело дошло до того, что почти весь народ потерял человеческий облик; люди только и знали, что у них есть автомобиль, квартира, телевизор. И они были глубоко несчастны. Многие предпочитали покончить жизнь самоубийством или жить в беспробудном пьянстве, чем продолжать так жить и работать.

— По-вашему, вы тоже потеряли человеческий облик?

— Я сказал — почти весь народ. Оставались группы по-

литически сознательных людей, число которых, после того как однажды их влияние почти совсем упало, снова начало расти. Люди стали понимать: то, что так называемые теоретики государства «всеобщего взаимопонимания», называли «всеобщим благополучием» и «мирной революцией» является не чем иным, как преступной попыткой заставить народ поверить в полную бессмысленность существования. Просто удивительно, как этого не увидели еще много лет назад. Нужно было только оглянуться вокруг. Стало бессмысленно работать, бессмысленно учиться разве что несколькими простым техническим приемам. Даже физиологическая сторона жизни, такая, как необходимость есть, любить, рожать детей, потеряла смысл.

– Не вы открыли это, – сказал Йенсен.

– Нет, не я. В основном я цитирую то, что было сказано и написано другими. Но я понимаю их и вижу, что у нас плохо.

– Давайте обратимся к фактам, – сказал Йенсен. – Чем еще вы занимались в своем политическом клубе? Организовывали демонстрации?

– Да.

– Чего вы с их помощью хотели добиться?

– Мы стремились раскрыть глаза народу, помочь людям понять свое положение и уничтожить систему «всеобщего взаимопонимания». Только после ее уничтожения можно будет взяться за основных врагов.

– Кого вы имеете в виду?

– Социал-демократов, которые предали рабочее движение и продались капиталистам. И, разумеется, саму капиталистическую систему.

– И чего же вы добились?

– Нас было не так много, но наши ряды непрерывно росли. Сначала демонстрациями интересовалась только полиция. Основная масса народа была, как мы и ожидали, равнодушна к нашим действиям. Люди отупели от непрерывной пропаганды и не проявляли никакого интереса к общественной жизни. Постепенно полиция также перестала чинить нам препятствия, очевидно, по приказу свыше. Мы истолковывали это...

– Интересно, как?

– Мы сочли это положительным явлением. Мы полагали, что те, в чьих руках сосредоточена власть, испугались и решили любой ценой отвлечь внимание народа от нашей деятельности. И это им удалось, так как подавляющее большинство людей все еще оставалось пассивным, хотя, как я уже сказал, нас становилось все больше и наши демонстрации учащались. Людей только раздражало, что мы мешаем уличному движению. Однако полиция скоро начала помогать нам и в этом: она направляла демонстрантов так, чтобы они скорее и беспрепятственно добивались до своей цели. Мы также истолковали это как признак нашей растущей силы. Нам казалось, что правительство делает все возможное, чтобы не беспокоить народ, не нарушать мира его грез, основанных на материальном благополучии.

– Удалось вам добиться успехов на выборах?

– До некоторой степени.

– Что вы имеете в виду?

– За нас голосовало не так много, зато все больше избирателей вообще отказывалось принимать участие в го-

лосовании. Одно это свидетельствовало о том, что одновременно с недовольством угнетенных росло отвращение к политике. Значит, мы на правильном пути. Правда, большинство по-прежнему голосовало за систему «всеобщего взаимопонимания».

– Почему?

– В силу привычки. Они или их родители привыкли голосовать за социал-демократов или за буржуазные партии. Мы не имели средств широкой пропаганды. Но мы продолжали пашу работу, мы кричали правду глухим, до тех пор пока...

– Пока?

– До тех пор пока все внезапно не изменилось.

– Когда это произошло?

– В середине сентября.

– Что изменилось?

– Не знаю. Возможно, люди... Впервые я заметил это 21 сентября.

– Что произошло в этот день?

– Попробую рассказать...

Внезапно лицо его исказила гримаса боли.

– Вам больно?

– Да, ноги...

Он застонал, забился в конвульсиях. Йенсен взял пробирку, оставленную врачом, и вытряхнул из нее белую таблетку. Налил лимонада в стакан.

– Проглотите.

Он подsunул правую ладонь под затылок больного и осторожно приподнял его голову, чтобы тот мог проглотить таблетку. Неожиданно он вспомнил медсестру там, в чужой больнице, и то, как однажды увидел ее плачущей.

Не прошло и двух минут, как больной заснул.

Комиссар Йенсен неподвижно сидел рядом и бесстрастно смотрел на него.

19

Примерно через час человек на диване проснулся. Он открыл глаза и посмотрел на Йенсена, не узнавая его. Но вскоре взгляд его прояснился.

— Ну да, — сказал он, — вспомнил.

— Вам больше не больно?

— Нет. Теперь все в порядке. Спасибо.

Голос больного звучал хрипло, будто у него пересохло в горле. Йенсен налил в стакан лимонада и поднес ко рту больного. Несколькими жадными глотками тот осушил стакан.

— Продолжим нашу беседу. Мы говорили о вашей политической деятельности.

— Да, помню.

— Вы разъяснили свою позицию.

— Да. Теперь вы понимаете, что мы были правы?

— Нет, но меня больше интересует, что произошло дальше.

— Ничего не произошло.

— Что было в сентябре?

— А-а, вот вы о чем.

Он на мгновение замолчал. Затем, не сводя глаз с Йенсена, сказал:

— Я не могу объяснить, что произошло. Я этого не понимаю.

– Но вы знаете, что произошло лично с вами.

– Я знаю, что произошло со многими из нас.

Он снова замолчал.

– Но я не могу этого объяснить, – сказал он.

– Тогда давайте придерживаться фактов. Самых обычных фактов, – невозмутимо произнес Йенсен.

– Самых обычных фактов не существует.

– Например, кем вы работали?

– Я социолог. Занимался исследованием проблем алкоголизма.

– Это была сложная работа?

– Да, очень.

– И напряженная?

– Физически – нет. Я был всего лишь одним из тех, кто занимался статистикой. Мы сопоставляли данные, которые получали из магазинов, полиции и больниц, где лечили алкоголиков. Сама по себе работа нетрудная.

– Ответственная?

– Вряд ли. Наши статистические таблицы шли дальше, в более высокие инстанции, где их обрабатывали. То есть там их внимательно изучали, одну за другой. Когда таблицы попадали наконец к... ну, к тем, для кого они предназначались, они уже были изменены до неузнаваемости. Улучшены, если хотите. Даже мы, делавшие первоначальные расчеты, не могли их узнать.

Он покачал головой.

– Нет, это было нетрудно.

– В чем же тогда заключались трудности? Ведь вы сказали, что это была сложная работа?

– Трудности были морального характера.

– Морального?

– Да. Во-первых, вся система нашей работы противоречила основным принципам статистической науки. Данные, которые мы получали, часто с самого начала были подтасованы. В дальнейшем процесс их подтасовки продолжался совершенно сознательно и почти открыто. Сознание этого факта делало нашу работу почти невыносимой.

– Ваши коллеги разделяли эту точку зрения?

– Немногие. Большинство просто исполняли то, что им поручалось, – как роботы, бездумно и не задавая вопросов. Иными словами, они относились к своей работе точно так же, как почти все остальные в стране.

Мужчина замолчал на мгновение, затем продолжил:

– Но самым невыносимым было то, что вообще приходилось заниматься этим вопросом.

Он посмотрел на Йенсена.

– Вы, как полицейский, несомненно, имели много возможностей заниматься законами об алкоголизме и их применением?

Йенсен кивнул.

– Вождение машины в нетрезвом виде? Появление па улице пьяным? Злоупотребление спиртными напитками дома? Так, кажется, они называются?

– Да.

– Один закон безумнее другого? Множество самоубийств, особенно среди алкоголиков?

– Я присутствовал при многих случаях скоропостижной смерти, – сказал Йенсен.

Больной засмеялся.

– Вот видите, – сказал он. – Так что мне не нужно ничего объяснять.

– Нет, – сказал Йенсен. – Но я хотел бы уточнить, что же казалось вам невыносимым?

– Лицемерие, разумеется. Фальшь. Трусость. Беззастенчивое стремление извлечь прибыль из всего. Вам известна цена на спиртные напитки в нашей стране?

– Да.

– Разве вы не видите причинную связь? Людям нужен алкоголь, одним – для того чтобы продолжать жить, другим – чтобы решиться покончить с жизнью. И вот устанавливаются бешеные цены на спиртное, и в довершение всего потребление алкоголя преследуется законом. К тому же в спиртные напитки добавляют так называемые «отучающие» средства, что в свою очередь бросает людей во мрак депрессии и приводит к еще большему количеству самоубийств.

– Вам следовало бы подбирать выражения.

Комиссар сделал это замечание машинально, по старой привычке.

– Почему? Вы что, собираетесь привлечь меня к ответственности?

Йенсен почувствовал себя неловко.

– Мы стоим на первом месте в мире по количеству самоубийств на душу населения, а по уровню потребления алкоголя в нашей стране ничуть не уступаем самым прогнившим капиталистическим странам. К тому же у нас самая низкая в мире рождаемость. И поскольку правительство обеспокоено этим обстоятельством и, несомненно, стыдится признаться в собственном бессилии, то оно находит выход во лжи.

– Ну, – напомнил Йенсен, – что же все-таки случилось в сентябре?

– Постойте, я хочу закончить свою мысль. И что делают потом? Потом наказывают рабочего за то, что его вынудили стать алкоголиком, подобно тому как наказывают людей, которых вынудили жить в плохих квартирах. Рабочих наказывают и за то, что никто не научил их находить в работе источник радости. Людей даже заставляют отравлять тот самый воздух, которым им затем приходится дышать. И все классы общества вынуждены страдать от этого своеобразного наказания. И только спекулянты, которые имеют возможность жить за границей или покупать себе виллы в лесу или на островах в шхерах, избегают этого наказания. Все это связано одно с другим, произрастает из одного прогнившего корня. Теперь вы понимаете, почему моя работа была для меня невыносимой?

Йенсен не сразу ответил. Уставившись в одну точку, не глядя на человека, лежавшего на диване, он спросил:

– Именно такие идеи вы и выдвигали во время демонстраций?

– Да, в числе многих других. Впрочем, выдвигали – не то слово. Мы не открывали ничего нового. Мы хотели скорее напомнить людям о том, что существует явление, которое им хорошо знакомо, хотя правительство сделало все, чтобы заставить народ забыть о нем.

– Что вы имеете в виду?

– Классовую борьбу. У вас есть еще вода?

Йенсен снова наполнил пластмассовый стаканчик.

– Спасибо. Можно задать вам вопрос?

– Пожалуйста.

– Вы сами пьете?

– Да, – сказал Йенсен. – По крайней мере, раньше пил.

– Ежедневно?

– Да.

– Почему?

– По той же причине, по какой вы принимаете таблетки. Чтобы заглушить боль.

– Это единственная причина?

Йенсен несколько долгих секунд смотрел на лежащего. Наконец он сказал:

– Давайте вернемся к тому, что случилось в сентябре.

– Я не могу этого объяснить. Все изменилось. И все изменились.

– Каким образом изменились вы сами?

– Сам я не изменился. По крайней мере, я этого не заметил. Изменился окружающий мир. Вам это кажется странным?

– Да.

– Это и в самом деле было очень странно.

– Когда вы впервые обратили на это внимание?

– В третью субботу сентября. Двадцать первого числа.

– В какой связи?

– Обычно наши демонстрации происходили по субботам.

– Я знаю.

– Мы руководствовались чисто практическими соображениями: по субботам большинство людей не работает и находится дома. В эту осень мы активизировали свою деятельность в связи с предвыборной кампанией. Конечно, мы не надеялись достичь значительных успехов. Про-

пагандистская машина коалиционных партий работала на полных оборотах всю весну и лето. В их распоряжении были все средства. У нас же не было ничего. О победе на выборах и речи быть не могло, но нам было известно...

Он вздрогнул и прислушался. Его взгляд метнулся к двери.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Йенсен. – Это всего лишь алкоголик, который шумит в своей камере. Продолжайте.

– Нам было известно, что в высших сферах проявляют беспокойство. Процент избирателей, принимающих участие в выборах, с каждым разом становился все ниже. Естественно, это раздражало профсоюзных боссов и лидеров социал-демократической партии. По своему тупоумию они не могли понять, почему народ отказывается голосовать за их превосходную систему. Те же, кто на деле управлял страной, конечно, понимали причины. Именно поэтому избирательная кампания на сей раз велась так интенсивно и широко.

– Что же вы предприняли?

– Мы стремились всячески усилить их раздражение. Поэтому решили проводить демонстрации чаще. Между прочим, это вначале не возымело действия. Народ столь же трудно было раскачать, как и раньше. До субботы 21 сентября.

– У вас в тот день была демонстрация?

– Да. Мы организовали марш протеста под лозунгом борьбы с империализмом. Как обычно, демонстрация должна была начаться в пригородах и направиться к центру города. Она должна была завершиться митингом. Все было спланировано заранее.

Йенсен кивнул.

— Вместе с двумя товарищами я на такси поехал к месту сбора. Линотипист с женой. Мои лучшие друзья. Мы были однолетки и состояли в одном союзе. Знали друг друга много лет. Часто приходилось работать вместе.

— Где?

— Мы печатали листовки, рисовали афиши, изготавливали плакаты и лозунги. И многое другое. У нас был ротатор, и мы печатали небольшую газету, которую распространяли среди членов нашего союза. Повторяю, мы знали друг друга давно и были хорошими друзьями.

— У них были дети?

— Нет.

— Какая профессия была у женщины?

— Она работала в архиве Министерства юстиции. Позднее оказалось, что...

— Продолжайте.

— Нет. Ничего.

— Вы сами женаты?

— Нет. Почему вы об этом спрашиваете?

— Привычка, — сказал Йенсен. — Итак, вернемся к субботе.

— Да. Так вот, мы вместе поехали к месту сбора, но по какой-то причине запоздали. Сейчас не помню, почему мы задержались. Это имеет какое-нибудь значение?

— Нет.

— Когда мы приехали, демонстранты уже тронулись в путь. Мы встретили их на шоссе.

Он замолчал и посмотрел в окно. На улице по-прежнему шел мокрый снег, и крупные снежные хлопья ударялись о стекло.

– Был солнечный, очень ветреный день. Помню, ветер рвал знамена, и те, кто нес плакаты, с трудом удерживали их в руках. Издали это было очень красивое зрелище.

– Почему – красивое?

– Красиво, когда красные флаги развеваются по ветру. Красиво, когда друзья напрягают силы, стараясь наперекор ветру прямо держать транспаранты.

– Сколько человек принимало участие в этой демонстрации?

– Около двух тысяч. Кроме того, было много детей. Те из нас, у кого были дети, обычно брали их с собой на демонстрацию.

– Почему?

– По разным причинам.

– Например?

– Ну, прежде всего чтобы дети получили правильное воспитание с малых лет. Затем для того, чтобы показать прохожим, что есть люди, у которых есть дети и дети доставляют им радость. А кроме того, их негде было оставить. Детских садов в стране почти нет, а у социалистов редко бывает домашняя прислуга.

– Понятно.

– Отлично. Итак, мы встретили демонстрацию на шоссе и, уже проезжая мимо, обратили внимание, что происходит что-то необычное.

– Что именно?

– Вдоль шоссе стояли люди, всячески провоцирующие демонстрантов на столкновение. Некоторые из них выкрикивали оскорбления по адресу социалистов, другие бросали в них камнями, пустыми бутылками и консервными

банками. В одном месте мы видели несколько человек, которые дрались с полицейским.

— Почему?

— Полиция пыталась помешать зрителям выбежать на улицу и начать драку с демонстрантами. В то время полицейским было приказано охранять порядок во время демонстраций. Впрочем, вы знаете это лучше меня.

Йенсен кивнул.

— Большинство проезжавших мимо или стоявших на тротуарах не проявляли никакого интереса, однако кое-где возникали столкновения.

— Как же вы поступили?

— Мы вышли из такси и присоединились к маршу.

— А потом?

— Так было на протяжении всего пути. Люди стояли на тротуарах и выкрикивали оскорбления, некоторые бросали в нас яйцами и помидорами. Жене моего приятеля помидор угодил прямо в лоб. Но она только засмеялась. В двух местах в нас бросали камнями, а несколько человек даже выбежали на мостовую и попытались вырвать у нас плакаты. Но полиция им помешала. Всю дорогу нас сопровождало несколько автомобилей, и те, кто там находился, плевали в демонстрантов и выкрикивали ругательства.

— А что собой представляли люди, которые на вас нападали?

— Я как-то не обратил внимания. Большинство было хорошо одето, люди разного возраста. Среди них были и женщины.

— Как вы к этому отнеслись?

— Впервые почувствовали глубокое удовлетворение.

– Удовлетворение?

– Вот именно. Самое обидное, что на нас раньше никто не обращал внимания, даже полиция старалась не замечать. И вот впервые люди стали как-то реагировать на наши действия. Мы почувствовали, что больше не обращаемся к глухим и слепым.

– Раненые были?

– По-моему, нет. Во всяком случае, если и были, то ничего серьезного. В основном против нас использовали, так сказать, словесные средства атаки. Кричали, размахивали руками, ругались и бросали в нас разными неопасными предметами. Помидоры и пустые жестянки из-под пива вряд ли могут кому-нибудь причинить серьезные повреждения.

– Что было дальше?

– Этот митинг был самым оживленным и беспорядочным из всех, в которых мне приходилось принимать участие. К этому времени на площади собралось много людей. Они шумели, кричали, пытались помешать ораторам. Но у нас были мегафоны, и мы сумели довести митинг до конца в соответствии с планом.

– Как по-вашему, эти люди были проинструктированы?

– Нет. Это обстоятельство мы также отметили с удовлетворением. Те, кто пытался нам помешать, делали это стихийно, и отчасти именно поэтому им не удалось сорвать митинг. Казалось, каждый из них действовал сам по себе. Позднее мой товарищ обратил внимание и на их возраст. Если бы не эти обстоятельства, естественно было бы предположить, что против нас выступил какой-то органи-

зованный фронт, пытающийся оказать противодействие, что правительство направило против нас нечто вроде враждебной демонстрации – ведь это также входило в их предвыборную кампанию. Однако было ясно, что дело обстояло не так.

– Чем закончился митинг?

– Мы приняли резолюцию, собрали плакаты, аппаратуру и оправились по домам.

– А как прошла следующая демонстрация?

– Минуту, я не закончил. После митинга произошло очень странное событие, которое казалось мне совершенно необъяснимым. Попробую о нем рассказать.

Йенсен вопросительно посмотрел на больного.

– Когда мы расходились, я пошел вместе с товарищем и его женой. Мы хотели зайти в помещение союза и закончить работу над афишами, которую начали накануне. Товарищ под мышкой нес свернутый красный флаг.

Больной замолчал. Казалось, он пытался собраться с мыслями. Йенсен выжидающе смотрел на него. Слышно было, как внизу, в камере, кашлял арестованный.

– Наш союз помещался в подвале жилого дома в районе Эстер. Чтобы добраться до места, необходимо переправиться на пароме через канал, если, конечно, вы не на машине. Вы ведь знаете, пешеходам запрещен проход по мостам и туннелям. На пароме было мало народа, и никто не обращал на нас внимания. Мы сидели и разговаривали. Все трое пришли к единому мнению, что происшедшее следует рассматривать как весьма обнадеживающий факт. Когда паром остановился, мы спустились на берег и отправились дальше пешком – помещение союза находится

всего в нескольких кварталах от пристани. По дороге нам нужно было пройти через район, где расположены дома высокооплачиваемых служащих. Вы знаете, это в...

– Да, я знаю, какой район вы имеете в виду.

– Мы молча шли по тротуару. Улица была пустынной, если не считать двух пожилых людей, которые остановились у одного из подъездов. Я решил, что они живут в этом доме и собираются войти в подъезд. Мужчине было лет под семьдесят, женщине примерно столько же. Оба были отлично одеты – типичные представители высшей буржуазии старой школы. На мужчине было черное пальто, серая фетровая шляпа и галоши, в руке он держал зонтик с серебряной ручкой. Конечно, я не запомнил бы всех этих деталей, если бы не то, что произошло через несколько секунд.

Он замолчал и покачал головой.

– Я до сих пор этого не понимаю, – сказал он наконец. Непостижимо!

– Ближе к делу, – напомнил Йенсен.

– Как только мы с ними поравнялись, мужчина прошипел: «Подонки вонючие!» Мой товарищ, который был ближе всех к нему, не сразу понял, а может, просто не поверил своим ушам. Он остановился и сказал очень вежливо: «Извините?» Тогда мужчина посмотрел на него и громко, отчетливо произнес: «Проклятый сброд! Как только вы осмеливаетесь здесь показываться!» Мой товарищ по-прежнему ответил вежливо: «А разве мы с вами знакомы?»

Тогда старик схватил его за пиджак и крикнул: «Еще не хватало, чтобы я знался с проклятыми социалистами!»

Тут старуха – а я уже сказал, что она была весьма дряхлой, – завопила на всю улицу и начала вырывать у моего друга свернутый флаг. Казалось, оба они обезумели. Старухе удалось вырвать флаг, она бросила его на землю и принялась топтать ногами. Затем размахнулась и с криком «Красная потаскушка!» изо всех сил ударила жену моего друга сумочкой по голове. Старик тут же поднял свой зонтик, взял его наперевес, как ружье, и изо всех сил начал тыкать моего друга в грудь. Тот упал на колени, тогда старуха схватила его за волосы и все норовила пнуть в лицо. И все время оба не переставая ругались и плевали на нас.

Взглянув на Йенсена, мужчина нервно потер подбородок.

– Я буквально остолбенел. Ведь это пожилые люди, мы не могли ответить им тем же. Наконец, жена моего товарища оттолкнула их, отняла флаг и мы пошли прочь. Старик вдогонку нам продолжал кричать.

– Вы не помните, что именно?

– «Всех вас надо прикончить!»

На мгновение наступила тишина. Затем больной продолжал:

– Тогда я ничего не понял, да и сейчас не могу понять, что случилось. Но после этого произошло множество других столь же необъяснимых случаев. Нам все-таки удалось выяснить, кто были эти люди. Оказалось, ушедший на пенсию директор банка и его жена. Оба из аристократической семьи. Разумеется, он был реакционером до мозга костей, но всегда отличался выдержанностью и был очень воспитанным человеком. Во всяком случае, так говорили.

– Когда состоялась следующая демонстрация?

– Ровно через неделю. На сей раз она была очень оживленной. Опять собралось много народу, больше, чем в прошлый раз. Они кричали, пытались нарушить ход демонстрации. Полиции пришлось вызвать подкрепление. Несколько человек на автомобилях врезались прямо в ряды демонстрантов. Человек десять участников демонстрации было ранено, а одного малыша лягнула полицейская лошадь. Все-таки мы довели демонстрацию до конца и закончили ее митингом. Мы по-прежнему считали, что эти события следует рассматривать как положительное явление. И поэтому решили чаще организовывать демонстрации, выбирая различные дни недели, чтобы сбить с толку противников. Пресса и телевидение также подняли кампанию против нас. Но прошло несколько дней, и все как по уговору снова перестали нас замечать. Даже в хронике не писали ни единого слова. Газеты снова сплетничали о жизни кинозвезд и других знаменитостей. И это в то время, когда рушилось все общество!

– Почему вы так считаете?

– А разве все происходившее не говорило об этом?

Йенсен не ответил.

– К тому же выявилось еще одно тревожное обстоятельство.

– Какое?

– Среди членов нашего союза было много врачей и студентов-медиков. В начале сентября они исчезли, и никто их больше не видел. Кстати, один из них привез меня сюда. Это полицейский врач вашего участка. Когда мы начинали расспрашивать о них, то неизменно получали один и тот же ответ: «Они уехали для участия в медицин-

ском конгрессе». Жене моего товарища, которая работала в Министерстве юстиции, удалось выяснить, что их арестовали. Но мы не знали, верить этому или нет.

Йенсен промолчал.

— Очевидно, так оно и было, потому что исчезли почти все врачи, сочувствовавшие социалистическим идеям.

Затем прошел слух, что они были арестованы по приказу тайной полиции.

— У нас нет тайной полиции, — сказал Йенсен.

— Лжете! — последовал категорический ответ. — Я точно знаю, что тайная полиция существует. Во всяком случае, существовала. Женщина, которая работала в министерстве, сумела это узнать. Она подчинялась непосредственно министру юстиции. По-видимому, ее основной задачей было составлять списки людей, чьи политические взгляды не устраивали руководящую верхушку.

Йенсен закусил губу. Затем спросил:

— Что вам известно о выражении «Стальной прыжок»?

— «Стальной прыжок»?

— Да.

— Никогда о нем не слышал.

Больной поморщился и сказал:

— Снова начинают болеть ноги.

— Хотите таблетку?

— Да.

— Ответьте мне только на последний вопрос. Как прошла следующая демонстрация?

— Настоящая свалка. Хаос. Потасовки. Множество полицейских, но они ничего не делали для нашей защиты. На нас сыпался град камней и пустых бутылок. Было много

раненых как с одной, так и с другой стороны. К счастью, на этот раз с нами не было детей. Фашисты – так мы назвали их называть – совсем обезумели. Это было 10 октября, за три недели до катастрофы.

Он откинул голову и сжал губы.

– Но не только фашисты начали сходить с ума. Другие тоже вели себя очень странно. Жена моего товарища, например... Можно таблетку?

– Сейчас. Скажите только, что случилось с женой вашего товарища?

– Потом расскажу. Потом. Бога ради, дайте таблетку!

Йенсен отложил в сторону записную книжку. Взял пробирку, вытряхнул из нее белую таблетку и подsunул ладонь под затылок больного.

20

Когда он заснул, Йенсен пошел к себе в кабинет. Открыл сейф, в котором обычно хранились приказы и инструкции, прибывшие в участок извне, например, из Центрального полицейского управления. Он снова вернулся к тому дню, когда передал участок заместителю, и достал красную папку со списком сорока трех врачей, подлежащих аресту. Быстро просмотрел ряды папок за последние три месяца, отобрал с десятков и положил их на стол. Затем сел в кресло и начал внимательно изучать отобранные документы. Все папки были красного цвета, и на каждой стоял шифр «Стальной прыжок». В двух находились списки людей, подлежащих аресту, в остальных – инструкции касательно демонстраций. В первом списке Йенсен

насчитал сто двадцать пять фамилий, во втором – сорок шесть. Против некоторых имен стояли галочки – очевидно, этих людей удалось задержать. Около других стояли пометки «скрылся» или «местонахождение неизвестно», многие же просто были под вопросом. Пометки, судя по всему, делались в спешке. Йенсен установил, что полиции шестнадцатого участка удалось арестовать не более одной пятой лиц, подлежащих аресту, причем в основном из первого списка.

Как и в случае приказа об аресте сорока трех врачей, последующие приказы не имели ни подписи, ни исходящего номера, и все же после тщательного изучения Йенсен установил, что на них стояла печать Министерства юстиции. На последних двух приказах внизу была сделана приписка:

«Названные лица представляют собой угрозу для безопасности государства. Их следует немедленно задержать, обыскать и арестовать, а затем передать в руки представителей тайной полиции».

Инструкции, касающиеся вмешательства полиции в уличные демонстрации, также были присланы непосредственно из министерства. После того как Йенсен разложил их в хронологическом порядке, ему бросилось в глаза, что характер инструкций на протяжении одного только месяца – октября – сильно изменился. Еще в начале октября распоряжения касались в первую очередь поддержания общественного порядка и регулирования городского транспорта в связи с проведением демонстраций. Однако после 10 октября тон их резко изменился. В них больше ничего не говорилось о защите демонстрантов, а неизменно подчер-

кивалась необходимость решительно противодействовать выступлениям врагов общества. Еще через несколько дней был издан приказ, обязывающий полицейских носить при себе огнестрельное оружие. Своим новым приказом Министерство юстиции снимало все ограничения о применении оружия полицейскими, ссылаясь на закон о мятежах.

Списки людей, подлежащих аресту, прибыли в шестнадцатый участок почти одновременно – 24 и 26 октября. Только одна папка красного цвета получена позже. Ее текст показался Йенсену особенно загадочным.

«Ввиду готовящегося выступления врагов общества в субботу 2 ноября обычные полицейские силы, ответственные за поддержание общественного порядка, будут усилены специальными воинскими подразделениями. Детальные распоряжения последуют позднее».

На этом приказе, датированном 31 октября, также стояла печать Министерства юстиции. Судя по записям в дневнике, почти все члены правительства и руководство полицейского корпуса накануне выехали за границу.

На основании просмотренных документов Йенсен не мог установить, какой отдел Министерства юстиции издавал приказы, но на каждом из них стояли одни и те же слова – «Стальной прыжок». Очевидно, это кодовое название имело какое-то отношение к полиции.

Комиссар Йенсен перечитал записи своего заместителя и сравнил их с собственными пометками в записной книжке. Да, кое-какие основные тенденции прослеживались достаточно четко.

С 21 сентября начались политические беспорядки. В течение октября они нарастали и достигли кульминации 2 ноября. После этого порядок был восстановлен, и все успокоилось.

Но через одиннадцать дней вспыхнула эпидемия. И хотя на борьбу с ней были брошены все силы, она достигла такого размаха, что еще через две недели власти полностью утратили контроль над положением в стране.

Никаких прямых доказательств связи между этими событиями нет.

Прошло еще несколько дней, и органы здравоохранения заявили, что распространение эпидемии остановлено. Вместе с тем чрезвычайное положение в стране было усилено и все контакты с внешним миром прерваны. Полицейский корпус и военные власти исчезли со сцены.

Казалось, между этими событиями не было логической связи.

Йенсен перевернул листок в записной книжке и прочитал свою последнюю запись: «Что случилось с женой линотиписта?» Ниже он написал еще два вопроса: «Что произошло 2 ноября? Что означает «Стальной прыжок»?

Затем выдвинул ящик письменного стола, достал портативный магнитофон и отправился в соседнюю комнату.

Больной уже проснулся и шарил рукой вокруг себя. Очевидно, искал стакан с водой.

– Вы оказались правы, – сказал Йенсен. – Видимо, в стране действительно существовала тайная полиция – она

подчинялась непосредственно министру юстиции. Я этого не знал.

Человек на диване засмеялся.

– Великолепно! – воскликнул он. – У нас настолько тайная полиция, что даже полиция не подозревает о ее существовании. Может, и те, кто в ней состоял, тоже не знали, что работают в тайной полиции?

– Маловероятно.

– Пожалуй. Благодаря связям в Министерстве юстиции нам удалось выяснить, при каких обстоятельствах была создана тайная полиция. Хотите послушать?

– Не стоит. Лучше ответьте на два вопроса.

– А все-таки я расскажу. Как вы, вероятно, помните, несколько лет назад служба безопасности была распущена. Она настолько себя скомпрометировала как внутри страны, так и за ее пределами, что власти сочли за благо ее распустить. Служащих уволили – кого совсем, кого в отставку, а секретные архивы сожгли. Официально задача шпионажа была возложена на военное министерство.

Йенсен нетерпеливо забарабанил пальцами по блокноту. А больной продолжал:

– Правда, военные тоже сумели натворить массу глупостей. Так, например, они посылали самолеты на небольшой высоте, пытались разведать дислокацию кораблей в портах соседних стран, пытались засылать туда шпионов. Нужно ли говорить, что самолеты тут же сбивали, а шпионов арестовывали еще до того, как они успевали спросить дорогу до ближайшей ракетной базы. То, что реакционная военная верхушка ведет себя подобно последним идиотам, скорее правило, чем исключение. К тому же

всегда можно попытаться выдать черное за белое или выразить недоумение – не правда ли, обычно так и делают, если только представляется возможность? А кроме того, сами военные давно уже продали все свои секреты другим странам. Так что не это беспокоило власти. Больше всего их волновал вопрос: кто будет шпионить за населением?

Йенсен бесстрастно смотрел в окно. Снег прекратился, снова пошел мелкий дождь.

– И тогда необходимость решили выдать за благородный поступок – всеми презираемую службу безопасности упразднили, а составленные с таким трудом секретные документы – сожгли. Но перед тем как сжечь архивы, а помещения, в которых они хранились, переоборудовать в залы для пинг-понга, все списки аккуратнейшим образом сфотографировали и отослали в Министерство юстиции, где они были поручены заботам мелких чиновников. Видите, как все просто!

– Что странного вы заметили в поведении жены вашего друга? – прервал Йенсен его тираду.

Выражение лица больного изменилось. Кинув на Йенсена взгляд, полный боли, он коротко бросил:

– Она умерла.

– Именно это вы имели в виду?

– Нет. Я упомянул о ней в качестве примера. Люди будто взбесились. И это относится не только к тем, кто бросал в нас камнями и бутылками, давил машинами детские коляски или в истерике нападал на нас, как директор банка и его выжившая из ума жена, но и к тем, кого мы знали и с кем были связаны по работе или союзу. Жена моего друга... она внезапно стала вести себя очень странно.

— То есть?

— Чтобы вам стало понятнее, я попытаюсь рассказать о ней подробнее. Я знал ее и ее мужа очень хорошо, почти так же, как самого себя.

Он наморщил лоб.

— Это была спокойная разумная женщина. Разве только излишне застенчивая, но это, видимо, объяснялось тем, что ее характеру совершенно не свойственна импульсивность. Она всегда долго взвешивала, прежде чем решалась на какой-нибудь поступок, и это ее качество очень всем нам помогало. Благодаря своей выдержке и хладнокровию она сумела удержаться в Министерстве юстиции. Ей казалось, что когда-нибудь нам это пригодится.

— Я попросил бы вас ближе к делу.

— Если вы не узнаете всех сопутствующих обстоятельств, вам трудно будет понять суть происшедшего.

— Продолжайте.

— Как и на всех нас, окружающая среда наложила на нее неизгладимый отпечаток.

— Что вы имеете в виду?

— Духовную сторону жизни. Это вообще характерно для нашего общества, а в отношении человека, с детства лишенного непосредственности и эмоций, результат усугубляется.

— Не совсем уловил вашу мысль.

— Я говорю о полном отсутствии чувственности. У людей атрофировано половое влечение. Чем иным, по-вашему, объясняется столь низкая рождаемость в стране?

— Но ведь ваша приятельница была замужем.

— Исключительно из практических соображений.

Йенсен промолчал.

— Да, она принадлежала к числу именно таких людей.

Но где-то в сентябре или начале октября мы заметили, что ее характер изменился.

— В чем это сказывалось?

— Она стала более вспыльчивой, раздражительной. Казалось, что-то ее беспокоит.

— И это все?

— Нет. Как-то мы трое работали в помещении союза. Я хорошо помню, что это было после столкновений 10 октября, так как мы обсуждали события дня. Нам казалось, что сейчас следует воздержаться от демонстраций.

— Почему?

— Да потому, что при этом люди подвергались опасности. Многие получили ранения. Большинство же вообще было напугано дикими сценами и пассивностью полиции. И действительно, после этого состоялась всего одна демонстрация.

Он замолчал, посмотрел глубоко запавшими глазами на Йенсена и тихо добавил:

— 2 ноября.

— К этому мы еще вернемся. Вы не досказали, что произошло в тот вечер.

— Мой друг приводил в порядок плакаты и лозунги, порванные во время стычек, а я с его женой работал на ротаторе. У нас кончилась бумага, и он отправился в ближайший писчебумажный магазин. Мы знали, что это займет у него минут двадцать. Как только он ушел, его жена вышла в другую комнату. Я не обратил на это внимания. Буквально через минуту она вернулась и встала рядом со

мной. Я по-прежнему не обращал на нее внимания. Тогда она взяла меня за руку, и я увидел, что она совершенно обнажена.

– Вот как!

– Она пристально смотрела на меня, я тоже не мог оторвать от нее глаз. Вдруг она сказала: «Иди ко мне. Быстро!» Она хотела, чтобы я лег с ней.

– Очевидно. И это все?

– Что вам еще надо знать?

– Ну хотя бы, как она при этом выглядела?

– У нее был странный взгляд. В остальном же я не заметил ничего необычного. Мне и раньше приходилось видеть ее обнаженной. Разумеется, при других обстоятельствах.

– При каких же?

– В бане, например. Или во время купания. А как-то мы жили вместе в одной комнате в летнем лагере. Там не особенно стеснялись друг друга. Она была миловидной женщиной с маленькими округлыми грудями и очень широкими бедрами. Да, вы правы, я действительно заметил одно необычное обстоятельство: она стояла в непристойной позе, с широко раздвинутыми ногами.

– И как вы поступили?

– Сказал, чтобы она немедленно оделась, естественно. Но мне пришлось повторить несколько раз, только тогда она согласилась надеть блузку. Мне это осточертело, и я ушел домой, не дожидаясь возвращения мужа.

– Это все?

– А что еще нужно? Для меня этого было вполне достаточно. Такое необычное поведение!

– Может быть, оно вовсе не такое необычное, как вам кажется.

– Что вы хотите этим сказать?

Йенсен промолчал, а немного погодя спросил:

– Скажите, что было потом?

– С ней?

– Нет, я хотел бы знать общую обстановку.

– С каждым днем положение ухудшалось. Люди, казалось, выходили из себя по малейшему поводу. После того как мы отменили демонстрации, они стали нападать на посольства социалистических стран. Группа хулиганов разгромила и подожгла одно из посольств. Полицейские не вмешивались, хотя и были вооружены. За каких-нибудь несколько дней около десяти посольств и консульств были закрыты, а их персонал покинул страну.

– Какую позицию вы занимали?

– Мы выжидали. Затем совершенно неожиданно появилось сообщение о том, что выборы откладываются на неопределенный срок. Это произошло 21 октября, когда до дня выборов оставалось меньше недели.

– Как об этом стало известно?

– Сообщение было опубликовано в газетах, передавалось по радио и телевидению. Выступил один из членов правительства. Кажется, министр просвещения. Он очень скупно заявил, что выборы откладываются, так как в стране необходимо восстановить закон и порядок. Он призвал народ к спокойствию. И еще... После его выступления...

– Продолжайте, я вас слушаю.

– ...после его выступления социалистов вдруг оставили в покое. Пресса и радио больше не писали и не говори-

ли о нас ни слова. Как будто все кончилось. На самом же деле все только начиналось.

– Что произошло 2 ноября?

– Нечто чудовищное!

Охваченный тяжкими воспоминаниями, рассказчик внезапно закрыл глаза руками. После нескольких минут молчания он снова заговорил:

– Сообщение о том, что выборы откладываются, было опубликовано в понедельник. А уже в субботу полиция неожиданно начала массовые аресты. Многие лица, члены социалистических союзов, а также сочувствующие были схвачены, и с тех пор о них нет вестей. Правда, некоторые успели скрыться. Через два дня – новая волна арестов. На этот раз мы были готовы, и полиции удалось арестовать только немногих. Большинство же покинуло город. Мы трое остались. В подвале, рядом с помещением союза, была комната, о которой почти никто не знал. Мы могли бы жить там, даже если бы полиция разгромила наш клуб. На следующий день события приняли совершенно неожиданный оборот. По радио и телевидению вновь выступил министр просвещения. Он заявил, что за последние дни были совершены серьезные ошибки. По его словам, полиция вышла за рамки законности, а народ неправильно понял создавшееся положение.

– Он говорил о чем-нибудь еще?

– Он сказал, что произведенные аресты незаконны, и поэтому все арестованные по политическим причинам будут немедленно освобождены. И хотя лично он великолепно понимает, что действия полиции и общественности были продиктованы исключительно чувством справедли-

вого негодования, избранные ими методы достойны осуждения.

– Дальше, прошу вас.

– Нам это выступление показалось подозрительным, но, как ни странно, все задержанные полицией, в тот же день были освобождены. Они рассказали, что их затолкали в огромное подземелье в здании Центрального налогового управления. Полиция и охрана обращались с ними как звери, а затем внезапно всех выпустили на свободу.

Он по-прежнему не отнимал рук от лица. Голос его звучал глухо, невыразительно.

– Через день появились новые правительственные сообщения. В них говорилось, что в стране с демократической системой правления каждый гражданин имеет право открыто выражать свои политические взгляды, не опасаясь репрессий; что выборы состоятся через две недели; что правительство «всеобщего взаимопонимания» приглашает всех социалистов принять участие в массовом митинге в субботу на той же неделе, то есть 2 ноября; что этот митинг явится заключительным этапом предвыборной кампании. В город будут вызваны воинские части, которые вместе с полицией будут отвечать за поддержание порядка. Гарантировалась полная физическая неприкосновенность всех участников.

Одновременно все социалистические и левые радикальные союзы получили письменные приглашения принять участие в митинге, который состоится на центральном городском стадионе. На митинге выступят представители правительства и всех заинтересованных общественных групп и организаций. Там же будет проведена широ-

кая политическая дискуссия. Социалисты участники митинга пройдут к стадиону по бульвару. Полиция и войска закроют бульвар для городского транспорта.

Йенсену слышалось, что с улицы доносятся какие-то звуки. Он попытался прервать рассказчика, но тот, казалось, этого не заметил.

— Уже в четверг к вечеру в город начали прибывать танки и вертолеты. Почти все социалистические союзы и организации решили участвовать в политической дискуссии. И мы усиленно готовились к митингу. Многие товарищи приехали из других городов. Пятница прошла спокойно. В ночь на субботу мы спали всего несколько часов в помещении союза — я, мой товарищ, его жена и еще несколько человек. Женщине становилось все хуже, она теряла над собой власть. Едва я заснул, как проснулся от того, что она...

Йенсен прислушался. Теперь до него уже отчетливо донесся шум приближающейся машины. Она еще не въехала во двор, как он понял, что это джип. Но рассказчик, видимо, был глух ко всему.

— Впрочем, это не имеет значения. Люди собрались к десяти утра и двинулись по бульвару точно в назначенное властями время, в одиннадцать часов. На этот раз демонстрация была мощная, участников раз в десять больше, чем обычно, — ведь впервые все левые организации выступили совместно. Вдоль всего пути на тротуарах стояли люди, но никто не кричал и не оскорблял нас. Между демонстрантами и зрителями выстроилась цепь солдат и полицейских. На улицах совсем не было транспорта, только полицейские машины и танки. Демонстрация медленно

двигалась вперед. Кто-то запел. Песня нарушила тишину пасмурного дождливого дня. И внезапно, когда мы прошли полпути, они бросились на нас.

– Кто?

– Все. Солдаты, полицейские, люди, стоявшие на улице. Они открыли стрельбу и вопили как дикие звери. Сначала трудно было что-нибудь понять. Мне показалось, что стреляют в воздух, чтобы разогнать демонстрантов. Но вскоре я увидел, что стреляют не в воздух, а в нас, что нас расстреливают! Правительство заманило нас в гигантскую мышеловку. Вокруг падали и умирали люди. Дети гибли под ногами бегущих. Те, кто пытался вырваться из окружения, скользили в лужах крови и попадали под копыта лошадей. Это была бойня, страшная, чудовищная бойня!

Мы старались держаться вместе. Каким-то чудом нам удалось найти брешь в рядах полиции и мы проскользнули в переулок. Сзади раздавались стрельба и крики о помощи. Я оглянулся и увидел, что над крышами домов летит вертолет. Сидящие в нем люди обстреливали демонстрантов из пулемета. Мы прятались под виадуком, пока не стемнело, а затем прокрались к себе в убежище. Беспрерывно ревели сирены полицейских и санитарных машин, проносящихся по улицам. Мы остались в убежище. Это была единственная возможность уцелеть.

Вот что случилось 2 ноября – величайшая в мировой истории резня. Вы хотели об этом знать, я вам ответил.

– Расскажите, что последовало за этим.

– Мы остались в убежище. Сколько там пробыли – не помню. Затем жене товарища стало совсем плохо. У нее начался бред, она кричала, что все окутано красным туманом.

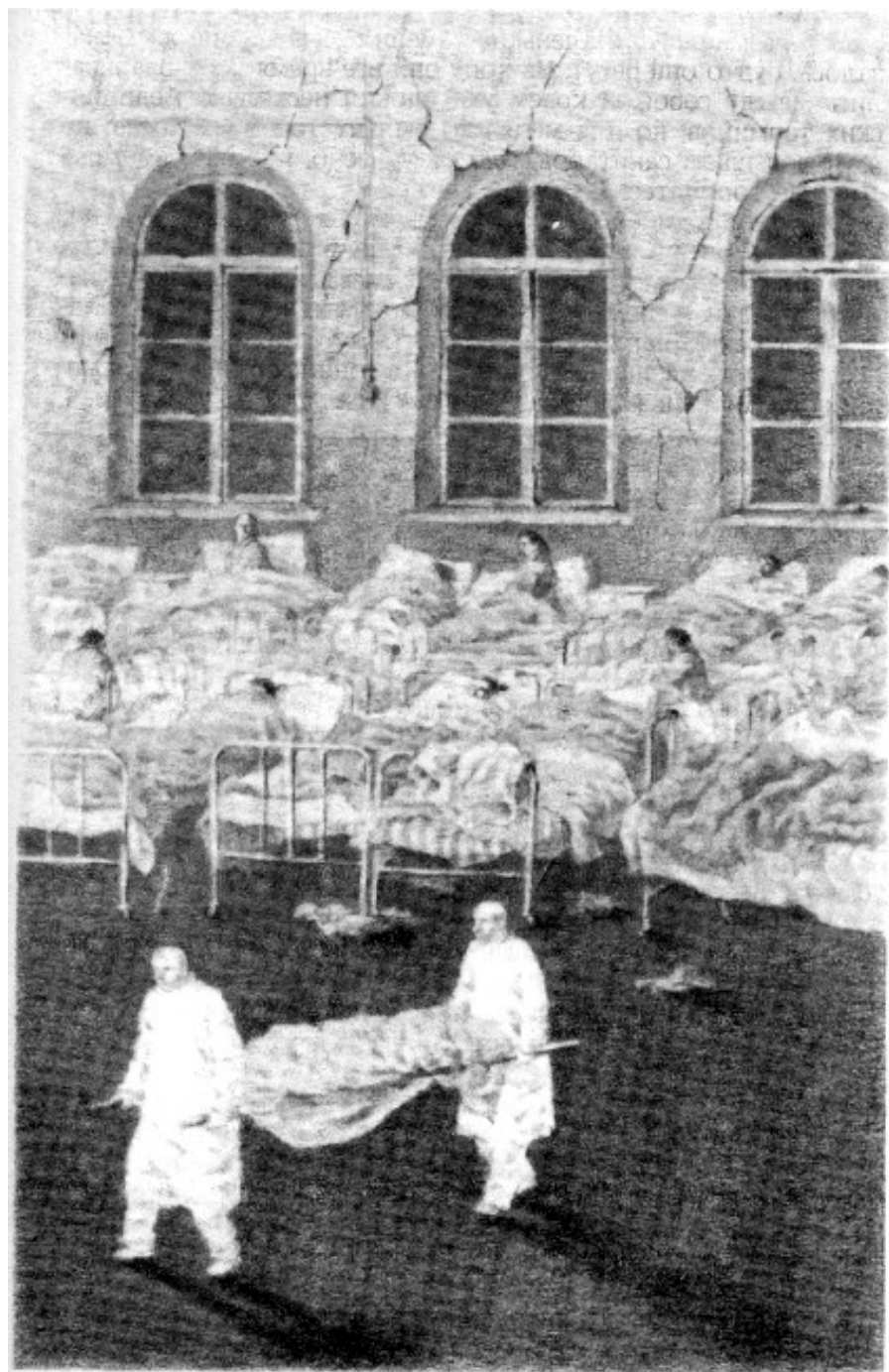
ном, задыхалась и все время пыталась сбросить с себя одежду. Когда стало ясно, что ей становится все хуже, мы решили отвезти ее в больницу. Бросили жребий, кому ехать с ней. Выпало мне. Муж помог вынести ее на улицу, я оттащил ее к ближайшему телефону и оттуда вызвал «Скорую помощь». Прошло немало времени, прежде чем прибыла санитарная машина. Врач не прикоснулся к больной. Он только сказал, что у нее заразная болезнь и она скоро умрет. Велел мне положить ее в машину и ехать вместе с ней в больницу, так как я, несомненно, тоже заразился и меня необходимо поместить в изолятор.

Он говорил все тем же безжизненным голосом и все так же не отрывал рук от лица.

— Врач не солгал. Она умерла в машине. В больнице врача заставили отправить тело прямо в Центральное налоговое управление. Меня сняли с машины и положили на носилки, стоявшие в коридоре. Потом мне сделали укол, и я заснул. Проснувшись, я обнаружил, что все еще лежу на носилках, и двое санитаров — один очень высокий, другой маленький — несут меня по длиннющему белому коридору. Высокий шагал размашисто, маленький семенял за ним. Мне же показалось, будто они бегут. На ходу они все время переговаривались между собой. Я краем уха уловил несколько медицинских терминов, но для меня это был пустой звук. Когда же я увидел глаза санитаров, мне стало ясно, что это безумцы.

— Не торопитесь, — сказал Йенсен.

— Кажется, мне сделали еще укол. Очнувшись, я увидел, что лежу, завернутый в одеяло, на полу в огромной больничной палате. Ног у меня не было. Всюду валялись

такие же калеки. Многие были мертвы. Живые кричали и стонали. В палате невыносимо пахло. Сквозь забытие я услышал, как кто-то сказал: «Этого я знаю». Надо мной склонился какой-то рыжеволосый мужчина. Я узнал его. Это был полицейский врач. Больше я ничего не помню. Окончательно я проснулся здесь, в этой комнате и тогда увидел вас.

Голос его прервался, и он замолчал.

Йенсен повернул голову и увидел рыжеволосого врача, который, прислонясь к двери, стоял на пороге.

— Это правда?

Врач предостерегающе поднял палец, достал шприц и прозрачную ампулу и подошел к дивану. Йенсен молча смотрел, как он впрыснул жидкость из ампулы. Мышцы больного расслабились, и он заснул.

Полицейский врач поправил одеяла и повернулся к Йенсену.

— О чем вы говорили?

— Это правда?

— Как вам сказать, — ответил врач. — И да и нет.

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что все, что произошло с этим беднягой, было на самом деле, но он несколько вольно истолковывает факты.

22

Комиссар Йенсен сидел за письменным столом в своем кабинете. Он только что выключил магнитофон. Врач стоял у окна и смотрел на улицу.

– Я еще раз спрашиваю вас, правда ли то, о чем он рассказал?

– Правда, но весьма своеобразная.

– Расхождения большие?

– Значительные. О некоторых вещах вы и сами можете судить.

– Да, вы правы.

– Вы ведь понимаете, например, что произошло с той женщиной.

– Да. Она стала жертвой эпидемии.

– Точнее, болезни. А так как он не знал, что ее поведение было результатом заболевания, он, естественно, находил его необъяснимым.

– Согласен с вами.

– Следовательно, наибольший интерес вызывает не ее поведение само по себе и не то, что она умерла точно так же, как и женщина в камере предварительного заключения. Самое важное, почему ее поразила болезнь.

– А вы можете ответить на этот вопрос? – спросил Йенсен.

– К сожалению, пока еще нет. Вам удалось выяснить, что означает выражение «Стальной прыжок»?

– Нет.

– Это тоже один из вопросов, который требует ответа. Врач повернулся к Йенсену. – Я могу внести также поправку и в то, что произошло на самом деле 2 ноября. Я достаточно четко представляю себе, что случилось.

– По-вашему, рассказ очевидца неверен?

– Нет, он совершенно точно рассказал о том, что слышал и видел собственными глазами. Он только выводы делал неправильные.

– Вы так полагаете?

– Да. По его мнению, это была хорошо продуманная резня, ловушка, из которой ему вместе с друзьями удалось вырваться по счастливой случайности.

– Разве не так?

– С его точки зрения, именно так. Но это субъективная точка зрения. На самом деле тысячи демонстрантов сумели сохранить самообладание и способность действовать и спаслись. И большинство людей вовсе не пряталось в убежища, трясясь от страха и ожидая, когда полицейские патрули выследят их. Они, не медля ни минуты, покинули город, чтобы организовать сопротивление.

– Куда же они отправились?

– В лес.

– Как и вы?

– Да, как и я. К тому же нападение на демонстрацию отнюдь не было таким продуманным и хорошо организованным, как ему казалось. Насколько нам удалось восстановить последовательность событий, полиция, солдаты и гражданское население действовали стихийно. В пылу охоты полицейские и солдаты стреляли друг в друга и в кого попало. Обстрел толпы из пулеметов, установленных на вертолетах, был, к примеру, совершенно бессмысленным – к тому времени демонстрация уже успела рассеяться и многие участники находились далеко от места происшествия. Я не отрицаю: в суматохе погибло много людей, но не так много, как ему показалось. И среди демонстрантов, и среди тех, кто на них напал, и среди тех, кто оказался невольно вовлеченным в конфликт, было немало жертв. Поймите, я не отрицаю, что расправа с демонстран-

тами не была заранее подготовлена. Напротив, я убежден, что нападение было продумано.

– Но вряд ли правительством, – заметил Йенсен.

– Вы тоже обратили на это внимание?

– И все-таки расправа была подготовлена. Кем?

– По-моему, те, кто прислал вас сюда, тоже очень хотели бы это знать.

Наступила тишина. Врач снова уставился в окно. Он стоял неподвижно, как бы ожидая чего-то, что неминуемо должно было произойти через несколько минут.

– Вы, кажется, успокоились, – заметил Йенсен.

– Да, спешить больше некуда. Зло уже свершилось.

Он взглянул на часы.

– Пожалуй, пора попытаться установить связь, – пробормотал он про себя.

Он повернулся к Йенсену:

– Идемте со мной.

Они вошли в центр радиосвязи. Врач включил приемное устройство и некоторое время манипулировал ручками настройки. Потом выпрямился:

– Наверно, еще рано.

– Что вы делаете?

Врач не ответил. Он вновь склонился над приемником и настроился на другую волну. Через несколько секунд послышался знакомый женский голос:

– Алло, машина номер пятьдесят, алло, машина номер пятьдесят. Алло, все машины, все машины...

Следующая фраза, очевидно, относилась к кому-то, кто стоял рядом:

– Не отвечают.

– Конечно. И никогда больше не ответят, – пробормотал полицейский врач.

Он выключил рубильник.

– Надо беречь батареи.

Они вышли из радиоцентра. Больной все еще спал.

Когда они вошли в кабинет комиссара, Йенсен сказал:

– Ответьте мне на несколько вопросов.

– Не имеет смысла, – сказал врач и опустился в кресло для посетителей.

– Я привык, чтобы на мои вопросы отвечали.

– Вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, что бессмысленно о чем-либо спрашивать, пока мы не можем ответить на главный вопрос: что такое «Стальной прыжок»?

Он задумчиво посмотрел на Йенсена.

– Правда, я знаю человека, который мог бы нам в этом помочь.

– Кого вы имеете в виду?

– Того, кто прислал вас сюда.

– Министра?

– Нет, он лишь подставная фигура, которую используют для предвыборных афиш.

– Министр просвещения?

– Совершенно верно. Он знает то, что нам неизвестно. С другой стороны, нам известно многое, о чем он не имеет ни малейшего представления.

Он немного подумал, потом спросил:

– Как по-вашему, нам удастся заманить его сюда?

– Это нелегко.

– Всегда есть способ этого добиться.

– Какой же?

– Насилие, – лаконично ответил врач.

Он встал и быстрыми шагами направился в радио-центр. Йенсен остался в кабинете.

23

– Вы мне не нравитесь, Йенсен, – сказал полицейский врач.

Комиссар Йенсен не ответил.

– Не считите это за личную обиду. Вы мне не нравитесь потому, что служите в полиции.

Они сидели на переднем сиденье полицейской машины. Йенсен включил сирену и на большой скорости гнал автомобиль по вымершим деловым кварталам центра города.

– Вы можете не снижать скорости, – заметил врач. – Баррикады уже убраны. Сумеете доехать до аэродрома за полтора часа?

– Попробую.

– Тогда мы успеем к прибытию самолета, на котором прилетает наш общий знакомый.

– А вы уверены, что он прилетит?

– Да.

– Как вам удалось это сделать?

– Очень просто. Он был в равной степени удивлен и обрадован, когда увидел на аэродроме знакомый истребитель. Когда же он узнал, что вы находитесь в самолете, его радость превзошла все границы. И тогда ребята втащили его в кабину и взлетели. Если верить древним сказаниям,

таков лучший способ заполучить желанную женщину. Уговоры, хитрость и наконец сила.

Автомобиль промчался мимо королевского замка и Министерства связи, затем миновал здания Комитета коалиционных партий и Министерства внутренних дел.

— Конечно, если бы заглянуть туда, мы нашли бы ответы на все наши вопросы, — заметил врач. — Но так быстрее.

В холодном вечернем свете огромные здания казались причудливым нагромождением камней. Йенсен направил машину в туннель, ведущий на юг.

— Конечно, полиция нужна, — продолжал врач как ни в чем не бывало, — но наша полиция всегда была слугой капитала и высшего чиновничества. В ней слишком сильны буржуазные идеалы, чтобы ее можно было перестроить. То же относится и к армии. А нам нужна социалистическая полиция и социалистическая армия, поэтому старый аппарат насилия надо уничтожить и на его месте создать нечто принципиально иное. Вот почему вы мне не нравитесь. Из принципиальных соображений.

Йенсен, сжав губы, слушал монолог врача.

— Когда насквозь прогнившие полиция и армия по той или иной причине перестают выполнять свои функции, создается положение, которое профессионалы называют революционной ситуацией. И вот теперь кто-то оказал нам большую услугу, устранив армию и полицию. Очевидно, это произошло ненамеренно, да и все то, что этому предшествовало, было ужасным. Недаром даже те из нас — а таких было немного, — кто стремился к скорейшему созданию революционной ситуации, содрогнулись.

Неожиданно врач хлопнул Йенсена по плечу.

– Послушайте, Йенсен, вы остались совсем один. Понимаете? Единственный полицейский в стране.

– Да.

– Это ваша последняя возможность, Йенсен. Я готов пойти вам навстречу. Если вам что-нибудь еще непонятно, а я могу вам помочь – к вашим услугам. Спрашивайте!

Йенсен молчал.

– Ну, спрашивайте же, Йенсен. В крайнем случае я могу подтвердить часть ваших догадок.

– Догадок?

– Или выводов, если хотите.

– Болезнь... – начал Йенсен.

– Что вас интересует?

– Она смертельна?

– Да.

– Существует ли какой-нибудь способ поддерживать жизнь больного?

– Да.

– Переливание крови?

– Да.

– На какое время?

– Трудно сказать. Но это непродолжительная отсрочка.

– Вам удалось установить, как протекает болезнь? С медицинской точки зрения?

– В принципе да. У нее несколько симптомов.

– Вы можете их перечислить?

– Начальный симптом – полное отсутствие психологического торможения. Болезнь поражает центральную и симпатическую нервную систему, действует на мозг. Если хотите, речь идет о своего рода стимулирующем действии.

– Отсюда повышенное половое влечение?

– Да. Впрочем, это в большей степени зависит от снятия торможений, нежели от стимулирующего действия на нервную систему и мозг. Под влиянием среды и уродливого воспитания люди подавляют в себе чувства. Результаты поразительные! Вам не приходилось участвовать в секретном исследовании половой жизни населения, которое проводилось несколько лет назад?

– Нет.

– Удручающая картина. Супруги месяцами не имеют близости. Исследование было вызвано резким сокращением рождаемости. По-видимому, правительство было удовлетворено его результатами. И никому в голову не пришло поинтересоваться, почему все-таки люди не хотят иметь детей. А тем, кто задавал такие вопросы, посоветовали держать язык за зубами.

Йенсен бесстрастно смотрел вперед. Он включил фары, и полосы яркого света исчезали в глубине туннеля.

– Какой вывод можно отсюда сделать? – спросил он наконец.

– Да поймите, в результате этого у человека возникают сдвиги в психике. Подавляемые доселе животные начала выходят на поверхность, люди нападают друг на друга, если им это придет в голову, убивают друг друга, если возникает желание. Но одновременно притупляется чувство здравого смысла. Человек становится более впечатлительным, легче поддается посторонним влияниям. Вместе с тем он затрудняется в оценке реальных фактов и не может делать правильные выводы. Вместо этого он начинает искать радикальные решения. Ему неважно, что эти решения в результате могут привести к убийству.

– В дальнейшем появляются чисто физические симптомы болезни?

– Нет. Как нам кажется, следующей стадией болезни является возвращение к нормальному состоянию. Больной чувствует себя хорошо, и поведение его не выходит за рамки обычного. Он помнит, что с ним происходило ранее, но не испытывает угрызений совести за содеянное и не считает, что несет за это какую-нибудь ответственность. Другими словами, у больного наступает просвет, однако этот просвет характерен для общей картины болезни.

– Долго продолжается этот период?

– Неделью, от силы две.

– А затем?

– Затем болезнь вступает в решающую фазу. Этот этап протекает очень быстро. Сначала появляется быстрая утомляемость, после начинается тошнота, головокружение, а немного погодя – непрерывная головная боль. Больного охватывает чувство апатии. Все окружающее он видит в каком-то красном тумане. Появляется боязнь замкнутого пространства, так называемая клаустрофобия, удушье. Затем на короткий период больной теряет сознание, и вслед за этим наступает смерть.

– Как объясняют это врачи?

– С медицинской точки зрения смерть вызывается непропорциональным увеличением числа белых кровяных телец за счет исчезновения красных кровяных телец. Болезнь напоминает лейкемию, хотя протекает неизмеримо быстрее.

– Можно ли предотвратить смертельный исход?

– Насколько мне известно – нет. Я не знаю сколько-нибудь действенного метода лечения. Это, конечно, не означает, что нельзя открыть способа прервать ход болезни на ее ранней стадии.

Автомобиль выскочил из туннеля. Промышленные районы по-прежнему казались вымершими, но по обочинам шоссе выстроились грузовики и джипы. Рядом стояли группы вооруженных людей, одетых в серебристо-серые и зеленые комбинезоны, то тут, то там валялись остатки дорожных заграждений.

– Очевидно, ваши, – сказал Йенсен, не отрывая глаз от дороги.

Врач кивнул.

– Нам попадет еще много встречного транспорта, – сказал он. – Однако на этом шоссе все препятствия уже должны быть убраны. Так что можно ехать без опаски.

– Из того, что я видел и слышал, мне казалось, что у этой болезни есть еще одна стадия. После клинической смерти.

– Да. Но здесь мне приходится довольствоваться только догадками. Действительно, можно отдалить момент смерти – я имею в виду физическую смерть – с помощью переливания крови. На некоторое время. При этом переливания крови нужно делать очень часто. Они не только сохраняют жизнь больному, но и поддерживают его в отличном физическом состоянии. Но, как я уже сказал, только на некоторое время.

– Продолжайте.

– Увы, переливание крови не препятствует переходу болезни в следующую стадию, которую вы столь метко назвали стадией после клинической смерти.

Он замолчал. Йенсен тоже молчал, сосредоточив все внимание на управлении машиной. Время от времени мимо них проносились колонны грузовых автомобилей, направляющихся в город. В кузовах сидели вооруженные мужчины и женщины, одетые в зеленые комбинезоны.

Когда они проехали километров пять, Йенсен сказал:

— Насколько мне известно, болезнь проявилась почти у всех одновременно?

— Да.

— Следовательно, заражение произошло (или было распространено умышленно) за одиннадцать—двенадцать недель до смерти?

— Да, — сказал полицейский врач.

Помолчав, он добавил:

— Так что выбор у нас небольшой, не правда ли?

— Да, — согласился комиссар Йенсен.

24

— Почему они ампутировали ему ноги?

— Потому что основывались на собственных выводах, — сказал врач.

— По-вашему, это разумное объяснение?

— Они исходили из трех ошибочных положений: во-первых, масса людей, включая их самих, больна; во-вторых, предполагаемая болезнь заразна; и, в-третьих, она излечима. Они поддерживали свою жизнь непрерывными переливаниями крови, но понимали, что это временное облегчение. Поэтому они испытывали различные методы лечения. Им стало известно, что мужчина, доставивший

умирающую женщину в больницу, находился с ней в тесном контакте. Естественно, по их мнению, что и он заразился.

– И они попытались вылечить его?

– Да. Точнее, воспользовались им для того, чтобы испытать на нем новый метод лечения. Он был всего лишь звеном в длинной цепи экспериментов.

– Но они поступали так без злого умысла?

– Вот именно. Без злого умысла. Вы удивительно метко подбираете выражения, Йенсен.

Полицейский врач посмотрел на Йенсена красными воспаленными глазами, потом осторожно извлек недокуренную сигарету из нагрудного кармана комбинезона.

– Удивительно метко, – повторил он. – Очевидно, все, что произошло, было сделано без злого умысла. Ведь это же соответствует самому духу «всеобщего взаимопонимания» – ни у кого не должно быть дурных мыслей или вредных намерений. Никто не должен беспокоиться, или тревожиться, или желать другому зла. Эта доктрина вдалбливалась в головы людям на протяжении десятилетий. Так почему врачи должны быть исключением?

Йенсен не ответил.

– При этом только упустили из виду, что если не признавать отрицательных сторон жизни, то ее положительные стороны тоже начинают казаться чем-то нереальным.

Врач закурил, глубоко затянулся и выдохнул облачко синего дыма.

– Ибо даже в обществе «всеобщего взаимопонимания», несомненно, существовали положительные стороны. Только вы их почему-то не заметили, правда, Йенсен?

Йенсен по-прежнему молчал.

– Три месяца назад, когда вы ехали по этой же дороге, вы не задумывались над тем, что чувствует человек при приближении смерти?

– Нет.

– Вам не приходила в голову мысль, что кому-то может вас не хватать?

– Как по-вашему, ампутация была произведена в лечебных целях? – неожиданно спросил Йенсен.

– Это лишь следствие, – сухо сказал полицейский врач. Сначала этого человека подвергли так называемой профилактической обработке. Ему впрыснули иприт или аналогичное сильно действующее средство.

– Иприт?

– Именно. Это совсем не так бессмысленно, как может показаться неспециалисту. У медиков существует теория на этот счет, хотя и весьма примитивная. Когда же лечение оказалось безрезультатным, его оперировали в надежде спасти ему жизнь. Не забывайте, они все-таки врачи, а долг врача – бороться за жизнь других людей. К тому же в своей отчаянной попытке победить болезнь они старались осуществить опыты, на которые в обычной обстановке требуется лет десять, а то и больше, за одну неделю.

– Безумцы!

– Вы опять удивительно точны. Нарушение деятельности мозга даже на ранней стадии – процесс необратимый. И тем не менее в их действиях была определенная логика.

– Должно быть, они умертвили тысячи людей.

– Да. Возможно, десятки тысяч. Но только после того, как у них истощился запас плазмы крови. Тогда они нача-

ли делать облавы, стремясь схватить как можно больше доноров.

– Как им удавалось все это осуществлять там, в центральном госпитале?

– А как вы себе это представляете? Гигантская больница, обслуживаемая одной-двумя тысячами обезумевших врачей, которым необходимо дважды в сутки переливать кровь, чтобы не умереть. Они работали как... да, как одержимые, пытаясь найти эффективный способ лечения болезни, от которой сами страдали и которую не могли понять. Проводили исследования за забором из колючей проволоки и стеной из мешков с песком последняя «забота» военных, прежде чем все они перемерли. Вспомните, о чем вас спросили те двое из санитарной машины, которые остановили вас вчера утром.

– Они спросили, здоров я или болен.

– Вот именно. В их помутившемся рассудке смешались все понятия. Подобно всем людям с больным мозгом, они считают себя здоровыми, а всех остальных больными.

Врач опустил боковое стекло, и в машину ворвался свежий воздух.

– Если бы только к нам прислушивались, – тихо сказал он.

– Что вы с ними сделали?

– С теми людьми?

– Да.

– То, что вы должны были сделать с самого начала. Убили. Через час начинается штурм центрального госпиталя, и как только мы его захватим, убьем остальных.

Он пожал плечами и швырнул окурок в открытое окно машины.

– Значит, это вы забрали из города детей?

– Да. Это все, что мы могли тогда сделать.

Комиссар Йенсен свернул к зданию аэропорта и поставил машину там, откуда угнал ее шестнадцать часов назад.

– Знаете, Йенсен, – сказал полицейский врач. – А ведь кое-кому вас недоставало.

– Кому же это?

– Мне.

25

– Вы входили внутрь госпиталя? – спросил Йенсен.

Врач покачал головой.

– Видел его только снаружи, – сказал он. – Этого вполне достаточно.

– Где вы нашли человека с ампутированными ногами?

– В здании Центрального налогового управления. Вчера они сняли оттуда охрану. Не хватает людей.

Он помолчал.

– Вы, верно, представляете себе это здание. Сначала его использовали в качестве тюрьмы. Затем, когда центральный госпиталь и городские больницы были переполнены мертвецами и умирающими, в нем начали сжигать трупы. Само по себе разумное решение... с их точки зрения. Скоро всех безнадежных стали доставлять прямо туда. Кроме тех, кто принадлежал к правящей верхушке и кого оставляли в центральном госпитале, чтобы продлить им жизнь за счет переливаний крови. Жизнь-то продлевали, а между тем их мозг неумолимо подвергался распаду.

– Но ведь этот человек был здоров?!

– Через несколько дней уже не успевали сжигать трупы те, кто занимался кремацией, либо бежали, либо умерли. Но врачи с маниакальным упорством продолжали доставлять трупы на военных грузовиках. Еще вчера утром продолжалась перевозка.

Йенсен кивнул.

– Я видел несколько грузовиков, – сказал он.

– Грузовики, которые вы видели, перевозили в основном не тех, кто умер от болезни, а трупы доноров, умерщвленных в центральном госпитале или в районных донорских пунктах. Всех, по их мнению безнадежных, больных доставляли в здание налогового управления. У этих людей по различным причинам не брали кровь перед смертью. Именно к этой категории относился человек с ампутированными ногами.

– Почему же никто не сопротивлялся? – вырвалось у Йенсена.

– Потому что они не хотели слушать наших предупреждений, – с горечью ответил врач. – Потому что они потеряли человеческий облик.

– Вы чрезмерно упрощаете, – сказал Йенсен.

Врач метнул взгляд в его сторону.

– Разумеется, упрощаю. К вашему сведению, часть населения сопротивлялась, многие попрятались, немало людей скрылось из города. Кроме того, не забывайте, что в распоряжении медиков были вооруженные солдаты, кадровые военные, которым они поддерживали жизнь по трем причинам: им требовалась защита центрального госпиталя, а также нужны были люди для обороны баррикад на дорогах, ведущих в центр города, и для охраны грузовиков

с донорами. И все же я понимаю: этих фактов недостаточно, чтобы ответить на ваш вопрос.

– Я не уловил вашу мысль.

– Вы спросили: почему люди не сопротивлялись? Все дело в том, что высокооплачиваемая реакционная группа врачей в нашей стране создала и постоянно поддерживала дутый образ всемогущих медиков. Благодаря этому они имели возможность обращаться с пациентами как им заблагорассудится и наживать огромные деньги частной практикой – и это в то время, как каждый из них занимал официальные должности в государственных больницах и госпиталях.

Йенсен молчал.

– Это надувательство не только не вызывало протеста со стороны правящей верхушки, но и всячески поощрялось. Врачи заняли в стране особое положение, они уподобились божествам, властным над жизнью и смертью. Официально специалисты возглавляли отделения и секторы государственных больниц, но в то время как больные тщетно просиживали в коридорах госпиталей, в лучшем случае попадая к врачам-практикантам или стажерам, сами они занимались частной практикой – обслуживали пациентов, готовых платить за лечение, в котором они по большей части не нуждались.

Он повернул голову в сторону Йенсена.

– Так врач в глазах народа стал олицетворением элиты, подобно правительству и властям, которые с каждым днем отдалялись от простых людей, становились все более абстрактным понятием. Удивительно ли, что законы народ воспринимал как нечто само собой разумеющееся, против чего нельзя бороться. Вот почему народ не сопротивлялся.

Они поднялись в комнату на третьем этаже в здании аэропорта. На посадочной площадке сновали люди, оттаскивая в сторону грузовики и бронемашины. Несколько вертолетов и самолетов готовились к старту.

На поле стояли группы людей в зеленых комбинезонах. Около аэровокзала Йенсен увидел двух молодых женщин и мужчину – у каждого через плечо были перекинуты ленты с патронами. Они курили и негромко переговаривались друг с другом. Лица их были печальные и сосредоточенные.

Спутник Йенсена вновь вернулся к прерванной теме.

– Такое положение вещей вызвало недовольство многих врачей, особенно молодых. Постепенно они стали переходить в лагерь социалистов. Это были главным образом врачи, работающие в государственных больницах. Откровенно говоря, при этом многие из них руководствовались не только общественным самосознанием и чувством долга перед народом, но и личными мотивами.

Он вытер запотевшее стекло. Снова пошел снег с дождем. Темнело.

– Реакционная верхушка смотрела на нас с подозрением и не упускала случая сообщить о крамоле правительству, которое в свою очередь передавало эти сведения тайной полиции.

– Вы имеете в виду службу безопасности.

– Если это название вам больше нравится, пожалуйста. Вот откуда и пошла первая волна арестов врачей накануне вашего отъезда.

– Вам удалось скрыться. А что стало с остальными?

– Их отвезли в здание налогового управления. Сначала

с ними обращались вполне прилично – не допрашивали и не вели никаких расследований. Но с каждым днем охрана вела себя все жестче, а после кровавых событий 2 ноября начала расстреливать арестованных. Думаю, что по собственной инициативе, без приказа сверху. Тогда арестованные восстали и сумели организовать побег. Больше половины из них спаслось после отчаянной схватки. Они тут же покинули город и присоединились к нам.

Пошел густой мокрый снег. Полицейский врач, прищурившись, смотрел на кромку леса за аэродромом.

– Мне кажется, здание налогового управления вряд ли будет особенно популярным после всего, что произошло.

– Да, маловероятно.

– Придется его взорвать, сравнять бульдозером и засыпать место хлорной известью.

– Врачи тоже едва ли будут пользоваться большой популярностью в народе, – заметил Йенсен.

Его собеседник горько рассмеялся.

– Вы правы, – сказал он. – Только представьте себе, как все эти медицинские светила носились по городу в санитарных машинах с ревущими сиренами! Настоящие оборотни, впрочем, скорее вампиры! Настоящие кровопийцы! В течение нескольких недель они буквально терроризировали город.

– Сколько смертей на их совести?

– Множество. Но меньше, чем можно было ожидать. Они успели похозяйничать лишь в нескольких городских кварталах. Да и там им не удалось схватить всех жителей.

– Почему вы не вмешались раньше?

– Мы тоже не всеильны. Несмотря на большую под-

готовительную работу, нам понадобилось время, чтобы организовать и собрать разрозненные группы. К тому же психологически мы не были готовы к захвату власти. В самом деле, кто мог ожидать, что весь полицейский корпус и армия вымрут за какую-то неделю?

В комнате зажегся и тут же погас свет. Но уже через несколько секунд лампы снова вспыхнули.

— Ну вот, — сказал полицейский врач. — Порядок начинает восстанавливаться.

Прищурившись, он всматривался в серую мглу за окном.

— А вот и наш друг.

Над краем леса показался военный самолет. Он промчался над аэродромом и приземлился в его дальнем конце. За хвостом самолета раскрылся купол тормозного парашюта.

— Итак, ваш последний допрос, — сказал врач. — Хотите, я буду присутствовать в качестве свидетеля?

— Как вам угодно, — ответил комиссар Йенсен.

26

Миловидная темноволосая женщина с автоматом в руках ввела министра в комнату. Ей было не больше двадцати пяти лет. Когда она открыла дверь, министр спросил:

— Что это за флаги на крыше аэропорта?

— Вы страдаете дальтонизмом? — спросила женщина и толкнула его в комнату.

— Я буду в коридоре, — добавила она.

Министр просвещения неуверенно огляделся вокруг,

однако лицо его по-прежнему хранило высокомерное выражение. Он был одет в строгий серый костюм. Многие находили его привлекательным, и все-таки на предвыборных афишах предпочитали печатать портрет другого министра, которого считали олицетворением процветания нации и уверенности в завтрашнем дне.

Министр воспользовался платформой социал-демократической партии и сделал головокружительную карьеру в правительстве «всеобщего взаимопонимания».

– В чем дело? Меня похитили на территории иностранного...

Тут он заметил Йенсена:

– Йенсен? Так это вы организовали похищение? В таком случае...

– Нет, – сказал Йенсен, – не я. Садитесь, пожалуйста.

Министр опустился на стул. Он по-прежнему казался озадаченным, но к нему вернулась былая самоуверенность. Очевидно, присутствие Йенсена убедило его в том, что ничего серьезного не произошло. То обстоятельство, что рядом с ним находится человек, привыкший выполнять приказы и подчинявшийся ему, успокоило министра.

Когда его ввели, Йенсен стоял у небольшого письменного стола. Теперь он сел. Достал ручку и блокнот. Равнодушным взглядом скользнул по сидящему перед ним человеку.

Министр с явным раздражением взглянул на полицейского врача, по-прежнему стоявшего у окна.

– Кто это? – надменно спросил он.

– Полицейский врач моего участка.

– Ах, так. Ну-с, Йенсен, эпидемия пошла на убыль?

– Как будто.

– Больше нет риска заражения?

– Нет.

Министр с облегчением вздохнул.

– Превосходно.

Но тут же вспомнил о том, что произошло, и в его голубых фарфоровых глазах появился угрожающий блеск.

– Кто посмел сыграть со мной такую шутку? – спросил он. Как это могло случиться?

– Поскольку страна, откуда вас привезли, для нас официально не существует, вряд ли стоит обращать внимание на такие формальности, – невозмутимо произнес Йенсен.

Министр подозрительно посмотрел на него, но воздержался от комментариев.

– Во время нашей прошлой встречи – а это было ровно сутки назад – я согласился выяснить положение в стране и попытаться раскрыть причины, которые его обусловили.

– Правильно, Йенсен. Но теперь, когда эпидемия нам больше не угрожает, отпала необходимость в дальнейшем расследовании. Объясните, что это за дурацкий маскарад на аэродроме?

Йенсен с непроницаемым выражением лица перелистывал блокнот.

– И кто эта женщина с автоматом? Надеюсь, он не был заряжен? – допытывался министр.

– К сожалению, расследование еще не закончено, – сказал Йенсен. – Я прошу вас ответить на несколько вопросов.

– Меня? Уж не собираетесь ли вы меня допрашивать?

– Именно это я и имел в виду.

– Вы что, спятели, Йенсен? Если вам удалось что-нибудь узнать, подайте рапорт. И позаботьтесь, чтобы меня как можно быстрее доставили в министерство. Между прочим, можете доложить результаты по пути.

Он поспешно встал.

– Эпидемия и в самом деле больше никому не угрожает?

– Я ведь уже сказал.

– Тогда почему мы здесь сидим?

– По-моему, для вас небезопасно выходить из комнаты...

– Не понимаю, о чем вы говорите, Йенсен. Вставайте, нечего терять времени.

– Мой долг позаботиться о вашей безопасности.

– Для этого существует полиция и армия. Свяжите меня с ними.

– Телефон не работает. Но если бы даже телефонная связь и действовала, вам бы это не помогло. Полиции и армии больше не существует.

– Что вы там такое несете?!

Министр пренебрежительно взглянул на Йенсена.

– Не нашли ничего лучшего, как послать полицейского, пробормотал он. – Я же всегда говорил, что это кретин.

И он с раздражением пожал плечами.

– Почему полиции и армии не существует? Чем это вызвано: войной? Вторжением?

– Болезнью, – ответил Йенсен.

– Глупости! – отрезал министр.

Полицейский врач неслышно отошел от окна и остановился за спиной человека в элегантном сером костюме.

Подняв правую руку, он ребром ладони ударил его по шее. Тот рухнул на пол.

– Это знак преданности народа, – сказал врач. – А теперь встаньте и раскрывайте рот только для того, чтобы отвечать на вопросы.

Йенсен с очевидным неодобрением посмотрел на врача.

– Это было излишним, – спокойно заметил он. – Если что-либо подобное повторится, я прекращу допрос.

27

Министр сидел на стуле против Йенсена. Его глаза растерянно бегали, свернутым в комок белым шелковым платком он вытирал кровь в уголках рта. Врач снова занял свое место у окна.

– Сначала несколько уже известных фактов, – сказал Йенсен. – А потом вы ответите на интересующие меня вопросы.

Министр краем глаза покосился на окно и кивнул.

– Тысячи людей умерли от болезни, поразившей определенные слои населения. Было бы неправильно говорить об эпидемии, так как выяснилось, что болезнь незаразная.

Министр вопросительно поднял брови.

– Хаос, воцарившийся в стране и прежде всего в столице, отчасти можно объяснить смертью людей, отвечающих за удовлетворение потребностей общества. Всю последнюю неделю власть сосредоточила в своих руках группа врачей, которые забаррикадировались в центральном госпитале и прилегающем к нему районе. Как оказа-

лось, все они были больны. Незвестная болезнь поразила мозг и лишила их рассудка. Когда общество, потрясенное болезнью и событиями, которые ей предшествовали, распалось, эта группа безумных врачей объявила в стране чрезвычайное положение.

Министр не сводил с Йенсена глаз, то и дело облизывая кончиком языка пересохшие губы.

— Врачи в центральном госпитале поддерживали в себе жизнь частыми переливаниями крови. Когда же запас плазмы кончился, они под угрозой оружия стали доставлять в госпиталь доноров, у которых выкачивали кровь. Так погибло множество людей сколько, нам пока неизвестно. С введением чрезвычайного положения центр города был закрыт, а его жители насильно эвакуированы. Вскоре последовало запрещение выходить на улицу в пределах всего города. Население было терроризировано и жило в атмосфере постоянного страха.

Министр открыл рот, пытаясь что-то сказать, но Йенсен предостерегающе поднял руку.

— И еще одно очень важное обстоятельство, — сказал он. У всех заболевших первые симптомы проявились почти одновременно, поэтому резонно предположить, что они заразились практически в одно и то же время. Это случилось около трех месяцев назад, в конце августа или в начале сентября.

— Я тут ни при чем, — быстро сказал министр.

— Ну, а теперь мне хотелось бы получить от вас ответ на следующий вопрос.

Министр как зачарованный смотрел на Йенсена.

— Что такое «Стальной прыжок»?

В комнате стало удивительно тихо, слышались только приглушенные голоса на поле и рокот моторов – очевидно, вертолеты шли на посадку. Йенсен посмотрел на часы. Секундная стрелка сделала полный оборот. Еще один. Он поднял глаза и взглянул на человека в сером костюме. Тот беспокойно заерзал на стуле.

– Я не виноват! Мы не виноваты. Если что-то и произошло, это несчастная случайность. Голос его прерывался.

– Объясните, что такое «Стальной прыжок», – невозмутимо повторил Йенсен.

– Я... Можно воды?

– Воды нет, – отозвался врач. – Водопровод не работает.

– Отвечайте на вопрос, – сказал Йенсен.

– «Стальной прыжок»...

– Продолжайте.

– Так называли мероприятие, входившее в предвыборную кампанию коалиционных партий.

– Кто за него отвечал?

– Руководство.

– Вы входили в состав руководства?

– Да.

– В чем конкретно заключалось мероприятие?

– В пропаганде преданности стране. Его цель – стимулировать интерес населения к политике перед выборами.

– В какой форме оно проводилось?

Министр, обретший спокойствие, с прежним высокомерием взглянул на комиссара.

– Послушайте, Йенсен, какое это имеет отношение к

делу? Если где-то и произошла осечка, вам не удастся сделать козлом отпущения ни меня, ни мою партию, ни политику взаимопонимания!

— Мне нужны только факты.

— Пожалуйста. Мне нечего скрывать. К вашему сведению, в предвыборной кампании принимали участие и другие организации.

— Вы имеете в виду службу безопасности?

Министр снова покосился на окно. Затем сказал:

— Служба безопасности почти не принимала участия в предвыборной кампании. Но не исключено, что на каком-то подготовительном этапе ее подключили для выполнения отдельных мероприятий. Между прочим, Йенсен, говоря о службе безопасности, вы затрагиваете государственную тайну.

— Теперь это уже не имеет значения. Вы так и не ответили на мой вопрос о том, в какой форме велась кампания.

— Все было очень просто. Мы разослали открытки с вопросами. Наверно, вы и сами получили такую открытку.

— Получил. Белую открытку с синей маркой.

— Совершенно верно. К чему тогда эти вопросы, если вам все известно? Ведь вы отослали открытку обратно?

— Да.

— И приклеили марку?

— Конечно.

Министр вопрошающе посмотрел на Йенсена.

— Не понимаю, черт побери! — воскликнул он.

— Кто печатал открытки?

— Крупнейший полиграфический концерн.

— А конверты?

- Они же. Уж вам-то это известно.
- Кто печатал марки?
- Типография Национального банка.
- А кто наносил клей на марку?

В гнетущей тишине, охватившей комнату, четко слышались шаги караульной за дверью. По временам приклад автомата ударялся о стену. Наконец полицейский врач выпрямился. Йенсен метнул на него быстрый взгляд и вновь обратился к министру.

- Я спрашиваю, кто наносил клей на марку?
- Исследовательский институт Министерства обороны,
- чуть слышно ответил министр.

– Нет, – тихо произнес врач. – Этого не может быть!

Его тяжелый взгляд остановился на министре. Затем он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Полными ужаса глазами министр умоляюще смотрел на Йенсена.

– Не надо, – пролепетал он. – Ради бога, не разрешайте ему...

Но комиссар его не слушал. Рядом хлопнула дверь туалета и вслед за этим раздались какие-то сдавленные всхлипывания – это врача выворачивало наизнанку.

Вскоре послышался звук спускаемой воды.

28

– Простите, что вмешиваюсь, – сказал врач, – но мне представляется важным выяснить подробности. Прежде всего, это сэкономит время, к тому же так честнее.

Йенсен кивнул.

– Понимаю.

Полицейский врач повернулся к министру и, глядя на него с ненавистью, спросил:

– Вы меня поняли?

– Как профессиональный политический деятель, я научился оценивать ситуацию.

В голосе министра еще прорывались нотки высокомерия.

– Вы оказались не лучшим учеником. Насколько мне удалось понять, вы совершенно неправильно оценивали ситуацию. Вы и сейчас глубоко заблуждаетесь. Так что я позволю себе повторить: надежда на то, что вы выйдете отсюда, ничтожно мала, вообще кажется сомнительным, что вы покинете пределы этой комнаты. Несколько минут назад я чуть было не поддался искушению расправиться с вами. Смею вас уверить, что у многих моих товарищей терпения гораздо меньше.

Министр бросил боязливый взгляд на человека в зеленом комбинезоне.

– Он напуган, – холодно заметил Йенсен. – Вы уже продемонстрировали свою силу, и я не вижу смысла подчеркивать это вторично. Свидетель, чувствующий себя свободно, предпочтительнее свидетеля, над которым висит физическая и моральная угроза.

– Так сказано в полицейской инструкции, – сухо сказал врач. – Между прочим, вы меня неправильно поняли. Для меня это не вопрос предпочтения, а чисто моральная проблема. Я имею в виду честность. И если вы пользуетесь деревянной линейкой, место которой в музее, я предпочитаю придерживаться устаревших этических принципов. Мне это кажется не менее полезным.

Йенсен промолчал.

– Вы закончили обмен мнениями? – неожиданно спросил министр.

– Как видите.

– В таком случае хочу сказать, что я полностью оценил смысл ваших слов. Насколько я понял, если я не проявлю желания ответить на ваши вопросы, меня прикончат. И вы, – он обратился к врачу, – не откажетесь сделать это лично.

– Примерно так, – подтвердил тот.

– Для меня это весьма убедительный аргумент. Итак, что вы хотите знать?

Врач не ответил. Он только кивнул в сторону Йенсена и вернулся к окну.

Йенсен уткнулся в записи. Перелистав несколько страниц, он спросил:

– Так вы утверждаете, что, по заверениям ученых, препарат считался совершенно безвредным?

– Вот именно. В противном случае мы бы никогда им не воспользовались.

– Кто первый высказал мысль о его применении?

– Не я.

– Кто же?

– На этот вопрос не так легко ответить.

Йенсен выждал, пока министр собирался с мыслями.

Наконец он сказал:

– Я жду.

– Исследовательский институт Министерства обороны был экономически выгодным предприятием. На протяжении ряда лет ученые института экспериментировали со многими препаратами, причем, заметьте, исключительно

успешно, особенно в области биохимии. Затем лицензии на эти препараты продавали в другие страны, что вело к дополнительному притоку иностранного капитала и тем самым приносило пользу всему обществу.

– Препараты предназначались для военных нужд?

– Да, по большей части. Например, средства для уничтожения растительного покрова или же для гуманной бактериологической войны.

– Как это надо понимать?

– Речь идет о средствах, предназначенных в первую очередь не для умерщвления, а скорее для временного выведения из строя вражеских войск и враждебно настроенного гражданского населения. Разумеется, у нас в стране в подобных средствах ведения бактериологической войны нет надобности, но в другой части земного шара они широко применялись для борьбы с мировым комму...

Он осекся и бросил взгляд в сторону окна.

– Продолжайте, – сказал Йенсен.

– Как выяснилось, эти средства оказались в чем-то неэффективными. А так как в капиталистическом мире существует широкий спрос на биохимическое оружие, которое временно выводит противника из строя, группа ученых исследовательского института Министерства обороны начала работать над этой проблемой. Это были отличные специалисты, они добились значительных успехов в других областях. Разумеется, их исследования проводились в глубоком секрете – таковы условия иностранных заказчиков, которые субсидировали работы.

– Кто знал о полученных результатах?

– Помимо заказчиков – лишь члены специального пра-

вительственного комитета. В отдельных случаях информировали также службу безопасности и высшее военное руководство.

– Вы лично входили в комитет?

Министр неуверенно взглянул на Йенсена.

– Да, – после некоторого колебания ответил он. – Пожалуй, это бессмысленно отрицать.

– Продолжайте.

– Насколько мне известно, ученые пытались создать вещество, которое бы на время делало людей пассивными – это относится к армии противника или враждебно настроенным группам населения. Исследования затянулись, заказчики начали проявлять нетерпение и через дипломатические каналы несколько раз обращались в комитет с требованием отчета о проделанной работе. Тогда комитет в свою очередь потребовал, чтобы ему сообщались результаты исследований. На протяжении двух лет мы регулярно получали сведения от руководителя исследовательской группы.

Где-то в глубине здания неожиданно раздался голос. Министр прислушался.

– Радио, – пояснил врач. – Это заговорило радио. Мы присутствуем при так называемом историческом моменте.

– Так о чем он вам сообщал? – спросил Йенсен.

– Работа, по его словам, шла нормально, только... Короче говоря, успеха добиться пока не удалось, пришлось выйти за рамки выделенных средств и требуются новые ассигнования, чтобы можно было продолжить исследования.

– И больше ничего?

– К одной из служебных записок было приложено дополнение.

– Вы можете рассказать о его сути?

– В первый момент мы сочли этот документ за своего рода попытку отвлечь наше внимание. Там говорилось, что параллельно основным исследованиям велись работы по созданию противоядия для разрабатываемого биохимического оружия. И вот тут-то ученым удалось получить ряд любопытных промежуточных продуктов, хотя об окончательных результатах говорить еще рано. Полученному препарату дали какое-то кодовое обозначение. Ученые возлагали на него весьма большие надежды. Нам же все это показалось не заслуживающим внимания – заказчики, которые финансировали деятельность института, требовали от ученых совсем иного.

– Расскажите об этом веществе подробнее.

– Оно обладало активным стимулирующим действием. По мнению ученых, его чрезвычайно легко приспособить для военных целей. Препарат снимет с солдат усталость, у них повысится агрессивность и они будут стремиться в бой, не щадя жизни. Правда, пока вещество обладало рядом побочных эффектов. Как только оно переставало действовать, наступало как бы похмелье после неумеренного питья. Кроме того, человек терял над собой власть, забывал о каких бы то ни было условностях, связанных с воспитанием. Это с особой силой проявлялось в половом влечении. Ученые полагали, что сумеют устранить побочные эффекты в самый короткий срок. Препарат получил название D5X.

Министр умолк. Казалось, он собирается с мыслями. Но вот он вновь заговорил:

– Таково вкратце содержание дополнительной записки. Мы переслали ее заказчикам. Вскоре от них пришел ответ, в котором нас уведомляли, что они отказываются продолжать финансирование проекта из-за крайне скудных результатов.

– А как они отнеслись к препарату D5X?

– Категорически от него отказались. У них, мол, и без того слишком много алкоголиков и хулиганов, не говоря уже о наркоманах и развратниках.

– Что вы можете сказать о позиции комитета?

– Поймите, у нас не было другого выхода. Исследовательский институт Министерства обороны – не благотворительное учреждение. Мы приказали немедленно прекратить всякие работы, связанные с производством препарата, и перевести людей на другие участки. После этого о препарате ничего не было слышно – вплоть до сентября.

Министр кашлянул, прикрыв рот ладонью.

– Ученый, открывший препарат D5X, сообщил нам, что он по собственной инициативе продолжал исследования, пользуясь помощью своей ассистентки. По его словам, экспериментальная стадия успешно завершена. Мы пригласили его выступить перед членами комитета и, должен признаться, поразились его энтузиазму.

– Что означает название D5X?

– Буквы – инициалы изобретателя, цифра «пять» означает номер серии опытов.

– Продолжайте.

– Препарат был изготовлен в виде таблеток. Как утверждали, он обладал исключительным стимулирующим действием, пробуждал в человеке интерес к окружающему миру, неизмеримо повышал активный потенциал.

– Что это значит – активный потенциал?

– То есть давал возможность людям свободно выражать чувства, скрытые в подсознании, например, преданность, волю к победе, любовь, при условии, что чувства эти направлены на реально существующих лиц или определенные понятия. Действие препарата по-прежнему сопровождалось побочным эффектом: резко возросшим половым влечением. Но, поскольку он в основном направлял волю людей на достижение определенной цели, этот побочный эффект отнюдь не угрожал морали общества. Более того, создатель препарата надеялся использовать это свойство в интересах общества; в стране с катастрофически низкой рождаемостью и почти атрофированным половым чувством такой возбуждающий препарат мог принести только пользу.

– В этом он был, пожалуй, прав, – заметил полицейский врач.

Бросив на него предостерегающий взгляд, Йенсен спросил:

– Как разворачивались события дальше?

– Ученый просил разрешения испробовать препарат на людях. Сначала на отдельных лицах, затем на экспериментальных группах.

– Как вы отнеслись к его просьбе?

– У нас не было оснований ему отказать.

– Как прошли эксперименты?

– Превосходно. Прежде всего таблетки испробовали на спортсменах. Эффект поразительный: они начали одерживать одну победу за другой. Препарат действовал безотказно, превосходя все ожидания. Тогда решили испытать

его на людях, занятых политической работой в различного рода организациях. Я и сам попробовал его во время подготовки к конгрессу. Эффект превосходный, никаких вредных последствий. Испытываешь чувство удивительного подъема, который, к сожалению, скоро проходит. Мы обратили внимание, что половая возбудимость чаще наблюдалась у женщин.

Итак, препарат D5X действовал, но трудно было найти ему практическое применение. И прежде всего из-за быстротечности действия. Мы направили официальные документы в институт, в которых не рекомендовали производить таблетки в массовом количестве и выпускать их в качестве лекарства, ибо злоупотребление препаратом могло привести к нежелательным последствиям.

— К вашей рекомендации прислушались?

— Изобретатель и его ассистентка настаивали на продолжении работ. Им трудно было примириться с мыслью, что их детище не найдет широкого применения. А кроме того, они считали, что смогут вскоре продлить действие препарата до пяти–шести недель. И тогда мы позволили им продолжать работу.

Министр замолчал и искательно взглянул на Йенсена, но, не найдя в его лице ничего для себя утешительного, вздохнул и продолжал:

— В начале лета изобретатель прислал письмо, в котором уведомлял нас о готовности D5X. Его вызвали на заседание комитета, чтобы выяснить детали. По словам ученого, ему и ассистентке удалось решить все проблемы. Продолжительность действия препарата довели до шести недель. Более того, теперь препарат начинал сказываться

не ранее чем через две-три недели после приема. И самое главное – удалось разрешить проблему его распространения. Ученые предложили растворить препарат в клее, который впоследствии будет использован для почтовых марок. Продолжать?

– Да.

– Стоимость производства препарата чрезвычайно низкая. Создатели могут предоставить такое его количество, которого хватит на несколько миллионов почтовых марок, причем стоит это будет немногим дороже, чем обычный клей. Остаток можно хранить в герметической посуде неограниченное время и использовать в случае необходимости, особенно в минуту кризиса в стране.

Изобретателю велели подготовить необходимое количество препарата для нанесения на почтовые марки и держать состав наготове. 1 августа он сообщил, что задание выполнено, за что получил благодарность. Такова роль института в этом деле.

– Но вы так и не ответили, что такое «Стальной прыжок», – напомнил Йенсен.

– Сейчас узнаете, – поспешно ответил министр. – Комитет, занимающийся предвыборной кампанией и операцией «Стальной прыжок», испытывал значительное давление со стороны некоторых руководителей коалиционных партий. На прошлых выборах в голосовании участвовало менее половины избирателей. И хотя эти цифры не были опубликованы, их невозможно было скрыть. Тщательный анализ общественного мнения показал, что подавляющее большинство избирателей, отказывающихся голосовать, составляют низкооплачиваемые категории ра-

бочих и служащих. Партия, к которой я ранее принадлежал, и которая была сильнейшей в коалиции, представляла собой основу системы «всеобщего взаимопонимания». Эта социалистическая...

— Не смейте произносить это слово! — раздался голос врача.

— ...точнее, социал-демократическая партия имела влияние именно в низкооплачиваемых слоях населения. В результате падения числа избирателей кое-кто начал сомневаться, не занимает ли наша партия — вернее, наша бывшая партия — слишком много постов в коалиционном правительстве, несоразмерно с ее влиянием.

— Следовательно, вы действовали в собственных интересах, — заметил Йенсен.

— Ни в коем случае! Я, как и остальные члены комитета, думал только о благе народа. Мы знали, что народ остается верным коалиции и поддерживает политику всеобщего взаимопонимания и благосостояния.

— Несмотря на то, что более половины избирателей отказывались голосовать?

— Но это вовсе не означает, что они не поддерживали правительство.

— А что же это означает, по-вашему?

— Просто большая часть народа не считала необходимым проявлять свою преданность правительству. Исключительно плодотворные результаты, достигнутые коалицией, и высокий жизненный уровень обеспечивали им уверенность в завтрашнем дне.

— Разве эта уверенность не была одной из основ системы «всеобщего взаимопонимания»?

– Черт побери, неужели им трудно было дойти до избирательных участков раз в три года! – Министр на мгновение потерял самообладание.

– Это вас раздражало?

– Конечно! Но еще больше нас раздражало то обстоятельство, что безответственные левые элементы подрывали общественный порядок. Эта ничтожная кучка смутьянов непрерывно организовывала марши протеста. Они выступали против всего – начиная от выдачи одноразовых пакетов (которая, кстати, проводится только у нас в стране) до нашей внешней политики. Мы гордимся, что страна вот уже больше ста лет придерживается политики нейтралитета.

Теперь он говорил с жаром и даже был вынужден остановиться, чтобы перевести дыхание.

– Подавляющее большинство населения не принимало всерьез их болтовни об угрозе империализма и их обращений к совести человечества. Между прочим, я и сам выступал с подобными речами во время предвыборной кампании. Подумать только, они призывали к революции, которую мы осуществили одним росчерком пера много лет назад! Но народ все-таки не выступал против социалистов. Более того, они находили новых сторонников, особенно среди молодежи, верящей наивным лозунгам тупоумных иностранцев. Им даже удалось проникнуть в одну из самых важных сфер нашего общества.

– Какую же?

– Нет, нет, не в полицию. В здравоохранение. Многие медики были заражены ядом социализма еще со студенческой скамьи, что очень беспокоило преданных режиму

врачей. Узнав, что подрывная работа ведется беспрепятственно, мы решили принять соответствующие контрмеры.

– Какие именно?

– Мы решили осуществить операцию «Стальной прыжок». Под этим названием имелось в виду мероприятие, призванное раз и навсегда сплотить и активизировать народ. Доказать, сколь безосновательной была критика нашего государства всеобщего взаимопонимания и благосостояния. Мы намеревались вести кампанию решительно, не стесняясь в средствах.

– И одним из этих средств был D5X?

– Да, – чуть слышно выдохнул министр. Но уже в следующее мгновение голос его поднялся до крика: – Иначе какого черта я сидел бы здесь, выбалтывая вам государственные тайны?

Но Йенсена нелегко было сбить с толку.

– Продолжайте, – сказал он.

– Мы прибегли к этой мере по рекомендации врачей, входящих в состав комитета. – Министр, казалось, осознал свое положение и опять старался говорить негромко. – Они испробовали препарат и гарантировали его безопасность – при условии, что он не попадет в руки безответственных людей. И тогда комитет принял решение о применении препарата D5X.

– Каким образом его распространяли?

– Использовали в клее на марках во время предвыборной кампании. Разве вы этого до сих пор не поняли?

Йенсен промолчал.

– Мы решили в первую очередь испытать препарат на людях тех профессий, лояльность которых не вызывает сомнений.

– Кого вы имели в виду?

– Профессиональных военных, полицию, преданных правительству врачей, таможенных служащих, молодежные организации и чиновников министерств. А для того чтобы лучше наблюдать, как будет действовать препарат, в этот период решили вести ожесточенную пропаганду против врагов общества.

– Что еще вы сделали?

– Генеральный врач потребовал ареста всех врачей и студентов-медиков, которые были зарегистрированы в архивах службы безопасности как враги общества и социально опасные элементы. Он считал, что их надо изолировать на время кампании.

– Почему?

– Из опасения, что кто-нибудь из них может узнать о составе клея и тогда будет грандиозный скандал. Если бы тайна применения препарата D5X стала достоянием общественности, под угрозу была бы поставлена вторая стадия кампании.

– В чем она заключалась?

– Вторая стадия состояла в том, чтобы распространить препарат в виде налоговых купонов с клейким слоем среди всех низкооплачиваемых слоев населения, причем рассчитали, что препарат должен начать действовать за неделю до выборов. Именно на этот период наметили резкое усиление предвыборной пропаганды по радио, телевидению и в печати. Для планирования этой решающей стадии предвыборной кампании предполагали воспользоваться опытом, полученным при применении препарата для первой группы населения.

Министр сделал короткую паузу, но вопросов не последовало, и он продолжал:

– По нашим расчетам, в результате всех этих мер мы должны были привлечь к выборам почти все население, которое в массе проголосовало бы за платформу всеобщего взаимопонимания. Это положило бы конец всякой оппозиции.

Министр с надеждой посмотрел на Йенсена.

– Все, что мы делали, мы делали в интересах народа. У нас не было дурных намерений.

– Ваши планы не осуществились, – сказал Йенсен.

– Нет. Теперь, оглядываясь назад, можно заметить взаимосвязь между некоторыми событиями. Через пять дней после того, как были разосланы открытки первой группе населения, умер изобретатель препарата D5X. Причина смерти – лейкемия. Ему было около семидесяти лет, и это обстоятельство нас не встревожило.

– В самом деле?

– В знак уважения к его заслугам ему организовали государственные похороны. Я сам принимал участие в похоронной процессии.

– Когда вы заметили первые тревожные симптомы?

– Лично я ничего не понимал до сегодняшнего дня. Сначала все казалось чрезвычайно многообещающим. Но уже в середине октября мы начали терять контроль над положением дел. Реакция оказалась сильнее, чем мы ожидали. Предвыборная кампания отошла на задний план. В течение недели в городе произошло столько же убийств и насилий, сколько за пять предыдущих лет. Дело дошло до того, что шеф полиции отдал специальное распоряжение

не протоколировать убийства и другие преступления, связанные с насилием. Затем полиция и армия перестали нам повиноваться. Вернее, они выполняли только те распоряжения, которые исходили непосредственно от Министерства юстиции. Когда мы попытались разыскать помощницу изобретателя препарата D5X, оказалось, что она уничтожила не только все записи, но и запасы препарата, а затем покончила жизнь самоубийством. Мы были вынуждены отложить выборы. Я сам выступил с официальным заявлением об этом. Еще через пять дней стало известно, что охрана – то ли по собственной инициативе, то ли по приказу из министерства – расстреляла арестованных врачей. 30 октября положение стало отчаянным. Регент и большинство высших чиновников тайно покинули страну или укрылись в своих резиденциях. Однако после резни 2 ноября вновь наступило спокойствие. Я и другие члены правительства вернулись обратно через два дня. Мы решили начать расследование, но не успели его закончить. Началась эпидемия. Причинная связь в тот момент нам была неизвестна. Остальное вы знаете лучше меня.

– Кто из членов правительства или представителей комитета пробовал подготовленную марку?

– Только министр здравоохранения. С целью эксперимента. Министр посмотрел на Йенсена: – Понимаете, как-то не принято посылать уверения в лояльности самому себе.

– Вы правы.

– Все было сделано из самых добрых побуждений. У нас не было злого умысла.

Йенсен не ответил.

Стоя у двери, Йенсен и полицейский врач наблюдали за тем, как автомобиль с министром и вооруженной охраной отъехал от здания аэропорта. Йенсен посмотрел на часы. Прошло ровно двадцать четыре часа с того времени, когда он впервые стоял на этом месте, у телефонных будок.

– Что вы намерены с ним сделать?

– Это не моя забота, – врач пожал плечами.

– Вряд ли он сознает тяжесть своего преступления.

– Капитализм – сам по себе преступление. Однако капиталистическая машина могла существовать только потому, что люди были равнодушны ко всему происходившему. Они не хотели ничего знать, замыкаясь в узких рамках своего существования. А процесс отчуждения мешал им обнаружить виновника бед.

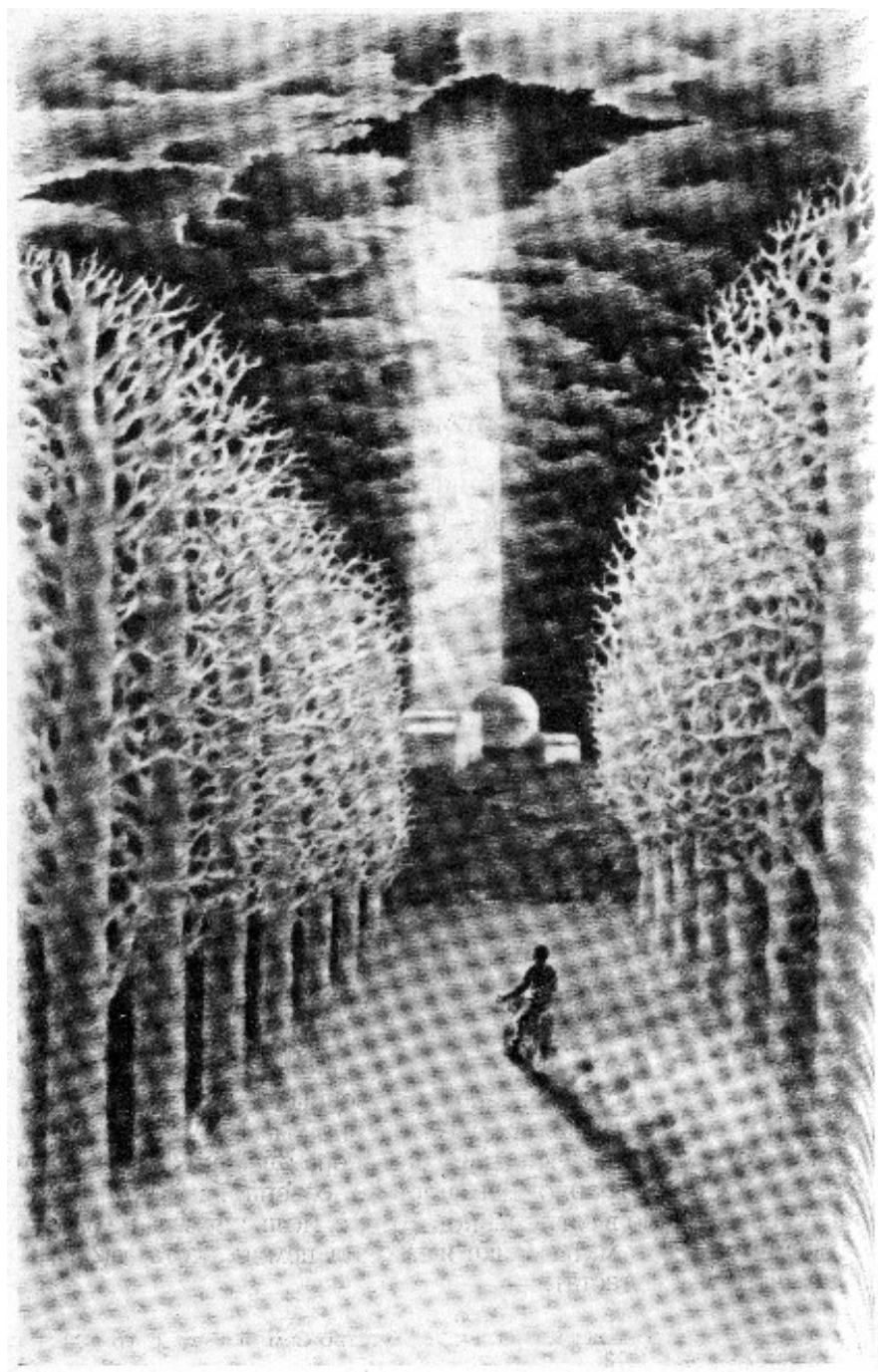
Стало холодно. Пошел снег.

– Со временем мы научимся излечивать лейкемию, – сказал врач.

– И вы хотите установить в этой стране социалистические порядки?

– Да, Йенсен. Но это будет нелегко.

Франсис КАРСАК

БЕГСТВО ЗЕМЛИ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*ПОТЕРПЕВШИЙ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ В ОКЕАНЕ ВРЕМЕНИ.
СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ*

Я знаю, что никто не поверит мне. И тем не менее только я могу сегодня до какой-то степени объяснить события, связанные с необычной личностью Орка, то есть я хотел сказать Поля Дюпона, самого выдающегося физика, какой когда-либо жил на Земле. Как известно, он погиб одиннадцать лет назад вместе со своей молодой женой Анной во время взрыва в лаборатории. Согласно завещанию, я стал опекуном его сына Жана и распорядителем всего его имущества, ибо у него не было родни. Таким образом, в моем распоряжении оказались все его бумаги и неизданные записи. Увы, их никогда не удастся использовать, разве что появится новый Шамполион, помноженный на Эйнштейна. Но, кроме того, у меня осталась рукопись, написанная по-французски, которую вам предстоит прочесть.

Я знал Поля Дюпона, можно сказать, с самого рождения, потому что я немного старше и мы жили в одном доме на улице Эмиля Золя в Перигё. Наши семьи дружили, и, насколько себя помню, я всегда играл с Полем в ма-

леньком садике, общем для наших двух квартир. Мы вместе пошли в один и тот же класс и сидели в школе за одной партой. После ее окончания я выбрал отделение естественных наук, а Поль, согласно воле его отца, занялся элементарной математикой. Я говорю: «согласно воле его отца», инженера-электрика, потому что, как это ни странно для человека, совершившего настоящую революция в современной физике, Поль никогда не был особенно силен в математике и пролил немало пота, чтобы получить свой аттестат.

Его родители умерли почти одновременно, когда мы с Полем были в Бордо: я готовил свой реферат по естественным наукам, а он — по электромеханике. Затем он окончил Высшую электротехническую школу и устроился инженером на одну из альпийских гидроэлектростанций, которой заведовал друг его отца. Я в это время работал над своей диссертацией.

Надо сказать, что Поль довольно быстро продвинулся, потому что к тому времени, когда с ним приключилось это странное происшествие, он был уже заместителем директора. Мы лишь изредка обменивались письмами. Моя должность заведующего сектором на факультете естественных наук в Тулузе не позволяла мне часто наведываться в Альпы, а каникулы я предпочитал проводить в Западной Африке. Таким образом, я стал свидетелем этого происшествия по чистой случайности.

Возник проект создания еще одной плотины в альпийской долине, и мы с профессором Маро отправились туда, чтобы изучить этот проект с геологической точки зрения. Так я очутился всего в сорока километрах от гидростан-

ции, где работал Поль, и воспользовался этим, чтобы навестить его. Он принял меня с искренней радостью, и мы засиделись допоздна, вспоминая наши школьные и студенческие дни. Он много говорил о своей работе, которая его живо интересовала, о проектируемой гидростанции и даже рассказал о своем недавнем романе, который, к сожалению, быстро оборвался. Но ни разу, — я повторяю — ни разу он не упомянул ничего относящегося к теоретической физике. Поль легко сходилась с людьми, но я был его единственным близким другом. И я уверен, что, если он уже тогда занимался исследованиями, которые вскоре обессмертили его имя, он бы мне об этом обязательно рассказал или хотя бы намекнул.

Я приехал к нему в понедельник 12 августа и собирался уехать через день. Однако он настоял, чтобы я остался у него до конца недели. Катастрофа произошла в ночь с пятницы на субботу, точно в двадцать три часа сорок пять минут.

День был душный и жаркий. Под молодым вязом, затенявшим маленький садик, я приводил в порядок свои геологические записи. Неожиданно тучи закрыли небо, и к семи часам стало совершенно темно. Над горами разразилась гроза. Поль вернулся примерно через полчаса под проливным дождем. Мы пообедали почти молча, и он, извинившись передо мной, сказал, что должен эту ночь подежурить на гидростанции. Около половины девятого я помог ему натянуть промокший плащ и поднялся в свою комнату. Я слышал, как он отъехал от дома на автомашине.

В десять я лег и уснул. Несмотря на ливень, жара нис-

колько не спала. Было двадцать три тридцать, когда меня разбудил страшный раскат грома. Молнии озаряли растрепанные ветром, быстро бегущие черные тучи. Дом Поля стоял над долиной, и сверху я видел, как молнии трижды ударили в опоры как раз перед входом в здание электростанции. Обеспокоенный, я уже хотел позвонить на станцию и справиться, все ли там в порядке, но подумал, что сейчас не стоит этого делать: Полю и без меня хватает забот!

И вдруг прямо на электростанцию начал опускаться с неба фиолетовый клинок. Это уже была не молния, а как бы длинный разряд электричества в трубке с разреженным газом, но усиленный тысячекратно! В то же время фантастическая огненная колонна поднималась от станции к небесам, прямо в черные тучи, по которым пробегали светящиеся пятна, как по люминесцирующим волнам моря. Это продолжалось, может быть, с десятков секунд. Я смотрел как замороженный. И в то мгновение, когда фиолетовый клинок с неба и огненная колонна от электростанции соединились, все огни вдруг погасли и долину залил мертвенно-белый свет. И все кончилось. Наступила крошечная тьма, прорезаемая только вспышками обыкновенных молний. Водопадом обрушился проливной дождь, заглушая все звуки. Я стоял, ошеломленный, добрую четверть часа.

Звонок телефона внизу вывел меня из оцепенения. Я бросился в кабинет Поля и схватил трубку. Звонили с электростанции, и я сразу узнал голос одного из молодых инженеров-стажеров. С Полем «что-то приключилось», и меня просили немедленно приехать, прихватив по дороге доктора Прюньера, до которого они не могли дозвониться, потому что обычная телефонная линия вышла из строя. А

дом Поля был связан с гидроцентральной осью кабелем.

Я поспешно оделся, натянул плащ, потерял еще несколько секунд, пока отыскивал ключи от гаража, где стоял мой мотоцикл. Мотор завелся с первого же толчка стартера, и я ринулся в непроглядную тьму, разрываемую теперь лишь редкими молниями.

Я разбудил врача, и через десяток минут на его машине мы были уже на месте.

Всю гидростанцию освещали только аварийные лампы, подсоединенные к аккумуляторам. Там царила атмосфера потревоженного муравейника. Молодой стажер немедленно провел нас в медпункт. Полю — я забыл сказать, что он был очень высок, два метра четыре сантиметра! — лежал на слишком короткой для него койке, бледный и бездыханный.

— У него, наверное, шок, — с надеждой сказал стажер. — Он стоял около генератора, когда ударила эта странная молния. Извините меня, я должен бежать. Все на станции вышло из строя. Не знаю, что делать, — ни директора, ни инженеров, никого нет! И позвонить никому не могу — телефоны не работают...

Но доктор Прюньер уже склонился над телом моего друга. Прошло минут пять, прежде чем он не совсем уверенно проговорил:

— По-моему, просто обморок. Но его нужно немедленно перевезти в больницу. Это, несомненно, шок, пульс очень слабый, и я боюсь...

Я вскочил, позвал двух рабочих, и мы перенесли Поля в грузовичок, где для него наспех устроили что-то вроде носилок. Прюньер уехал с ними, пообещав держать меня в

курсе дела.

Я собирался покинуть станцию, когда снова появился инженер-стажер.

– Месье Перизак, – обратился он ко мне, – вы бывали в тропиках; скажите, вам когда-либо доводилось видеть подобное явление? Говорят, что там грозы куда сильнее, чем здесь.

– Нет, такого я никогда не видал! И даже не слышал, что подобное бывает. Из своего окна я видел огненный столб, он опускался на станцию, и это было самое невероятное зрелище в моей жизни! При каких обстоятельствах произошло несчастье с месье Дюпоном?

– Это мы узнаем, когда механик, единственный свидетель, сможет говорить.

– Его тоже задело?

– Нет, но он ошалел от страха. Бормочет какие-то глупости.

– А что он рассказывает?

– Пойдите, расспросите его сами...

Мы вернулись в медпункт. Там на койке сидел мужчина лет сорока с выпученными блуждающими глазами. Инженер обратился к нему:

– Мальто, расскажите, пожалуйста, все, что вы видели, этому человеку – он друг месье Дюпона.

Механик бросил на меня затравленный взгляд.

– Понятно, вы хотите, чтобы я говорил при свидетеле, а потом вы упрячете меня в сумасшедший дом как психа! Но все равно, клянусь, это правда! Я видел, видел собственными глазами!...

Он почти кричал.

– Полно, успокойтесь! Никто вас никуда не упрячет. Нам нужны ваши показания для отчета. Кроме того, они могут принести пользу месье Дюпону, врачу будет легче его лечить.

Механик заколебался.

– Ну если для врача... А, да наплевать мне на все! Поверите вы или нет – ваше дело. Тем более я и сам не знаю, может, я и впрямь свихнулся?

Он глубоко вздохнул.

– Так вот. Месье Дюпон попросил меня проверить вместе с ним генератор номер десять. Я стоял в метре от него, слева. Вдруг нам показалось, что воздух сразу насытился электричеством. Вы бывали в горах? Тогда вы знаете – это когда альпенштоки начинают петь, как струны. Тут месье Дюпон мне крикнул: «Мальто, беги!». Я бросился в дальний конец машинного зала, но там дверь была закрыта и я обернулся. Месье Дюпон все еще стоял возле генератора, и по всему телу его пробежали синие искры. Я закричал ему: «Скорее сюда!». И тут весь воздух в зале засветился фиолетовым светом. Знаете, как в неоновой трубке, только свет был фиолетовый... Свечение не дошло до меня примерно на метр!

– А Дюпон? – спросил я.

– Он бросился в мою сторону и вдруг замер. Он смотрел куда-то вверх, и вид у него был растерянный, удивленный. Он стоял в самом центре светящегося столба, но это его, похоже, не тревожило. И тогда...

Механик умолк, несколько мгновений колебался, и, наконец, выпалил, словно бросился в воду:

– И тогда я увидел призрачную фигуру! Она плыла по

воздуху прямо к нему, и была почти такого же роста, как месье Дюпон. Он, должно быть, тоже увидел, потому что вытянул руки, словно хотел ее оттолкнуть, и закричал: «Нет! Нет!». Призрак коснулся его, и он упал. Вот и все!

— А потом?

— Потом я не знаю, что было. Я от страха грохнулся в обморок.

Мы вышли, оставив Мальте в медпункте. Инженер спросил меня:

— Ну что вы скажете?

— Скажу, что вы, наверное, правы: ваш механик просто ошалел от страха. Я не верю в призраки. Если Дюпон поправится, он нам сам расскажет, как это было.

Было уже пять часов утра, поэтому вместо того, чтобы вернуться домой, я зашел к доктору, взял там свой мотоцикл и помчался в больницу. Полю стало лучше, но он спал. До рассвета я просидел с доктором, которому не преминул рассказать фантастическую историю Мальто.

— Я его хорошо знаю, — заметил Прюньер. — Его отец умер два года назад от белой горячки, но сын, насколько мне известно, спиртного в рот не берет! Впрочем, все возможно...

Незадолго до рассвета сестра-сиделка предупредила нас, что Поль, видимо, скоро проснется. Мы немедленно прошли к нему. Он был уже не так бледен, сон его сделался беспокойным. Поль все время шевелился. Я склонился над ним и встретился с ним взглядом.

— Доктор, он проснулся!

Глаза Поля выражали бесконечное изумление. Он оглядел потолок, голые белые стены, затем пристально по-

смотрел на нас.

– Как дела, старина? – бодро спросил я. – Тебе лучше?

Сначала он не ответил, потом губы его зашевелились, но я не смог разобрать слов.

– Что ты сказал?

– Анак о́ на? – отчетливо проговорил он вопросительным тоном.

– Что?

– Анак о́ на? Эрто син балурем сингалету́ экон?

– Что это ты говоришь?

Я едва удерживался, чтобы не расхохотаться, и в то же время во мне нарастало беспокойство.

Он пристально поглядел на меня, и непонятный страх отразился в его глазах. Словно делая над собой отчаянное усилие, он проговорил наконец:

– Где я? Что со мной случилось?

– Ну вот, это уже лучше! Ты в клинике доктора Прюньера, который стоит рядом со мной. Ночью тебя поразила молния, но, похоже, все обошлось. Ты скоро поправишься.

– А тот, другой?

– Кто другой? Механик? С ним ничего не случилось.

– Нет, не механик. Другой, который со мною...

Он говорил медленно, как в полусне, с трудом подбирая слова.

– Но с тобой больше никого не было!

– Не знаю... Я устал...

– Не разговаривайте с ним больше, месье Перизак – вмешался доктор. – Ему нужен полный покой. Завтра или послезавтра, я думаю, он сможет вернуться к себе.

- Тогда я пойду, – сказал я Полю. – Буду ждать у тебя.
- Да, жди меня... До свидания, Кельбик.
- Какой я тебе Кельбик! – возмутился я.
- Да, правда... Извини меня, я так устал!

* * *

На следующий день ко мне заехал доктор.

– Пожалуй, будет лучше перевезти его домой, – сказал он. – Ночь прошла беспокойно, он все время звал вас: бредил, произносил какие-то непонятные слова попеременно с французскими. Он твердит, что белые стены больницы – это стены морга. Здесь, у себя, в привычной обстановке, он поправится гораздо скорее.

Старая экономка прибрала в спальне, и вскоре мы уже укладывали Поля на огромную, сделанную специально по его росту кровать. Я остался с ним. Поль проспал до темна, а когда проснулся, я сидел у его изголовья. Он долго рассматривал меня, потом сказал:

– Вижу, тебе хочется знать, что со мной случилось. Я тебе расскажу позднее... Понимаешь, это настолько невероятно, что я и сам не могу еще поверить. И это так изумительно! Сначала мне было страшно. Но сейчас, ах, сейчас!...

Он громко расхохотался.

– В общем, сам увидишь. Благодарю тебя за все, что ты для меня сделал. Я в долгу не останусь! Мы еще повеселимся в этой жизни, и ты, и я! У меня много замыслов, и ты мне наверняка понадобишься.

Затем он изменил тему разговора и принялся расспра-

шивать, как идут дела на гидростанции. Мое сообщение о том, что генераторы вышли из строя, вызвало у него новый взрыв смеха. На следующий день он поднялся раньше меня и ушел на станцию. Через два дня я уехал сначала в Тулузу, а потом в Африку.

Вскоре я получил от Поля письмо. Поль сообщал, что намерен оставить свою нынешнюю должность и поступить в университет Клермон-Феррана, чтобы «поучиться» (это слово было в кавычках) у профессора Тьебодара, знаменитого лауреата Нобелевской премии.

Благодаря странной случайности, едва я защитил свою диссертацию, как в том же самом университете открылась вакансия и мне предложили прочесть курс лекций. Тотчас по прибытии я бросился разыскивать Поля, но его не оказалось ни на факультете, ни у себя дома. Нашел я его в нескольких километрах от Клермона в Атомном исследовательском центре, которым руководил сам Тьебодар.

Тьебодар принял меня в кабинете за рабочим столом, на котором необычайно аккуратными стопками лежали всяческие бумаги. Он сразу без околичностей принялся расспрашивать меня о Поле:

- Вы давно его знаете?
- С самого рождения. И мы вместе учились.
- Он был силен в математике еще в лицее?
- Силен? Скорее средних способностей. А в чем дело?
- В чем дело? А в том дело, месье, что это величайший из современных математиков и скоро будет самым великим физиком! Он меня поражает, да, просто поражает! Является ко мне какой-то инженеришко, скромно просит возможности поработать под моим руководством и за пол-

года делает больше открытий, причем важнейших открытий, чем я за всю свою жизнь. И с какой легкостью! Словно это его забавляет! Когда он сталкивается с какой-нибудь сложнейшей проблемой, он усмехается, запирается в своей норе, а назавтра приходит с готовым решением!

Тьебодар немного успокоился.

— Все расчеты он делает только у себя дома. Всего один раз мне удалось заставить его поработать в моем кабинете, у меня на глазах. Он нашел решение за полчаса! И, самое интересное, у меня было впечатление, что он его уже знал и теперь только старался вспомнить. В других случаях он из кожи вон лезет, стараясь по возможности упростить свои расчеты, чтобы я мог их понять, я, Тьебодар! Я навел справки у его бывшего директора. Он сказал, что Дюпон, конечно, неплохой инженер, но звезд с неба не хватает! Если эта молния превратила его в гения, то я тотчас отправлюсь на станцию и буду торчать возле генератора во время каждой грозы! Ну ладно. Вы найдете его в четвертом корпусе. Но сами туда не входите! Пусть его вызовут. Вот ваш пропуск.

Поль был просто в восторге, когда узнал, что отныне я буду жить в Клермоне. Вскоре у нас вошло в привычку наведываться друг к другу в лабораторию, а поскольку оба мы были холостяками, то и обедали вместе в одном ресторане. По воскресеньям я часто выходил с ним по вечерам поразвлечься, а однажды Поль отправился со мной на целую неделю в горы.

Характер его заметно изменился. Если раньше он был скорее флегматичен и застенчив, то теперь у него появились властность и явное стремление повелевать. У него

происходили все более бурные столкновения с Тьебодаром, человеком превосходным, но вспыльчивым, который, несмотря на это, продолжал считать Поля своим преемником на посту руководителя Атомного центра. И вот во время очередной такой стычки завеса тайны начала передо мной приоткрываться.

Меня теперь хорошо знали в Центре, и у меня был постоянный пропуск для входа на территорию. Однажды, проходя мимо кабинета Тьебодара, я услышал их голоса.

– Нет, Дюпон, нет, нет и нет! – кричал профессор. – Это уже чистейший идиотизм! Это противоречит принципу сохранения энергии, и математически – слышите? – математически невозможно!

– С вашей математикой, пожалуй, – спокойно ответил Поль.

– То есть как это, с моей математикой? У вас что, есть другая? Так изложите ее принципы, черт побери, изложите!

– Да, изложу! – взорвался Поль. – И вы ничего не поймете! Потому что эта математика ушла от вашей на тысячи лет вперед!

– На тысячи лет, как вам это нравится, а? – вкрадчиво проговорил профессор. – Позвольте узнать, на сколько именно тысяч лет?

– Ах, если бы я это знал!

Дверь распахнулась и с треском захлопнулась – Поль выскочил в коридор.

– Ты здесь! Слышал?

Он был разъярен.

– Да, у меня особая математика. Да, она ушла от его математики на тысячелетия вперед! И я узнаю, на сколько

тысячелетий. И тогда...

Он оборвал фразу и пробормотал:

– Я слишком много болтаю. Это было моим недостатком и там...

Я смотрел на него, ничего не понимая. На электростанции за ним, наоборот, упрочилась слава молчуна, который лишнего слова не скажет. Он, в свою очередь, взглянул на мое изумленное лицо и рассмеялся.

– Нет, я говорю не о станции! Когда-нибудь ты все узнаешь. Когда-нибудь...

Прошел год. В январе в научных журналах за подписью Поля Дюпона появилась серия коротких статей, которые, по словам специалистов, совершили в физике настоящий переворот, более значительный даже, чем квантовая теория. Затем, в июне, как гром с ясного неба, всех потрясла основная работа Поля, поставившая под сомнение принцип сохранения энергии, а также теорию относительности, как общую, так и частную, и попутно ниспровергавшая принцип неопределенности Гейзенберга и принцип исключения Паули. В этой работе Поль демонстрировал бесконечную сложность так называемых элементарных частиц и выдвигал гипотезу о существовании еще не открытых излучений, которые распространяются гораздо быстрее света. Против него ополчился весь научный мир. Физики и математики всех стран объединились, чтобы разгромить Поля. Но он предложил серию абсолютно неопровержимых решающих опытов, и даже злейшие враги вынуждены были признать его правоту. Теоретически он продолжал считаться молодым ученым Атомного центра в Клермоне. Практически он был физиком № 1 всей

Земли.

Он продолжал жить очень скромно в своей маленькой квартирке, и каждое воскресенье мы отправлялись с ним в горы. На обратном пути после одной из таких прогулок Поль наконец заговорил. Он пригласил меня к себе. Его рабочий стол был завален рукописями. Видя, что я направляюсь к столу, Поль хотел было меня удержать, но потом весело рассмеялся.

– На, читай! – сказал он, протянув мне один листок.

Он был покрыт какими-то кабалистическими знаками, причем это были не математические формулы, а непонятный, странный алфавит.

– Да, я заказал специальный шрифт. Мне гораздо удобнее пользоваться им, чем вашими буквами. К ним я так и не мог до конца привыкнуть.

Я смотрел на него, ничего не понимая. И тогда очень осторожно и мягко он сказал:

– Да, я Поль Дюпон, твой старый друг Поль, которого ты знаешь с пеленок. Я *по-прежнему* Поль Дюпон. Но в то же время я Орк Акеран, Верховный Координатор эпохи Великих Сумерек. Нет, я не сошел с ума, – продолжал он. – Хотя я прекрасно понимаю, что эта мысль может у тебя появиться. Однако выслушай меня, я хочу наконец кое-что объяснить.

На миг он задумался.

– Не знаю даже, с чего начать. Ну да ладно! Историю Орка до того, как он встретился с Полем Дюпоном, ты прочтешь когда-нибудь в этой рукописи. Историю Поля Дюпон ты и так знаешь не хуже меня, во всяком случае, вплоть до той знаменитой августовской ночи. Поэтому я начну с того момента, когда я в разгар грозы стоял возле

генератора.

Рядом со мною был этот славный работяга Мальте. Я хорошо помню, как внезапно воздух резко насытился электричеством и как я приказал Мальте уходить. Если бы он не послушался, возможно, он сейчас был бы великим физиком, а я так и остался бы рядовым инженером. Хотя, с другой стороны, не знаю, достаточно ли развит его мозг, чтобы вместить сознание Орка. Итак, не успел я отойти от генератора, как меня залил поток яркого света. Ты его видел издали, и он показался тебе фиолетовым. Механику тоже. Но для меня он был синим. Удивленный, я остановился. Свет медленно пульсировал. Я чувствовал головокружение, казалось, я ничего не вижу и могу парить над землей. И вдруг я с ужасом увидел в воздухе прямо перед собой неясную, призрачную человеческую фигуру. Она коснулась меня. О, как передать тебе это странное ощущение прикосновения изнутри! Вот тогда-то я и крикнул: «Нет! Нет!». Затем все во мне взорвалось, словно мозг распадался на атомы, словно я умирал и боролся со смертью. Помню только, как яростная воля к жизни вспыхнула во мне, а потом – бездонная тьма.

Когда я очнулся, ты был рядом со мной. И у меня было странное чувство, что я тебя узнаю, и в то же время не узнаю. Вернее, я знал, что ты – Перизак, но одновременно знал, что ты должен быть Кельбиком, хотя ты на него совершенно не похож. В моей памяти боролись два воспоминания, одно – о грозовой ночи, и другое – о ночи великого опыта, который я проводил, когда... когда с Орком случилось это несчастье, для меня до сих пор необъяснимое. Тебе, наверное, приходилось видеть очень яркие сны,

после которых спрашиваешь себя, но является ли реальная жизнь сновидением, а сон явью? Ну так вот, нечто подобное происходило со мной – с той лишь разницей, что это чувство не исчезало! Понимаешь, я знал, что был Полем Дюпоном, и в то же время знал, что был Орком.

Ты заговорил со мной, и, естественно, я тебя спросил: «Анак о́ на», то есть «Где я?», как и полагается в подобных случаях. И я был очень удивлен, что ты меня не понимаешь, Ты следишь за моей мыслью? Во мне два человека. Я Орк-Дюпон или Дюпон-Орк, как тебе угодно. У меня одно сознание, одна жизнь, но две различные памяти, которые слились. Память Поля, твоего друга, инженера-электрика, встретила с памятью Орка, Верховного Координатора. Для Поля это произошло в 1972 году, а для Орка... Дорого бы я дал, чтобы это определить! Очень быстро я сообразил, что личность Орка надо скрывать – иначе меня бы просто заперли в сумасшедший дом. Мне нужно было подумать, поэтому я симулировал переутомление и взял отпуск. Я решил заново прослушать курс физики, чтобы потом понемногу открывать людям свои знания – знания Орка! Разумеется, я мог делиться с вами только крохами: если бы я открыл все, ваша цивилизация не выдержала бы подобного удара.

Для начала я тщательно изучил вашу историю, применяя особый метод анализа, наши социологи пользуются им испокон веков, и он входит у нас в курс обязательного обучения во всех университетах как один из элементов общей культуры. Я обнаружил, что большая часть тех открытий, которые я намеревался обнародовать, так или иначе будут сделаны вашими теоретиками и эксперимен-

таторами в течение ближайших десятилетий. Поэтому, слегка ускорив прогресс, я не нарушу общего закона развития. Остальные знания останутся при мне и уйдут вместе со мной. К тому же многого вы просто не сможете понять, и вовсе не из-за недостатка интеллекта, а из-за отсутствия материальной основы. Таким образом, я ничем существенно не изменю ваше будущее, которое для меня – бесконечно далекое прошлое.

– Да, мои знания умрут вместе со мной, – повторил он тихонько. – Разве что...

– Договаривай! – сказал я.

– Разве что мне удастся вернуться туда!

* * *

В течение следующих лет я часто и надолго уезжал по делам в Африку. Каждый раз по возвращении мы встречались с Полем. Он больше ничего не публиковал, зато лихорадочно работал в своей частной лаборатории, построенной по его указаниям. За время моей второй поездки он женился на Анне, молодой студентке физического факультета, а за время третьей у них родился сын. Катастрофа произошла, когда я вернулся в четвертый раз.

Я приехал в Клермон поздно ночью и с раннего утра отправился прямо в лабораторию Поля. Она стояла на невысоком холме в уединенном месте, в нескольких километрах от города. Когда я уже сворачивал с шоссе на боковую дорогу, в глаза мне бросилась крупная надпись на щите:

«Въезд воспрещен! Опасно для жизни!»

Я не остановился, полагая, что ко мне это предупреждение не относится. Но едва я выехал на лужайку перед домом, как волосы встали у меня на голове дыбом и длинная фиолетовая искра проскочила между рулем и приборной доской. Я резко затормозил. Всю лабораторию заливал дрожащий фиолетовый свет, который я сразу узнал. За стеклом большого окна я увидел высокую фигуру Поля. Он поднял руку, то ли приказывая остановиться, то ли прощаясь со мной. Фиолетовое сияние сделалось вдруг ослепительным, и я зажмурился. Когда я снова открыл глаза, все уже вошло в норму, но у меня было предчувствие, что случилось нечто непоправимое. Я выскочил из машины и плечом высадил дверь, запертую на ключ. Изнутри повалил густой дым, поднимаясь клубами в безоблачное небо. Лаборатория горела. С трудом отыскал я Поля: он лежал рядом с каким-то странным аппаратом. Я наклонился над своим другом: он был, видимо, мертв, на губах его застыла улыбка. Возле него недвижно лежала Анна.

Я вынес ее наружу, вернулся за Полем и с огромным трудом вытащил из дому его длинный тяжелый труп. Едва успел я уложить его рядом с женой на траву, как в доме раздался глухой взрыв, и пламя вмиг охватило все здание. Я уложил их в машину и на предельной скорости помчался в городскую больницу, хотя надеяться можно было только на чудо. Увы, чудес не бывает! Они оба были мертвы.

Вот и вся история. Военные и гражданские власти произвели тщательнейшее расследование, переворошили и

просеяли на пожарище весь пепел, но ничего не обнаружили. У себя в лаборатории я нашел толстую рукопись в запечатанном конверте. Накануне Поль сам принес этот пакет и вручил моему ассистенту. Эти страницы вы прочтете.

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Это я, Орк, говорю с вами, Орк Акеран, Верховный Координатор эпохи Великих Сумерек, который пока еще необъяснимым способом был перенесен в такое далекое прошлое, что мы, люди Эллеры, – по-вашему Земли, – не знаем об этом времени почти ничего.

Я хочу немного приподнять завесу будущего перед моими сегодняшними современниками.

Для начала – несколько исторических сведений. Их немного.

С геологической точки зрения, вы приближаетесь к концу вашей эры. Я не знаю, угрожает ли вам новая война, которая, как вы опасаетесь, разрушит вашу цивилизацию. Эти подробности до нас не дошли. Зато я могу сказать, что вы, кроме Луны, где уже высадились люди, освоите еще несколько планет. Потому что мы обнаружили ваши следы на Марсе и на Венере. Сомневаюсь, однако, чтобы вы там укрепились надолго, потому что таких следов мало – я сам видел их на Венере. Вы оставили Венеру в ее первозданном состоянии, не попытавшись даже приспособить эту планету для человека. Возможно, ваши инопланетные работы были прерваны войной, но скорее всего – пятым оледенением, которое по времени было близко и наступило

внезапно. Мне легко представить, что тогда произошло. Ваша техника была слишком слаба, чтобы бороться с наступлением льдов, несмотря на то, что вы овладели атомной энергией и что посеянные мною идеи тоже скоро принесут свои плоды. Должен предупредить вас: использование атомной энергии против оледенения без эффективного контроля над погодой в конечном счете лишь ускорит оледенение. Это приведет к ожесточенным войнам за свободные ото льда экваториальные земли и, в конечном счете, — к закату цивилизации. И тогда начнутся первые Сумерки человечества, предшественники тех, которые известны нашим историкам.

Пятый, шестой и седьмой ледниковые периоды, видимо, будут следовать один за другим с короткими интервалами, насколько я помню лекции по землеведению. Сомневаюсь, чтобы за эти небольшие промежутки люди хотя бы однажды достигли уровня вашей цивилизации. Во всяком случае, мы не нашли этому подтверждений. Зато после седьмого оледенения начнется длительный цикл — я не знаю причин, но наши геологи могли бы все объяснить, — цикл, который продолжался бы миллионы лет, если бы... Но не буду забегать вперед.

После седьмого оледенения человечество начало почти с нуля, с уровня культуры, подобной вашему верхнему палеолиту с незначительными вариациями. Наши геологи считают, что все эти ледниковые периоды с промежуточными оттепелями продолжались примерно 200 тысяч лет, и еще 10 тысяч лет понадобилось людям, чтобы перейти от пещерного существования к первым поселениям и, наконец, к настоящей цивилизации. Я родился в 4575 году

этой новой эры.

Кто же мы, ваши далекие потомки? Рискую жестоко разочаровать многих ваших пророков, скажу, что мы остались почти такими же, как вы. Черепная коробка не достигла у нас чудовищного объема, мы не облысели, не потеряли ни ногтей, ни зубов: и то, и другое, и третье у нас куда лучше ваших. Мы не превратились ни в хилых карликов, ни в полубогов, хотя средний рост у нас много выше. У нас сохранилось по пять пальцев на руках и ногах, хотя мизинец на ногах и стал более рудиментарным. Мы не стали телепатами или ясновидящими и не овладели телекинезом. Но кое-какие изменения произошли: различные расы слились в одну, кожа у нас, в общем, темнее, но скорее смуглая, чем темная, и у большинства из нас черные волосы и карие глаза. Тем не менее среди нас встречаются блондины и люди со светлыми глазами: у меня, кстати, глаза были серые. Однако важнее всего были внутренние изменения: количество и плотность мозговых извилин у нас увеличились, и люди стали умнее, хотя и не превратились в расу гениев. Просто исчезли индивидуумы с низким уровнем интеллекта. А что касается гениев, то они у нас так же редки, как и в ваше время.

Человечество сохранилось лишь на одном огромном острове Киобу, который вскоре стал единым государством. Затем люди вновь расселились по всей Земле, но у нас всегда сохранялась единая великая цивилизация с незначительными вариантами. Однообразие этой цивилизации, однако, замедляло развитие, что приводило к долгим периодам застоя, иногда даже регресса, которые наши историки называют «сумерками».

Примерно в 1840-х годах со дня объединения острова Киобу начался наш первый период великих открытий. Мы вновь изобрели паровую машину, затем электричество и, наконец, где-то в 1920-х годах мы начали использовать атомную энергию. (Совпадение дат с датами вашей эры наводит меня на мысль, что, должно быть, существует естественный ритм человеческого прогресса!) Менее чем через двадцать лет – у нас не было военных тайн, которые так мешают науке! – первая экспедиция отправилась на Луну, где мы, к величайшему своему изумлению, обнаружили следы человеческого пребывания. Но могу вас заверить, вы были там первыми! Немного позднее, в 1950-х годах, мы высадились на Марсе, где тоже нашли свидетельства вашего пребывания, а затем, в 1956 году, мы достигли Венеры. По совести говоря, долгое время мы думали, что прибыли туда первыми, пока я сам не сделал сенсационное открытие. Но об этом позже.

Луна, как вы знаете, бесплодна, не имеет атмосферы, и жизни на ней не было никогда. На Марсе существовала раса разумных существ, однако даже следов их цивилизации долго не удавалось обнаружить, пока наш археолог Клобор не нашел подземный город. Что касается Венеры, мы нашли ее окруженной плотным облаком формальдегида, лишенной жизни и непригодной для жизни.

Однако это нас не смутило. Наша наука шла вперед гигантскими шагами, и вскоре нам удалось полностью изменить атмосферу Венеры.

Когда Венера стала пригодной для жизни, ее быстро колонизовали. А Марс остался главным образом планетой для исследований, рудных разработок и космодромом для полетов к дальним планетам. Отсюда же мы пытались

достичь звезд.

С 2245 до 3295 года продолжалось то, что мы называем «Тысячелетием мрака». Внезапно Земля была захвачена и поработана. Пришельцы из космоса, обладавшие неизвестным вооружением, обрушились на людей. За несколько кровавых недель они сломали всякое сопротивление и стали хозяевами планеты почти на целую тысячу лет. В них не было ничего человеческого: они походили на бочонки, стоявшие на восьми лапах с семью щупальцами сверху. Долгое время люди страдали и покорялись молча, но в тайных лабораториях под землей немногие уцелевшие ученые день и ночь искали оружие, которое принесло бы освобождение. И наконец они нашли его – культуру вируса, смертельного для захватчиков, но безвредного для человека. Враг так и не догадался, что уничтожившая его эпидемия была делом наших рук. В конце концов он сдался, и однажды утром все его звездолеты покинули Землю, унося уцелевших, – всего одну тысячную от общего их числа! Перед отлетом они разрушили все, что успели построить, и можно было бы сказать, что человечество потеряло тысячу лет зря, если бы пришельцы не оставили после себя одну неоценимую вещь: представление о космомагнетизме, который стал основой нашего могущества. Позднее я объясню, что это такое.

Период после отлета друмов (я не без удивления узнал, что на вашем английском языке это слово означает «барабан», это слово довольно точно передает представление о внешности пришельцев) был периодом восстановления. Люди были по большей части безграмотны, ученых почти не осталось, источников энергии – и того меньше. Однако

наша цивилизация с помощью колонистов с Венеры, на которую друмы не обратили внимания, снова рванулась вперед, и в 4102 году мы сделали величайшее из наших открытий – открытие сверхпространства. Мы думали, что теперь нам доступна вся вселенная!...

До этого мы с помощью реактивных, а потом космомagnetических кораблей исследовали всю солнечную систему. Однако даже космомagnetические корабли не могли достичь скорости света, тем более ее превысить. И хотя в природе существуют излучения более быстрые, чем свет, скорость света действительно остается непреодолимым барьером для всех тел обладающих электромагнитными свойствами.

Мы уже решили послать на ближайшую звезду космомagnetический корабль, когда Сникал открыл эффект сверхпространства. Это было как гром с ясного неба. Даже друмы вряд ли пользовались перелетами через сверхпространство, хотя их научные знания были гораздо выше наших. Сникал для начала доказал существование сверхпространства, затем возможность его использования. Все физические лаборатории занялись этой проблемой, и три года спустя мы начали строить первый сверхпространственный звездолет.

Он покинул Землю на тридцатый день 4107 года. Экипаж состоял из одиннадцати мужчин и тридцати трех женщин. Этот звездолет исчез без следа. Второй отправился в 4109 году, третий в 4112-м, а затем ежегодно улетало по звездолету, и так продолжалось до 4125 года. Лишь один из этих кораблей вернулся на Землю в 4132 году.

И тогда мы узнали печальную истину. Да, через сверхпространство мы можем достичь любой точки Галактики и даже выйти за ее пределы, но мы не знаем, куда приведет нас очередной скачок, и практически не имеем возможности вернуться обратно на Землю!

Одиссея «Тхиусса», звездолета, который вернулся, продолжалась почти двадцать лет. Он вынырнул из сверхпространства вблизи солнечной системы, которая так и осталась неизвестной. Одиннадцать планет ее вращались вокруг звезды типа Д2. Две из них были пригодны для жизни, но на них не нашли никого, кроме животных. Небо, совсем непохожее на наше, по ночам озаряли гигантские звезды. Пять лет разведчики исследовали эту солнечную систему, затем собрались в обратный путь. Тщательно перепроверив все расчеты, они ушли в сверхпространство.

Вынырнули они почти в абсолютной тьме, где-то между нашей Галактикой и туманностью Андромеды. Видимо, что-то не ладилось. Они заново сориентировались на нашу Галактику и сделали новый «скачок». В этот раз они вынырнули так близко от гигантской звезды, что им пришлось тотчас вернуться в сверхпространство. И так продолжалось в течение долгих лет, с короткими остановками на гостеприимных планетах, которые им время от времени попадались. Лишь по чистой случайности экипаж «Тхиусса», поредевший на три четверти из-за неведомых болезней и незнакомой пищи с чуждых планет, сумел наконец вернуться на Землю. Собранные ими данные были проанализированы, и ученые пришли к выводу, что в сверхпространстве нарушается связь причин и следствий, что

понятие направления, по существу, теряет там смысл. Так на долгое время была похоронена, пожалуй, самая древняя мечта человечества – добраться до звезд! О, не думайте, мы не потеряли надежды, и поиски продолжались. Но мы еще не нашли решения, когда надвинулись Великие Сумерки.

Что касается остальных звездолетов, то о них мы ничего не знали. Может быть, они погибли в неведомых галактиках? А может быть, их экипажи, изнуренные годами блужданий среди звезд, в конце концов поселились на каких-нибудь планетах? Лишь много позднее мы частично получили на эти вопросы ответ.

Не желая сдаваться, мы вновь сосредоточили все наши усилия на космомагнетических двигателях... Они были изобретены, вернее, вновь открыты людьми, потому что друмы их знали, в 3910 году. Питающую их энергию за неимением более точного термина мы назвали космическим магнетизмом. Космомагнетизм является основной силой, связывающей все, от атомов до галактик. Вся наша вселенная пронизана силовыми полями этого типа, и с их помощью корабль может развивать скорость порядка восьми десятых скорости света. Для этого необходимо создать нечто вроде однополюсного космомагнита, (пример очень грубый, но и его достаточно), и таким образом...¹

Итак, мы вернулись к старому проекту Брамуга. В 4153 году космомагнетический корабль начал разгон в пределах солнечной системы, за орбитой Гадеса, последней планеты нашей Галактики, достиг половины световой скорости

---

¹ Нижняя часть страницы отрезана ножницами.

и направился к ближайшей звезде...

Учитывая время, необходимое для разгона и торможения, корабль должен был вернуться через двенадцать лет. Но вернулся менее чем через пять, в начале 4158 года. И мы узнали причину нашей новой неудачи. Каждая звезда окружена космомагнетическим полем, которое распространяется до такого же поля соседней звезды. На месте соприкосновения двух полей возникает своего рода барьер потенциалов, который нисколько не влияет на различные излучения, но совершенно непреодолим для материальных тел, не обладающих определенной критической массой. Наш звездолет постепенно начал терять скорость, затем был остановлен, и все усилия прорваться вперед оказались тщетными.

Однако совершенно очевидно существовал какой-то способ преодолеть это препятствие, поскольку звездолеты друмов его преодолели! Но и этот способ мы не успели открыть до начала Великих Сумерек.

Расчеты показывали, что для преодоления незримого барьера звездолет должен обладать массой почти такой же, как масса Луны! Или скорость звездолета должна быть близкой световой.

Но пока мы не обнаружили способа друмов или какого-нибудь иного, мы не могли вырваться из нашей космической тюрьмы.

Теперь я должен кое-что рассказать о нашей жизни, столь не похожей на вашу.

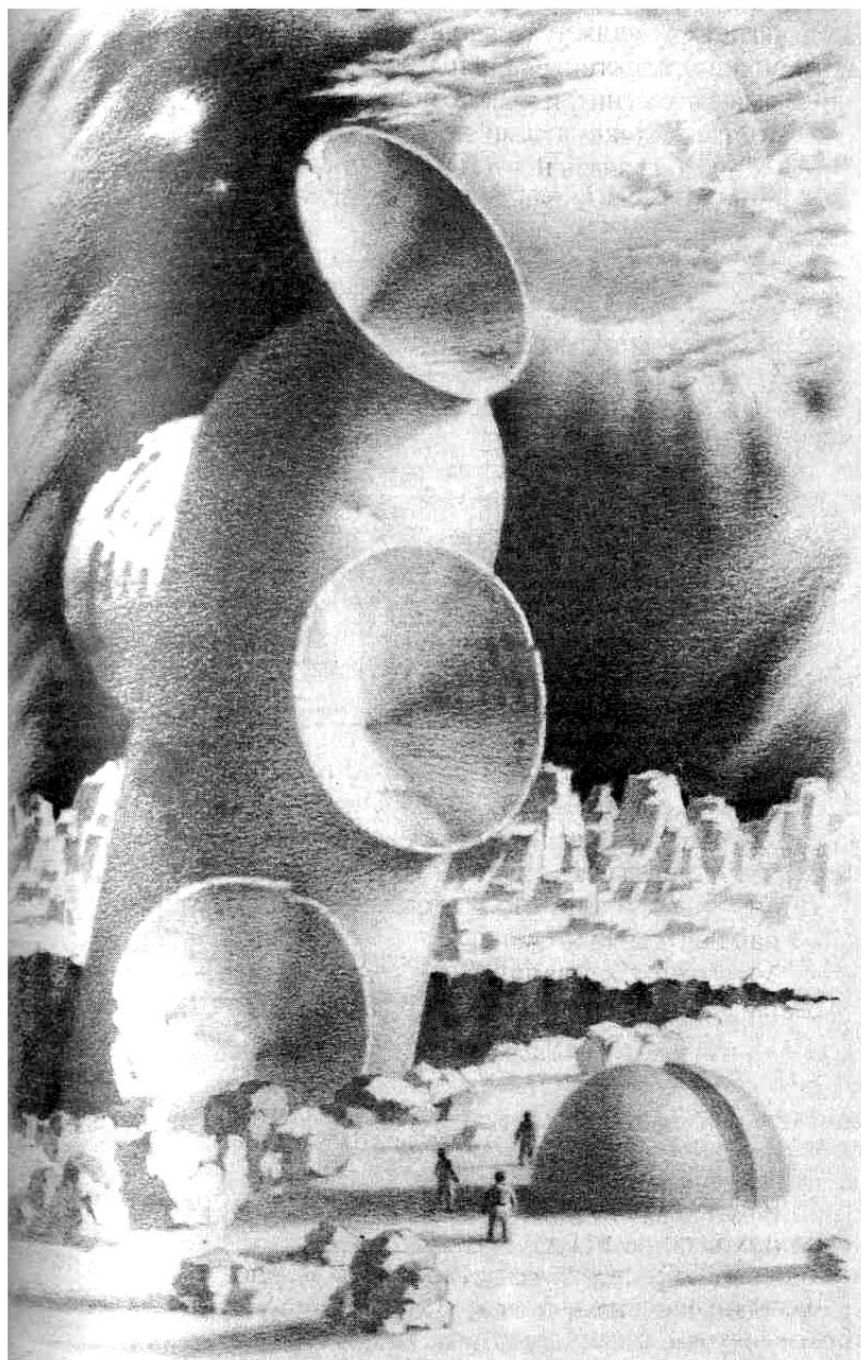
С географической точки зрения поверхность Земли в целом не особенно изменилась. По-прежнему существовало два больших континентальных массива — Евразия-

Африка и обе Америки, только более слитные, чем сегодня, потому что Мексиканский залив исчез и стал сушей. Но в наше время в центре Атлантики возник большой остров, сильно вытянутый с севера на юг, с хребтом невысоких гор по всей его протяженности. Он появился, очевидно, довольно неожиданно во время седьмого ледникового периода на месте теперешнего подводного хребта в Атлантическом океане, где глубины относительно невелики.

Общее население Земли в наше время достигало пяти миллиардов. Оно сосредоточивалось главным образом в 172 гигантских городах, из которых самый большой, Хури-Хольдэ, расположенный примерно на месте теперешней Касабланки, насчитывал 90 миллионов жителей. Поэтому обширные пространства оставались почти необитаемыми, и на них в изобилии размножались дикие животные, избежавшие гибели от руки человека — от ваших рук! Ибо мы получали продукты питания частично со своих полей, частично из океанов, но главным образом за счет искусственного фотосинтеза.

Строения Хури-Хольдэ вздымались на тысячу метров в высоту и уходили на 450 метров под землю. В них было до 580 уровней, и они располагались неровным кругом диаметром до 75 километров. Здания не теснились друг к другу, а стояли свободно среди зеленых парков, разбитых на разных уровнях. На северном краю города у берега моря возвышался дворец Большого Совета, где заседали Совет Властителей наук, правительство и где на нижних уровнях размещались университеты. Между дворцом и морем был обширный парк с многочисленными стадионами и Музеем Искусства.

Наша общественная структура покажется вам непонятной и даже невыносимой. Дело в том, что на Земле тогда жило как бы два народа: текны и триллы.

Текнами, составлявшими ничтожное меньшинство населения, были ученые, исследователи, инженеры, врачи и некоторые категории писателей. Я часто спрашиваю себя, не происходит ли это название от вашего слова «техник». Это отнюдь не было замкнутой или наследственной кастой. Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей к шестнадцати годам получал звание текна или трилла. Трилл, который позднее проявлял какие-либо способности к науке, мог ходатайствовать о переводе его в категорию текнов. Но это случалось редко.

Основой нашей цивилизации было представление о науке как о могучем, благотворном и... очень опасном оружии! Лучше пребывать в неведении, чем быть полуобразованным дилетантом, и тайны науки ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. Каждые юноша или девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться перед Советом Властителей, что они никогда никому не откроют никаких научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Зато внутри класса текнов никаких ограничений не существовало, и каждый мог свободно обсуждать с другими текнами любую проблему, даже если они работали в разных областях. За малейшее нарушение этого закона текна ждала страшная кара: пожизненное изгнание на Плутон без малейшей надежды на возвращение.

Что касается триллов, то они были механиками, которые, кстати, довольно часто переходили в разряд текнов,

кормильцами (категория, охватывающая ваших пекарей, мясников, бакалейщиков и т.д.), актерами, художниками, писателями. Между двумя классами не было ни соперничества, ни вражды, потому что звание текна в обычное время не давало ему никаких общественных преимуществ. Поэтому зачастую в одной семье были и триллы, и текны, и сын пекаря мог занимать пост Властителя неба, а его сын, в свою очередь, мог снова стать пекарем. В этом смысле каждый ребенок от рождения имел поистине одинаковые права, и наше общество было подлинно демократическим.

У триллов было свое правительство. В случае конфликта между текном и правительством дело разбирал Большой Совет из представителей правительства и Совета Властителей. Если же дело заходило в тупик, Большой Совет обращался к третьей, самой узкой социальной группе, состоявшей всего из 250 членов Верховного Суда. Мы были гораздо либеральнее в сексуальных вопросах, и наши обычаи позволяли полигамию. У нас осталось несколько различных религий, одна из которых весьма напоминала христианскую и, возможно, даже происходила от нее. Однако большинство моих сограждан были атеистами. Мы уже давно осуществляли контроль над рождаемостью, не прибегая, впрочем, ни к каким принуждениям. Правительство триллов и Совет Властителей действовали методами воспитания и убеждения и в обычное время почти никогда не прибегали к силе. И вас, наверное, удивит в ваш век нетерпимости и фанатизма, что самым большим пороком, самым дурным тоном как среди текнов, так и среди триллов считалась претензия на непогреши-

мость, на единоличное обладание истиной, Абсолютной Истиной!

А теперь перехожу к истории Великих Сумерек.

СОЛНЦЕ СКОРО ВЗОРВЕТСЯ!

Я родился в Хури-Хольдэ, в доме 7682 на довольно заселенной, как бы вы сказали, улице Станатин, на сто двенадцатый день 4575 года. У меня был старший брат Сарк, который хотя и мог войти в категорию текнов, тем не менее предпочел стать триллом и вскоре сделался одним из наиболее прославленных художников Хури-Хольдэ. Мой отец Раху, также трилл, был пусть не гениальным, но довольно известным драматургом. Моя мать Афия была текном, астрофизиком обсерватории Тефантиор в южном полушарии.

Детство мое прошло безоблачно, без особых происшествий, Довольно скоро в школе я выдвинулся благодаря способности быстро и жадно усваивать любые научные знания, и к двенадцати годам стало ясно, что я буду текном.

В пятнадцать лет, на год раньше срока, я сдал психотехнический экзамен и получил звание текна. После этого я ушел из общей школы и до восемнадцати лет учился на подготовительных курсах университета. По окончании их я должен был принести клятву текна.

Никогда не забуду этот день. Накануне я выдержал другой экзамен. Одновременно он был испытанием моей честности, хотя я этого не знал. Я сидел совершенно один в комнате, ломая голову над задачами, а неподалеку на

столе лежал случайно забытый учебник с объяснениями и решениями. Я провел в этой комнате несколько самых страшных часов. Мне сказали, что, если я не решу задач, моя классификация как текна будет пересмотрена. Я подозревал, что забытый учебник – ловушка, и в то же время знал твердо – потому что мог это проверить, – что никто за мной не следит. Но я преодолел искушение и сдал экзаменатору почти чистый листок. Из шести задач мне удалось решить лишь одну, да и то, как сказал позднее Властитель чисел, совершенно необычным способом. И хорошо, что я не сплутовал – меня бы просто выгнали из текнов без всякой жалости!

Утром перед клятвой я в последний раз надел свою обычную светлую одежду. Отныне и до конца жизни мне предстояло носить темно-серое одеяние текнов. Меня привели на самый верхний уровень Дворца Большого Совета, в зал Посвящений, как мы его называли, и я предстал перед Советом Властителей. Они все были там, даже Властители с Марса и с Венеры, и восседали за огромным хромированным столом в форме полумесяца. Зал был огромен, я чувствовал себя жалким и потерянным – совсем один перед лицом этого собрания величайших умов человечества.

Траг, Властитель-координатор, поднялся и медленно заговорил:

– Орк Акеран, ты удостоен чести называться текном. Сейчас ты принесешь клятву. Но перед тем как ты это сделаешь, я хочу в последний раз предупредить тебя, что твое назначение не даст тебе никаких привилегий, ни общественных, ни личных. Подумай как следует в послед-

ний раз. Закон текнов гораздо суровее и требовательнее закона триллов, и отныне тебе придется ему подчиняться. На специальных лекциях по истории ты узнал, какие ужасные беды обрушились на наших предков, слишком легкомысленно относившихся к науке. Став текном, ты будешь нести тяжкую ответственность перед всем человечеством, нынешним и будущим. Итак, ты решился?

– Да, Властитель.

– Хорошо. Клянись!

– Памятью тех, кого уже нет, перед теми, кто есть и кто будет, я, Орк Акеран, клянусь не разглашать без разрешения Совета Властителей никаких научных открытий, которые я могу сделать в своей области или в какой-либо иной. Я клянусь ни из гордости, ни из тщеславия, ни из корысти или по небрежению, или тем более по политическим расчетам никогда не сообщать никому, кроме текнов, ни слова, ни имени без особого разрешения Совета Властителей. Точно так же клянусь не разглашать открытий других текнов, и если себе и людям на горе я нарушу эту клятву, обещаю без возражений принять справедливую кару. Единственное исключение из этого закона возможно только в том случае, если сообщенные мною сведения смогут спасти человеческую жизнь, но и тогда я всецело отдамся на суд Властителей, и только они решат, прав я был или нет.

Вот и все. Я получил серое одеяние текна и вернулся в университет. Через два года я специализировался по астрофизике. После этого еще четыре года мне пришлось работать в лунной обсерватории Теленкор, расположенной в цирке Платона. Наконец, опубликовав в специальных из-

даниях для текнов несколько статей, которые вызвали некоторый интерес, я попросил перевести меня в астрофизическую обсерваторию Эрукои на Меркурии, откуда велись наблюдения за Солнцем.

Два года провел я в обсерватории Эрукои. Там был целый научный городок, расположенный у подножия Теневых гор на терминаторе, на 10° северной широты. Над поверхностью выступали только четыре купола с антитермическим покрытием. Два из них находились в зоне сумерек, примерно на границе знойной зоны, и два других – в зоне вечной ночи. Зато подземные сооружения простирались далеко под поверхностью знойного полушария, где в различных местах рядом с зеркалами, улавливавшими солнечную энергию, были установлены различные автоматические обсерватории.

На Меркурии постоянно находилось не больше трехсот человек, мужчин и женщин, и все были текнами. Я прибыл туда в тот день, когда мне исполнилось 25 лет. Космолет доставил меня в астропорт на ночном полушарии. Я едва успел разглядеть голую замороженную почву, поблескивавшую в свете прожекторов, и лифт унес меня в подземелье.

Несколько дней спустя наша маленькая группа поднялась на поверхность. Нас окружала ледяная ночь. Неподвижные звезды ярко сверкали, ослепительный свет Венеры отбрасывал на почву наши резкие тени. Мы сели в массивный экипаж, специально сконцентрированный для малых планет со слабым притяжением. За рулем был Сни, который прибыл в Эрукои на полгода раньше меня, а впоследствии стал моим ассистентом.

Мы двинулись к терминатору. По мере приближения к нему темнота медленно рассеивалась. Вершины Теневых гор, расположенных у границы ночной зоны, сверкали на фоне черного неба, освещенные косыми лучами Солнца. Они казались нереальными, словно висящими в пустоте над странно переливающимися тенями, которые и дали им это название – Теневые. Мы проехали мимо блоков № 1 и 2 и проникли в знойную зону. Фильтрующие экраны мгновенно оградили нас от слепящего света. Я слышал, как потрескивает от жара броня машины.

– Расширение, – коротко объяснил Сни. – Внешняя антитермическая броня из подвижных пластин, вот они и ходят.

Наша машина не позволяла далеко углубиться в освещенную зону. В центре освещенного полушария температура превышала 700° от абсолютного нуля. Я побывал там лишь однажды, воспользовавшись подземным туннелем, чтобы осмотреть главную солнечную энергоцентраль, расположенную а глубине долины. Ее мощные генераторы работали, используя перегретый ртутный пар.

Мы добрались только до 3° долготы. Почва Меркурия – это сплошное нагромождение глыб, растрескавшихся от резких температурных колебаний еще в те далекие времена, когда планета вращалась вокруг своей оси. Иногда передо мной вздымались мрачные голые скалы, иногда попадались долины, заполненные тончайшим сыпучим пеплом, в котором можно было утонуть, как в воде. Нет слов, чтобы описать мертвящий ужас этих равнин, над которыми вздымаются черные вулканы на фоне слепящего неба, где пылает безумное Солнце!

Жизнь в подземном городке немного напоминала жизнь на ваших полярных станциях. Нас было достаточно много, чтобы зрелище одних и тех же слишком знакомых лиц не вызывало неприязни. Наоборот, нас всех, или почти всех, связывала тесная дружба. Нас объединял «меркурианский дух», как мы говорили, и он сохранялся даже на Земле, возрождаясь на наших вечерах «бывших меркурианцев». Все здесь были добровольцами, и лишь немногие просили сократить им нормальный трехгодичный срок. Наоборот, большинство рано или поздно снова возвращалось на Меркурий. Некоторые даже родились здесь, например старика Хорам, единственный человек, который действительно знал всю эту планету. С нежностью говорил он об ее ледяных пустынях и раскаленных плато.

Год спустя я стал директором лаборатории, а Сни — моим ассистентом. Это был довольно мрачный человек, великолепный физик, правда, недалекий, но абсолютно надежный.

Мои исследования заставляли меня проводить много времени в подземной лаборатории глубоко под блоком № 3. Я обрабатывал данные о деятельности Солнца, собираемые семью автоматическими обсерваториями на знойном полушарии, и вместе со мной, кроме Сни, трудилось еще пять молодых физиков.

Каждые два месяца космолет с Земли доставлял оборудование, продукты, которые как-то разнообразили наше меню, состоявшее в основном из плодов гидропонных теплиц, и новости.

Однажды около полудня я разрабатывал свою теорию о солнечных пятнах, когда вдруг обнаружил, что, если мои

расчеты верны, скоро настанет конец света. Помню, как я был ошеломлен, как не верил самому себе, двадцать раз проверял расчеты и под конец пришел в ужас. Словно безумный выбежал я из лаборатории, поднялся на поверхность в освещенном полушарии. Солнце, висевшее низко над горизонтом, пылало в небе как всегда. И, тем не менее, если я не ошибался, это светило должно было в ближайшем будущем – через сто лет, через десять, завтра, а может быть, через секунду – взорваться и уничтожить огненным ураганом Меркурий, Землю и всю солнечную систему.

Я ринулся в свою лабораторию, заперся там и, не говоря никому ни слова, проработал без передышки почти шестьдесят часов, не отходя от компьютера. Я не ел, не пил и поддерживал силы только возбуждающими таблетками. Человек – любопытнейшее создание! Когда я высчитал, что взрыв Солнца неизбежен, но произойдет не раньше чем через десять-пятнадцать лет, я разразился торжествующим смехом и, несмотря на усталость, пустился в пляс, распевая во всю глотку и опрокидывая столы и стулья. Затем я постепенно успокоился. Нужно было срочно предупредить Совет Властителей наук. Я попросил директора обсерватории немедленно послать на Землю запасной космолет с моим сообщением. Через несколько дней космолет возвратился; на нем прибыл сам Властитель неба Хани. Он оказался высоким стариком с холодными голубыми глазами и холеной, по-старомодному длинной седой бородой. Он сразу же прошел в мою лабораторию в сопровождении своей внучки Рении, прелестной блондинки, геофизика из института Властителя планет Снэ. Я изло-

жил Хани свой новый метод расчетов и результаты, к которым пришел. Он долго проверял мои вычисления. Все было точно. Хани поднял глаза, обвел взглядом тихую пустую лабораторию, печально посмотрел на свою внучку, затем на меня.

— Орк, — сказал он, — мне жаль, что вы не ошиблись в своих расчетах. Если бы не они, вы когда-нибудь сами стали бы Властителем...

Мы долго сидели молча. Я смотрел на Рению. Она не дрогнула, когда я излагал результаты своих вычислений. Ее зеленые глаза затуманились, но тонкие, правильные черты лица сохранили выражение спокойной решимости. Она заговорила первой:

— Неужели мы ничего не можем сделать? Неужели человек жил напрасно? Может быть, лучше отправиться на звездолетах сквозь сверхпространство хоть куда-нибудь?

— Я думал о другой возможности, — сказал я. — Похоже — во всяком случае, сейчас мне так кажется, — взрыв достигнет только орбиты Урана или, на худой конец, Нептуна. Солнце вряд ли превратится в обычную, сверхновую звезду — мы имеем дело с чем-то совершенно особым. И если нам удастся отвести Землю на достаточное расстояние...

— Именно это и нужно сделать, — прервал меня Хани. — Но успеем ли мы? Десять лет слишком малый срок! Я останусь на месяц с вами. В конечном счете все ваши выводы основаны только на наблюдениях последнего полугодия. Я затребую из архивов все, что относится к новым звездам и к деятельности Солнца за последние годы. Мы вместе продолжим вашу работу, а там посмотрим.

За исключением Хани, Рении и моих непосредственных помощников, никто на Меркурии, даже астрономы, не подозревал о жестокой истине. Считалось, что Хани прибыл на Меркурий для проверки нашей работы, что иногда бывало, хотя и редко.

Я взялся за работу вместе с Хани и почти каждый день виделся с Ренией. Казалось, старик не мог и часа обойтись без своей внучки. Только она могла его успокоить, когда он злился и нервничал.

Мы перепроверили все архивы о солнечной деятельности и все наблюдения последних лет. На Земле в это время целая армия астрофизиков изучала все, что было известно о новых и сверхновых звездах в начальной стадии их образования, и пересылала нам результаты на космолетах особого назначения. Чтобы отвлечь хотя бы на время любопытство астрономов, Хани распространил слух, будто он проверяет одну из моих теорий, согласно которой наиболее близкая к нам звезда, Этанор, вскоре превратится в сверхновую.

Воспользовавшись первым попавшимся довольно неопределенным предложением. Совет Властителей наук через правительство триллов снова ввел закон Алькитта, который позволял Совету в случае необходимости мобилизовать все энергетические и людские резервы обеих планет. Постепенно, чтобы не вызвать огласки, начались подготовительные работы.

Наши расчеты позволили уточнить срок солнечного взрыва. Нам оставалось десять лет и шестьдесят четыре дня. Однако мы не могли рассчитывать больше чем на восемь лет — это было пределом, за которым кончался «запас

прочности». Следовательно, через восемь лет Земля и Венера должны были удалиться от Солнца за орбиту Урана. О том, чтобы спасти другие планеты, не могло быть и речи, и одно время мы даже рассматривали всерьез проект, по которому колонистов Венеры предполагалось переселить на Землю. Но в конечном счете выяснилось, что эта операция плюс сооружение герметических подземных убежищ еще для семисот миллионов человек, а также сельскохозяйственных ферм, чтобы обеспечить их питанием, оказались бы гораздо сложнее перемещения с орбиты самой Венеры.

Хани с Ренией отбыли на Землю, и лишь некоторое время спустя я почувствовал, как мне их не хватает. Я привык к старику, к его гневным вспышкам и грубому юмору, к неоценимой помощи, которую он мне оказывал. И должен признаться, что я так же привык к умиротворяющему присутствию Рении. С грустью поднимался я теперь без нее на вершины Теневых гор.

Через полгода после их возвращения на Землю о грядущем взрыве Солнца было сообщено всему человечеству, но лишь как о наиболее трагичном из возможных исходов. По решению Совета, одобренному правительством триллов, началось сооружение гигантских космомagnetических движителей на полюсах Земли и Венеры, которые должны были вывести обе планеты с их орбит. Еще некоторое время спустя вступил в силу закон Алькитта, и с этого момента все на обеих планетах было подчинено одной великой цели. Затем совершенно неожиданно я был отозван на Землю. В последний раз обошел я знакомые лаборатории, которые мне не пришлось больше увидеть, и улетел,

оставив Сии своим заместителем и поручив ему продолжать наблюдения.

Я ничего не знал о причинах столь срочного вызова. Поэтому, наверное, был удивлен больше всех, когда приказом Совета Властителей меня вдруг назначили главой Солодины, вновь созданной организации для контроля над всей подготовкой к великому путешествию наших планет сквозь космос, с почти забытым древним званием Верховного Координатора.

Так в мои двадцать семь лет я оказался во главе организации, которая в той или иной степени контролировала всю жизнь двух планет!

Едва я вышел из космолета, как меня потребовали в Совет. Впервые после принесения клятвы текна я снова вошел в этот зал. На сей раз атмосфера была куда менее торжественной, зато более напряженной. Все Властители были в сборе, даже Властитель людей.

Я сел, и Тхар, Властитель машин, начал свой доклад. Гигантские космомагнитические движители будут готовы через три года и еще через год смонтированы и установлены. Раньше с этим не справиться, потому что невероятные размеры космомагнитов требуют разрешения множества совершенно новых проблем. Например, прежде всего необходимо построить станки, способные обрабатывать огромные детали.

Затем заговорил Властитель планет Снэ: установка гигантских космомагнитов на полюсах требует решения сложнейших вопросов из области геологии и геофизики. Можно сравнительно легко растопить ледяной панцирь на южном полюсе, но это вызовет значительный подъем

уровня Мирового океана, который затопит целые страны. Поэтому лучше избавиться ото льда лишь на ограниченном участке, таком, какой необходим для космомагнита. Что же касается Северного Ледовитого океана, при глубине, достигающей почти километра, нечего и думать об установке в столь короткий срок надежного фундамента. Подводный космомагнит слишком сложен, и постройка его тоже требует много времени. Поэтому Снэ предлагал вместо одного космомагнита на Северном полюсе разместить кольцо из менее мощных двигателей на суше, в наиболее высоких широтах.

Властитель энергии Псил ответил на это, что хотя такой проект и кажется ему единственно приемлемым, однако малейшее расхождение в синхронной работе малых космомагнитов вызовет избыточные напряжения земной коры, чреватые сейсмическими сдвигами.

Один за другим Властители высказывали свои соображения. Постепенно я начинал понимать, какая титаническая задача возлагалась на меня. Нужно было предусмотреть эвакуацию всех людей в подземные города с герметической изоляцией и автономным снабжением, законсервировать значительную часть атмосферного воздуха, создать подземные поля и гидропонные плантации, способные кормить все население в течение долгих лет. Разумеется, можно было бы оставить часть автоматических заводов фотосинтеза на поверхности, чтобы они использовали энергию сверхновой, но я надеялся, что к тому времени, когда она вспыхнет, мы будем уже далеко.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ДЕЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Едва приступив к своим обязанностям, я был целиком захвачен работой координатора, которая вынудила меня полностью забросить мои собственные исследования. Я поручил продолжать их Сни, вызванному по моей просьбе на Землю. К тому же основная часть работы была уже сделана мною я Хани, а все остальные изыскания, не имевшие прямого отношения к великому путешествию, были приостановлены.

Здание моего директората в Солодине находилось на южной окраине Хури-Хольдэ, и я мог из окна любоваться прекрасной долиной Хур с ее бескрайними полями, лесами и спокойной рекой. Природа, навсегда избавленная от изгородей, телеграфных столбов и опор электролиний, которые так уродуют ее в вашу эпоху, была прекрасна как никогда!

Огромный метрополис с 90 миллионами жителей кончался сразу, и уже в пятидесяти метрах от городских утесов начинался кедровый бор. Всего несколько месяцев назад небо было заполнено легкими планерами, ибо парящий полет был у нас самым популярным спортом. Но сейчас планеры оставались в ангарах, и только космолеты земных линий как черные мухи возникали на горизонте, со свистом зависали над взлетными площадками, причем их пассажиры даже не чувствовали перегрузок благодаря антигравитационным и внутренним антиинерционным полям. И нигде ни одного наземного экипажа!

Из моего кабинета я видел уходившие за горизонт висячие сады и небоскребы Хури-Хольдэ. Однако ни один из них не достигал 1200-метровой высоты Солодины. На вос-

токе возвышался курган Эроль, воздвигнутый две тысячи лет назад во время постройки города из отвалов породы, вынутой из подземных этажей. Всего полгода назад он был высотой в полтора километра, а теперь стал на триста метров выше, ибо люди и машины день и ночь углубляли и расширяли подземную часть Хури-Хольдэ, рыли огромные пещеры, где должны были зреть хлеба под искусственным солнцем, строили гигантские резервуары для сжиженного воздуха и воды. Свежие отвалы светлорыжевато-коричневого цвета резко выделялись на склонах, буйно поросших лесами. По подземным путям, связывавшим их с Уром и Лизором, крупными городами-заводами, непрерывно поступали металл, цемент и всевозможные материалы. Подземелье содрогалось от грохота машин. То же самое происходило во всех земных городах, то же самое было и на Венере, столица которой Афрой насчитывала 80 миллионов жителей.

Проблема океанов прибавила немало седых волос и мне и моим помощникам. Хотя поверхность океанов в наше время уменьшилась, они все еще покрывали большую часть Земли. Сами по себе моря и океаны нас не волновали: они либо замерзнут, либо испарятся, чтобы потом выпасть ливнями, вот и все. Но они представляли собой неисчерпаемый резервуар жизни, и эта жизнь была для нас бесценным сокровищем, которое мы хотели спасти. Единственным выходом было сооружение подземных водоемов. Нам так и не удалось найти решения всех этих вопросов. Группа биологов составила список лишь тех видов, которые необходимо было сохранить любой ценой.

Наконец-то я смог отправиться в инспекционный по-

лет для осмотра геокосмосов. Я начал с Южного полюса. Собственно, я прекрасно знал о ходе работ по докладам, поступавшим каждую неделю, а также благодаря телевидению и частым беседам, которые вел из Хури-Хольдэ с Ренией и другими техническими работниками. Но я хотел видеть собственными глазами эту гигантскую строительную площадку. Поэтому я вызвал свой космолет и с удовольствием сел в кресло пилота.

Сразу же я поднялся выше тридцати километров. На этой высоте не было грузовых космобусов, а межпланетные корабли следовали по строго определенным маршрутам. Опасность столкновения здесь была почти исключена, поэтому я разогнался до 10 тысяч километров в час.

Когда я приземлился, сияло Солнце и ледяная шапка ослепительно сверкала в его лучах. Из котлована диаметром около двухсот километров лед был удален, и почва Антарктиды впервые за миллионы лет предстала глазам человека. По периферии котлована были расположены рабочие лагеря, группы маленьких домов из изоплекса. Я спустился прямо к лагерю № 1, где рассчитывал найти Рению и главного инженера Дилка.

Несколько часов я провел с инженерами, затем вместе с Ренией облетел на небольшой высоте весь котлован. Самое трудное уже было сделано. Прозрачные стены из резилита надежно удерживали льды. Ось геокосмоса проникла на двенадцать километров в глубь Земли.

Строительные работы приближались к концу. Но монтаж самого гигантского движителя, который должен был придать скорость звездолету «Земля», только начинался. Первые части его лишь начали поступать с заводов, и

сборка должна была занять еще несколько лет. Затем следует критический период испытаний. И наконец, когда все будет готово, человечество спрячется в свои подземные города, и начнется великий путь.

Мы переместим обе наши планеты далеко за Плутон, а когда после взрыва сверхновая утихомирится, мы вернемся на подходящие орбиты возле Солнца. В то время ни о чем ином мы не думали, хотя у меня уже тогда зарождались сомнения.

С сожалением покинул я Южный полюс и направил свой космолет на север. Я приземлился в Гренландии, на северном побережье, где строился геокосмос № 3. Гораздо меньшего размера, чем южный гигант, он был уже почти готов. Однако нужно было смонтировать десять таких геокосмосов по периферии Северного полярного круга. Из Гренландии я вернулся в Хури-Хольдэ и погрузился в повседневную рутину. Так продолжалось до того памятного дня, когда Властитель людей Тирал попросил у меня аудиенции.

Тирал руководил всеми социологическими исследованиями, был посредником между Советом и правительством триллов, но одновременно – разумеется, эту тайну знали только члены Совета – являлся начальником нашей секретной информационной службы. Это был физически еще молодой человек – ему едва исполнилось 87 лет, – высокий и очень сильный – в студенческие годы он не раз завоевывал звание чемпиона по борьбе. До сих пор я почти не имел с ним дела и не испытывал к нему особой симпатии.

– Орк, – сказал он, – в своей работе вы никогда не

сталкивались с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим саботаж?

– Нет, – ответил я, слегка удивленный. – Разумеется, бывают случаи недовольства, однако это понятно, и мы это предвидели. Но что касается злого умысла, то этого нет. Тем более случаев саботажа. Если бы они были, я бы немедленно предупредил Совет!

– Ну да, конечно, если бы у вас были доказательства. Но разве вы предупредили бы Совет, опираясь только на подозрения? Впрочем, это неважно, раз вы ничего не заметили. Значит, заговорщики еще не решились приступить к действиям...

– Какие заговорщики?

– Фаталисты. Шайка идиотов, которые утверждают, что, если Солнце взорвется, значит такова судьба, фатум, рок, и Земля должна погибнуть. Похоже, они думают, будто, спасая свою плоть, мы губим душу и что солнечный огонь должен нас очистить. Они основывают свою веру на всяких вздорных пророчествах, сохранившихся в священных книгах киристан, этой религиозной секты, которая, по словам некоторых историков, восходит, может быть, даже к эпохе первой цивилизации.

– Я полагал, что киристане – разумные люди, хотя и не разделял их убеждений... Я с ними знаком... Да что там говорить, моя бабушка была одной из них!

– Да нет, это вовсе не они. Если мои сведения точны, это новая, но уже достаточно влиятельная секта. По несчастной случайности один из их пророков объявил о грядущем конце света ровно за два месяца до того, как Совет решил обнародовать сведения о неустойчивом состоянии

Солнца. Возможно, среди них уже сейчас есть люди, занимающие высокие посты, например, из полиции триллов.

Я выругался. При условии, что все пойдет хорошо, мы только-только успеем все сделать. Но если начнутся волнения...

— Что же делать?

— Пока ничего. Я надеялся, что вы припомните какие-нибудь подозрительные факты, которые мне позволят действовать. Но при таком положении вещей, если даже мы арестуем кое-кого из заправил, — а мы знаем далеко не всех! — нам не избежать конфликта с правительством, потому что с юридической точки зрения это будет чистейшим произволом. Наш закон гарантирует свободу мысли и вероисповеданий. Мы не можем арестовать человека лишь за то, что он верит, будто мы поступаем неправильно, не желая покориться судьбе!

— Понимаю, — сказал я. — Очевидно, у вас уже есть агенты на всех геокосмосах?

— Разумеется! Тем не менее, если кто-нибудь из ваших инженеров сообщит вам о неполадках...

— Договорились! В свою очередь, если вы что-либо обнаружите...

Тирал ушел. Как всякий теки, я был воспитан на мысли, что человек может и должен бороться с враждебными силами природы, и мне трудно было поверить, что кто-то думает иначе. Это казалось невероятным!

Однако подозрения Тирада оправдались лишь много позднее, а пока все было спокойно, все шло своим чередом, и я отправился в инспекционное турне на Венеру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАТАКЛИЗМ ВЕНЕРА

Я никогда раньше не был на Венере. Наши отношения с венерианами были довольно щекотливыми. Венеру освоили и веселили задолго до нашествия друмов. Планета, как и предполагалось, была окружена густым слоем формальдегида, и, прежде чем начать заселение, необходимо было сделать ее пригодной для жизни людей. Под руководством выдающегося ученого Пауля Андерсона началась физико-химическая обработка Венеры, известная под названием «Большой Дождь», которая полностью изменила всю атмосферу. В результате планету окружил плотный слой облаков, но теперь они состояли из водяных паров. Был ускорен слишком медленный суточный цикл вращения Венеры и доведен до 28 земных часов. В ту отдаленную эпоху мы еще не знали космомагнетизма, и необходимую энергию дали атомные станции, где мы использовали не распад атомов, тяжелых или легких, а гораздо более мощную реакцию аннигиляции материи.

И гораздо более опасную! В 2244 году произошла катастрофа. По неизвестным причинам семь из десяти атомных станций взорвались одновременно, и почти над всей Венерой повисло облако радиоактивного газа. К счастью, период его распада оказался коротким. Помощь уже начала прибывать с Земли, когда на нас обрушились друмы.

Тут всякая связь между двумя планетами прервалась более чем на тысячу лет. Все документы, которые могли подсказать друмам, что у нас есть собратья на Венере, бы-

ли спрятаны или уничтожены. А Марс был уже в их руках, если только можно так назвать суставчатые щупальца друмов.

На Венере люди жили еще в городах под куполами, из последних сил борясь за свое существование. На фауну Венеры радиация оказала неожиданно сильное влияние.

До прихода людей на Венере не было никаких форм жизни, поэтому мы ввезли животных и растения с Земли. В основном это были различные виды из африканских и американских заповедников: крупные и мелкие млекопитающие, хищные и травоядные, некоторые насекомые. За сто лет нам удалось создать на Венере почти устойчивое экологическое равновесие. Большая часть земных животных погибла в результате атомной катастрофы. Некоторые наиболее стойкие виды не претерпели изменений. Зато остальные животные стали жертвой странных мутаций. И теперь на слабо заселенной Венере, особенно на слишком жарком для людей экваториальном континенте, обитали кошмарные существа.

Немногочисленные и лишенные мощной техники колонисты Венеры тем не менее сохранили большую часть теоретических знаний, забытых на Земле за время владычества друмов. И когда после отлета друмов к нам прибыл первый корабль с Венеры, мы сумели быстро наверстать потерянное. Новая цивилизация расцвела на Земле, и мы опять вырвались вперед. Венериане вынуждены были крепя сердце признать наше превосходство в могуществе и знаниях. Их собственная цивилизация в некоторых отношениях была более утонченной, чем наша, особенно в области искусства, а разделение на текнов и триллов ме-

нее четким. Их столица Афрои насчитывала не многим меньше жителей, чем Хури-Хольдэ, хотя все население Венеры составляло лишь ничтожную часть земного.

Монтаж гигантских космомагнитов на Венере продвигался не так успешно, потому что у них не было больших городов-заводов. Однако мы стремились во что бы то ни стало спасти эту необычайно богатую минералами и плодородную планету, Я прибыл туда в сопровождении Хани, Рении и целого штаба специалистов.

Облака, вечно окружающие Венеру, лишь изредка позволяли видеть Солнце, поэтому здесь царил смутный полумрак, тягостный для только что прибывших землян. Все очертания казались неясными, размытыми. И здесь было невыносимо жарко, поэтому венериане одевались более чем легко. Их глаза, приспособленные к полумраку, были заметно больше, чем у землян, гораздо светлее, обычно бледно-серого цвета. Но эта особенность была не стойкой, дети от смешанных браков между венерианцами и землянами всегда рождались с нормальными глазами.

Рения происходила из венерианской семьи, но по какому-то капризу наследственности ее огромные глаза были светло-зелеными. Рения покинула Венеру еще в детстве, но хорошо помнила все обычаи своей родины и была для меня бесценным гидом. Благодаря ей я не так уж часто попадал впросак.

На Венере было пять материков: три северных, из которых самый населенный – полярный, и два южных, протянувшихся от тропиков до Южного полюса. В северном полушарии близ экватора разбросана по океану цепь необитаемых островов, средняя температура там выше 55°.

Под почти непрекращающимися проливными ливнями среди странных желтых деревьев на этих островах живут фантастические создания: «лерми» – огромный жук, способный своими клешнями перерубить пополам человека; «фория» – далекий потомок земного крокодила, бронированная рептилия длиной в двадцать пять метров, тяжелая и медлительная, но способная на расстоянии убить любого зверя ядовитым плевком, и, наконец, гориллоподобная Эри-Куба – загадочное существо, которое никто никогда не видел вблизи, потому что все, кто встречался с ним, погибали. На северных континентах фауна была не столь устрашающей: здесь встречались слоны, крупные, необычайно умные слоны с раздвоенным хоботом, светло-желтые тигры, сочетавшие качества тигра и льва, и, конечно, «флеа» – шестиметровые летающие ящерицы неизвестного происхождения, которых молодые спортсмены на Венере приручали под седло.

Венерианский пейзаж под низким сводом облаков, залитый рассеянным сумеречным светом, вызывал у землян щемящую грусть. Дожди без конца хлестали по серым просторам неглубоких океанов, и ветры постоянно пенили их. Берега почти повсюду резко обрывались нагромождением голых скал, но широкие мутные реки далеко выносили свои разветвленные дельты, где вызревал необычайно крупный и вкусный венерианский рис.

Молодые горы, едва затронутые эрозией, вздымались к облакам иглы черных и красных вершин. Экваториальные континенты сплошь были покрыты лесами из гигантских деревьев.

Венерианские города поражали своим блеском и кра-

сочностью. Афрои, построенная из мрамора, с ее широченными проспектами, огромными ступенчатыми террасами и великолепными памятниками, привольно раскинулась полумесяцем на берегу Казомирского залива Теплого моря. По сравнению с этой столицей даже Хури-Хольдэ казался захолустьем.

Меня приняли члены правительства Венеры. В отличие от Земли здесь не было Совета Властителей наук. Разумеется, некоторые Властители были родом с Венеры или с Марса, но они все входили в земной Совет – высшую инстанцию для всех планет.

Как и на Земле, я осмотрел гигантские космомагниты. Их было всего два, оба того же типа, что и у нас на Южном полюсе, поскольку на Венере нет ни полярных океанов, ни льдов. Для станций релейной связи, возводимых близ экватора, мы вынуждены были предусмотреть охлаждающие установки. Эти станции оказались необходимыми, потому что на Венере не было такой густой сети энергоцентралей, как на Земле.

Всюду работы шли полным ходом...

Неожиданно я получил приказ Совета вернуться немедленно в Хури-Хольдэ.

ФАТАЛИСТЫ

Хани ждал меня в своей лаборатории. Его суровое, осунувшееся лицо говорило, что он смертельно устал. Без всяких предисловий он вдруг сказал:

– Орк, некий Кельбик, молодой ученый из Арекнара, несколько дней назад прислал нам подробный анализ со-

стояния Солнца. Выводы далеко не радостные. Мы провели все его расчеты. Взрыв Солнца распространится далеко за орбиты Нептуна и даже Плутона. Но это еще не самое худшее. После взрыва Солнце превратится в черного карлика!

— В черного карлика? Но ведь мы нашли всего две таких звезды в радиусе десяти тысяч световых лет!

— Да, но что делать? Нам не повезло. Вот расчеты. Зато у меня есть для вас другая, хорошая новость. Очевидно, до взрыва у нас будет на несколько месяцев больше, чем мы рассчитывали.

— Итак, к какой звезде мы направим свой путь? — спросил я. — К Этанору? Или к Белюлю?

— К Этанору. Попытаем сначала счастья у ближайшей звезды. Но пока у нас новые осложнения. Движение фаталистов ширится, и я уже не раз себя спрашивал: не подведет ли нас наше старое правило? Если бы мы только могли подробно и точно объяснить положение триллам!

Увы, скоро я убедился, что дело обстоит значительно хуже, чем думал Хани. Фаталисты, оставаясь пока что в тени, умело выдвинули на первый план другую группировку, так называемых экономистов. Экономисты, явно науськиваемые фаталистами, сеяли слухи, будто текны сознательно лгут, чтобы заставить триллов согласиться на безумный полет к другим звездам, который текны в действительности задумали только ради удовлетворения собственного любопытства. Вся беда заключалась в том, что мы ничего не могли как следует объяснить: мой собственный метод расчетов, благодаря которому я обнаружил, что Солнце скоро взорвется, был доступен лишь нескольким

десяткам математиков на всей планете, а что касается кельбиковского анализа, то, едва познакомившись с ним, я понял, что даже мне придется над ним попотеть. Мы сами стали жертвами своей старой политики сознательного ограничения знаний масс. Теперь из-за нее мы не могли объяснить народу, насколько реальна была нависшая над ним угроза, причем объяснить так, чтобы нас поняли. Мало того — среди самих текнов лишь немногие могли усвоить выдвигаемые нами доказательства.

Через неделю после моего возвращения глава экономистов Ужъях начал против нас кампанию в триллаке — палате депутатов. В яростной речи он обрушился на Совет Властителей, Обвиняя их в непомерной растрате энергии, припомнил несколько смертельных случаев, какие неизбежны на больших стройках, несмотря на все предосторожности, обвинил дирекцию Солодины в неспособности руководить работами и наконец, потребовал отмены привилегий текнов и возвращения их под общую юрисдикцию, суда над виновными и передачи общего руководства геокосмосами правительству триллов. В заключение он обвинил Совет в распространении сознательной лжи относительно будущего состояния Солнца. Разумеется, Тирал сразу же включил прерыватель волн и отрезал зал триллака от остального мира, но это дало отсрочку всего на несколько часов. С некоторым беспокойством мы ожидали решения правительства. Наконец оно было объявлено: вынося порицание Ужъяху за его резкий тон, правительство тем не менее постановило начать расследование относительно необходимости путешествия к Этанору. Одновременно президент Тхел обратился ко всем триллам с

призывом никоим образом не замедлять работ по сооружению геокосмосов, поскольку Солнце так или иначе взорвется – в этом не сомневался уже никто.

Ободренный первым тактическим успехом, Ужьях ультимативным тоном потребовал, чтобы я его принял. Сначала я хотел отказаться, но вмешался Тирал и уговорил меня. Итак, я ждал у себя в кабинете, положив на всякий случай маленький лучевой пистолет, фульгуратор, под папку с бумагами у себя на столе.

Вождь экономистов вошел с надменным видом. Он оказался очень мал ростом, что среди нас было редкостью, и держался неестественно прямо и скованно. Он сел, не дожидаясь приглашения. Я молча рассматривал его, припоминая все, что мне рассказал о нем Тирад. Отец Ужьяха был теки, мать – из триллов, сам он сначала был отнесен к текнам, однако в 17 лет исключен из этой категории, как неспособный заниматься науками: в них он искал не знания, а способ пробиться к власти. Разумеется, самолюбию его это нанесло жестокий удар. Он приобрел редкую в наше время профессию антиквара и занялся перепродажей древностей, но вскоре у него начались неприятности с полицией. За незаконные раскопки на том месте, где был Сан-Франциско, Ужьях попал под суд и был вынужден прикрыть свое дело. После этого он ударился в политику и вскоре стал признанным главой экономистов.

– Итак? – спросил я наконец. – Что скажете?

Он небрежно оперся локтем о мой стол и ответил:

– Итак, полагаю, вы слышали мою речь...

– Да, набор глупостей и вранья, если хотите знать мое мнение...

– Возможно, возможно, однако эти глупости и вранье

попали в цель!

– Вам известно, что я мог бы вас арестовать?

– Пожалуйста, попробуйте!

Я пожал плечами.

– Пока в этом нет необходимости.

В действительности я был встревожен гораздо больше, чем признавался даже самому себе. Движение фаталистов оказалось много сильнее и шире, чем мы предполагали. Мы уже не знали, можно ли доверять полиции.

– Что вам нужно?

– Откажитесь от этой безумной идеи путешествия к другой звезде, и я обещаю, что все успокоится.

– Это вовсе не безумная идея! После взрыва Солнца превратится в черного карлика. Вы знаете, что такое черный карлик?

– Звезда, которая больше не испускает излучений?

– Не совсем так. Это такая горячая звезда, что большая часть ее излучений располагается в ультрафиолетовом диапазоне. Кроме того, Солнце будет окружено газовым облаком, которое не позволит нам приблизиться. А на том расстоянии, на котором нам придется остаться, мы сможем обеспечить жизнь всего несколькими сотням миллионов людей, да и то на два-три поколения в лучшем случае.

– А кто подтвердит, что все это правда? Вы мне можете это доказать?

– И вы еще были текном! – с горечью воскликнул я. – Неужели вы думаете, что можно так просто доказать нечто бесконечно сложное? Мне самому понадобилось несколько недель, чтобы все понять до конца.

– Иными словами, вы отказываетесь?

– Я просто не могу. Поверьте, я предпочел бы вас убедить с цифрами в руках...

– В таком случае мне здесь больше нечего делать.

– Тем хуже для вас!

И он вышел, прямой, как палка. Я позвал Тирада.

– Может быть, стоит его арестовать?

– Нет, еще не время. Мы не готовы...

– Что же делать? Этот мерзавец сорвет все наши сроки, если ему удастся организовать на стройках забастовки.

– Постараемся выиграть время. Пока вас не было, я начал устанавливать на улицах защитные устройства под видом улучшения освещения. Все делают надежные текны. Через несколько часов все будет закончено.

– И никто ничего не заподозрил?

– Пока нет! К тому же мои установки могут служить и дать освещение, разумеется, если кое-что в них изменить.

– А в действительности?

– Триллеры принимают нас за дураков. Совет уже давно предвидел возможность восстания. И если наша информационная служба не всегда была на высоте, то этого не скажешь об отделе обороны. Вы знаете план номер двадцать один? Ах, нет, конечно, я забыл! Вы ведь не входите в Совет, несмотря на свой высокий пост. Поэтому я не смогу вам ничего рассказать без разрешения Совета Властителей. Впрочем, они разрешат...

– В таком случае у вас на сегодня все? – раздраженно прервал я его. – У меня срочные дела. А пока я прикажу раздать моим инженерам фульгураторы.

Едва Тирал ушел, я отдал необходимые приказания, и снова погрузился в работу.

Прошло, наверно, немало часов – для меня они проле-

тели, как минуты, – когда в спокойной тишине вечера прозвучал первый взрыв. Грохот докатился издалека, но здание Солодина дрогнуло – так велика была сила взрыва. А через несколько мгновений до открытых окон снизу донесся неясный гул. Я поднялся, вышел на балкон и взглянул на расположенные далеко внизу террасы. На самой нижней сверкнула молния, прорезав по диагонали густую толпу. Я бегом бросился в кабинет и вернулся на балкон с биноклем. Прижавшись в углу террасы, стоял техн, которого можно было легко узнать по серому одеянию, и сжимал в руке сверкающий фульгуратор. Он успел выстрелить еще два раза, потом толпа сомкнулась над ним, и тело его полетело через парапет.

Я вернулся в кабинет, недоумевая, почему меня никто не предупредил о таком стремительном и грозном развитии событий. И тут же побледнел и проклял себя за глупость: чтобы меня не беспокоили, я сам отключил питание и прервал всякий контакт с окружающим миром. В тот момент, когда я вновь опустил рубильник, прозвучал второй взрыв. Экран тотчас осветился, и я увидел встревоженное лицо Хани.

– Орк, наконец-то! Где вы были?

Я объяснил, в чем дело, сгорая от стыда.

– Ладно, это неважно. Мы боялись, что бунтовщики добрались до вашего этажа и убили вас!

– Но что происходит?

– Переключите экран на Ракорину, и вы увидите!

Я повиновался. Широкая улица была заполнена орущей толпой, вооруженной чем попало: топорами, ножами, железными прутьями; кое-где мелькали фульгураторы.

Толпа двигалась к перекрестку Кинон, сметая редких полицейских.

– Как видите, наши друзья перешли от слов к делу.

– Кто? Экономисты?

– Экономисты? Эти бездарные болтуны? О нет! Это фаталисты. Пока что опасность не так велика. Мы осуществили план номер двадцать один. Все подступы к жизненно важным центрам перекрыты решетками. Но в Хури-Хольдэ много взрывчатки, и даже триллы легко смогут ею воспользоваться. Боюсь, что эта отсрочка ненадолго.

На экране во главе толпы шагал высокий человек, размахивая огромным черным знаменем с изображением земного шара, пронзенного молнией. Знамя фаталистов!

– Много ли их?

– К счастью, меньшинство. На Венере все спокойно.

– Что с геокосмосами?

– Им пока ничто не грозит. Да, кстати, не вздумайте подняться на своем космолете! Мы излучаем из физического факультета волны Книла.

Мне стало нехорошо от одной мысли, что я мог, поддавшись панике, броситься к своему космолету. Под действием волн Книла любой космомагнетический двигатель при включении мгновенно высвобождает всю свою энергию. Теперь я понял происхождение этих невероятных по силе взрывов!

– Много жертв? – спросил я.

– Увы, уже достаточно! Погибли все, кто находился поблизости от космолетов, которыми эти болваны хотели воспользоваться, несмотря на наши предупреждения. Теперь они охотятся за отдельными текнами и убивают всех

без пощады. Но довольно слов, время не ждет? Мы не можем к вам пробиться. Слушайте, командный щит обороны города находится в комнате сразу под вашим кабинетом. Там должен был оставаться Тирал, но от него нет никаких сообщений, и мы боимся, что он погиб. Спуститесь вниз и займите его место!

Дверь распахнул передо мной офицер охраны. Огромный стол представлял собою светящуюся схему Хури-Хольдэ с красными кнопками на каждой улице. Я включил экран и снова увидел Хани.

– Теперь, Орк, беспрекословно выполняйте то, что я вам прикажу! Я говорю от имени Совета, который принял решение, исходя из интересов всего человечества и ради нашего будущего. Нажмите красную кнопку на схеме, на Ракорине!

– И что последует? – спросил я.

– Смерть нескольких сумасшедших и, увы, многих идиотов, которые за ними последовали. Центральную ось улицы залиют лучи Тюлика.

Я побледнел. Лучи Тюлика были дьявольским изобретением, которое никогда еще не использовалось, – эту тайну Совет оберегал особенно тщательно. Лучи Тюлика вызывали распад нервных клеток.

– Неужели нет другого способа? – спросил я.

– Нет, Орк. Поверьте, нам это не менее отвратительно, чем вам. Но мы не можем позволить этим кретинам отнять у человечества единственную возможность выжить ради удовлетворения их мании.

Как замороженный, смотрел я на маленькую красную кнопку. Легкий нажим пальцем – и миллионы челове-

ских жизней угаснут. Я включил другой экран и снова увидел Ракорину. Теперь черным знаменем размахивала очень красивая молодая женщина. Толпа остановилась. Прислонившись спиной к стене, какой-то человек со значком партии экономистов пытался образумить обступивших его фанатиков. Человеческие существа!... Одно движение пальца — и от них не останется ничего, кроме холмиков инертной протоплазмы. Меня мутило от бессмысленности всего этого, и на мгновение я даже подумал: а может быть, фаталисты правы? Может быть, человечество и не стоит спасать?

А на экране толпа снова двинулась вперед. Нарастая, зазвучала песня:

*Все хотим мы умереть,
Все хотим в огне сгореть
Со своей Землею!*

— Итак, Орк? — прозвучал холодный голос Хани.

Я посмотрел на него с ненавистью. Как он был хладнокровен! Но я взял себя в руки. Под маской невозмутимости угадывалось страшное напряжение всего его существа. Я был только орудием, а он вместе с другими Властителями — волей.

*Солнце, всех планет отец,
Примет всех нас наконец
С нашей Землею!*

Куплеты были в плясовом ритме, но песня звучала

мрачно и грозно. Последний раз взглянув на экран, я нажал кнопку.

Совсем близкий взрыв потряс стены, и обломки посыпались дождем. Я приблизился к окну, взглянул вниз. На верхней террасе вопящая толпа теснилась возле небольшой металлической рамы. Блеснуло пламя, и под крики фанатиков с рамы соскользнул маленький снаряд. Он взмыл вверх и взорвался на уровне моего личного кабинета, разнеся на куски бронированное стекло. Без колебаний я подошел к столу, отыскал на схеме кнопку, соответствовавшую этой террасе. Крики смолкли.

Бунт был подавлен без всякой жалости. Правительство триллов, опомнившись наконец, объявило вне закона экономистов заодно с фаталистами.

Если в Хури-Хольдэ и других местах мятежников удалось усмирить довольно скоро, то кое-где события развернулись иначе. В Хориарто фаталисты захватили город, убили всех текнов и многих триллов, и пришлось осаждать их по всем правилам целых две недели. До последнего момента мы пытались спасти заложников, но когда бунтовщики начали обстреливать ракетами один из северных геокосмосов, находившийся от них в трехстах километрах, мы были вынуждены разрушить город. Затем на Земле вновь воцарилось спокойствие. Беспощадно преследуемые всюду фаталисты исчезли, словно их и не было.

Тирал так и не появился. Мы поняли, что он был убит в самом начале восстания.

После мятежа фаталистов, который произошел в конце 4604 года, для людей потянулись месяцы тяжелого труда, прерываемого редкими часами досуга. Великие работы завершались одна за другой. Постепенно люди переселялись в герметические подземные города: днем они еще работали на поверхности, но на ночь спускались под землю. Все геокосмосы были смонтированы и являли собой внушительное зрелище, особенно гигант на Южном полюсе, с его куполом диаметром в 12 километров, который медленно поворачивался вокруг своей оси в направлении, обратном вращению Земли. И тогда возникла сложнейшая проблема: как вывести с орбит обе планеты, избежав при этом сдвигов коры, которые грозили неисчислимыми жертвами и полным разрушением всех наших сооружений?

Не без труда мы справились с расчетами, и наконец великий день настал. В контрольном зале на глубине семисот метров вокруг меня собрались все члены Совета; тут же были представители правительства триллов и несколько делегаций от текнов и триллов. Перед нами на приборном щите светились интеграционные экраны, отмечавшие графиками малейшие изменения в напряжении земной коры.

Я приблизился к щиту в сопровождении своего штаба специалистов: Совет единогласно доверил мне эту высокую честь. Из застекленной кабины, где находились автоматы-регистраторы, Рения ободряюще кивнула, и я сел за пульт.

Положив руки на клавиши управления, я пробежал по ним пальцами. Питание еще не было подключено, и кла-

виши мягко подавались от малейшего нажима. Старт должен был произойти ровно в полдень, а сейчас было только 11 часов 40 минут. Я сидел, чувствуя страшную неловкость, и не знал, как себя вести. Я включил межпланетный экран, и передо мной появилось лицо Килнара, которому на Венере предстояло сыграть ту же роль, что и мне на Земле. Выдающийся геофизик, он был моим соучеником по университету, и мы остались добрыми друзьями, хотя виделись редко. Он скорчил мне лукавую малопочтительную гримасу, которую почти мгновенно, без временного отставания донесли до Земли волны Хэка – мы лишь недавно начали их использовать для связи.

– Осталось пять минут, – прозвучал голос моего бывшего ассистента Снн.

Зная его непоколебимое хладнокровие, я настоял, чтобы он находился рядом со мной.

– Хорошо. Включить запись!... Проверить контакты!...

– Все в порядке!

Я пристально смотрел на контрольную лампу прерывателя, который должен был мгновенно отключить энергию, если какой-нибудь геокосмос выйдет из фазы. Достаточно было нескольких секунд несинхронизированной работы геокосмосов, чтобы земная кора под влиянием противоречивых импульсов треснула, как скорлупа ореха. За клавишами управления передо мной бежала по кругу стрелка хронометра. Оставалось две минуты... одна... Я бросил последний взгляд на экран, показывавший контрольный зал на Венере: Килнар по-прежнему гримасничал, но теперь уже от волнения. Тридцать секунд... десять секунд...

пять секунд... Ноль!

Я вдавил до конца центральный клавиш, включая автомат, который и должен был заняться настоящей работой. Зажглась контрольная лампа. Произошло величайшее событие в истории Земли, и ничто его не отметило, кроме ровного света маленькой зеленой лампочки.

– Север один! Говорит Север один! – прогремел из динамика голос. – Все в норме.

– Север два! Говорит Север два! Все в норме.

– Север три! Все в норме.

Переключка продолжалась. И наконец:

– Говорит Юг! Говорит Юг! Все в норме.

На геофизическом экране бежала непрерывная прямая линия с едва различными всплесками. Она представляла собой сводный график всех сейсмических станций Земли, а слабые всплески отмечали обычные микросейсмы.

Мало-помалу мы успокоились. По поступавшим сведениям на Венере тоже все шло нормально. А ведь в это время на обе планеты уже действовали титанические силы, которые должны были по спиральной орбите удалить их от Солнца и направить к другой звезде! Они возрастали бесконечно медленно, постепенно и казались неощутимыми. К двум часам пополудни орбитальная скорость Земли возросла всего на 10 сантиметров в секунду!

Внезапно резкий зубец прервал ровную линию на геофизическом экране. У всех сжалось сердце, но тут же прозвучал спокойный голос Рении:

– Сильное землетрясение на оконечности западного материка. Эпицентр близ Тарогады. Гипоцентр на глубине двенадцати километров. Сейсм обычного типа.

Линия на экране уже выпрямилась. Нам оставалось только ждать. Ускорение было слишком сложным процессом, чтобы его доверить человеческим рукам, поэтому все команды подавали великолепные машины, непогрешимые точнейшие автоматы. Тем не менее мы просидели в зале управления до самого вечера, наблюдая, как стрелка орбитальной скорости медленно ползет по циферблату, прибавляя новые и новые метры в секунду. Пройдет еще немало месяцев, прежде чем диаметр Солнца начнет зримо уменьшаться.

Впервые за долгие годы, если не считать пребывание на Венере и коротких дней отпуска, я мог наконец свободно вздохнуть и подумать о своих делах. Прежде всего я с головой ушел в изучение кельбиковского анализа, потому что не мог вынести, чтобы какой-то новый раздел математики оставался для меня недоступным. Это оказалось не легким делом, и мне не раз пришлось обращаться за разъяснениями к самому Кельбику. Он был еще молодым человеком, высоким и стройным, и в жизни имел только две настоящие страсти — математику и планеризм. Довольно быстро между нами завязалась тесная дружба, тем более тесная, что до сих пор только я да Хани сумели проникнуть в созданный им новый мир.

Первое, о чем попросил меня Кельбик, — это отменить запрет на планерные полеты. Такое решение было принято в самом начале великих работ, и вовсе не из какого-то аскетизма — наоборот, всевозможные развлечения только поощрялись, поскольку приносили пользу, — а потому, что в окрестностях городов бесчисленные грузовые космолеты уже не придерживались заранее намеченных маршрутов и

представляли смертельную угрозу для планеристов. Когда геокосмосы были построены, транспортные космолеты вернулись на свои линии, однако запрет так и остался в силе – его просто забыли отменить.

У меня не было случая научиться управлять планером, но Кельбик рассказывал об этом благородном спорте так живо, так увлекательно, что я сам загорелся. Совет разрешил полеты, однако обязал меня принимать все меры предосторожности. Единственный, кто был против, так это новый Властитель людей Хэлин. «Такая возможность слишком хороша для фаталистов, – говорил он. – Они попытаются отыграться». И, как выяснилось позднее, слова его оказались пророческими.

И вот я начал учиться управлять планером. Моим инструктором стал Кельбик, и вскоре я познал неведомую доселе радость свободного парения. Оно ничем не походило на полеты в аппаратах с космомагнетическими двигателями: тут не было стремительных подъемов в атмосферу, ни сумасшедшей скорости, когда Земля словно крутится под тобой. Наоборот, это скорее напоминало беспечный бесшумный полет птицы, и пейзажи медленно проплывали под крылом – долины сменялись холмами, равнинами, речными извилинами. И как передать наслаждение полетом над вершинами гор, радость борьбы с нисходящими воздушными потоками, величественных ястребиных подъемов по спирали или ленивых, плавных спусков к земле!...

Отныне по несколько раз в неделю Кельбик, Рения и я отправлялись в свободный полет каждый на своем планере. Мне пришлось заказать для себя личный планер, одна-

ко он мне не очень нравился. Мне казалось, что он тяжелее и неповоротливее учебного планера, но я объяснял все своей неопытностью и, скрывая уязвленное самолюбие, старался выжать из своего аппарата все, что можно.

Однажды мы спокойно парили над обширным заповедником. Метеостанции пообещали постоянный ветер, и мы действительно легко удалились на 450 километров к югу от Хури-Хольдэ. Без труда преодолели мы горный хребет. Вдалеке стадо слонов купалось в реке Керал, вытекавшей из внутреннего моря Кхама. Кельбик ушел вперед. Рения держалась слева от меня. Далеко позади нас в небе медленно кружились другие планеристы.

Внезапно Кельбик вызвал меня по радио:

– Орк, ты видишь планеры прямо впереди?

– Да, а что?

– Они не из Хури-Хольдэ. На такое расстояние от базы могли залететь только Камак, Атюар и Седина. Но я точно знаю, что сегодня они не поднимались в воздух. И мы слишком далеко от Акелиора, чтобы кто-то из тамошних планеристов успел сюда добраться.

– А нам-то какое дело?

– Большое! Я, например, очень хотел бы знать, почему эти планеры летят так быстро, а главное – против ветра?

Три черные точки действительно росли на глазах, и тем не менее, когда стало возможным различить их силуэты, я безошибочно узнал безмоторные планеры, а не короткие сигары космолетов.

– Берегись, Орк! – вмешалась Рения. – Вспомни, что тебе говорил Хэлин! Фаталисты...

Все произошло с невообразимой быстротой. Три планера, летевших нам навстречу, словно рассыпались в воз-

духе: их крылья надломились и начали падать, вращаясь, вниз. И прямо на нас ринулись три черные зловещие сигары.

– Вниз, Орк, вниз! – закричал Кельбик.

Но было уже поздно. Один из космолетов ударил меня по правому крылу, и оно отломилось с легким шорохом. Земля перевернулась подо мной и начала быстро приближаться. Воздух свистел вокруг изувеченного планера.

– Орк, оторви приборную панель! Скорее, скорее!

Растерявшись, я потерял несколько драгоценных секунд. Наконец я нагнулся, просунул руки под приборную панель и потянул ее на себя. Она отскочила целиком, и я увидел знакомый щит управления космолета. Теперь я знал, что делать, и попытался замедлить падение. Это удалось лишь наполовину. Мой космопланер глухо ударился о землю, и я врезался головой в щит управления. Кровь заливала мне глаза, но я прежде всего взглянул в небо. Там оставался только один планер с наполовину отсеченным крылом: он быстро терял высоту. Это был планер Кельбика. Планер, на котором летела Рения, исчез.

Планер Кельбика снизился всего в нескольких сотнях метров от меня: он резко скользнул вниз и разбился о дерево. Немного дальше, почти в реке, я заметил изуродованный планер Рении и бросился к нему, задыхаясь от страха и ярости. Рения, согнувшись пополам, лежала в кабине. Все мои попытки вытащить ее были тщетны.

– Не так! – услышал я спокойный голос Кельбика, – Сдвинь фонарь назад...

Я обернулся. Лицо его пересекала бледная вздувшаяся царапина, из которой медленно начинала сочиться кровь.

Вдвоем нам удалось вытащить Рению, и мы уложили ее на песок под уцелевшим крылом. Кельбик склонился над ней – как любой планерист, он умел оказывать первую помощь.

– Мне кажется, ничего серьезного. Обморок от потрясения.

И в самом деле. Рения быстро пришла в себя. С момента нападения прошло не более пяти минут.

– Что бы об этом думаешь, Кельбик? – спросил я.

– Почерк знакомый. По глупости или от великого ума фаталисты, те, что еще уцелели, решили, что от тебя надо избавиться. Возможно, одновременно они попытаются покончить с другими членами Совета, но в этом я сомневаюсь. Меня больше тревожит то, что для такого камуфляжа космолетов под планеры потребовались определенные технические навыки, которыми обладает далеко не каждый. Значит, среди фаталистов есть текны. Текны-фаталисты... Не могу в это поверить!

– Может быть, они обучали своих специалистов? В конце концов, для людей, решивших идти против всех человеческих законов, в этом нет ничего невозможного. И вполне вероятно, что у них есть свои собственные тайные мастерские...

– Не знаю, какая из ваших догадок хуже, – вмешалась Рения. – Меня удивляет, что они промахнулись. Почему они не ударили прямо по кабинам планеров? Тогда бы она убили нас наверняка!

– Остатки планеров рассказали бы, как это было, Рения, и тогда начали бы искать виновных. А крыло может и само отломиться, особенно в бурю, которая надвигается.

Взгляни на небо! В общем, я рад, что сумел это предвидеть и приказал установить на наших планерах маленькие космодвигатели. Летать на них было нельзя, но как парашюты онигодились...

— Значит, поэтому мой планер казался таким тяжелым?

— Да, поэтому. А сейчас нам остается только сообщить о своем местоположении в Хури-Хольдэ и ждать помощи.

— Не думаю, чтобы они так легко отказались от мысли разделаться с нами, — сказал я. — Поспешим!

Сначала мы испробовали передатчик Рении, но он вышел из строя. Передатчик Кельбика был вообще разбит всмятку. Мы уже начали беспокоиться. К счастью, мой передатчик, хотя и поврежденный, нетрудно было починить, чем я и занялся. Рения пошла в сторону леса.

У Кельбика оружия не оказалось, Я попросил его посторожить возле планера, пока я налаживаю радиопередатчик. Я уже почти закончил настройку, когда он меня предупредил:

— Орк, люди!

Их было семеро; они возникли, как призраки, из темных зарослей. На них были длинные черные тоги, развевающиеся на ветру. Не выходя из кабины, я проверил свой маленький фульгуратор и взглянул в том направлении, куда пошла Рения. Ее не было видно.

Небо темнело с каждой секундой, мертвенный, лунный, как при извержении вулкана, свет заливал песчаный берег, река. С глухим рокотом катила черные волны.

Внезапно тучи прорезала молния.

Один из незнакомцев отдал короткий приказ, и все они устремились к Кельбику, выхватывая на ходу оружие. Да-

леко позади нападающих на краю леса появились другие, еле различимые в густейшей темноте фигуры, — их было много! Кельбик, отступая, повернул ко мне.

Радировать в Совет было поздно. Я быстро огляделся, Нас оттесняли от леса в излучину реки.

— Скорее в заросли! — шепнул я. — Бегом!

Кельбик бросился к лесу, и я последовал за ним. Заметив меня, один из нападавших вскрикнул, поднял руку. Послышался глухой выстрел, и песок у меня под ногами взвился маленьким смерчем. Еще несколько пуль пролетело над самой моей головой, пока я продирался сквозь кусты. Вспышки молний освещали мне путь. Наконец добежав до леса, я обернулся и дважды нажал на спуск фульгуратора. Молнии, созданные людьми, ответили небесным молниям, и черные тени рухнули на оплавленный песок.

Мы вбежали под лесной покров в тот момент, когда по листве забарабанили первые капли дождя. Через секунду это был уже глухо ревущий водопад тропического ливня. Мы сразу перешли на шаг, утопая во мхах и травах, однако продолжали идти, не останавливаясь. Когда мы пересекали поляну, сзади в нас дважды стреляли — преследователи были близко. Я не стал отвечать, предпочитая приберечь на крайний случай последние заряды фульгуратора. Спина Кельбика еле виднелась впереди. Я все время думал; куда делась Рения? Позвать ее я не решался, боясь привлечь внимание преследователей и к ней, и к нам самим.

Завал из полусгнивших стволов, опутанных лианами, заставил нас потерять драгоценные минуты. Когда мы преодолели его, шум погони уже слышался не только сза-

ди, но также справа и слева: нас окружали! Наконец мы выбрались на большую поляну у подножия почти отвесной каменной гряды. Позади из леса выходили преследователи.

Мы пересекли поляну бегом. Несколько пуль просвистело над нашими головами, но мы не обращали на них внимания, надеясь найти спасительный проход между скалами. Увы, каменная стена оказалась сплошной и неприступной – только одна пещера зияла перед нами. В отчаянии мы устремились к ней, и я едва успел сразить из фульгуратора великолепного тигра, преградившего нам путь в свое логово.

До какой-то степени положение наше улучшилось. Гроза почти прошла, и полная луна ярко освещала поляну, лишь изредка по ней пробегали тени от разорванных туч. Если мы сумеем продержаться до утра, нас отыщут встревоженные посланцы Совета или, по крайней мере, поисковые вертолеты заставят убратся наших врагов. Главное – продержаться! Но когда я взглянул на счетчик фульгуратора, лицо мое омрачилось. У меня осталось всего семнадцать разрядов...

Мы притаились за грудой каменных обломков, как пещерные жители, ожидающие нападения. Но враги наши медлили. Отдельные пули изредка щелкали по камням, не причиняя никакого вреда, или, наоборот, отскакивали рикошетом от сводов пещеры, грозя нас задеть. Однако сами нападающие не выходили из-под прикрытия зарослей. Тревога снедала меня, особенно за Рению.

Когда горизонт на востоке начал бледнеть, я заметил в кустах на краю поляны какое-то движение. И сразу же, как

стая черных демонов, враги устремились на нас. Я расстрелял все заряды, но, оставляя позади обугленные трупы, они бежали к пещере без единого выстрела.

«Хотят взять живьем», – успел я подумать, швырнул в голову первого нападающего фульгуратор и схватил толстый сломанный сук. Кельбик встретил их градом камней. Затем началась рукопашная. Мне удалось ненадолго отбросить врагов, размахивая своей узловатой дубиной, но потом они навалились всем скопом. Меня сбили с ног, и от страшного удара по голове я потерял сознание...

Придя в себя, я почувствовал, что крепко связан. Рядом со мной неподвижно лежал Кельбик с распухшим, окровавленным лицом. Под деревом спиной к нам стоял часовой, а остальные фаталисты сидели неподалеку прямо на траве и о чем-то спорили. Их было человек пятнадцать, но я не узнал никого.

Внезапно деревья на краю леса раздвинулись, и на поляну вышли четыре слона, за которыми неторопливо выступало все стадо. Фаталисты не обратили на них внимания. Слоны в заповеднике давно привыкли к посетителям и никогда не трогали людей. Однако эти слоны, видимо, были чем-то заинтересованы. Они обошли группу фанатиков с двух сторон, приблизились к нам. И вдруг я услышал звонкий голос Рении:

– Пора, Хлларк, скорей!

Самый крупный слон повернулся, взмахом хобота оттолкнул часового и легко подхватил меня. Другой слон так же аккуратно поднял еще не пришедшего в себя Кельбика. Вожак нес меня, обхватив хоботом поперек туловища, так что голова и ноги мои свешивались. Напрягая

шею, я поднял голову: черные фигуры в панике разбежались.

– Сюда, Хлларк!

Мой слон двинулся к лесу, и тогда прозвучали выстрелы. Пуля, предназначенная мне, попала ему в хобот. Затрубив от ярости, слон выпустил меня, и я больно ударился о землю. Вожак развернулся на месте, ринулся на врагов, и за ним устремилось все стадо. Крики ужаса, топот, отдельные выстрелы – и все смолкло.

Растрепанная, в порванном платье, Рения склонилась надо мной, торопливо развязывая мои путы. Я с трудом поднялся, руки и ноги у меня затекли. Черные бесформенные пятна на поляне – вот и все, что осталось от фаталистов, которых настигли слоны.

– Что с Кельбиком? – спросил я.

– Он жив.

– Как тебе удалось привести этих слонов, Рения?

– Это не слоны, Орк. Это параслоны!

Я пригляделся внимательнее. Животные уже успокоились. С первого взгляда они ничем не отличались от обыкновенных слонов, только головы их показались мне крупнее, а лбы – выпуклее. И я вспомнил трагический эксперимент Биолика.

Этот выдающийся физиолог за пятьсот лет до моего рождения пытался создать сверхчеловека. Он с успехом провел серию опытов над крупными хищниками и слонами; толщина костных тканей черепа у них уменьшилась, а мозг почти вдвое увеличился в объеме и одновременно стал гораздо сложнее. В результате разум параслонов достиг уровня разума пяти-шестилетнего ребенка. И это их

свойство благодаря тщательному контролю и отбору стало наследственным. Ободренный успехом Биолик, не предупредив Совет, начал эксперименты со своими собственными детьми и внуками. Результаты оказались столь ужасными, что он покончил с собой. По-видимому, человеческий разум невозможно развить таким способом. Однако параслоны уцелели и продолжали размножаться. Их присутствие в заповедниках никого не стесняло, тем более что они сами именно благодаря своему уму сторонились людей и старались не попадаться им на глаза.

Когда Рения углубилась в лес, она увидела большой космолет, который шел на посадку. Сначала она решила, что это посланцы Совета, побежала к космолету, но вовремя успела разглядеть черные тоги фаталистов. После этого ей самой пришлось спастись от преследователей; она заблудилась в лесу, потеряла свой фульгуратор, пробираясь через болото, и наконец присела на пенек и заплакала. Тут ее и нашел уже ночью после грозы вожак параслонов Хлларк. Хлларк немного понимал человеческую речь. Рения долго, терпеливо объясняла ему, что с нами случилось, уговаривая Хлларка поспешить к нам на помощь. Наверное, это было фантастическое зрелище, когда юная девушка в лохмотьях на какой-то поляне, залитой светом луны, пыталась заключить союз с величественным гигантом. Наконец Хлларк согласился, собрал свое стадо и выступил, посадив Рению себе на спину.

Сейчас он возвращался к нам, удовлетворенно помахивая хоботом. Пуля только оцарапала его, и рана была пустяковой. Рения негромко заговорила с вожаком, выбирая самые простые слова. Он кивнул головой. Мы с Ренией

очутились на его спине, другой слон посадил на себя очнувшегося Кельбика, и мы двинулись к реке.

Спасаясь от преследователей, мы ушли довольно далеко и нам понадобилось более часа, чтобы добраться до наших планеров. С первого взгляда я понял, что фаталисты разбили все, что уцелело после катастрофы. О том, чтобы починить радиопередатчики, не могло быть и речи. Оставалось одно – добираться своими средствами до ближайшего города Акелиоры, если только нас не обнаружат патрульные космолеты, которые теперь уже наверняка вылетели на поиски.

Уговорить Хлларка и его приятеля не составило особого труда, и мы направились прямо на юг, к Акелиоре. Параслоны шли быстро, однако наступил вечер, до города было еще далеко, а я за весь день не заметил ни одного космолета или планера. Пришлось заночевать на лесной поляне.

Пробудился я на рассвете. Заря только занималась, небо было затянуто серой дымкой, и удушающая жара предвещала новую грозу. Силуэты слонов резко выделялись на фоне белесого неба.

Я тихонько высвободил руку из-под головы Рении, с трудом встал и разжег костер. У Кельбика был жар, рана его гноилась. Я промыл ее кипяченой водой, и, наскоро подкрепившись бананами, мы снова двинулись в путь. Это был ужасный день для бедняги Кельбика, но к вечеру мы наконец увидели на фоне заката черные силуэты башен Акелиоры. Хлларк продолжал идти прямо на юг, огибая болото, и мы прибыли в город только ночью, когда уже возшла луна.

Появление трех оборванцев на гигантских слонах на главной улице Акелиоры вызвало своего рода сенсацию, но мне было не до этого. Доставив Кельбика в ближайшую больницу, мы с Ренией за несколько минут добрались до «терканы» – нашей мэрии; я сразу связался с Хури-Хольдэ и вызвал к видеофону Хэлина. В столице все было спокойно, однако Хэлин безмерно удивился, когда я поведал ему о наших приключениях. Дело в том, что он получил сообщение, написанное моим шифрованным кодом, в котором говорилось что мы будто бы приземлились в Акелиоре и вернемся только через несколько дней. Значит, фаталисты знали мой шифр! Это говорило о том, что измена проникла в Совет верха нашей организации, может быть, даже в Совет Властителей! Поэтому я решил немедленно вернуться. Перед отлетом мы навестили Кельбика. Врач нас успокоил: заражение крови предотвращено, и через несколько дней Кельбик снова будет на ногах.

Тщательная проверка позволила через несколько дней обнаружить изменника, который передал мой шифр фаталистам. Им оказался молодой теки, секретарь открытых заседаний Совета. Его немедленно лишили звания, однако не успели отправить на Плутон: исправительная колония оттуда уже была эвакуирована на Землю.

NOVA SOLIS

А дни летели! Мало-помалу Земля удалялась от Солнца по все более широкой орбите, увлекая за собой Луну. Венера приблизилась к Земле: ее космомагниты работали интенсивнее, чтобы Венера не отстала от нас – ведь ей

пришлось стартовать с более близкой к Солнцу орбиты! Из-за этого так произошло несколько сейсмических толчков, впрочем, не причинивших вреда. К концу года видимый в небе диск Солнца уменьшился, средняя температура Земли начала снижаться, и мы вынуждены были переселить в подземные заповедники наиболее теплолюбивых животных.

В том же году мы с Ренией поженились. Повсюду царило спокойствие, фаталисты были, видимо, окончательно разгромлены или ушли в глухое подполье. Свадьба наша была незаметной и скромной, как мы оба того хотели.

Три месяца спустя мы начали делать запасы воды. Обширные подземные резервуары были вскоре заполнены. Мы уже пересекли орбиту Марса, где несколько археологов все еще продолжали лихорадочные поиски, надеясь проникнуть в тайны прошлого этой обреченной планеты. Затем сила и направление действия геокосмосов были изменены, и Земля в сопровождении Венеры, которая казалась в небе второй луной, вышла из плоскости эклиптики, чтобы пройти над поясом астероидов.

До этого момента повседневная жизнь людей оставалась без особых изменений. Но теперь, несмотря на накопленные океанами запасы тепла, температура начала быстро падать, и над Землей бушевали метели. Все живые существа – во всяком случае, особи, выбранные для продолжения рода, – были постепенно переведены в подземные парки. Уже и в Хури-Хольдэ на поверхности работали только самые необходимые группы техников, и лишь Совет Властителей должен был оставаться в Солодине до самого последнего часа. Огромные герметические ворота

отделили верхний город от нижнего. В других городах высоких широт все наземные строения были давно уже эвакуированы. Человечество готовилось к великой зимовке.

Когда мы пересекли орбиту Юпитера, океаны замерзли даже на экваторе и по ночам температура падала до -70° . В чистом небе ни облачка: вся атмосферная влага давно уже окутала Землю снежным белым саваном. Почти все формы животной жизни исчезли, и только растения еще сопротивлялись. То же самое происходило и на Венере.

Наконец, когда мы пересекли орбиту Урана, Совет, в свою очередь, спустился в нижний город, и я тоже окончательно поселился во Дворце Планет на глубине шестисот метров. Большие экраны в моем кабинете создавали иллюзию окон, глядящих в черное небо. Атмосферное давление быстро падало, и сжиженный воздух ложился серым покровом на обычный снег.

Я еще поднимался изредка, обычно вместе с Ренией в Кельбиком, в мой старый кабинет на верхнем этаже Солодины. Маленький терморadiator поддерживал там сносную температуру, а герметические окна были усилены дополнительными рамами, чтобы выдерживать внутреннее давление. Я хорошо помню день, когда мы пересекли орбиту Гадеса. Все трое мы сидели на своих обычных местах, но сейчас мой кабинет, когда-то заваленный всякими документами, был чист и гол, если не считать листа белой бумаги на моем столе, — мы по-прежнему пользовались бумагой, правда, не такой, как ваша, по составу и гораздо более прочной. И на этом листе лежал грубый каменный топор. Давным-давно мне подарил его мой покойный друг, геолог Рварк. Топор относился к первой доисториче-

ской эпохе, и я хранил его как символ непрерывности человеческих усилий и, может быть, как счастливый талисман. Он воплощал в моих глазах дух наших предков, которые сражались с враждебной природой, победили, выжили и завещали нам никогда не сдаваться! Возможно также, что это оружие безвестного воина давно забытых времен как-то ассоциировалась у меня с борьбой, в которую вступили мы.

Я сидел возле окна. Снаружи была ночь, усеянная звездами, и среди них, в неизмеримой дали, чуть крупнее других и немного ярче сверкало Солнце – отец всего сущего. У самого горизонта на фоне неба еле выделялся бледный диск нашей старой, верной Луны. Венера была едва видна.

Передо мной простирался мертвый город, освещенный только прожекторами обсерватории. Здания утопали в снегу и в отвердевшем воздухе и напоминали горбатые спины гигантских животных. Под холодным слабым светом лишь отдельные деревья, убитые слишком долгой зимой, еще вздымали с террас оголенные ветви.

Я включил экран и увидел лицо Верховного астронома Керлана.

– Когда мы пересечем границу? – спросил я.

– Через три минуты пятнадцать секунд...

Граница! Так мы называли теоретическую орбиту Гадеса. Это была для нас граница солнечной системы.

Минуты неощутимо уходили. Нам следовало бы присоединиться к тем, кто ожидал нас в нижнем городе, но я предпочел более интимную атмосферу моего старого кабинета. В сущности, эта граница не имела никакого значе-

ния, но все мы, текны и триллы, привыкли к мысли, что настоящий большой путь через космос начнется тогда, когда мы пересечем эту условную черту.

Раздался легкий хлопок, Кельбик торжественно откупорил бутылку маранского вина и наполнил три бокала, поставленные Ренией на стол. Мы ожидали в молчании.

— Через десять секунд, — сказал Кельбик.

Я встал, поднял свой бокал.

— Друзья, тост Кальра, провозвестника — за прошедшие годы!...

— За этот час! — откликнулся Кельбик.

— За вечные дни грядущего, — тихо закончила Рения.

Мы выпили. Сначала тихо, затем все громче и громче, все мощнее и гуще запели сирены города, усиленные динамиками. Вой сирен терзал наш слух, как жалобный стон всей планеты, как безумные голоса машин, изнемогавших от непосильного напряжения. Откуда-то сверху, с купола Солодины, луч прожектора в последний раз осветил террасы, вырывая из темноты отдельные контуры и отбрасывая жесткие тени. Затем отовсюду взвились ракеты. Они взлетали в черное небо, рассыпая разноцветные искры, и тут же падали маленькими огненными кометами. И сразу все кончилось. Сирены умолкли, прожектор погас. Земля пересекла границу.

Мы долго сидели молча. Наконец я встрепенулся, взял Рению за руку.

— Довольно, пора спускаться! У нас еще много работы!...

* * *

Прошло несколько недель, и мы уже удалились на безопасное расстояние, когда однажды в несусветную рань меня разбудил сигнал видеофона. На экране появилось взволнованное лицо Хани.

— Орк, скорее приходите, на Солнце замечены первые признаки начала реакции. Рения, ты здесь? Приходи тоже!

Мы торопливо оделись и бросились к лифту. Через несколько минут мы уже были у входа в центральную обсерваторию, где едва не столкнулись с взъерошенным и тоже полусонным Кельбиком.

Хани ожидал нас в окружении целого штаба своих астрономов. Он был в отчаянии. Я не стал тратить времени на утешения.

— Вы сказали: «первые признаки реакции». Почему так рано? Вы уверены?

Не говоря ни слова, главный астроном Керлан протянул мне фотоснимок, сделанный автоматической обсерваторией на Меркурии. Я склонился над снимком, а Кельбик рассматривал его через мое плечо.

— Ну что скажешь?

— Орк, ты знаешь, я ведь не астроном, дай мне показания спектрографа, клочок бумаги и компьютер, и я скажу тебе свое мнение.

— Как будто ничего страшного нет. Но ты прав, надо рассчитать. Что вы думаете об этом, Ртхал?

Ртхал, специалист по Солнцу, взял в руки фотографию.

— Согласно вашим расчетам, Орк, которые мы проверили и уточнили по методу Кельбика, первым признаком должно быть появление на Солнце особо темного, быстро увеличивающегося пятна с температурной инверсией. Вот

серия снимков, на которых зафиксировано это явление.

Ртхал показал нам, как на снимках сначала появилось крохотное пятнышко, почти незаметное на солнечном диске, как оно быстро росло, а затем вдруг исчезло и сменилось расплывчатым светлым полем, особенно ярким в том месте, где первоначально находилось черное пятно.

– Все цифровые данные в вашем распоряжении, – закончил Ртхал.

– Хорошо. Установите прямую связь с генеральной вычислительной станцией. Пойдем, Кельбик!

Мы заперлись и тщательно проверили данные. Мы давно работали вместе, поэтому я усвоил его систему анализа, а он – мои, пусть более грубые, но зато более прямые и зачастую более быстрые способы исчисления. Часов шесть мы считали порознь, не отрываясь, разве что на пять минут, когда Рения приносила нам по чашке питательного бульона. Вычислительная станция выдала по нашим формулам результаты. Я поднял голову и взглянул на Кельбика. Лицо его было серым.

– Ты думаешь?...

– Я думаю, что если мы уцелеем, то только чудом!

– Черт нас всех побери, как же мы могли так ошибиться? Мы рассчитывали по крайней мере еще на полгода... А вместо этого – две недели!...

Кельбик горько улыбнулся в ответ.

– Все очень просто, и мы с тобой, Орк, можем утешаться тем, что это не наша вина. Ты, как и я, строил все расчеты, исходя из константы Клоба, не правда ли?

– Да, ну и что?

– Так вот, она неточна, друг мой. И неточность начи-

нается с семнадцатой цифры после запятой. Я только что это проверил. Константой Клоба пользовались самое большее до двенадцатой цифры после запятой. Но в нашем случае получился кумулятивный эффект – крохотная неточность вызвала лавину ошибок. И вот вместо шести месяцев – две недели!

Я почувствовал себя разбитым.

– Значит, все наши усилия были напрасны? Неужели фаталисты правы?

– Нет, надеюсь, мы уцелеем. Для Венеры это будет труднее, потому что она отстает. Но, может быть, она тоже успеет, если немедленно увеличит скорость. Я сейчас посчитаю...

– А Марс? – спросил я бледнея.

На Марсе все еще работали археологические группы, которые должны были вылететь вдогонку за нами лишь через несколько месяцев.

– За четырнадцать дней, если они не будут терять ни минуты, может быть, им удастся опередить волну взрыва. Предупреди их немедленно, используй передатчик на волнах Хека!

Совет Властителей, получив наше сообщение, тотчас принял все необходимые меры. Геокосмосы заработали с большей нагрузкой, изыскатели на Марсе получили приказ возвращаться. Теперь оставалось только ждать. Через несколько часов Кельбик вернулся с целым рядом новых расчетов. Он убедился, что реальная отсрочка равнялась всего двенадцати дням!

Из четырех археологических марсианских экспедиций три сразу сообщили, что вылетают. Четвертая попросила

разрешения задержаться на сутки, и я, еще раз предупредив об угрожающей им опасности, дал согласие. А как было не согласиться? Они только что обнаружили вход в подземный город и теперь пытались за оставшиеся часы осмотреть его я выяснить, что из находок можно спасти. Я разговаривал на волнах Хэка с главой экспедиции. Это был глубокий старец с длинными седыми волосами, звали его Клобор.

— Какое невезение, Орк! Мы нашли первый, почти не поврежденный марсианский город, и у нас всего одни сутки, чтобы его обследовать!

— Да, только двадцать четыре часа, и то на ваш страх и риск, — ответил я. — Но раз все участники вашей группы согласны... Однако помните: двадцать четыре часа, и ни минуты больше, если вам дорога жизнь!

Находка Клобора меня живо заинтересовала: я словно предчувствовал, что она сыграет огромную роль в будущем человечества, и весь день поддерживал с Марсом постоянную связь. Около пяти часов пополудни Клобор сообщил, что впервые за всю историю теперь можно наконец составить представление о физическом облике марсиан. Археологи нашли множество статуй, сфотографировали их на месте, затем тщательно упаковали и погрузили на большой экспедиционный космолет. Затем, в семь часов, — сенсация, как гром с ясного неба! На экране появилось лицо Клобора:

— Орк! Орк! Величайшее открытие! Марсиане посещали другие звездные миры!

— Откуда вы это знаете?

— Мы нашли фотографии, они прекрасно сохранились.

Смотрите, вот они!

И на экране одна за другой начали появляться большие цветные фотоснимки, еще блестящие от закрепляющей эмульсии, которой их предварительно покрыли. Всего было около пятидесяти снимков различных планет, сделанных с большой высоты, и я убедился, что ни одна из наших планет никогда не могла так выглядеть.

— Снимки слишком подробные — такие не даст никакой супертелескоп. И речь может идти только о планетах иных звездных систем. Посмотрите-ка на эту фотографию!

Я увидел незнакомую планету, зеленую и синюю, с двумя спутниками. И хотя ничто не давало масштаба, мне она показалась примерно такой же величины, как Земля.

— А теперь взгляните на этот снимок — он сделан с небольшой высоты на ночной стороне.

На экране появилась темная равнина, усеянная пятнами света.

— Это города, Орк, города! Планета обитаема. Возможно, мы найдем снимки, сделанные на ее поверхности. Тут кипы документов, но мы грузим их не глядя. Нет времени!

Экран погас. Я сидел задумавшись. Итак, помимо Земли и неведомого мира, откуда явились друмы, в нашей Галактике были другие населенные планеты, другая разумная жизнь.

Около 21 часа, обеспокоенный молчанием экспедиции, я вызвал Клобора. Мне тотчас ответил капитан космолета, все еще стоявшего на поверхности Марса. Однако прошло довольно много времени, пока на экране не появилось лицо старого археолога.

— Я сам собирался вызвать вас, Орк! Мне нужно еще двадцать четыре часа дополнительно. Самое важное из

всех открытий...

— А почему не восемь суток плюс еще один месяц? Вам остается ровно пятнадцать часов, и ни секунды больше!

— Но поймите меня, это имеет огромное значение...

— Я понимаю, Клобор, понимаю, но Солнце, оно не поймет!

— Капитан мне сказал, что, если потом уходить на предельной скорости, можно добавить еще часов десять...

— Об этом не может быть и речи! Вы стартуете точно в назначенный час. Это приказ!

— Но вы не представляете, насколько это важно! Мы нашли звездолет марсиан! И почти неповрежденный!

— Что? Марсианский звездолет?

— Да. Мы делаем чертежи, фотографируем все, что можно, демонтируем двигатели, но, чтобы закончить, нам понадобится больше пятнадцати часов! Если бы среди нас были физики! Мы бы хоть знали, что именно нужно искать...

Я быстро взвесил все «за» и «против». «За» — возможность открыть новые принципы космических полетов; «против» — уверенность, что, если экспедиция не покинет Марс через пятнадцать часов, двести человек погибнут.

— Мне очень жаль, Клобор... Через пятнадцать — нет! — уже через четырнадцать часов пятьдесят минут вы стартуете.

— Но ведь я вам открываю путь к звездам, Орк! Как вы можете отвергнуть такой дар? Умоляю вас... Это самое великое открытие за все времена!

— Знаю. Но я не могу рисковать жизнью двухсот человек ради неопределенной возможности. Спасите все, что

сумеете, главное, постарайтесь демонтировать двигатели, сфотографировать все и составить чертежи. Вы можете внести камеру телевизора в этот аппарат?

– Да, это возможно.

– Так сделайте это поскорее, а я соберу группу специалистов, которые будут вам помогать. Но помните: точно в назначенный час – старт! Вы нашли еще какие-нибудь документы о самих марсианах? Как хоть они выглядели?

– Судя по статуям и фотографиям, они не слишком отличались от людей. Но я должен вернуться к работе, простите меня. Срок так мал... Дайте мне еще хотя бы час!

– Ни одной минуты!

Экран вдруг стал серым. Я вызвал коммутатор, затем контрольный пункт. Там дежурил Сни, мой бывший ассистент.

– Как у тебя дела?

– Все в порядке, Орк. Скорость возрастает.

– А на Венере?

– Они постепенно догоняют нас.

Поскольку масса Венеры была меньше, чем у Земли, им было легче увеличить ускорение, то есть достигнуть максимальной скорости...

Затем я вызнал Рению с ее геофизического пульта.

– Как у тебя, Рения? – спросил я.

– Возникают сильные напряжения коры на глубине около сорока пяти километров под Тихим океаном. Возможно землетрясение с эпицентром под островами Кильн, если мы будем идти с таким же ускорением. Мое мнение: надо сейчас же эвакуировать Кильнор, а на западном побережье – Альсор и Кельнис.

Я быстро посчитал в уме: Кильнор, три миллиона жителей, Альсор – двадцать семь миллионов, Кельнис – тринадцать. Итого сорок три миллиона человек, которых нужно немедленно вывезти и хотя бы временно где-то разместить. Слава богу, мы предвидели такую возможность, и все подземные города имели резервы.

– Хорошо, – сказал я. – Сейчас отдам приказание правительству триллов.

– А что у тебя? – спросила Рения.

– Плохо. Мы делаем все возможное, однако боимся, что не успеем уйти на нужное расстояние. Наверное, погибнут все верхние города, особенно те, которые стоят близ экватора и не покрыты достаточно толстым слоем снега. А значит, Хури-Хольдэ.

– Это страшно.

– Не так уж страшно! Город пуст...

– Да, но потом его придется восстанавливать.

Чтобы снять усталость, я заперся в камере дезинтоксикации и через полчаса вышел оттуда освеженный и отдохнувший. Эти камеры были чудесным изобретением!

В два часа ночи Рения сообщила мне о новом землетрясении. Подземные толчки необычайной силы отметили все сейсмографы планеты. Архипелаг Кильн за полчаса погрузился в океан, и на этом месте началось извержение подводных вулканов. Поскольку эвакуация населения уже закончилась, жертв почти не было, но зрелище этой катастрофы, переданное с космолета, потрясло меня. Гигантский фонтан поднимался к черному, усеянному звездами небу из середины темного пятна растаявшего в этом месте океане, а вокруг сверкало белизной ледяное поле. В четы-

ре часа утра чудовищный взрыв выбросил к зениту миллионы тонн подводного грунта, который обрушился каменным градом на лед. В Кельнисе и Альсоре от этого взрыва провалились верхние этажи подземных улиц, а в Борик-Реве, на месте вашего Лос-Анджелеса, герметический панцирь нижнего города дал опасную трещину.

Незадолго до полудня я вызвал Марс. Последняя экспедиция грузилась на корабль, так и не раскрыв тайну марсианского звездолета. Они успели осмотреть лишь часть очень сложных двигателей. Я посочувствовал им, однако был рад, что мой приказ исполняется. Выключив экран, я прилег отдохнуть.

На следующее утро я проснулся довольно поздно, когда Рения уже ушла на свой пост. Я поспешил в рабочий кабинет и сразу включил экраны. Всюду все было как будто в порядке. Сейсмографы не отметили новых толчков, и напряжение коры под Тихим океаном постепенно уменьшалось. На Венере, где нет глубоких океанов, толчки были незначительными.

Ко мне зашел Кельбик, мы переговорили о текущих делах, а затем я поставил перед ним новую задачу: организовать производство мощных фульгураторов. В нашем мире без войн они не были нужны, и этот вопрос никогда не изучался. Однако документы, обнаруженные на Марсе, говорили о том, что на далеких планетах Галактики существуют иные разумные существа, и неизвестно еще, встретят ли они нас мирно и дружелюбно.

Около полудня один из моих экранов включился, и я увидел ошеломленное лицо Тирика, главного инженера по связи.

– Орк, кто-то вызывает вас с Марса!

– Этого не может быть. Экспедиция вылетела еще вчера вечером!

– Знаю, однако передача идет с главной ретрансляционной станции, что близ Эрикобора, марсианского города, который они раскапывали.

– Но кто передает?

– Неизвестно. Он не называет своего имени и не включает экран. Требуется прямой связи с вами.

Страшное подозрение мелькнуло у меня.

– Хорошо, дайте связь.

На экране, как я и ожидал, появилось лицо Клобора. Он улыбался.

– Не злитесь, Орк, это бесполезно. Вам до меня не добраться! Вы уже не сможете отправить меня на Плутон...

– Клобор! Старый безумец! Как вы могли?... И почему пилот не сообщил о вашем отсутствии на борту? Уж до него-то я доберусь!

– Он не виноват. Я сбежал из космолета в последнюю секунду, а перед этим повредил их передатчик, чтобы они не смогли попросить разрешения вернуться за мной...

– Такого разрешения я бы не дал! Но почему вы остались, черт побери?

– Все очень просто. Я тут собрал одну схемку, которая позволит вашим физикам руководить мною, пока я буду разбирать двигатель марсианского звездолета. Надо же довести дело до конца! Я буду работать до тех пор, пока Солнце... Короче, остается еще восемь дней, и, надеюсь, я успею, несмотря на свою неопытность.

Я не находил слов. Мне хотелось встать и поклониться этому старику. Какое самопожертвование и какое спокой-

ствие!

— Но послушайте, Клобор, вы подумали о том, что... когда солнечные протуберанцы достигнут Марса... Да, это произойдет быстро, но последние минуты будут ужасными!

Он улыбнулся и вынул из кармана розовый флакончик.

— Я все предвидел. У меня есть бринн.

Я умолк. Бринн убивал молниеносно.

— Мы теряем время, Орк! Свяжите меня с вашими физиками. Но когда придет час... пусть у вас под рукою будет бутылка маранского вина. Я хочу на прощание чокнуться о вами и выпить за ваше счастье!

* * *

Все ждали начала катаклизма. В целях безопасности верхние этажи подземных городов были эвакуированы, герметические двери между этажами заперты. На поверхности во мраке, прорезаемым только лучами прожекторов, специальные машины-автоматы засасывали снег и отвердевшей воздух и засыпали этой смесью города, чтобы надежно спрятать их род гигантскими сугробами. Теперь мы знали, что успеем избежать катастрофы, но нам хотелось по возможности сохранить наземные сооружения.

За несколько часов до взрыва ко мне пришел Кельбик с последними результатами. Он был так же озабочен, как и я, но в то же время сиял: его расчеты были проверены и подтвердились с точностью до двадцатой цифры после запятой! Все солнечные пятна исчезли, и Солнце уже начинало пульсировать, сжимаясь и расширяясь во все более

учащающемся ритме. Вместе с Кельбиком мы направились в контрольный зал.

Здесь собралось всего семьдесят семь человек. Большое число телевизионных экранов было установлено по всем городам, но только мы получили привилегию непосредственно принимать все передачи восемнадцати релейных станций, оставленных между нами и Солнцем. Эти передачи на волнах Хэка записывались и одновременно проецировались на восемнадцать отдельных экранов. Первая релейная станция была на спутнике, вращавшемся примерно в тридцати миллионах километров от Солнца, вторая – на Меркурии, где еще работала автоматическая обсерватория Эрукои. Третья станция осталась на бывшей орбите Венеры. Четвертая – на бывшей орбите Земли, пятая стояла на поверхности Марса. Остальные равномерно распределялись между Марсом и Землей, продолжавшей свой бег.

Я сидел между Хани и Кельбиком, положив руки на пульт управления геокосмосами, которые работали почти на полную мощность. Теперь с каждой секундой мы удалялись от Солнца на две тысячи километров. Если наши расчеты были правильны, огненная волна уже не могла нас догнать. Однако оставалась опасность радиации.

На восемнадцати экранах как бы с разного расстояния мы видели лик Солнца. Лик грозный и гневный, косматый от протуберанцев, в пятнах такой невыносимой яркости, что глазам было больно, несмотря на светофильтры. Особая настройка позволяла менять увеличение или рассматривать солнечную поверхность в различных полосах спектра, соответствующих тем или иным элементам. Три ты-

сячи регистрирующих автоматов на центральной обсерватории должны были сохранить все записи и снимки для последующего анализа – если только мы не ошиблись, если только Земля не погибнет...

Хани нарушил молчание:

– По расчетам Орка и Кельбика, катаклизм должен начаться огромным протуберанцем в экваториальной зоне. Перед этим на Солнце снова появятся пятна...

Мы долго сидели, не произнося ни слова.

На экранах перед нами пылали изображения Солнца.

Властитель машин склонился ко мне.

– Орк, я только что получил сообщение из лаборатории космической физики. Они проанализировали планы марсианского звездолета, переданные Клобором. Наши физики клянутся, что за несколько лет сумеют воссоздать марсианский двигатель. Тем более что последний космолет с Марса доставил некоторые детали...

«Клобор! – подумал я. – Пора!...»

Вызвав центральную станцию, я приказал:

– Немедленно свяжите меня с Эрикобором на Марсе!

Несколько минут спустя справа от меня осветился маленький экран. Клобор стоял ко мне спиной, вглядываясь в свой собственный экран, на котором нестерпимо сверкало Солнце. Возле него на столике стояли бокал и флакон с розовой жидкостью, бринном. Я быстро посоветовался с Хани и Хэлином.

– Ретранслируйте эту сцену на все экраны обеих планет! – приказал я. – Пусть у Клобора будет свой час славы. Он его заслужил!

Затем я склонился к микрофону и позвал:

– Клобор! Клобор! Говорит Совет!

Там, на Марсе, седой старик вздрогнул, оторвался от захватывающего и жуткого зрелища и нажал кнопку видеоскопа. Перед ним появилось изображение контрольного зала. Он улыбнулся.

– Спасибо, Орк, что не забыли меня. Грустно было бы умирать одному. Но я не вижу бутылки! Вы не хотите со мной чокнуться?

Хэлин отдал короткий приказ. Тотчас появились бутылки маранского вина. Он наклонился к экрану и сказал:

– Клобор, от имени всех людей – спасибо! Благодаря вам мы когда-нибудь сможем отправиться к звездам, не увлекая для этого за собой всю Землю. Ваше имя будет жить вечно, пока существуют люди!

Старый археолог усмехнулся.

– Я предпочел бы, чтобы мое имя жило в моих научных трудах, а не благодаря случайной находке. Но что делать? Приходится принимать славу, как она есть. Однако не занимайтесь мной, у вас дела поважнее. Когда приблизится последняя минута, я позову...

Я перевел взгляд на астрономические экраны. На солнечном диске близ экватора отчетливо выделилась более темная зона с рваными, вихрящимися краями.

– Все идет, как мы предвидели, – проговорил Хани спокойным, даже слишком спокойным голосом. – Теперь взрыва ждать недолго...

Однако прошел целый час, а ничего нового не происходило. Солнце неторопливо вращалось. Затем его медленно пульсирующий диск исказился. Сбоку появился гигантский протуберанец, взлетевший, наверное, на миллионы километров.

Хани прильнул к объективу спектроскопического анализатора.

– Реакция Орка-Кельбика началась! Через несколько секунд...

Закончить он не успел. Несмотря на почти мгновенную автоматическую перенастройку светофильтров, мы все были почти ослеплены нестерпимо яркой вспышкой в самом центре Солнца. Когда способность видеть вернулась к нам, весь диск был окутан фантастическими фиолетовыми протуберанцами. В течение одной-двух минут Солнце раздувалось, теряло шарообразную форму, словно распалось на части. Затем последовал сам взрыв. Кипящее огненное море заполнило весь экран ретранслятора № 1, и он прекратил передачу, разнесенный на атомы.

– Теперь остается только ждать, – пробормотал Хани.

Чудовищный световой поток устремился за нами вдогонку. Однако телескоп на вершине центральной обсерватории все еще показывал нам Солнце как сверкающую звезду. Ретранслятор № 2 перестал работать еще до того, как раскаленные газы достигли его, расплавленный радиацией. Последнее изображение с Меркурия показало людям Теневые горы, резко выделяющиеся на фоне неба, охваченного пламенем. Даже с Марса Солнце казалось теперь крупнее и ярче, чем некогда с обсерватории Эрукои.

Несколько минут спустя нас вызвал Клобор.

– Я вернулся с последней прогулки по Марсу. Уже сейчас на поверхности невыносимо. Лишайники горят. Думаю, что теперь мне осталось недолго жить, – закончил

ОН ТИХО.

На мгновение он исчез, затем снова появился на экране.

– Даже здесь уже тридцать два градуса! Когда стрелка покажет пятьдесят...

Он положил термометр на стол так, чтобы мы его видели. Стрелка перемещалась на глазах. Сорок градусов... сорок пять...

Я почувствовал, как кто-то вложил в мою руку бокал. Там, в подземелье марсианского ретранслятора, Клобор поднял свой.

– Друзья, тост Кальра, основателя! Думаю, сейчас он самый подходящий. За прошлые века, которым я посвятил свою жизнь!

– За этот час! – хором ответили мы, стоя с бокалами в руках.

– За вечные дни грядущего!

Мы выпили. Клобор поднес бокал к губам, отпил один глоток и рухнул на стол; рука его бессильно свесилась.

Мы продолжали стоять молча. Стрелка термометра двигалась все быстрее. Когда она показала девяносто градусов, экран погас.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕЛИКИЕ СУМЕРКИ ВЛАСТЬ

Совет принял меня тотчас же. Политическая обстановка прояснилась, однако космическая оставалась тревожной. Кельбик представил мне последние данные.

Земля и Венера теперь убегали со скоростью, превосходящей скорость раскаленных газов Солнца. Во всяком случае, мы уже вышли за пределы зоны, которой эти газы могли бы достичь в ближайшее время. Однако расчеты показывали, что, если мы немедленно не увеличим ускорение, температура почвы Земли и Венеры под воздействием радиации скоро превысит точку спекания глины. Это означало, что почва обеих планет станет бесплодной и непригодной для обработки на многие десятилетия. Со своей стороны геологи и геофизики сообщили – и Рения это подтвердила, – что дальнейшее ускорение геокосмосов приведет к разрывам земной коры, которые могут оказаться катастрофическими. У нас оставалось всего несколько часов, чтобы принять решение. А пока мы очень осторожно увеличили мощность геокосмосов.

Это было самым тревожным заседанием Совета. С одной стороны, нам грозило немедленное и катастрофическое растрескивание коры. С другой – более отдаленная, но не менее ужасная опасность полной стерилизации почвы обеих планет. Продовольственные запасы, а также продукция синтетических фабрик и гидропонных теплиц обеспечивали нас еще на пятнадцать лет. Но после этого пришлось бы резко уменьшить население – исход поистине трагический! – либо завоевывать и осваивать чужие не-

знакомые планеты, если только вообще мы найдем подходящие для жизни планеты за столь короткий срок. Оставалась, правда, возможность, что нам удастся изобрести новый способ восстановления плодородия почвы.

Кельбик, Райя, Хани и я высказались за второй, менее рискованный вариант, и многие нас поддержали. Однако большинство Совета проголосовало «против», и было решено увеличить ускорение. Мы вернулись в контрольный зал. Прежде чем Рения ушла в свою геофизическую кабину, я успел шепнуть ей несколько слов. Она должна была предупредить меня, когда напряжение земной коры достигнет предела. Я прекращу ускорение и – будь что будет! Кельбик, разумеется, был с нами заодно.

И вот я сел за пульт управления, подменив Сни. Nova на экранах заполняла большую часть неба, и блеск ее был почти нестерпим, несмотря на светофильтры. Раскаленные газы давно достигли орбиты Юпитера, и гигантская планета исчезла в сиянии радиации, превращенная в плазму. Я попросил передать из обсерватории изображение Сатурна. Он был на самой границе зоны, и облако светящегося газа окутывало его. Сатурн уже потерял свои кольца, состоявшие из космического льда.

Тянуть дольше не было возможности, и я осторожно увеличил ускорение. На экране интегратора линия напряжения коры дала небольшой скачок. Я вызвал Рению:

– Что у тебя?

– Почти никакого эффекта. Продолжай, раз у нас нет выхода. Но очень постепенно. Рано или поздно мы все равно до нее дойдем.

Я обернулся. Властители сидели в амфитеатре и следили за мной. Случайно или по расчету все противники

ускорения, главным образом геологи и физики, сгруппировались на одном крыле. Напротив них сидело большинство, те, кто не верил в возможность восстановления плодородия почвы, — ботаники, химики, агрономы... Кельбик склонился надо мной, оперся на мое плечо. Раздраженный, я уже хотел его оттолкнуть, как вдруг почувствовал, что он сунул что-то тяжелое за отворот моей туники.

— Все будет хорошо! — сказал он громко. — Главное, правильно использовать наши силы.

Сунув руку за пазуху, я нащупал рукоять фульгуратора.

— Да, но когда придет час, нужно действовать без колебаний! — ответил я, в свою очередь играя на скрытом смысле слов.

И я продолжал увеличивать скорость, не сводя глаз с экрана интегратора. Внутреннее напряжение коры теперь нарастало очень быстро, волнистая линия через каждые несколько миллиметров прерывалась новыми вспышками. Через два часа я услышал голос Рении:

— Орк, прикажи эвакуировать Илюр. При этом ритме ускорения сейсмологи предсказывают через пять часов землетрясение в девять баллов.

Девять баллов! Это означало, что город обречен. Я отдал приказ, встал и обратился к Совету:

— Властители, я считаю, что мы должны прекратить дальнейшее ускорение!

Гдан, властитель растений, поднялся со своего места.

— Каково будет наше положение при теперешней скорости убегания?

Хани сверился с показаниями приборов, сделал быстрый подсчет и ответил:

– Мы еще не выйдем из зоны, где глина спечется и структура почвы будет разрушена.

– В таком случае, я полагаю, нужно продолжать, – сказал Гдан.

Хани воспользовался своим правом председателя Совета.

– Пусть те, кто за ускорение, встанут! – предложил он. И, пересчитав голоса, повернулся ко мне: – Орк, большинство. Мне очень жаль, но...

Повернувшись спиной к пульту управления, я оглядел аудиторию. Это большинство уменьшилось. Хэлин, Властитель людей, присоединился к нам. Рения выглянула из окна своей кабины. Я указал ей глазами на пульт. Она отрицательно покачала головой.

– Ну что ж, – сказал я негромко. – В таком случае я отказываюсь подчиняться.

Наступила зловещая тишина. Все были потрясены. Никогда еще, с самого первого дня существования Совета, ни один техн не осмеливался открыто восставать против его решений. Кельбик с удрученным видом пожал плечами и начал взбираться по лесенке к геофизической кабине, удаляясь от меня как от зачумленного.

– Я не ослышался? Вы отказываетесь повиноваться, Орк? – взорвался Гдан, Властитель растений. – Но это безумие!

– Безумие или нет, я отказываюсь! И я думаю, что скорее безумец вы, потому что вы рискуете изорвать планету!

– До этого еще далеко! Второй и последний раз именем Совета приказываю повиноваться!

– Второй и последний раз я отказываюсь!

И коротким нажимом кнопки я прекратил ускорение.

– Что ж, вы этого хотели, Орк. Хэлин, прикажите вашим людям арестовать его!

– Я это сделаю сам, – сказал Хэлин и подмигнул мне. Он небрежно вытащил свой фульгуратор, держа его за ствол. Я выхватил свой из-за пазухи и направил на Властителей.

– Хэлин, ни с места! Я не знаю, на чьей вы стороне. Вы и все остальные, бросьте оружие! И быстро!

С выражением ужаса на лицах Властители поднимались один за другим под дулом моего фульгуратора и складывали оружие. Фиолетовая молния сверкнула с верхней площадки лесенки, и Белуб, помощник Гдана, рухнул на пол. Кельбик опередил его. Я чувствовал смертельную усталость и отвращение – события последних дней измотали меня. Я не спал уже двое суток.

– Можешь довериться Хэлину! – крикнул мне Кельбик. – Он был с нами с самого начала.

Хэлин уже отдавал приказания по своему микропередатчику. Агенты полиции текнов заполнили контрольный зал и начали подбирать оружие. Хани печально смотрел на нас.

– Орк! Кельбик! Я никогда не думал, что вы способны на такое... Восстать против Совета!...

– Нисколько, учитель, – возразил ему Кельбик. – И Орк здесь ни при чем. Его личный бунт, его отказ выполнить идиотское решение только помогли нам, Хэлину и мне.

Он подскочил к ошеломленному Гдану и сделал быстрый жест, словно хотел вырвать ему глаза. В руке его осталась дряблая маска. Перед нами открылось искаженное

страхом лицо, совершенно незнакомое и ничем не похожее на лицо Гдана.

– Властители, представляю вам нашего заклятого врага, истинного главу фаталистов. Во всяком случае, я так думаю. И думаю также, что это он убил настоящего Гдана. Пока Орк храбро сражался с заговорщиками наверху, я тут кое-что расследовал. У меня уже давно, еще со времени нападения на наши планеры, возникло подозрений, что среди самих членов Совета скрывается предатель, что кто-то проник в Совет под чужим обликом. Но только вчера я получил решающее доказательство. Пластическая маска этого самозванца, несмотря на все ее совершенство, имеет один недостаток, который я обнаружил по чистой случайности: она флюоресцирует в слабом ультрафиолетовом излучении. Вчера, примерно в то время, когда Орк летел в Килгур, этот лже-Гдан пришел ко мне в лабораторию, чтобы убедить меня в необходимости дальнейшего ускорения. У меня не была выключена ультрафиолетовая лампа, и лицо его случайно попало под ее излучение. С этого момента я знал все. Я предупредил Хэлина, и мы решили ждать. Цель этого субъекта была уничтожение Земли, ни больше ни меньше! Представляете, какую великолепную политическую игру он вел последние годы?

– Самое интересное, – продолжал Кельбик, – что плодородию Земли ничто не угрожает, во всяком случае, опасность не так уж велика. Мы были загипнотизированы доказательствами псевдо-Гдана, буквально загипнотизированы, и забыли один факт: прежде чем температура повысится до точки спекания глины, солнечная радиация сначала восстановит атмосферу, затем испарит огромные

массы воды, которая, в свою очередь, образует защитный экран из пара и облаков. Вот расчеты! Можете их проверить, если угодно.

Как и предвидел Кельбик, плодородный слой нашей почвы в основном сохранился.

У Земли снова была атмосфера, сотрясаемая грозами невиданной силы. Ураганы тщетно пытались разорвать плотный слой клубящихся туч, которые большую часть времени скрывали от нас пылающую Nova. Мы потеряли некоторое количество воздуха и воды, потому что в верхних слоях атмосферы молекулы под влиянием высоких температур достигали скорости освобождения, однако эти потери можно было в дальнейшем восстановить. На поверхности температура была удушающей, постоянно бушевали циклоны, и лишь редкие группы геологов и агрономов выходили из подземных городов, чтобы подсчитать наши потери. Больше всего мы пострадали в период оттаивания, когда целые пласты пропитанной влагой почвы сползали со склонов, и скальные породы растрескивались на поверхности от резких перепадов температуры.

Из центральной обсерватории на Луне Nova была видна, как пылающее ядро огромной флюоресцирующей туманности, которая занимала полнеба. Затем началась последняя стадия реакции. Ядро утратило свою невыносимую яркость, потому что основное его излучение перешло в ультрафиолетовую часть спектра. Осталась видимой только газовая оболочка, похожая на рваную светящуюся вуаль.

Удаление чувствовалось все больше. Внешняя температура снова понизилась, влага выпала снегом, а затем

воздух перешел в жидкое и наконец в твердое состояние. Медленно, очень медленно сияющая туманность померкла в невообразимой дали. И наступили Великие Сумерки.

Теоретически Совет оставался у власти, но на деле последнее слово всегда оставалось за мной. При поддержке Хэлина я, сам того не желая, стал повелителем двух миров.

СКВОЗЬ КОСМОС

Великие Сумерки! Они продолжались всего пятнадцать лет и, тем не менее, заслужили это название. Наша цель, Этанор, была в то время самой близкой звездой, расположенной от нас на расстоянии пяти световых лет. Наши сверхтелескопы обнаружили вокруг Этанора по крайней мере семь планет.

Один вечер особенно врезался мне в память. Вместе с Кельбиком и Ренией я сидел в центральной обсерватории. Рения чувствовала себя усталой: скоро должен был родиться наш сын. Мы сидели в удобных креслах перед экраном панорамного обзора. В одном его углу светилась газовая туманность, которая некогда была нашим Солнцем, но мы уже обозначили ее техническим термином, скажем, «Соль». В другом углу в созвездии, похожем на пятиконечную звезду, выделялась одна особенно яркая точка: Этанор. Мы говорили о том самом барьере, который некогда остановил наши звездолеты и к которому мы приближались.

— Я еще раз проверил расчеты, Орк. Все как будто в порядке. Понимаешь, после этой истории с константой

Клоба я стал осторожнее.

– Значит, мы пройдем сквозь барьер?

– Несомненно! И наверное, даже сами этого не заметим. Однако надо, чтобы в этот момент в пространстве не было ни одного космолета. Если данные, оставленные нашими предками, точны, все пройдет превосходно.

– Думаю, они точны. Впрочем, я собираюсь послать вперед на разведку корабль...

– При нашей скорости и учитывая, что старые релятивистские формулы¹ еще не отвергнуты, толку от этого будет немного. Космолет опередит нас всего на несколько дней!

– Да, пожалуй, это бесполезно. А как идет изучение марсианского звездолета?

– Топчемся на месте, ты сам знаешь. Впрочем, может быть, и не знаешь. Обязанности Верховного Координатора больше не оставляют тебе времени для изысканий...

Да, я был вот уже несколько лет Верховным Координатором. На мне лежала ответственность за жизнь на двух планетах. Этот марсианский звездолет... Может быть, Клобор упустил какую-то деталь, которая для него, археолога, показалась маловажной? Несмотря на весь наш оптимизм в начале работы, нам никак не удавалось восстановить этот двигатель.

Он немногим отличался от гиперпространственного двигателя, каким безуспешно пытались воспользоваться наши предки. Кроме того, на марсианском корабле находился космомагнит обычного типа. И все же документы,

---

¹ Нам они были известны под названием «уравнение Бериала»: для вас это уравнение Эйнштейна–Лоренца. (Прим. Орка).

найденные в первом городе, были неопровержимы: марсиане, существа, очень похожие на нас, посещали далекие звезды и уверенно возвращались. И много раз! Правда, был еще на их корабле какой-то специальный контур, в котором не могли разобраться наши лучшие специалисты, включая Кельбика. Действие его распространялось скорее на время, чем на пространство.

– Послушай, Орк! – осторожно вмешалась Рения. – Если марсиане достигли некогда иных звездных систем, то, может быть, они там и до их пор? И может быть, с ними встретились наши предки, с тех звездолетов, которые не вернулись?

Я улыбнулся.

– Мы уже думали об этом, Рения. Именно предвидя такую возможность, я поручил разным группам ученых заняться проблемой оружия...

Мы приумолкли. На экране звезды сияли так безмятежно и приветливо, словно ожидали нас. Но они были так далеко!... Печаль охватила меня. Уже столько лет мы не видели ласкового солнечного света! Неужели человеку суждено познать лишь крохотную частицу космоса? Пять световых лет... А вселенная раскинулась на миллиарды и миллиарды парсеков!

Кельбик, видимо, догадался о моих мыслях.

– В конце концов мы раскроем секрет марсиан! Может быть, это будет уже не при нас, но какая разница? Мы сдвинули с места наши планеты. Это уже немало, поверь мне!

– Ты говорил про оружие? – спросила Рения, словно пробуждаясь, – Неужели ты думаешь, что нам придется

его применить?

— Я не знаю. Надеюсь, что нет. Но если в солнечной системе, в которую мы войдем, есть разумные существа и если они знакомы с межпланетными полетами, боюсь, что они встретят нас без особой радости. Я бы хотел, чтобы в системе Этанора вообще не было жизни!

— А если это мир друмов?

Рения содрогнулась.

— Мы лучше вооружены, чем наши предки, — ответил Кельбик. — На нашей стороне вся мощь двух планет.

— А сколько планет на их стороне? — возразил я. — Однако такая возможность мне кажется маловероятной. Судя по ритму нашествия друмов, они летели из гораздо более далеких миров и со скоростью меньшей, чем скорость света. Между прибытием каждой новой армады проходило по шестьдесят лет...

— Кто знает, какие чудовища еще встретятся нам! — вздохнула Рения.

— Поживем — увидим!

* * *

Пришло время, и мы преодолели барьер. Я не стал посылать на разведку космолет. Отчеты всех прежних экспедиций совпадали до мельчайших подробностей. Сначала замедление скорости, затем остановка и абсолютная невозможность продвинуться дальше, несмотря на колоссальный расход энергии. Телеуправляемые роботы предупредили нас о приближении к барьеру. И вот тогда-то мы поволновались за судьбу нашей Луны!

Теоретически массы нашего спутника, увеличенной благодаря скорости, было вполне достаточно, чтобы преодолеть барьер. А на практике? Этого мы не знали. Значит, надо было все рассчитать так, чтобы Луна не оказалась перед барьером впереди Земли, иначе мог бы произойти чудовищный карамболь на космическом бильярде.

Последние месяцы Кельбик разрабатывал теорию преодоления барьера по методу резонанса, но он пришел к уравнениям, физический смысл которых был неясен, и нам от них не было никакого толку. Например, мы не знали, где начинается опасная зона для масс планетарного порядка. Поэтому все обсерватории внимательно наблюдали за Луной, чтобы сразу сообщить о малейшем изменении ее орбиты.

Наступил момент, когда наши телеуправляемые роботы остановились. Дальше мы сами должны были преодолеть барьер через несколько часов, с Луной позади Земли. Нам, таким образом, ничто не угрожало. Но всех, кто был на Луне, мы на всякий случай временно эвакуировали. Оставив Совет в контрольном зале, я с Кельбиком уединился в лаборатории. Рения была дома возле Ареля, нашего новорожденного сына, но за несколько минут до критического мгновения она присоединилась к нам.

Впрочем, этого мгновения никто даже не заметил. Лишь по тому, что наши космолеты вскоре смогли беспрепятственно взлететь, мы поняли, что барьер позади. Ни сила тяготения, ни магнитное поле, ни скорость света — ничто в этот момент не изменилось. И Луна прошла следом за нами без всяких потерь.

Очень медленно цель нашего странствия, Этанор, приближалась. Звезда уже приобрела форму диска, видимого

в обычные телескопы. Но планеты ее можно было различить лишь с помощью сверхтелескопа, и это не давало нам ничего нового, потому что в сверхтелескоп любое небесное тело, звезда или планеты, выглядело, как белая точка. Лишь на расстоянии половины светового года от Этанора мы начали торможение. А несколько месяцев спустя, когда скорость была уже сильно снижена, я возглавил разведывательную экспедицию.

Мы должны были вылететь на одном из больших боевых космолетов, которых на всякий случай понастроили довольно много. Он назывался «Клинган», что означает «Устрашающий». Как видите, даже мы не избавились от привычки давать нашим боевым кораблям громкие имена! Длиной немногим более ста метров, при максимальном диаметре в двадцать пять метров, он был буквально начинен всеми видами старого полузабытого вооружения, которое удалось восстановить нашей мировой науке, и еще кое-какими новинками. Я решил принять участие в экспедиции, чтобы на месте определить, подходит нам эта солнечная система или мы должны, не снижая скорости, лететь к другой звезде. Разумеется, Кельбик захотел сопровождать меня, и хотя, наверное, было бы разумнее оставить его на Земле, я согласился. Моя высокая должность отдалила меня от остальных смертных, за исключением немногих друзей, и если уж Рения не могла быть со мной, то пусть рядом будет хотя бы один близкий человек!

Экипаж состоял из пятидесяти человек под командованием венерианина Тирила. Для управления кораблем было бы достаточно и десяти; остальные составляли боевую группу, но я от души надеялся, что в ней не будет ну-

жды.

Мы вылетели утром – свет Этанора был уже достаточно силен, чтобы это слово приобрело прежний смысл. Рения проводила меня до входного шлюза, а затем удалилась – маленький силуэт в скафандре на поле из замерзшего воздуха. Я с Кельбиком устроился в рубке управления, и «Клинган» ринулся в небо, набирая скорость.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОДИССЕЯ ЗЕМЛИ МЕСТО ЗАНЯТО!

Мы рассчитывали достичь планетной системы Этанора дней за пятнадцать. Она состояла из одиннадцати планет, из которых минимум две могли быть обитаемыми, если их атмосфера подойдет нам. Конечно, мы не рассчитывали тотчас колонизовать эти планеты. Для начала надо было вывести Венеру и Землю на подходящие орбиты, а там будет видно!

Когда мы начали приближаться к девятой планете – внешней по нашему курсу, – гиперрадары на волнах Хэка внезапно обнаружили три тела, летящие прямо на нас с большой скоростью. Я спал, и меня разбудил сигнал тревоги. Кельбик распахнул дверь моей кабины, что-то крикнул и тут же исчез. Я поспешно оделся и бросился в рубку. Кельбик уже стоял там, склонившись над экраном.

– Увы, Орк! – воскликнул он. – Похоже, что место уже занято!

– Очень похоже, – буркнул я. – Тирил, боевая тревога!

Не отрывая глаз, мы следили за тремя черточками на экране, а в это время экипаж и десантники занимали свои посты, готовясь, может быть, к первому космическому сражению с незапамятных времен вторжения друмов. Наконец три звездолета ясно обрисовались на экране. Они были меньше и тоньше нашего корабля и летели очень быстро. Ракетных дюз не было заметно: очевидно, неизвестные использовали принцип космомагнетизма или какую-то иную столь же высокую технику.

Внезапно от передового корабля отделилась сверкающая точка и с огромной скоростью устремилась к нам.

– Тирил, внимание... – начал я и остановился. Сверкающая точка описала идеальный полукруг и снова прилипла к борту корабля. Этот маневр повторился трижды.

– Я понял! – воскликнул Кельбик. – Они предупреждают, что у них есть оружие, но что они не хотят к нему прибегать.

– Возможно. Тирил, ответьте им точно так же и начинайте торможение.

Из недр «Клингана» вырвались десять телеуправляемых торпед, мгновенно преодолели четверть расстояния, отделявшего нас от незнакомцев, и вернулись в свои гнезда. Постепенно мы сближались. Наконец, оставив далеко позади двоих своих спутников, передовой корабль остановился примерно в тридцати километрах от нас. Теперь его было отлично видно на смотровых экранах: перед нами висела длинная блестящая сигара без единого иллюминатора. Она казалась монолитной: мы не могли разглядеть ни шва, ни заклепки.

– Попробуем связаться с ними по радио, – предложил я.

Довольно долго мы посылали сигналы на разных волнах, не получая ответа. Наконец наш приемник запищал, экран телевизора вспыхнул и тут же погас. Но за этот короткий миг мы разглядели человеческое лицо! Какого оно было цвета, нельзя было сказать, потому что по экрану бежали радужные всплески.

– На какой мы были волне? Тридцать сантиметров? Ищите на тридцати!

Наш экран осветился, и на этот раз устойчиво. На нас смотрел человек. И не какой-нибудь гуманоид, отдаленно напоминающий людей, а настоящий человек! У него было энергичное загорелое лицо, пронизательные синие глаза и рыжие длинные волосы, ниспадавшие из-под серебристого шлема. Он заговорил. Язык его был мне непонятен, но мучительно напоминал что-то знакомое. Кельбик толкнул меня локтем и пробормотал:

– Орк, кажется, это наречие, родственное древнему языку клум начала тысячелетия!

– Как, ты знаешь этот язык, на котором никто не говорит вот уже четыреста лет?

– Я выучил его студентом, чтобы проверить перевод, кстати, не слишком точный, одного математического трактата. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, этот человек спрашивает, кто мы такие.

– Что ж, попробуй ему ответить!

С трудом подбирая слова, Кельбик произнес короткую фразу. Лицо человека на экране отразило безмерное удивление, затем радость. Он тотчас коротко ответил.

– Он говорит, что рад встретить людей. Он боялся, что мы друмы.

– Значит, они знают про друмов?

Кельбик посмотрел на меня с жалостью.

– Поскольку это люди и поскольку они говорят на клумском языке, то это же, скорее всего, потомки одного из наших затерянных в гиперпространстве звездолетов! Неужели не понял сам?

Я повернулся к капитану.

– Тирил, вы всегда увлекались историей. Скажите, был среди потерянных звездолетов хотя бы один с клумским экипажем?

Он подумал несколько секунд.

– Думаю, что да. Третий или пятый звездолет, а может быть, тот и другой. Начиная с десятого, вылетевшего в 4319 году, уже был введен универсальный язык, хотя древние местные языки еще кое-где сохранялись до 4300-х годов.

Новый поток на сей раз более настойчивых вопросов хлынул с экрана. Кельбик не очень уверенно перевел:

– Если я точно понял – язык сильно изменился, – он нас спрашивает, откуда мы. Сказать ему?

– Разумеется!

Несколько минут Кельбик говорил один. Человек в шлеме слушал. Я видел, как на лице его выражение недоверия сменялось изумлением и наконец, восхищением. Он произнес несколько слов и прервал связь.

– Он переговорит со своим правительством. Мы должны оставаться на месте, пока он не получит указаний.

На волнах Хэка мы, в свою очередь, связались с Землей. Я приказал продолжить торможение и попросил Со-

вет привести наш флот в боевую готовность. Затем началось ожидание.

Три звездолета по-прежнему плавали перед нами в пространстве, но теперь ближайший был всего в двадцати километрах, а остальные два километрах в ста. Они не подавали признаков жизни. Наши люди оставались на боевых постах, готовые ко всему. Трижды мы пытались возобновить связь, но безуспешно. Время тянулось все медленнее. Наконец через двенадцать долгих часов экран снова осветился.

– Есть у вас на борту кто-нибудь, кто может вести переговоры от имени вашего правительства? – спросил все тот же рыжеволосый незнакомец в шлеме.

– Да – ответил я.

– Приглашаем вас к нам на борт вместе с вашим спутником, который знает наш язык. Мы прибудем на Тилию, где вы встретитесь с нашими правителями. Двое из наших перейдут на ваш корабль как заложники. Вы вернетесь через срок, равный двенадцати оборотам планеты Ретор, которая перед вами.

– Хорошо, – сказал Кельбик. – Но если мы не вернемся, наши друзья обрушат на вас всю мощь двух планет.

Человек пожал плечами.

– Я капитан Кириос Милонас, – сказал он. – Мы вас не боимся, и мы хотим мира... если только мир возможен. Чтобы у вас не было опасений, можете прибыть к нам в своей собственной спасательной шлюпке.

– Согласны. У вас есть шлюз?

– Конечно. Он будет открыт.

Я быстро собрал в своей каюте необходимые мне лич-

ные вещи и, поскольку незнакомец ничего не говорил об оружии, прихватил с собой маленький легкий фульгуратор. Уже в шлюпке мы облачились в скафандры и, когда наш аппарат причалил к борту чужого корабля, шагнули в зияющее отверстие шлюза. Правда, выждав, пока две фигуры в скафандрах, похожих на земные, не заняли в шлюпке наши места, помахав нам на прощание рукой. Дверь шлюза бесшумно закрылась. Мы стали пленниками чужого звездолета.

Точно в назначенный срок мы вернулись на борт «Клингана» измученные и огорченные. Да, здесь для нас не было места! Положение в системе Этанора оказалось настолько сложным и запутанным, что присутствие еще двух густо населенных планет привело бы к братоубийственной войне. Тилийцы, действительно потомки одного из наших звездолетов, обосновались здесь после долгих странствий по вселенной. Но длительное пребывание в космосе вызвало у землян мутацию. Она выразилась в том, что на десять детей у них рождался только один мальчик. Отсюда — обязательная полигамия для поддержания хотя бы минимального количества мужчин. Дело осложнялось тем, что единственная другая планета, пригодная для жизни, была населена враждебными людям гуманоидами триисами, уже знакомыми с межпланетными перелетами. Тилийцам приходилось постоянно отражать их атаки, и у них образовалась высшая каста космических рыцарей. И сложная, непонятная нам социальная структура, напоминавшая иерархию боевого корабля. Они создали достаточно высокую, но совершенно чуждую нам цивилизацию. И они не хотели ничьей помощи, не терпели ничьего вмеша-

тельства. Гордые воины, владыки своих прекрасных гаремов, отцы многочисленных семей, они хотели завоевать вторую планету для своих потомков. Тем более что триисы напали на них первыми.

Переговоры на Тилии не привели ни к чему. Тилийцы протягивали нам дружескую руку, закованную в стальную перчатку. Они восхищались подвигом землян, они готовы были с радостью принять любую помощь, научную и военную, и, в свою очередь, поделиться с нами своими знаниями, они готовы были даже предоставить в наше распоряжение лучших своих офицеров, закаленных в космических сражениях, но они твердо попросили оставить их систему во избежание конфликтов в будущем. И мы покорились.

СНОВА В ПУТЬ!

По возвращении на «Клинган», который ожидал нас в той же точке пространства, я тотчас отправил Совету подробный отчет.

Совет одобрил принятые мною обязательства, и вот Земля и Венера под действием гигантских космомагнитов начали изменять свою траекторию, снова набирая скорость. Несмотря на мои опасения, народ тоже поддержал Совет, когда узнал, что в противном случае грозила бы война с такими же людьми, как и мы.

Ни Кельбик, ни я не участвовали в совместных с тилийцами баталиях против триисов, о чем было договорено. Когда мы вернулись на Землю, Кельбик сразу же заперся в нашей лаборатории, чтобы проверить идею, воз-

никшую у него на Тилии. Спустя неделю он вызвал меня. У нас все шло хорошо, поэтому я на несколько дней передал свои полномочия Хэлину и отправился в лабораторию.

Кельбика я застал за большим деревянным столом – он ненавидел столы из металла или пластмассы. Перед ним громоздились в беспорядке стопки листов, сплошь покрытых его тонким капризным почерком. Он выбрал одну такую стопку и протянул мне.

– Прочти и скажи, что ты об этом думаешь.

Я взял бумаги, присел на край стола и начал их просматривать. Однако вскоре я выбрал кресло поудобнее и, придвинув его к столу, в свою очередь начал выводить формулы на чистых листах. Мне трудно было следить за его мыслью, и если бы Кельбик не научил меня своему особому методу анализа, – я бы с этим никогда не справился. Даже сейчас работа эта была нелегкой, и прошло немало часов, прежде чем я довел ее до конца. С изумлением я уставился на своего друга.

– Но послушай, Кельбик, ты же развиваешь здесь новую теорию времени! И довольно соблазнительную! Это представление о времени как о поляризованном потоке четвертого измерения... Однако, клянусь создателем, твоё уравнение имеет обратную силу! А это значит...

– Что можно путешествовать во времени. Да. Но это не ново. На такую возможность, если верить нашему другу археологу Люки, указывал еще до темных веков, а может быть, даже до ледниковых периодов, некий Уэрс или Уэллс – его имя упоминается в хрониках прорицателя Килна. Впрочем, мне кажется, это просто легенда – в противном случае он бы обосновал свою теорию. Но это воз-

можно сделать, только опираясь на основные уравнения космомагнетизма!

– Да, но кто знает, какого уровня достигли люди первой цивилизации? В конце концов, они до какой-то степени освоили Марс и добрались до Венеры! А может быть, это было просто ни на чем не основанное предвидение. Но подожди... Теперь твое уравнение мне кажется чем-то знакомым. Ну да, ведь это уравнение распространения волн Хэка, только более сложное, потому что фактор времени в нем имеет четыре измерения, а не одно. Это и объясняет, почему они распространяются быстрее света в континууме более сложного порядка, нежели пространство. Поздравляю, Кельбик! Это большое открытие. Но когда у тебя возникла такая мысль?

– Когда я увидел тилийский город Рхен. Я узнал его. Он изображен на второй фотографии марсиан.

Я смотрел на него в недоумении.

– Ну да, все очень просто! Этот город существует не более трехсот лет. А марсиане исчезли в незапамятные времена, задолго до появления на Марсе наших предков первой цивилизации. Следовательно, чтобы сделать фотографию города, который возникнет только через сотни тысяч или миллионов лет, нужно совершить путешествие во времени, в будущее. Так вот, простой космолет марсиан не мог посетить Тилию из-за барьера. Он не мог это сделать и через гиперпространство, потому что иначе бы он не нашел дороги обратно. Тем не менее на их звездолете мы нашли гиперпространственную установку! Но в таком случае зачем им понадобились мощные космомагнетические двигатели? Теперь понимаешь?

– Ничего не понимаю.

– Кроме того, у них там был контур, видимо, влияющий на время. Это тебе ничего не говорит?

– Да объясни, наконец, черт тебя побери!

– Ну ладно. У нас имеется звездолет, который, судя по многочисленным фотоснимкам, не раз совершал далекие путешествия. На звездолете обнаружены: а) космомагнетические двигатели; б) гиперпространственная установка; в) контур, видимо влияющий на время. Следовательно, эти три механизма необходимы для межзвездных путешествий. Барьер можно преодолеть разными способами, Орк. Проломить его или пройти над ним звездолет не способен. Однако можно пройти до того, как он возник, или *после* того, как он исчез.

Меня словно озарило.

– Ты хочешь сказать, что марсиане использовали галактическое течение?

– Или, проще говоря, движение звезд. Следи внимательно за моей мыслью. Барьер окружает каждую звезду полем, непроницаемым для любого тела, с массой, меньшей, чем у нашей Луны. Но это поле, или барьер, передвигается в пространстве вместе со звездой. Представь космолет перед таким барьером. Скачок во времени – и барьера перед ним уже нет. Или еще нет. Разумеется, это требует огромного расхода энергии, но, видимо, не большего, чем дают космомагнетические двигатели.

– Ну а при чем здесь сверхпространственная установка? Что-то не вяжется...

– Ты не обратил внимания на рассказ нашего рыжего капитана Кириоса Милонаса. Помнишь, он как-то говорил,

что они с успехом используют гиперпространственный способ внутри своего барьера? Дело осложняется лишь при попытке его пересечь. Видимо, барьер как-то существует и в сверхпространстве, и именно из-за него установки разлаживаются и отправляют звездолет куда попало. Но без сверхпространственных установок межзвездные перелеты отнимали бы слишком много времени. Я представляю марсианскую технику перелетов так: гиперпространственный скачок до барьера, временный скачок через барьер, удаление от барьера с помощью космомагнитов, еще второй временный скачок для того, чтобы вернуться в свое время, еще один гиперпространственный скачок до системы, которую хотят изучить, и снова космомагнетизм для приземления. Впрочем, второго временного скачка они могли и не делать. Для исследования неведомой вселенной интересен любой отрезок времени!

— Да, видимо, только так можно объяснить марсианские фотоснимки. Но почему такой огромный скачок в будущее? На полмиллиона лет, если не больше!

— А ты обратил внимание, что мое уравнение времени квантованное? Я, правда, не знаю кванта времени; возможно, он сам очень велик, а возможно, марсианский контур времени действовал только на определенное число квантов одновременно, и не иначе...

— Как думаешь, друмам тоже был известен этот секрет?

— Мы это вряд ли когда-либо узнаем... Ну а теперь пора переходить от теории к практике. А для этого придется разрешить еще немало проблем!

И вот начались долгие месяцы напряженной работы. С несколькими ассистентами мы заперлись в лаборатории и

почти ничего не знали о том, что происходит снаружи. Лишь однажды Совет убедил меня открыть торжественное заседание по случаю начала второго этапа пути, когда обе наши планеты вышли на новую траекторию к Белюлю. Замечу я узнал, что война с триисами благодаря нашей помощи была практически завершена. Едва церемония закончилась, я сразу вернулся к Кельбику и к нашей экспериментальной модели, которая только начинала вырисовываться.

Мы уже получили предварительные результаты – исчезновение предметов с минимальной массой, – когда мне пришлось вновь вернуться на пост Верховного Координатора Земли и Венеры. Мы приближались к барьеру.

Я прочел многочисленные доклады, скопившиеся на моем столе. Наш боевой флот усиленно тренировался под руководством Кириоса Милонаса и других тилийских офицеров, которые захотели за нами последовать. Производство оружия увеличилось, может быть даже чересчур. По этому поводу я вызвал Кириоса и Хэлина.

– Скажите честно, Кириос, неужели вы думаете, что все это вооружение нам пригодится? Вы знаете: если мы обнаружим в соседней системе людей, мы не будем с ними воевать, как не стали воевать с вами.

– Когда спорят двое, редко обходится без драки, Орк, – ответил он с иронической улыбкой. – А я уверен в двух вещах: во-первых, в системе Белюля есть люди, потому что я слышал их голоса по радио, и, во-вторых – они настроены враждебно.

– Может быть, они приняли вас за друмов?

– Сомнительно! Они пригрозили содрать с нас кожу

живьем. Они не стали бы угрожать так друмам, у которых нет кожи. Да и вообще, они не стали бы разговаривать с друмами.

— А что вы им ответили?

— Ничего. Они сразу прервали передачу и к тому же не слышали бы нашего ответа. Их передатчик был гораздо мощнее нашего, потому что сигнал дошел до нас с расстояния по крайней мере пятидесяти миллионов километров. Нет, Орк, драки не избежать, и драка будет жестокой, если оружие у них не хуже средств связи.

— А если мы изменим курс и пройдем мимо этой системы?

— Психологически невозможно! — вмешался Хэлин. — На Земле и на Венере все устали от этой кротовой жизни. Человек не термит, Орк! Текны в крайнем случае еще могут потерпеть, если дать им веское объяснение и указать достойную цель. Но триллы... Так что будем надеяться, что население, которое мы найдем, окажется дружелюбным и позволит нашим планетам выйти на орбиты вокруг их солнца. Хотя бы на несколько десятков лет, чтобы люди набрались сил.

— Неужели дела так плохи?

— Хуже, чем ты думаешь, Орк. Пока вы с Кельбиком работали, было две попытки мятежа. О, без кровопролитий, всего лишь попытки! И еще был огромный приток добровольцев для войны против триисов. В десять раз больше, чем требовалось, по совести говоря. Люди с радостью шли на смертельный риск, лишь бы побывать на Тилии или на Трии, увидеть солнце, насладиться нормальным чередованием дней и ночей, искупаться в реке... Мы

этим воспользовались для посменной тренировки многочисленных экипажей для космолетов. Думаю, это нам пригодится.

– Значит, вы полагаете, что в случае необходимости народ согласится сражаться?

– Я в этом уверен! Все, что угодно, лишь бы не третьи Великие Сумерки! Вчера я подслушал весьма характерное замечание. Когда мимо проходил один из соотечественников Кириоса, кто-то из наших сказал: «В общем-то, очень жаль, что они оказались такими славными ребятами!»

– Ну-ну, в противном случае мы бы вас встретили иначе! – усмехнулся Кириос.

– Неужели возможен подобный возврат к дикости? – задумчиво проговорил я.

– Послушайте, Орк, мы вернулись вспять не по собственной воле, без всякого удовольствия, но и без особых потерь, – проговорил Кириос. – Однако, судя по тому, что я слышал о восстании фаталистов и о том, как вы его подавили, мне кажется, что при случае дикарь пробуждается даже в вас, Орк Акеран! Верьте мне, как настоящий воин, я ненавижу войну. Обстоятельства сложились так, что многие наши юноши стали солдатами. Я был из их числа, хотя с детства мечтал о мирной жизни астронома. И клянусь Экланом, если я уцелею к тому времени, когда Земля выйдет на надежную орбиту, я осуществлю эту мечту! Но пока я должен оставаться солдатом. Мой начальник, которого я, наверное, никогда больше не увижу, приказал мне верно служить материнской планете. И пока ей угрожает опасность, я буду исполнять этот приказ и буду убивать без радости, но и без угрызения совести. Ибо я, варвар,

хочу, чтобы вечно жила человеческая цивилизация!

— А если я прикажу вам напасть на мирную планету?

— Теперь вы мой начальник. Я исполню приказ как солдат, но совесть моя будет нечиста. Однако я знаю: вы этого не сделаете. Если бы мой адмирал там, на Тилии, заподозрил, что вы способны на агрессию, я бы не был с вами.

— Вы правы, вам нечего опасаться, Кириос.

В тот вечер он остался обедать у нас с Ренией. Кириос жил одиноко, его три жены остались на Тилии, и кажется, он был этому втайне рад. Он женился недавно, без любви, повинаясь закону, и детей у него еще не было. Кириос рассказал нам о своей суровой юности, о мучительной и жестокой военной подготовке и о том, как по ночам тайком он пробирался в обсерваторию, чтобы следить за звездами. Его математические познания оказались довольно глубокими, и позднее мы с Кельбиком были поражены быстротой, с какой он усваивал основы наших специальных методов расчета. Поистине он был для Земли ценным приобретением!

В последующие месяцы наша дружба еще более окрепла, и Кириос вскоре стал завсегдатаем в нашей лаборатории, откуда Кельбик вовсе не выходил и где я появлялся, как только позволяло время. Кириос принадлежал к другой цивилизации, и его реакции часто бывали неожиданными. Иногда это нас забавляло, а иногда приносило нам пользу. Например, он не понимал, как это я, правитель двух планет, мог рисковать своей жизнью во время первого контакта с его эскадрой.

— А если бы я вас уничтожил?

— Это, Кириос, не имело бы решающего значения — для

Земли, конечно, а не для меня! Совет назначил бы другого координатора, и все шло бы по-прежнему...

– Значит, вы думаете, что люди взаимозаменяемы?

– Разумеется, нет! Однако нет людей незаменимых. Наша цивилизация не основывается, как у вас, на культе вождя. С точки зрения науки, гибель Кельбика была бы гораздо более серьезной потерей, чем моя смерть, потому что я уже давно не занимаюсь серьезной работой, и никогда у меня на это не будет времени, пока я остаюсь координатором.

– Но, наконец, личная преданность...

– Нет и не должно быть никакой личной преданности в столь сложной цивилизации, как наша. И я уверен, Кириос, что ваша цивилизация со временем тоже станет совсем не такой, как сейчас. На трудности, которые вставали перед вами, – освоение новой чужой планеты, а позднее – появление триисов, вы нашли единственно возможный ответ: создание централизованной цивилизации, общества, сгруппированного вокруг вождя – сначала вождя деревни, затем военного вождя и, наконец, вождя государства. Мы находимся совсем в ином положении.

– Еще бы! – буркнул Кириос.

– По совершенно очевидным причинам на Земле существует одно правительство, и сама сложность нашей цивилизации требует, чтобы оно было коллегиальным со строгим иерархическим разделением функций. Венера от нас практически не зависит, и это превосходно, потому что мы не смогли бы отсюда управлять другой планетой, единственный высший и тоже коллегиальный орган власти для обеих планет – это Совет Властителей, который по воз-

возможности действует убеждением, а не приказами. Что же до меня, то я лишь временный диктатор, назначенный Советом на период кризиса с определенной целью – руководить Великим Путешествием, и только для этого.

– Понимаю, – кивнул Кириос.

– Точно так же и сейчас, если нам придется вести войну в системе Белюля, ответственность за все решения падет целиком на меня. Но только на время войны! Поэтому не считайте меня вождем милостью божьей: я всего лишь технический специалист, которому поручено специальное задание. И я ожидаю от вас повиновения только в целях выполнения этого задания.

– Пусть будет так. Может быть, я не все понял, по чему бы повиноваться, не обязательно все понимать. Что бы я, скажем, делал, если бы солдаты принялись обсуждать каждый мой приказ?

– Вы можете пожаловаться на наших людей, которыми командовали в схватках в триисами?

– Нет, что вы!

– И так же будет в дальнейшем, уверяю вас. Земляне способны соблюдать дисциплину, хотя и соглашаются на это лишь по доброй воле.

Мы благополучно преодолели барьер между Этанором и Белюлем и выслали на разведку боевые космолеты. Несмотря на это, нас застали врасплох, что едва не стоило мне жизни.

Я оставил Рению с сыном в Хури-Хольдэ и отправился с Кельбиком навестить нашего друга археолога Люки. Он вел раскопки очень древнего города, если не ошибаюсь, там, где сегодня стоит Бордо. Он работал без перерыва, за

исключением наиболее опасных моментов, с самого начала подготовки к Великому Путешествию, и сумел за десять лет откопать целый ряд культурных слоев разных эпох. В самом древнем из городов Люки нашел множество интересных свидетельств о том человечестве, которое для нас было доисторическим, – о людях вашей эпохи.

На границе своих обширных раскопок Люки соорудил маленький, но удобный домик для себя и своих сотрудников с богатым винным погребом, потому что Люки был, как вы бы сказали, эпикурейцем. Мы уже навещали его не раз, чтобы отдохнуть и развеяться в компании археолога и его прелестной жены.

Люки показал нам свой котлован, освещенный и обогреваемый искусственным солнцем, так что, если бы не скафандры, мы могли бы подумать, что наступили старые добрые времена. Затем мы вернулись в дом, и я уже предвкушал приятный вечер среди настоящих друзей, вдали от всяких забот. Мы поужинали, и Люки достал почтенного вида бутылку, найденную, по его словам, во время раскопок. Но только он начал ее откупоривать, как земля слабо вздрогнула.

– Что это? – удивился я. – Землетрясение? Люки, видеофон с Хури-Хольдэ! Быстро!

Он осторожно поставил бутылку и направился к аппарату. Яркая вспышка снаружи внезапно и резко обрисовала его силуэт. Кельбик бросился к окну, я последовал за ним. Далеко за холмами поднимался огненный столб. На этот раз толчок был сильнее. Кельбик, бледнея, повернулся к нам.

– Похоже, это атомная бомба. Примерно в двухстах километрах к югу отсюда.

– Двести километров? Там, кажется, находится Телефор...

– Да. На нас напали, Орк! Кириос был прав.

– Надо возвращаться. Ты, Люки, и твои помощники тоже. Но сначала наденьте скафандры. А я попытаюсь связаться с Хури-Хольдэ...

Свет нестерпимой яркости залил комнату, и почти тотчас же страшный удар потряс дом. Еще одна бомба, на этот раз сравнительно близко. Люки метнулся к воздухопроводу, до конца открыл кран, затем попытался опустить рычажок возле двери.

– Скорее в убежище! – прохрипел он. – Переборка треснула, воздух уходит! Скафандры, берите с собой скафандры!

– Если еще одна бомба взорвется поближе, нам конец, – пробормотал один из его помощников.

Мы скатились вниз по лестнице и сгруппировались ввосьмером в подземном убежище. Археолог задраил герметический люк.

– Не теряйте времени на болтовню! – торопил я. – В скафандры – и к космолету. Да поживее!

Облачившись, мы открыли люк и поднялись в дом. Переборка двери окончательно сдала, и Люки горестно всплеснул руками при виде своей драгоценной бутылки, расколотой замерзшим вином. Несколько минут спустя мы все втиснулись в мой космолет и на полной скорости помчались к Хури-Хольдэ, бросив на произвол судьбы все находки археологов. Люки был в отчаянии! Бомбы продолжали взрываться – только теперь они бесшумно вспыхивали на большой высоте, где их обнаружили сверхрадары

и перехватывали наши ракеты. Но все равно нас то и дело ослепляли эти взрывы, несмотря на защитные светофильтры. Оставив Кельбика за пультом управления, я связался с Советом.

Всего поверхности достигло семь бомб. Ничто не предвещало нападения. Бомбы внезапно устремились на Землю из пространства со скоростью, близкой к скорости света. В действительности же это Земля неслась с такой скоростью навстречу бомбам. Большая часть Телефора исчезла, и наши потери уже достигали десяти миллионов человек. Остальные бомбы упали в пустынных местностях или взорвались до соприкосновения с поверхностью Земли и почти не причинили ущерба, потому что взрывались в пустоте. Тем не менее одна из них превратила в развалины обсерваторию Алиор.

Кириос встретил меня в Солодине в окружении своего генерального штаба из землян и тилийцев. Он мне кое-что объяснил.

– Кто нас атаковал? – спросил я.

– Пока у меня нет точных данных. Знаю только одно: Землю не обстреливали управляемыми снарядами. Это космические мины.

– Космические мины?

– Мы сами хотели таким образом обезопасить подступы к Тилии, но это требовали средств, которых у нас тогда не было. Наш космолет выудил одну такую мину. Это маленький автоматический корабль, выведенный на удаленную орбиту вокруг самой внешней планеты. Его притягивает любое достаточно массивное тело. Опознавательная система на особой частоте электромагнитных волн позво-

ляет противнику избегать столкновения со своими игрушками. Сейчас мы ее изучаем и, надеюсь, скоро сможем сами передавать нейтрализующий сигнал на нужной волне. Тогда эти мины нам будут не страшны.

– Меня беспокоит не столько сама эта атака, – сказал я, – сколько промышленный и технический потенциал врага. Он должен быть очень велик, чтобы рассеять в пространстве достаточное количество таких мин. Если наши противники действительно потомки экипажа одного из наших пропавших звездолетов, трудно поверить, чтобы они за столь короткий срок достигли такого высокого уровня развития. Одно из двух: либо это гении, либо... они здесь не одни!

Кириос пожал плечами.

– Скоро мы это узнаем. Еще неизвестно, на какой планете или планетах базируется враг.

– По последним данным, в этой системе всего четырнадцать планет, из них три с кислородной атмосферой.

– Орк, могу я отправить эскадру в разведывательный рейд?

– Да, если считаете нужным. Во всем, что касается обороны, я полагаюсь на вас. Конечно, нельзя бросаться очертя голову на врага, о котором ничего не знаешь. Тем более на сильного врага, а в том, что он силен, мы уже убедились.

Спустя несколько дней три корабля, оборудованных особой радарной системой, позволявшей избегать столкновения с космическими минами, вылетели на разведку.

ТЕЛЬБИРИЙЦЫ

Я был поглощен вместе с Кириосом организацией обороны наших планет, а Кельбик, по своему обыкновению, по целым дням, а то и по неделям не выходил из лаборатории. Поэтому лишь через двенадцать дней после отлета разведчиков я забеспокоился и осведомился о нем. К своему величайшему удивлению и неудовольствию, я узнал, что он отправился в рейд на одном из кораблей. О том, чтобы отозвать его на волнах Хэка, не могло быть и речи. Три космолета составляли боевую единицу, звено, и если вернуть один из них, два других остались бы фактически беззащитными. Тем более нельзя было ни отменить, ни отсрочить разведывательный рейд. Мы слишком быстро приближались к системе Белюля даже при нашей теперешней «умеренной» скорости.

Я вызвал «Берик», космолет, на котором был Кельбик. Экран светился, и на нем появилась его лукавая физиономия.

– Кого я вижу? Орк! Наконец-то ты вспомнил, что я существую. А мне казалось, что меня тебе давно уже не хватает!

– Что это тебе взбрело? Ты мне нужен здесь сейчас же!

– Да? А вот мне нужно, чтобы я был там, где я есть, чтобы проверить кое-какие теории... Кроме того, не в обиду будь сказано тилийским офицерам и нашим собственным космонавтам, я полагаю, что стоит сделать некоторые наблюдения, которые им не под силу...

– Хорошо. Во всяком случае, спорить поздно. Но ни в какие стычки не ввязываться – понятно? Где вы сейчас?

– Примерно в пятидесяти миллионах километров от внешней планеты. Надеемся добраться до нее через не-

сколько часов. Мы уже тормозим вовсю. У этой звезды мощное космомагнетическое поле, поэтому здесь возможно гораздо более сильное позитивное ускорение, чем возле нашего старого бедного Солнца!

– Ладно. Как только будет о чем доложить, вызывай!

Кельбик вызвал меня только на следующий день.

– Мы приземлились благополучно. Никакого сопротивления, и до сих пор – никаких следов того, что планета осваивалась. Атмосферы нет, почва – замерзший метан, почти никаких скальных выходов. Тяготение – 1,5 g.

Так разведчики перелетали от планеты к планете, не встречая ни малейших следов жизни, пока не добрались до внешнего спутника шестой планеты, огромной, как Юпитер, – ее окружал целый рой из пятнадцати планетоидом.

Они начали приближаться к спутнику, как вдруг из черной расщелины на них ринулись десять сферических аппаратов. Несколько минут продолжалась яростная схватка, все подробности которой мгновенно передавались на наши экраны и регистрировались. Два наших корабля взорвались, космолет Кельбика, видимо поврежденный, начал падать на поверхность спутника. Из десяти вражеских кораблей осталось только два: наши ракеты оказались эффективными.

Из динамика до меня донесся спокойный голос Кельбика:

– На этот раз мы попались, Орк. Нас уцелело всего трое. Попробуем сесть, не сломав себе шею. Насколько могу судить, враг использует излучение, взрывающее космомагнетические двигатели, вроде наших волн Книла. Если это то же самое, ты знаешь, что надо делать, чтобы их

нейтрализовать. К счастью, я вовремя понял и выключил двигатели. Сейчас мы в свободном падении. У самой поверхности попробую резко затормозить. Надеюсь, враг считает, что мы вышли из игры, и не держит нас больше под своим излучением. В противном случае – прощай! Мы уже в десяти километрах... в пяти... в трех... Торможу!

Взрыва не последовало. «Берик» тихо спустился на замороженную поверхность спутника. Два вражеских корабля были еще высоко.

– Мне кажется, они не знакомы с нашими волнами Хэ-ка, – хладнокровно продолжал Кельбик. – Во всяком случае, они переговариваются между собой на электромагнитных волнах. Поэтому я не выключаю наш передатчик. Видимо, они возьмут нас в плен, чтобы вытянуть из нас как можно больше сведений...

– Не беспокойся! – оборвал я его. – Усиленная эскадра немедленно вылетает на помощь. Мы уже гораздо ближе к вам, и мы не будем задерживаться на внешних планетах, поэтому ждите нас через пять дней. Держитесь! Если придется туго, расскажи им какие-нибудь пустяки... Постарайся выиграть время!

– Понял. Но только не прилетай сам! Ты нужен Земле.

– Видишь ли, дело в том, что мне лично нужно проверить кое-какие теории!... А кроме того, здесь команду я, и я буду делать то, что мне нравится!

– Внимание! Вот они...

На экране я увидел, как Кельбик склонился к одному из расшторенных иллюминаторов. Снаружи по ледяной равнине осторожно приближался десяток фигур, прячась за отдельными глыбами. Скафандры деформировали их,

но они походили на человеческие. Затем послышались удары в дверь шлюза.

– Сопротивляться бесполезно, – обратился Кельбик к своим уцелевшим соратникам, Харлоку и Рабелю. – Мы погибнем без всякой пользы. Орк, я открываю! И выключаю изображение на своем экране. Так ты сможешь все увидеть, оставаясь невидимым.

Внутренняя дверь шлюза медленно открылась и в рубку вошли трое в скафандрах, с короткими пистолетами в руках. Они повернулись к экрану, и я подскочил от неожиданности: двое были людьми, но третий!... Я плохо различал сквозь прозрачное забрало шлема его лицо, однако мне показалось, что оно ярко-красного цвета.

Пока один из них держал Кельбика и его товарищей под прицелом, двое других сняли шлемы. Первый оказался еще молодым человеком с коротко подстриженными светлыми волосами. Второй... второй не был человеком. Под куполом лысого черепа и морщинистым лобиком сверкали три глаза, расположенных треугольником – средний выше двух крайних, – лицо было пурпурного цвета, без носа, щелевидный рот с роговыми, как у рептилии, губами. Человек заговорил, и я понял его речь: он говорил на староарунакском, от которого произошел наш универсальный язык.

– Вы – пленники. Не пытайтесь бежать, иначе – смерть.

Кельбик небрежно облокотился на передатчик, заложив одну руку за спину – для врагов она была незаметна, но я ее прекрасно видел.

– Хорошо, – сказал он, – мы сдаемся.

Однако пальцы его в то же время лихорадочно сплета-

лись и расплетались, образуя фигуры алфавита карин, который мы все выучивали студентами, чтобы переговариваться в аудитории незаметно для профессоров. Он передавал:

«Попытаюсь узнать, куда нас поведут».

А вслух спросил:

– Но кто вы такие? Почему вы на нас напали. Мы только исследовали эту солнечную систему, не зная даже, что она обитаема...

– Не лгите! Нам известно, кто вы и откуда! Вы с Земли. С Земли, которая отправила в изгнание наших предков, а теперь приближается к нашим границам!

Непритворно удивленный, Кельбик пожал плечами.

– Значит, вы потомки экипажа одного из наших гиперпространственных звездолетов, не так ли? Однако никто не отправлял их в изгнание. Все они были добровольцами!

– Еще одна ложь, – прорычал человек. – Я вижу, Земля не изменилась с тех пор, как изгнала наших праотцев. Но теперь настал час расплаты, и теперь вас ничто не спасет!

Пальцы Кельбика передали:

«Это сумасшедший».

– Что вы собираетесь с нами делать? – спросил он.

– Надевайте ваши скафандры, мы отведем вас в крепость Тхэр. Там вас допросят. Ваша судьба будет зависеть от вашей искренности. И знайте: у нас есть способы заставить говорить самых упрямых!

Кельбик не дрогнул, но Харлок и Рабель побледнели.

«Не бойся. Я не заговорю, остальные знают мало», – передал Кельбик.

Как и все текны, он не боялся пыток: особая подготовка позволяла ему усилием воли подавлять болевые ощу-

щения. Что касается гипноза, то и против него у текнов был выработан полный иммунитет. Кельбик рисковал только своей жизнью, не больше.

– А где он, этот ваш город Тхэр? – спросил он.

– На спутнике. Не считаю нужным от вас скрывать, – продолжал человек презрительным тоном. – Даже если бы вы сумели сообщить вашим приятелям о его местонахождении, это бы вам нисколько не помогло. Тхэр неприступен!

– Значит, никто и не будет пытаться его захватить! Хорошо, ведите нас к вашим начальникам. Может быть, они окажутся рассудительнее и поймут, что мы явились с мирными целями, когда вы на нас напали.

Человек злобно ухмыльнулся, затем, повернувшись к пурпурному чудовищу, издал серию щелкающих звуков.

– Да, я забыл вам представить К'нора, тельбирийца. Тельбирийцы наши добрые друзья и союзники. Прекрасные существа, преданные, исполнительные. Они для нас делают все, о чем ни попросишь. А какая верность – вы такой не знаете! Предупреждаю, я ему приказал испепелить вас на месте, если вы вздумаете сопротивляться.

«У меня в кармане микропередатчик на волнах Хэка. Перед уходом включу взрыватель космолета», – передал Кельбик.

– Будь по-вашему! – сказал он вслух. – Когда мы отправляемся?

– Сейчас же!

Вскоре они вышли, и через передний смотровой экран я видел, как все усаживаются в низкий бронированный экипаж. Затем изображение сразу исчезло. Сработал атом-

ный взрыватель, который Кельбик включил, выходя из шлюза, и теперь космолет представлял собой массу кипящего металла, совершенно бесполезную для врага.

Я немедленно вылетел во главе эскадры из ста боевых кораблей, назначив Хэлина своим заместителем на тот случай, если не вернемся. Двести других кораблей под командованием Кириоса поднялись вслед за нами, чтобы отвлечь на себя и уничтожить любого противника в космическом пространстве.

Долгие часы приемник Хэка молчал, и я уже начал опасаться худшего, когда из динамика снова послышался голос Кельбика.

— Орк, говорит Кельбик. У меня всего несколько секунд. Вход в крепость — между двух красных холмиков в ста километрах севернее остатков нашего космолета. Осторожно, вход сильно укреплен, и, боюсь, сквозь него вам не прорваться. Лучше атакуйте сверху перфокротами. Что с Харлоком и Рабелем, я не знаю. Меня старались загипнотизировать, пока без толку. Однако наркотиков еще не употребляли. Вот что я заметил. От входа ведет длинный туннель. Вы его легко нащупаете гравитометрами. Затем — ряд залов со шлюзами между каждым из них, и все очень сильно укреплены. Затем — большая шахта. Я на втором верхнем уровне. Командный пункт, где меня допрашивали, — на двенадцатом и, видимо, самом нижнем. Гарнизон немногочисленный: около двух тысяч людей и примерно столько же тельбирийцев, но в отношении последних я могу и ошибиться. Тельбирийцы физически очень сильны. Вооружение: помимо оружия, которое было у нас пятьсот лет назад, — несколько новых видов неизвестного дейст-

вия. Отношения между людьми и тельбирийцами – тут что-то нечисто. Люди неоднократно заявляли мне, что тельбирийцы – их верные союзники, чуть ли не слуги, но тельбирийцы ведут себя совсем не так. По меньшей мере они держатся с людьми как равные. Я подозреваю, что...

Внезапно голос умолк. Меня это встревожило, хотя Кельбик и предупредил, что время его ограничено.

Я связался с Кириосом на волнах Хэка.

– При таком положении вещей, – сказал он, – наша единственная надежда на успех – во внезапном, мощном и решительном штурме. Разумеется, остается один неизвестный фактор – тельбирийцы. Я присоединюсь к вам, оставив для прикрытия пятьдесят космолетов. У нас будет 250 кораблей и 28 тысяч десантников, и тогда сам черт не помешает нам взломать их оборону! Но надо спешить. Наши гиперрадары нащупали большую эскадру вражеских кораблей, которая летит от одной из внутренних планет на подмогу. Я приказал третьему флоту выдвинуться им навстречу.

Мы устремились к спутнику, на котором томились в плену наши друзья. Это был планетоид примерно в тысячу километров диаметром, весь изрезанный зигзагообразными ущельями, испещренный, как фурункулами, красноватыми холмами, и совершенно лишенный атмосферы. Когда эскадра Кириоса присоединилась к нам, со спутника поднялась дюжина вражеских кораблей. Последовала яростная и короткая схватка, озарившая пространство вспышками атомного огня, и мы прорвались, потеряв один космолет.

Капитанам был отдан приказ не мешкать, поэтому поверхность спутника приближалась с головокружительной

скоростью. Появились два красных холмика. Навстречу нам сотнями взвивались ракеты, но наши антигравитационные поля легко отклоняли их, и они не причиняли никакого вреда. Спустя несколько секунд два красных холмика перестали существовать. Мы спустились неподалеку и высадили десант. Кириос командовал боевыми силами, а я взял на себя всю технику. Быстро смонтированные гравитометры позволили нам с поверхности определить направление и глубину многочисленных туннелей. И тогда вступили в действие мощные перфокроты.

Я был встревожен: легкость, с которой мы высадились на спутнике, не сулила ничего хорошего. Противник либо отчаянно врал, уверяя Кельбика, что его позиция неприступна, либо, что гораздо вероятнее, не придавал обороне поверхности особого значения. В таком случае основные трудности встретят нас в подземном лабиринте. Но, может быть, враг просто не ожидал столь решительной атаки?

Высадив штурмовые отряды, почти все космолеты поднялись в пространство и образовали вокруг спутника защитную сеть. Перфокроты работали на полную мощность, и нам оставалось только ждать. Я воспользовался передышкой, чтобы попытаться вызвать Кельбика. Несколько минут я тщетно посылал сигналы, и наконец услышал ответ.

— Я знаю, что вы атакуете. Мне удалось в суматохе сбежать и спрятаться в заброшенной пещере. Они убили Харлока и Рабеля. Будьте осторожны, здесь хозяева тельбирийцы, а...

Связь пропала. Встревоженный, я обратился к Кириосу:

– Долго еще?

– Семь перфокротов дошли почти до свода туннеля. Они остановлены, чтобы другие могли их догнать. Штурм должен бить одновременным и массовым...

– А за это время они прикончат Кельбика!

– Понимаю, Орк. Но сейчас на карту поставлено гораздо больше, чем жизнь одного человека, даже если это гений и ваш друг!

– Да, знаю. Но все же поторопитесь!

Где-то очень высоко над нами яркая молния прорезала на миг космическую тьму. Несколько вражеских кораблей попытались было прорваться.

Наступил миг штурма. По приказу Кириоса перфокроты ринулись вниз, проломили своды и исчезли в туннелях. Десантники с антигравитаторами на поясах посыпались за ними следом. Я двинулся к одному из колодцев. Меня схватили за руки. Двое десантников оттаскивали меня от зияющего отверстия.

– Отпустите немедленно!

– Приказ генерала. Вы не должны туда спускаться.

– Что за глупости!

Я вызвал по радио Кириоса.

– Послушайте, Кириос, что это за шутки? Кто вам позволил?...

– Послушайте вы меня, Орк! Там, внизу, уже сидит Кельбик, и я считаю, что этого вполне достаточно. Земля не может себе позволить такую роскошь – потерять сразу вас обоих!

– Прикажите меня отпустить! Это приказ!

– Нет. Можете меня расстрелять, если хотите, но толь-

ко когда мы вернемся.

– Но ведь имею я право участвовать в спасении Кельбика!

– Нет. Вы не имеете права снова рисковать. К тому же от вас тут будет мало толку. Лучше всего – возвращайтесь немедленно под эскортом на Землю!

– Если вы думаете, что я боюсь...

– О нет! Мне порассказали о всех ваших подвигах, и я считаю, что вам давно пора бы понять, что вы гораздо полезнее у себя в лаборатории или в Солодине, чем здесь, в роли простого солдата. А теперь я спешу!

Он отключился.

Оставаться на поверхности спутника не было смысла, поэтому я вернулся в свой космолет и попытался еще раз связаться с Кельбиком. Никто не отвечал. Зато через некоторое время я услышал голос Кириоса:

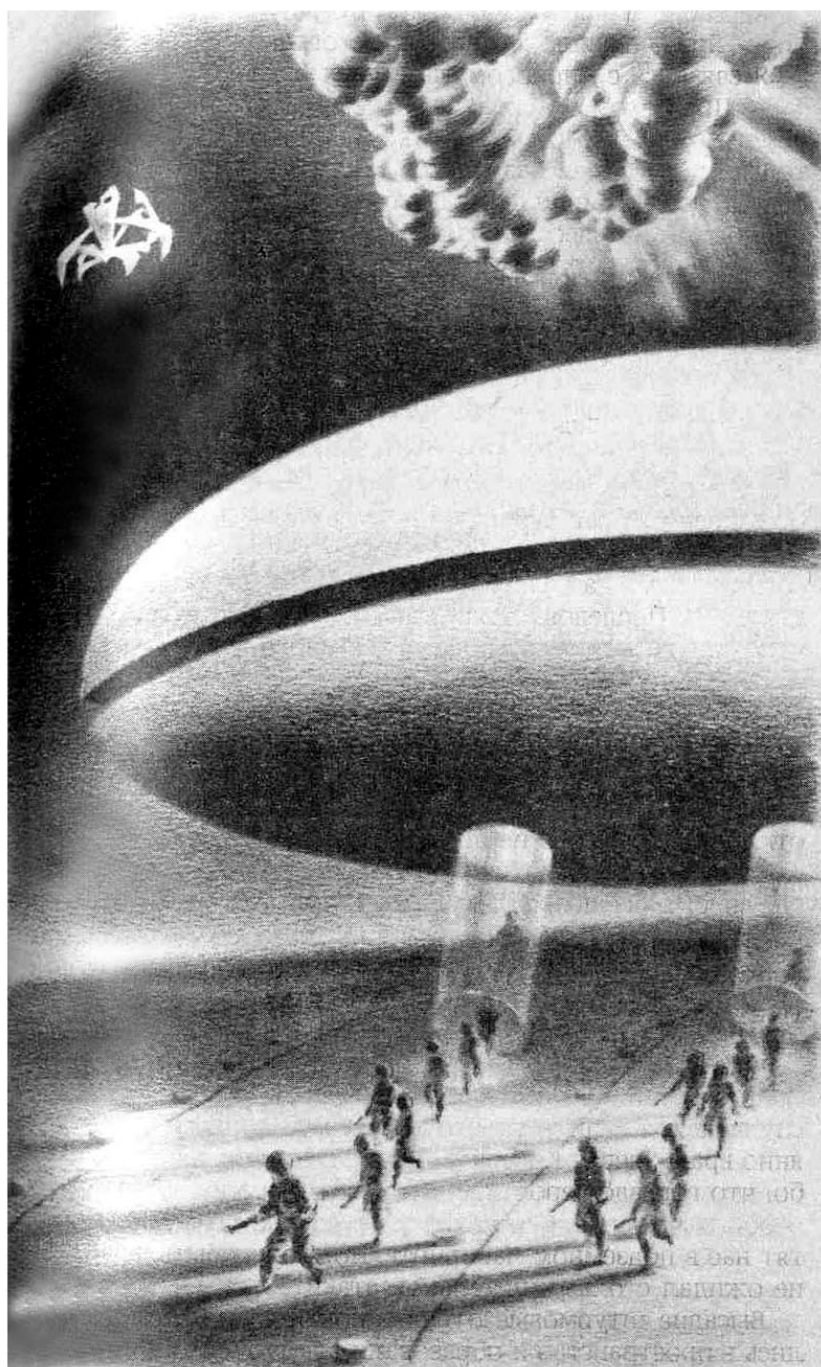
– Мы продвигаемся, Орк, но с большим трудом. У противника что-то вроде термических пистолетов – они, конечно, не стоят наших фульгураторов, но потери от них не меньше. Сейчас у входа в центральную шахту и готовимся к атаке.

– С кем вы сражаетесь? С людьми или с теми, трехглазыми?

– И с теми и с другими. Но мне кажется, Кельбик прав: эти краснорожие используют людей как пушечное мясо. Какие новости от разведывательных кораблей? Где флот противника, который они заметили?

– Пока ничего не известно.

Так я провел перед пультом связи не знаю уж сколько бесконечных часов, пытаюсь соединиться то с Кельбиком на волнах Хэка, то с нашим флотом, то с Кириосом. Этот хоть сообщал мне через неравные промежутки о том, как идут дела! Десантники пробивались все глубже, но несли тяжелые потери, несмотря на наше превосходство в оружии. Им не удалось напасть на след Кельбика, зато в одной из комнат они нашли тела Харлока и Рабеля. Их так зверски замучили, что Кириос не смог удержать своих солдат: они тут же расстреляли нескольких пленников.

Затем я получил сообщение от разведывательных космолетов. Вражеский флот насчитывал всего 60 кораблей. Тельбирийцы, видимо, еще не осознали всей величины нависшей над ними опасности. Я связался с Кириосом и с его согласия отдал приказ ста двадцати космолетам двинуться на перехват противника, поскольку наш третий флот был еще далеко.

Внезапно замигала лампочка вызова приемника на волнах Хэка.

— Орк, говорит Кельбик! Я замурован в самом конце заброшенного туннеля: когда тельбирийцы бросились за мной, я обрушил свод. Слышу грохот боя. Я на последнем, самом нижнем уровне, под машинным залом.

— Хорошо. Немедленно передам это Кириосу. Можешь ты сообщить что-нибудь полезное о противнике?

— Да. Люди всего лишь пешки в руках тельбирийцев. Возможно даже, что они действуют не по своей воле. Разумеется, они нас ненавидят, потому что уверены, будто их предки были изгнаны с Земли. Но тут есть еще кое-что. Когда я плутал по туннелю, я наткнулся на тяжелоранено-

го. Хотел помочь раненому, но он меня оттолкнул. Только перед самой смертью он вдруг избавился от кошмара и сказал: «В конце концов вы тоже люди. Опасайтесь краснорожих!...»

А, теперь я отчетливо слышу взрывы и крики! Наверное, наши люди ворвались в машинный зал. Он сообщается с моим туннелем через вентиляционную трубу, но она слишком узкая, не пролезешь. Надеюсь, меня скоро вызволят. Скорее бы! Между нами говоря, я сыт этим «непосредственным участием» в драке по самое горло. Теперь мне до конца жизни хватит! Нет уж, да здравствует моя лаборатория!

— Думаю, ты прав. Кириос держится того же мнения.

Я быстро сообщил Кириосу о нашем разговоре. Динамик задрожал от раскатов его хохота.

— Наконец-то! Наконец нашелся человек, который тебе это сказал! Тем лучше.

Час спустя Кельбик выбрался из подземелья вместе с нашими десантниками. От пяти тысяч человек, спустившихся в туннели, наверх поднялось всего две тысячи семьсот пятьдесят. Мы потеряли почти половину!

Все как попало набились в космолеты, и мы на полной скорости помчались к Земле. Я призвал Кириоса и Кельбика на военный сонет.

— Это было ужасно, — начал рассказывать Кириос. — Против нас было примерно две тысячи людей, если только их можно еще называть людьми. И около пятисот тельберийцев, не более. Зато они дрались как черти, гораздо отчаяннее наших солдат. Хорошо хоть, техника у них похуже — это как-то уравнивает силы. Иначе я бы посоветовал поискать другую звезду!

– Это бесполезно, – сказал Кельбик. – Насколько я понял, они уже нащупывают путь к практическому использованию гиперпространства. Один из людей похвалялся этим передо мной.

– Я тоже полагаю, что лучше раз и навсегда объясниться сейчас.

В тот момент, когда мы уже приземлялись близ Хури-Хольдэ, я получил сообщение от нашего флота. Противник уничтожен. Но от третьей планеты прямо на нас стремительно движется целая армада. Я приказал разведывательным космолетам отступить.

Мы с Кириосом приложили все усилия, чтобы в кратчайший срок подготовиться к обороне. В известном смысле я был даже доволен, что враг нападает: мы сможем сражаться поблизости от своих баз, а это уже большое преимущество. Все наши города были скрыты глубоко под землей, и особые потери им не грозили. Земля, а следом за нею Венера усиливали торможение с каждым часом, но все еще продолжали мчаться к системе Белюля с головокружительной скоростью. Разумеется, наше появление должно было как-то нарушить равновесие системы, однако после того, как мы определили массы различных планет, расчеты показали, что нам удастся вывести наши миры на подходящие орбиты, не вызвав мирового катаклизма.

Вскоре после моего возвращения один из сторожевых космолетов примчался к Хури-Хольдэ на предельной скорости: он доставил первого пленника, живого человека, найденного в скафандре на разрушенном вражеском корабле. Я приказал немедленно его привести.

Он прибыл под охраной двух гигантов, которых Кириос выбрал для моей личной охраны. Это был человек среднего роста, довольно хрупкий, очень смуглый, с живым и открытым взглядом. Дождавшись прихода Кириоса, я начал допрос.

Его звали Элеон Рикс. Возраст – 32 тельбирийских года (на вид ему было не больше двадцати пяти земных лет). Он был на корабле инженером.

– Почему вы на нас нападаете? – спросил я. – Мы пришли к вам с миром. Наше Солнце взорвалось, но нам удалось спасти наши планеты, единственное, чего мы просим, – это света какой-нибудь звезды. Мы не хотим врываться к вам силой, хотя ваша звезда могла бы согреть еще десяток планет! Мы не хотим войны. Перед тем, как достичь вашей солнечной системы, мы прошли через систему Кириоса Милонаса, которого вы видите, но поскольку его соотечественники отказали нам в гостеприимстве, мы мирно удалились. То же самое могло быть и здесь...

Я умолчал, что далеко не был в этом так уверен!

Несколько секунд он молчал, затем презрительно усмехнулся.

– Значит, после того, как вы изгнали наших предков, вы явились кланчить местечка возле нашего солнца!

– Мне хотелось бы знать, откуда взялась эта дурацкая легенда, – сказал я. – Мы никогда не изгоняли ни ваших предков, ни предков Кириоса Милонаса, и вообще ни одного из тех, кто улетал на гиперпространственных звездолетах. К сожалению, только один звездолет сумел вернуться на Землю – вы это знаете?

– Откуда мы можем знать? Вы хотите сказать, что не-

управляемость гиперпространственных двигателей была случайностью? Ха!

– Мы до сих пор не умеем как следует использовать гиперпространство! А что мы умели пятьсот лет назад? От какого экипажа вы приходите? Кириос – потомок третьего.

– А я – одиннадцатого, если верить преданию. Сколько их было всего?

– Шестнадцать. Вернулся только четвертый звездолет, и то по счастливой случайности.

– Значит, то, чему нас учат с детства, ложь? Нам говорили, что земляне на случай катаклизма, который, по вашим словам, все-таки разразился, решили рассеять по космосу род человеческий и отправили наугад обманутых людей, не сказав им даже, что они никогда не смогут вернуться. Значит, это выдумки? Ну и ну!

– Но послушай, звездолет ваших предков стартовал где-то между 4120 и 4125 годами. А первый отправился в космос в 4107 году. Следовательно, ваши предки прекрасно знали, что и они рискуют не вернуться!

– Они могли рисковать своей жизнью, согласен, но ведь их просто предали!

– Уверяю вас, никакого предательства не было. Хотите верьте, хотите нет. Я ничего так не желаю, как прекратить эту войну. А к чему стремитесь вы?

– Уничтожить вас! А если это невозможно, изгнать вас из нашей системы!

Я пожал плечами.

– Боюсь, что теперь говорить об этом поздно. Если бы вы встретили нас мирно, как народ Кириоса, тогда, может

быть... Но сейчас мы здесь, и мы здесь останемся. Мы устали блуждать в межзвездной ночи!

– В таком случае – война!

– Пусть будет так. Значит, мы враги, если только ваше правительство не решит иначе. Потому что вы, в конечном счете, всего лишь бортинженер планетолета. На каком принципе основано действие ваших двигателей?

– Я этого не скажу никогда!

– Я и не ожидал, что вы все расскажете по доброй воле. Но у нас есть способы... Последний вопрос: кто эти существа, которые сражаются вместе с вами? Ваши союзники? Или слуги? Это аборигены?

– Какие существа? Мы здесь одни. На Тельбире не было никого, когда мы его нашли.

– Перестаньте шутить! Вы прекрасно знаете, о ком я говорю. О трехглазых гуманоидах с пурпурно-красной кожей, которые всюду вам сопутствуют!

– Что это за сказки?

Он, казалось, был и в самом деле ошеломлен.

Я сказал несколько слов по интерфону, и на стенном экране началась демонстрация одного из фильмов, заснятых во время подземного сражения. Рикс явно недоумевал.

– Да, это подземелья Тхэра. А человек, который сейчас упал, это Дик Ретон, мой бывший капитан на «Пселине». Но что это за чудовища с красной кожей?

Другой фильм показал, как был захвачен в плен сам Рикс. На заднем плане в искореженном проходе отчетливо были видны два гуманоида.

– Ничего не понимаю! Это мой корабль, и это действительно я. Но кто эти чудовища? Вы сделали комбиниро-

ванный фильм, фальшивку, но зачем? А, ясно – для пропаганды! Вы хотите выставить нас перед своим народом как союзников отвратительных тварей!

– Фильм не подделанный, – вмешался Кириос. – Эти «чудовища», как вы их называете, были для нас в десять раз страшнее, чем ваши люди. Вы что, притворяетесь, будто ничего о них не знаете, или вам память отшибло?

– Ну, пошутили, и хватит! – взорвался я. – В последний раз спрашиваю: будете отвечать на вопросы? Нет? Тем хуже для вас, придется прибегнуть к психоскопу. Предупреждаю, это крайне болезненно, и после психоскопа вы превратитесь во взрослого младенца без воли и без разума.

Он побелел.

– Ну что вы теряете, если заговорите? Так или иначе мы все равно все узнаем!

– Я не стану добровольно предателем. Делайте со мной, что хотите.

– Будь по-вашему. Я восхищаюсь вами, но мне вас жаль!

Стража увела его, и я последовал за ними, чтобы самому провести допрос под психоскопом. Телиль, Властитель разума, и Рхооб, Властитель психики, приняли нас в своей лаборатории.

– Аппарат готов, Орк, – сказал Телиль.

Психоскоп представлял собой низкое ложе с металлическим шлемом, который надевался на голову допрашиваемого, и крепкими ремнями, чтобы удерживать его. Рикс позволил себя уложить и привязать без сопротивления и без единого слова протеста. Шлем укрепили на его голове.

Телиль что-то поправил, приладил, затем подошел к пульта. Свет померк, послышалось тихое жужжание. Черты Рикса немного расслабились.

При первом же вопросе он заговорил. Он рассказал нам все, что знал о Тельбуре: население насчитывало около восьмисот миллионов, промышленность была хорошо развита. На планетолетах они устанавливали довольно остроумную разновидность космомагнетических двигателей. Они еще не научились использовать гиперпространство, полагали только, что нащупали путь, но что это был за путь, он не знал. Они верили, что с их предками сыграли зловещую шутку, что земляне отправили их осваивать неведомые миры обманом, без их согласия. Он подробно рассказал все, что ему было известно о военной организации Тельбира. Но, как мы ни бились и какие только вопросы ни задавали, не сказал ни слова о краснокожих гуманоидах.

Мы оставили его лежать под надежной охраной, чтобы он отдохнул.

— Вы уверены, Телиль, что человек под психоскопом не может лгать? — спросил я.

— Абсолютно уверен. Он подавляет всякую волю, всякое сопротивление, даже подсознательное.

— В таком случае, одно из двух: либо у всех нас галлюцинации, либо...

— Либо эти краснокожие чудовища обладают способностью неизмеримо более глубокого внушения, чем мы, тренирующие текнов, и это позволяет их союзникам сопротивляться даже психоскопу. Вы бы, например, не выдержали, Орк. Вы бы просто не уснули. Вас нельзя загип-

нотизировать. Но если бы удалось вас усыпить, вы были бы не лучше других.

– Но, в конце концов, этот человек должен был жить в постоянном контакте с этими существами! Их было двое на его корабле. Почему же у него не сохранилось никаких воспоминаний?

– Очевидно, потому, что очень сильные умелые гипнотизеры внушали ему чуть ли не с пеленок, чтобы в определенных обстоятельствах он об этом сразу и окончательно забыл!

– Но ведь забыть ничего нельзя! Это физиологически невозможно!

– Ну если слово «забыть» вас не устраивает, скажем, что эти воспоминания прячутся на таком глубоком уровне сознания, который недоступен психоскопу.

– Это сейчас не столь важно! – вмешался Кириос. – Главное – а это теперь очевидно, – что люди здесь – всего лишь марионетки, а хозяева – те, другие! А мы о них ничего не знаем, кроме их физического облика, и того, что они дерутся как черти!

Как только пленник проснулся, я пришел к нему.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо. Вы еще не допрашивали меня под этим вашим аппаратом?

– Уже допросили.

– Но почему же... Я ничего не почувствовал и полагаю, что несколько не поглупел!

– Все это я говорил, чтобы вас напугать, чтобы сделать вас восприимчивее к внушению. Психоскоп никому еще не причинил зла. Обычно мы им пользуемся для психоте-

рапии. Прошу извинить, что подверг вас этому испытанию без вашего согласия. Ставка слишком велика, я не имел права даже колебаться, и тем не менее я стыжусь того, что сделал. В общем, вы рассказали нам много полезного, но ничего, абсолютно ничего об этих краснокожих чудовищах.

– Может быть, их вообще не существует? – спросил он насмешливо.

– К сожалению, мы знаем, что они существуют! Есть другое, гораздо более страшное объяснение, что вы, люди, являетесь безвольными слугами этих чудовищ и что они вам внушили начисто забыть об их существовании, едва вы выйдете из-под их умственного контроля. На вашем корабле с экипажем из двадцати трех человек было два таких существа. И еще одна любопытная деталь. Психоскоп обнаруживает самые далекие воспоминания, даже впечатления первых дней вашей жизни. Так вот, вы не помните, кто вам сказал, будто ваших предков изгнали с Земли, и вы не помните, *когда* вам это сказали в первый раз. Я спрашиваю себя, не внушили ли вам и это те же чудовища?

– Это смешно! Я прекрасно все помню! Это входит в школьный курс истории для первого класса!

– Да, это ваше первое отчетливое воспоминание. Но подумайте. Вы уверены, что не знали об этом раньше?

– Хм... нет. Я, конечно, должен был знать. Но это ничего не доказывает!

– Вы бы согласились еще раз подвергнуться действию психоскопа, но на сей раз добровольно, без гипноза?

– Это еще зачем? Чтобы я выболтал то, чего не хочу говорить?

– Вы уже и так все сказали!

И я коротко изложил все, что мы узнали от него о Тельбуре.

Он поколебался немного, потом махнул рукой.

– В конечном счете, мне терять нечего!

На этот раз по доброй воле он вытянулся на ложе. На него надели шлем.

– Я чувствую какое-то покалывание... Голова немного кружится...

– Это пустяки, все нормально. Попробуйте теперь вспомнить.

Из-под шлема на меня вытаращились изумленные глаза.

– Потрясающе! Я подумал о книге, которую один раз прочел двадцать лет назад. И сейчас вспомнил ее слово в слово!

– Постарайтесь вспомнить, кто рассказал вам эту легенду о ваших предках...

Он сосредоточился и вдруг с воплем животного ужаса сорвал шлем с головы.

– Нет! Нет! Это неправда!

– Кто это был?

– Р'хнехр! Один из них! Вы правы, они существуют! Я не хочу о них вспоминать, не хочу!

– Вы должны, как для вашего народа, так и для моего!

– Да, я знаю. Теперь аппарат не нужен, может быть, только для подробностей. Словно завеса спала... Рабы, вот кто мы для них такие. Рабы... и убойный скот!

Мы вернулись в мой кабинет и записали длинный рассказ Рикса.

Их звездолет опустился на Тельбир после восьми лет странствий. Планета оказалась похожей на Землю, и поскольку экипаж потерял всякую надежду вернуться на родину, они обосновались здесь окончательно. На материке, где они приземлились, были только животные. В течение нескольких веков люди трудились и множились. Затем однажды на большом острове посреди океана они обнаружили аборигенов. Это были гуманоиды, стоявшие на уровне неолита. Их было довольно много, несколько сотен тысяч. Надеясь найти в них полезных помощников, люди перевезли множество аборигенов на материк и наполовину цивилизовали. В течение еще одного столетия все шло хорошо. Р'хнехры были послушны, сообразительны и преданны, по крайней мере с виду. Они мало что смыслили в физических науках, зато в области психологии обладали обширными познаниями, которые тщательно скрывали. С бесконечным терпением они ждали своего часа, сначала как батраки на фермах, затем как писари, мелкие служащие, учителя в своих собственных школах, поглощая все, что могло быть им полезным из знаний землян, и ничего не открывая из своих секретов. И всегда такие покладистые, такие услужливые! Затем, в один день, восстание, захват власти и превращение людей в рабов.

— Все это я знаю, потому что они сами мне рассказывали, — говорил Рикс. — Они ничего не скрывали, наоборот, были счастливы нас помучить. И ни о каком возмущении не могло быть речи! С самого детства, еще до пробужде-

ния сознания, нас гипнотизировали, воспитывали, внушали нам, что хотели. Позднее время от времени какой-нибудь р'хнехр смеха ради открывал нам истину. Мы страдали день, другой, а потом он приказывал нам забыть. Все остальное время мы жили в твердой уверенности, что мы господа, а они – наши слуги. Это их забавляло. Поскольку, несмотря на всю их смышленность, они плохие ученые, люди стали их физиками, их инженерами, их натуралистами. Те, у кого есть способности. Остальные – рабы р'хнехров, к тому же фанатически преданные своим господам, хотя эта преданность и внушенная, не добровольная. И всегда приказ: если попал в руки чужаков, забудь, что мы существуем, – на Тельбире живете только вы, земляне! А для самых слабых и наименее способных из нас еще более страшная участь-участь убойного скота: они нас едят!

– Итак, – сказал я, – задача номер один: захватить людей и уничтожить тех, других.

– Нет, Орк, – возразил Кириос. – Это задача номер два. А номер один свалится нам на головы через несколько часов: их флот!

– Не удивительно, что они показались нам такими грозными воинами! Разумеется, они не могли так сразу овладеть сознанием наших людей, но, очевидно, сумели достаточно исказить представление о себе, чтобы показаться нашим солдатам демонами войны, – предположил я.

– Возможно. Однако на Кельбика они не произвели такого впечатления.

– Кельбик – текн и прошел психологическую подго-

товку. Думаю, нам придется подвергнуть такой же обработке большую часть наших солдат, во всяком случае кадровых военных. Так мы и сделаем после этого сражения. Если только мы его выиграем.

— Мы его выиграем! — бросил Кириос. — До скорой встречи, Орк. Мне нужно отдать приказы.

Я остался с Риксом. Он плакал, плечи его сотрясали тяжелые рыдания, рыдания сильного мужчины, чей внутренний мир рухнул. Я приблизился к нему, и он поднял голову.

— Я не себя оплакиваю... Я освободился, за сотни лет я первый свободный человек из всего моего народа! Но что будет с другими? Они все погибнут, все пойдут на смерть, лишь бы защитить этих проклятых р'хнехров!

— Боюсь, что в этом сражении действительно погибнет немало людей и с вашей и с нашей стороны. Но на будущее мы попытаемся что-нибудь придумать.

Я нажал кнопку связи с моей лабораторией, которая фактически давно уже перешла в руки Кельбика.

— Кельбик!

— Что еще? А, это ты, Орк. Тебе что-нибудь нужно?

— Чем ты сейчас занимаешься?

— А чем еще я могу заниматься? Гиперпространственным звездолетом, разумеется! У нас есть кое-какие успехи...

— Оставь свой звездолет, есть дело более срочное. Ты мне нужен, ты и весь твой питомник юных гениев!

За спиной Кельбика я заметил молодого Хокту, который награждал меня разъяренным взглядом.

— Немедленно свяжись с Телилем и Рообом и займись

психотехническим оружием. Не смотри на меня так! Я сейчас пришлю тебе запись разговора с одним пленным, и ты все поймешь. Это срочно! Это вопрос жизни или смерти для восьмисот миллионов людей с Тельбира, не считая бесчисленных жертв, которые нам самим придется принести, если ты потерпишь неудачу...

— Черт побери!

— Я говорю серьезно, Кельбик. Брось все силы на разработку проекта... как же его назвать?... проекта «Дезинфекция». Речь идет о том, чтобы избавить Тельбир от паразитов. Я рассчитываю на тебя.

Красная лампочка срочного вызова зажглась на моем пульте. Я прервал разговор с Кельбигом, и сразу же включился Кириос:

— Орк! Сражение началось! Землю атакует тысяча две-сти аппаратов, Венеру — шестьсот. Мы можем выставить две тысячи четыреста кораблей, кроме того, у нас есть телеуправляемые торпеды. Я опасался худшего.

— Захватите как можно больше пленных!

— Пленных? В космическом сражении? Ладно, попыта-емся.

Ожесточенная битва продолжалась семнадцать дней. Кириос старался беречь людей. Мы были еще далеко от солнца, и все наши подземные города прикрывал толстый слой замерзшего воздуха и льда. Поэтому Кириос, пренебрегая опасностью бомбардировок, которые не могли причинить особого ущерба, держал основные свои силы в плотном строю вблизи наших планет, чтобы воспрепятствовать высадке десанта. Одна водородная бомба, отклоненная мощными антигравитационными полями, взорва-

лась в ста километрах от Хури-Хольдэ и на несколько минут возродила в этом районе атмосферу, отравленную радиацией. Далеко в черном небе то и дело вспыхивали сверкающие эфемерные звездочки, отмечая гибель очередного корабля, чаще вражеского, чем нашего. Со всех боевых эстакад, установленных Кириосом, телеуправляемые снаряды устремлялись ввысь почти непрерывным потоком. На семнадцатый день, потеряв четыре пятых своих кораблей, враг отступил. Наши потери не превышали одной десятой от первоначального числа космолетов. Нам удалось захватить всего двадцать пленников, но среди них – одного р'хнехра.

В эти дни я тоже не терял времени даром.

Продолжая координировать военные действия, я по несколько часов ежедневно проводил в лаборатории, где работал со своей группой Кельбик. Он собрал вокруг себя цвет научной мысли Земли – лучших математиков, физиков, биологов и психологов. Они штурмовали проблему со всех сторон, упорно и ожесточенно. Рикс был включен в группу как единственный первоисточник сведений о враге. Вскоре он начал оказывать и практическую помощь, потому что оказался талантливым инженером. Никто не мог быстрее него собрать любой экспериментальный прибор. Он работал иступленно, напрягая все силы и волю, чтобы отомстить за вековое рабство и страдания своего народа.

Но я не мог постоянно следить за ходом работ из-за недостатка времени. К тому же с тех пор, как я взял и свои руки судьбы Солодина и обеих планет, у меня не было возможности заниматься серьезными исследованиями, и я

чувствовал, что отстал не только от Кельбика или Хокту, но даже от некоторых других юных физиков. Поэтому я был поражен, когда на двадцать пятый день Кельбик спокойно объявил мне по видеофону:

– Дело сделано, Орк. Проблема решена, во всяком случае в лабораторном масштабе. К тому же она была проста, нужно было только подумать. Разобщенность наук – это какой-то идиотизм! У Телиля давно уже были все данные, а у нас – математический аппарат, правда, созданный совсем для других целей. Достаточно было подобрать к психическим волнам орковское уравнение – да, да, твое собственное! – разумеется, соответственно перестроив его, а затем применить к результатам мой анализ, и мы получили новое уравнение, которое допускает два решения, позитивное и негативное. Негативное решение дало нам ключ. Я тебе все объясню потом...

Аппарат, установленный на большом столе в центре лаборатории, представлял собой невообразимое переплетение проводов с гроздьями ламп и блоков, над которым возвышалось нечто вроде прожектора. Вокруг гомонила целая толпа до крайности возбужденных молодых текнов.

– Ты особенно не присматривайся к этому чудищу, – предупредил Кельбик. – Все это состряпано на скорую руку, половина деталей здесь вообще ни к чему, но он работает.

– И каковы результаты?

– Мгновенное пробуждение памяти, как под психоскопом, но без каски, на расстоянии. Хочешь попробовать? Помнишь, какими словами ты меня встретил в первый раз? Ты можешь вспомнить?

– Конечно, нет. Я даже не помню точно, когда мы

встретились!

– Встань вон там. Сейчас я включу прожектор. Ну вот... А, черт побери!

С сухим треском вылетел один из прерывателей.

– И так всегда! Все работает превосходно, а едва захочешь продемонстрировать... Но что с тобой?

В одно мгновение передо мной пронеслась вся моя жизнь, и в том числе эпизоды, о которых я предпочел бы не вспоминать. Я сказал об этом Кельбику. Он замер от изумления, а потом пустился в пляс.

– Прекрасно! Превосходно! В жизни я бы не догадался! Это устраняет последние трудности. Я думал, нам придется длительное время подвергать Тельбир мнемоническому излучению и потом сбрасывать на парашютах подготовленных нами пленных, чтобы они уговаривали остальных напрячь память и вспомнить... Теперь в этом нет нужды! Ты воспринял короткий импульс большой мощности в момент разрыва цепи. Это можно усовершенствовать, сделать излучение прерывистым, импульсным. И тогда, я думаю, р'хнехрам придется перед смертью провести веселенькие четверть часа, если только это вообще продлится четверть часа! Разумеется, такое озарение памяти не может длиться долго, но если многие воспоминания и сотрутся, самые важные останутся.

– Главное – узнать, достаточно ли этого излучения, чтобы преодолеть силу внушения р'хнехров?

– Мне кажется, у нас есть несколько пленных. Пусть их приведут! И пусть притащат этого краснорожего крокодила!

Я отдал приказ, и вскоре в лабораторию ввели под

усиленной охраной два десятка пленников. За ними клетке на колесах вкатили р'хнехра.

– Начнем по порядку, – сказал Кельбик. – Сначала испробуем на одном человеке. Давайте сюда кого-нибудь!

Перед прожектором поставили светловолосого юношу с горящими от ненависти глазами. Кельбик включил аппарат. Он подействовал молниеносно. Юноша схватился за голову, зашатался, безумным взглядом обвел лабораторию. Рикс бросился к нему.

– Что со мной? – пробормотал юноша. – Этого не может быть, это неправда...

– К сожалению, правда, – сказал Рикс. – Ты откуда, друг?

– Из Рандона, маленькой деревни, что в шестидесяти километрах к востоку от столицы. Я был механиком на «Тиалпе».

– Значит, ты знаешь капитана Илкана?

– Знал. Он погиб. Но ты сам тельбириец?

– Я был на «Филиане». Меня взяли в плен после сражения под Тхэром. Я здесь уже давно...

– Хватит, успеете потом наговориться, – прервал их Кельбик. – Давайте другого, вот этого толстяка.

На этот раз эффект был не столь мгновенным, но таким же верным. Со сдержанной ненавистью толстяк выложил, глядя в лицо р'хнехра, весь свой запас самых страшных ругательств. Остальные пленники смотрели, ничего не понимая.

– А теперь всех остальных, – сказал Кельбик. – Всех сразу! С изолированными индивидуумами и так все ясно.

Он направил прожектор на группу тельбирийцев.

Тщетно пытались они увернуться: Кельбик хлестал их незримым лучом, вырывая крики ужаса и отчаяния. Затем все смешалось. Все пытались говорить одновременно, проклинали р'хнехров, выкрикивали проклятья, оплакивали участь близких и родных, оставшихся на Тельбире. Внезапно один из тельбирийцев выхватил из-за пояса у Кельбика фульгуратор и, прежде чем его успели удержать, испепелил р'хнехра в его клетке.

— Теперь убейте меня, если хотите! — прорыдал он. — Эти звери съели мою сестру...

— Сомнений больше нет, — сказал я. — Остается только смонтировать такие прожекторы на космолетах и отправить их на поиски вражеских кораблей. После этого мы можем высадиться и...

— У меня другой план, Орк. А если подвергнуть облучению весь Тельбир?

— На это потребуется слишком много прожекторов. Правда, если проводить операцию с большого расстояния...

— Это невозможно. Мнемоническое излучение ослабевает в геометрической прогрессии по отношению к дальности. Для того чтобы оно оставалось эффективным, первоначальный импульс должен быть чудовищной мощности. Этого нельзя сделать с космолетов. Но если мы установим огромные прожекторы на Земле...

— А на какое расстояние нужно будет подойти к Тельбиру?

— Исходя из мощности ста тысяч киловатт — больше наши аппараты теоретически не выдержат, — примерно на три миллиона километров.

— Практически невозможно, Кельбик.

– Почему?

– На таком расстоянии между Землей и Тельбиром возникнет такое сильное взаимное притяжение, что понадобится очень сложный маневр, чтобы избежать столкновения. Не говоря уже о гигантских приливах, опустошительных землетрясениях и прочем. Я понимаю твоё желание: облучить в короткий срок весь Тельбир и вызвать повсюду одновременное восстание людей. Но из этого ничего не выйдет, и нам придется удовольствоваться менее грандиозными планами. Например, мы можем освобождать Тельбир сектор за сектором.

– Это долго и будет стоить многих жертв.

– Я не вижу другого способа. А мы тем временем сможем дезорганизовать космический флот противника, захватить его корабли, привлечь на свою сторону их команды. А когда это будет сделано, мы нанесем удар, и удар беспощадный!

– Видимо, ты прав. Да, кстати, теперь ты вспомнил, с какими словами ты ко мне тогда обратился?

Я почувствовал, что краснею. Свинья же этот Кельбик! Когда мы впервые встретились, я только что прочел его доклад, и я ему сказал: «Послушайте, милейший, что это еще за бессмыслица?»

* * *

Первый психотехнический бой был дан только месяц спустя. Мы несли большие потери в многочисленных схватках с противником, но не решались использовать наше новое, тайное оружие, пока им не оснащен весь наш

флот.

Сражение завязалось на уровне орбиты самой внешней планеты Белюля, орбиты, которую Земля и Венера пересекали уже со скоростью каких-нибудь ста сорока километров в секунду: мы тормозили вовсю! Кириос, несмотря на все свои уловки, не смог помешать мне и Кельбику принять участие в этом «эксперименте».

У нас было сорок пять кораблей против ста двадцати вражеских. Мы выстроились растянутой цепью. Противник издалека начал обстрел торпедами, которые без труда перехватывали наши телеуправляемые снаряды. Наконец, когда мы достаточно сблизились, я приказал включить прожекторы. Сначала ничего не произошло, словно панцирь вражеских кораблей был непроницаем для мнемонического излучения. Но мы знали, что это не так. Еще несколько торпед ринулось нам навстречу; мы перехватили их на полпути, однако не стали отвечать. Внезапно боевой строй противника начал распадаться. Один из их кораблей открыл огонь по соседнему, тот ответил, и оба исчезли в ослепительной вспышке атомного пламени. И тогда ожило радио:

– Стойте! Прекратите огонь! Это страшная ошибка! Мы согласны на переговоры на любых условиях!

Под усиленной охраной – мало ли какие могут быть неожиданности! – мы посадили весь флот вблизи Хури-Хольдэ. Делегацию представителей от команд принял Совет. Рассказы их мало чем отличались один от другого: люди вдруг очнулись и поняли, в каком кошмаре они жили! На каждом корабле находилось два-три р'хнехра; они были тут же растерзаны. Только в одном случае им уда-

лось ненадолго одержать верх. Затем люди обратились к нам.

Война продолжалась так месяца четыре. Человеческих жертв было немного, зато противник терял все свои корабли. Наш космический флот увеличился почти вдвое за счет тельбирийских боевых кораблей с их командами, мы сразу же придавали им наше вооружение и мнемонические прожекторы. Потом противник понял, что здесь что-то нечисто, и прекратил вылазки в космос.

Наконец настал решающий момент. Мы начали описывать вокруг звезды Белюль сужающуюся спираль, чтобы выйти на орбиту Тельбира, но в четверти орбитального расстояния от этой планеты. При этом климат Земли должен был стать чуть-чуть жарче, чем был раньше, возле нашего старого Солнца. Венеру мы хотели вывести на более близкую к звезде орбиту, но все равно среднегодовая температура на ней предполагалась более умеренной. Вычисление этих орбит стало кошмаром для наших астрономов. Нужно было точно рассчитать момент прохода через орбиту Тельбира, чтобы не вызвать там катастрофических возмущений и не нарушить равновесия всей системы, в которую ворвались две новые планеты. Если разумная жизнь здесь когда-нибудь исчезнет, астрономы с далеких звезд будут долго ломать головы, спрашивая себя, почему две планеты, вращающиеся вокруг Белюля, не подчиняются классическому закону расстояний!

Первый удар мы нанесли в маленькой, затерянной в горах деревне. Три космолета ночью проскользнули туда, пока наши основные силы производили отвлекающий маневр над столицей Тельбира, перехватывая последние ос-

тавившиеся у противника корабли. Деревня была подвергнута мнемоническому облучению, затем наши три космолета с экипажами из тельбирийцев опустились рядом. Через несколько минут деревня была в наших руках. Ни одного р'хнехра не осталось в живых, и погибли они невесело, потому что в этой деревне была одна из боен, где раздвигали людей. До сих пор не хочется верить, что это было на самом деле!

Опыт полностью удался, и мы постарались этим воспользоваться. Той же ночью целый ряд нападений – если можно их так назвать – был произведен на многие деревни и маленькие города в различных местах. Одновременно другие космолеты проносились над крупными городами, чертя наугад мнемоническими прожекторами круги, которые тотчас превращались в очаги восстаний.

Соппротивление р'хнехров было сломлено довольно скоро. Их было немного, они привыкли к праздной, беспечной жизни, привыкли полагаться во всех технических вопросах на людей и, самое главное, уже не могли вновь подчинить своей воле тех, кого коснулся мнемонический луч. Месяц спустя все было кончено. И все обошлось малой кровью, если не считать нескольких трагических эпизодов.

Еще через два месяца мы встречали у себя на Земле посланников правительства Тельбира, которые просили принять их планету в наше содружество.

Что касается р'хнехров, то их уцелело немного. Мнемоническое излучение, пробуждавшее у людей память, на них не действовало, и они до самого конца так и не поняли, каким оружием их побили. Всего их осталось тысяч

двадцать, и нам с трудом удалось спасти этих полуящеров от праведного гнева людей Тельбира. Их всех выслали на одну из внешних планет, предоставив им возможность жить по-своему под строгим надзором людей. Пусть создадут свою цивилизацию, если только они на это способны!

Земля и Венера приблизились к Белюлю, но все уже называли эту звезду Солнцем! Однажды, взглянув из любопытства в телескоп на Венеру, я увидел, что диск ее сделался расплывчатым. Это возрождалась атмосфера.

Вместе с Ренией мы поднялись в мой застекленный кабинет в верхнем городе Хури-Хольдэ, где я не был, казалось, вечность. Грубо обтесанный камень по-прежнему лежал на моем столе. Из окна мы видели все тот же пустынный пейзаж: снег и замерзший воздух покрывали Землю. Венера, которая должна была выйти на более близкую к Солнцу орбиту, обогнала нас, и там уже было теплее.

Мы возвращались в мой «фонарь» сначала раз в неделю, а потом – каждый день. Как-то раз мы очутились там на заре, когда Солнце, еще такое далекое, только вставало над горизонтом. Его лучи коснулись массы замерзшего воздуха, и мне показалось, что поднялась легкая дымка. Однако ничто больше не шевельнулось, и я спустился в свою подземную лабораторию, оставив наверху Рению и Ареля.

Около девяти часов Рения вызвала меня:

– Орк, скорее поднимись к нам! Началось!

Я мог бы все увидеть, не вставая с места на своем экране, но что-то в глубине души говорило, что этого мне будет мало. Я хотел видеть собственными глазами, как возрождается моя планета!

На крышах напротив нас толстые слои замерзшего воздуха начинали закипать, шевелиться, сползать и неслышно обрушиваться в ущелья улиц. Уже существовало какое-то подобие атмосферы, бесконечно разреженной и почти неуловимой. По мере того, как Солнце поднималось к зениту, кипение воздуха усиливалось, и вскоре густой туман поднялся над городом. Временами конвективные потоки, очень сильные в этой разреженной атмосфере с огромными температурными перепадами, рассеивали туман, и я видел вдалеке башни города, словно окутанные рваной серой вуалью. Водопады жидкого воздуха то и дело низвергались с крыш, но не достигали уровня улиц, превращаясь на лету в животворный газ.

На следующий день барометры показали давление, равное одной десятой нормального. Оно быстро росло. И задолго до того, как Земля вышла на свою окончательную орбиту, атмосфера полностью восстановилась.

Но замерзшие моря и океаны таяли гораздо медленнее, и еще долгие годы Земля оставалась ледяной планетой. Великая весна сопровождалась множеством малых катастроф. Почва, как и полагается, оттаивала сверху, и это привело на склонах к многочисленным оползням, порою увлекавшим огромные массы земли и камней. Поверхность планеты превратилась в сплошное болото. Океаны тоже оттаивали сверху и колоссальные поля более легкого льда то и дело внезапно всплывали, рождая неожиданные грозные приливы.

Но все это нам казалось пустяками. После стольких лет

странствий и бурь мы, наконец, приплыли в надежную гавань – Тельбир вошел в наш союз, и я часто бывал на этой прекрасной планете. Освобожденные от паразитов – р'хнехров – тельбирийцы делали большие успехи, и мы им помогали, чем могли.

Кризис кончился, я сложил свои обязанности Верховного Координатора и вместе с Кельбиком вошел в Совет Властителей наук. И в первый день года 4629-го перед Советом, где председательствовал Ханн, я объявил во всеулышание народам Земли и Венеры, что Великие Сумерки кончились.

Но было еще немало нерешенных проблем. Например, мы хотели сохранить контакт с народом Кириоса Милонаса. Нашествие друмов, столкновение с триисами, а затем с р'хнехрами говорило о том, что в космосе мы не одни. И еще мы хотели бы знать: где потомки экипажей наших других затерянных во вселенной звездолетов? Может быть, они ждут нас в сиянии славы юной цивилизации... или во тьме позорного рабства.

Именно поэтому я имеете с Кельбиком и его научной группой занялся исследованием проблем гиперпространственных передвижений и временных скачков. У нас с Кельбиком не было и не могло быть тщеславного соперничества. Он возглавил лабораторию в тот момент, когда я вынужден был ее оставить, и дальше вел работу самостоятельно. Когда же я вернулся, я получил возможность ознакомиться с тем, что они сделали за время моего отсутствия, и отнюдь не претендовал на руководящую роль. Дел

хватало более чем на двоих!

Мне понадобился почти год, чтобы наверстать упущенное. Это было самой трудной работой в моей жизни, но я с ней справился, потому что не хотел провести остаток своих дней в положении почетного пенсионера. В конце концов, мне было всего пятьдесят четыре года — расцвет молодости для нас, живущих два века!

ЭПИЛОГ

Теперь я подхожу к самому невероятному эпизоду моей истории, к моему перемещению во времени, в вашу эпоху.

Мы работали над овладением темпоральными полями, и нам уже удалось добиться кое-каких успехов. И вот как-то вечером я остался в лаборатории один. Кельбик недавно женился на моей племяннице Алиоре и, естественно, убежал домой. Хокту праздновал с друзьями-ассистентами свое назначение профессором высшего математического анализа в университете — это в двадцать-то шесть лет! Я связался по видеофону с Ренией и сказал, что вернусь поздно: у меня возникла одна мысль, и я хотел изменить схему нашего прибора. Я вовсе не собирался в тот вечер экспериментировать и до сих пор не знаю, что, в сущности, произошло. Может быть, я ошибся, заканчивая монтаж? А может быть, как я предполагаю, темпоральные поля действуют на создающую их аппаратуру до того, как она включается? не знаю... Помню только, что вдруг меня

окутало холодное синее пламя, которое пульсировало, становилось все ярче, и я потерял сознание.

Очнулся я в совершенно незнакомой обстановке, в чужом теле, которое, правда, напоминало мое собственное, в бесконечно далекой эпохе.

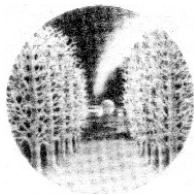
Что же со мной произошло? Сейчас, когда я это пишу, я могу только делать предположения. Подготовленный мной эксперимент завтра все прояснит. Но хотя я и принял на сей раз все меры предосторожности – насколько это вообще возможно, когда имеешь дело с темпоральными полями, – не исключена вероятность, что я снова буду захвачен врасплох. Поэтому скажу сейчас все, что думаю.

Каким-то образом мое сознание – электропсихическая матрица моего сознания была захвачена темпоральным полем и перенесена в невообразимо далекое прошлое. Разумеется, эта матрица моего сознания осталась на Земле, что совершенно естественно для одного континуума пространства. Невероятное заключается в другом, в том, что я сразу нашел «хозяина», способного принять и закрепить мое сознание в нейронах своего мозга.

Теперь я задумал провести эксперимент в обратном порядке и вернуться в свою эпоху. Если опыт удастся, то, что принадлежало Орку, вернется на Эллору, а то, что принадлежало Дюпону, останется на Земле.

Я не особенно опасаясь за результаты. Мне удалось довольно точно вычислить протяженность темпорального поля, а что касается его направленности, то об этом я могу не беспокоиться. Думаю, все сойдет хорошо.

Перед тем как покинуть вашу эпоху, я хочу обратиться к вам, люди далекого прошлого. Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее покажется вам беспросветным, даже если вы узнаете, что ваша цивилизация исчезнет подо льдами нового палеолита, не прекращайте борьбу! Я здесь, среди вас, я, Орк Акеран, который был Верховным Координатором, а затем правителем двух планет в годы Великих Сумерек. Я живое свидетельство того, что ваши усилия не напрасны и что ваши потомки достигнут звезд!

РАССКАЗЫ

Свет былого

Деревня осталась позади, и вскоре крутые петли шоссе привели нас в край медленного стекла.

Мне ни разу не приходилось бывать на таких фермах, и вначале они показались мне жутковатыми, а воображение и обстоятельства еще усиливали это впечатление. Турбодвигатель нашей машины работал ровно и бесшумно, не нарушая безмолвия сыроватого воздуха, и мы неслись по серпантину шоссе, среди сверхъестественной тишины. Справа, по горным склонам, обрамлявшим немыслимо красивую долину, в темной зелени могучих сосен, вбирая свет, стояли огромные рамы с листами медленного стекла. Лучи вечернего солнца порою вспыхивали на растяжках, и казалось, будто там кто-то ходит. Но на самом деле вокруг было полное безлюдье. Ряды этих окон годами стояли на склонах над долиной, и люди приходили протирать их только изредка в глухие часы ночи, когда ненасытное стекло не могло запечатлеть их присутствия.

Зрелище было завораживающее, но ни я, ни Селина ничего о нем не сказали. Мне кажется, мы ненавидели друг друга с таким неистовством, что не хотелось портить новые впечатления, бросая их в водоворот наших эмоций. Я все острее ощущал, что мы напрасно затеяли эту поездку. Прежде я полагал, что нам достаточно будет немного отдохнуть, и все встанет на свое место. И вот мы отправились путешествовать. Но ведь в положении Селины это ничего не меняло, и (что было еще хуже) беременность продолжала нервировать ее.

Пытаясь найти оправдание тому, что ее беременность так вывела нас из равновесия, мы говорили все, что обычно говорят в таких случаях: нам, конечно, очень хочется иметь детей, но только позже, в более подходящее время. Ведь Селина из-за этого должна была оставить хорошо оплачиваемую работу, а вместе с ее заработком мы лишились и нового дома, который совсем было собрались купить, – приобрести его на то, что я получал за свои стихи, было, разумеется, невозможно. Однако в действительности наше раздражение объяснялось тем, что нам против воли пришлось осознать следующую неприятную истину: тот, кто говорит, что хочет иметь детей, но только позже, на самом деле совсем не хочет ими обзаводиться – ни теперь, ни после. И нас бесило сознание, что мы попали в извечную биологическую ловушку, хотя всегда считали себя особенными и неповторимыми.

Шоссе продолжало петлять по южным склонам Бенкрейчена, и время от времени впереди на мгновение открывались далекие серые просторы Атлантического океана. Я притормозил, чтобы спокойно полюбоваться этой картиной, и тут увидел прибитую к столбу доску. Надпись на ней гласила: «Медленное стекло. Качество высокое, цены низкие. Дж. Р. Хейген». Подчинившись внезапному побуждению, я остановил машину у обочины. Жесткие стебли травы царапнули по дверце, и я сердито поморщился.

– Почему ты остановился? – спросила Селина, удивленно повернув ко мне лицо, обрамленное платиновыми волосами.

– Погляди на это объявление. Давай сходим туда и по-

смотрим. Вряд ли в такой глуши за стекло просят особенно дорого.

Селина возразила насмешливо и зло, но меня так захватила эта мысль, что я не стал слушать. У меня было не-
приятное ощущение, что нам нужно сделать что-то безрас-
судное и неожиданное. И тогда все утрясется само собой.

– Пошли, – сказал я. – Нам полезно размять ноги. Мы
слишком долго сидели в машине.

Селина так пожала плечами, что у меня на душе сразу
стало скверно, и вышла из машины. Мы начали подни-
маться по крутой тропе, по вырезанным в склоне ступень-
кам, которые были укреплены колышками. Некоторое
время тропа вилась между деревьями, а потом мы увидели
одноэтажный каменный домик. Позади него стояли высо-
кие рамы с медленным стеклом, повернутые к великолеп-
ному отрогу, отражающемуся в водах Лох-Линна. Почти
все стекла были абсолютно прозрачны, но некоторые ка-
зались панелями отполированного черного дерева.

Когда мы вошли в аккуратно вымощенный двор, нам
помахал рукой высокий пожилой мужчина в сером комби-
незоне. Он сидел на низкой изгороди, курил трубку и
смотрел на дом. Там у окна стояла молодая женщина в
оранжевом платье, держа на руках маленького мальчика.
Но она тут же равнодушно повернулась и скрылась в глу-
бине комнаты.

– Мистер Хейген? – спросил я, когда мужчина слез с
изгороди.

– Он самый. Интересуетесь стеклом? Тогда лучше мес-
та вам не найти. – Хейген говорил деловито, с интонация-
ми и легким акцентом шотландского горца. У него было

невозмутимо унылое лицо, какие часто встречаются у пожилых землекопов и философов.

– Да, – сказал я. – Мы путешествуем и прочли ваше объявление.

Селина, хотя обычно она легко заговаривает с незнакомыми людьми, ничего не сказала. Она смотрела на окно, теперь пустое, с легким недоумением – во всяком случае, так мне показалось.

– Вы ведь из Лондона? Ну, как я сказал, лучшего места вы выбрать не могли, да и времени тоже. Сезон еще не начался, и нас с женой в это время года мало кто навещает.

Я рассмеялся.

– То есть мы сможем купить небольшое стекло, не заложив последнюю рубашку?

– Ну вот! – сказал Хейген с виноватой улыбкой. – Опять я сам все испортил! Роза, то есть моя жена, говорит, что я никогда не научусь торговать. Но все-таки садитесь и потолкуем, – он указал на изгородь, а потом с сомнением поглядел на отглаженную голубую юбку Селины и добавил: – Погодите, я сейчас принесу коврик.

Хейген, прихрамывая, вошел в дом и закрыл за собой дверь.

– Может быть, нам и незачем было забираться сюда, – шепнул я Селине, – но ты все-таки могла бы держаться с ним полубезнее. По-моему, мы можем рассчитывать на выгодную покупку.

– Держи карман шире, – ответила она с нарочитой вульгарностью. – Даже ты мог бы заметить, в каком доисторическом платье расхаживает его жена. Он не станет благодетельствовать незнакомых людей.

– А это была его жена?

– Конечно, это была его жена.

– Ну-ну, – сказал я с удивлением. – Только ты все равно постарайся быть вежливой. Не ставь меня в глупое положение.

Селина презрительно фыркнула. Но когда Хейген вышел из дома, она очаровательно улыбнулась, и меня немного отпустило. Странная вещь – мужчина может любить женщину и в то же время от души желать, чтобы она попала под поезд.

Хейген расстелил плед на изгороди, и мы сели, чувствуя себя несколько неловко в этой классической сельской позе.

Далеко внизу, за рамами с бессонным медленным стеклом, неторопливый пароходик чертил белую полосу по зеркалу озера.

Буйный горный воздух словно сам рвался в наши легкие, перенасыщая их кислородом.

– Кое-кто из тех, кто растит здесь стекло, – начал Хейген, – расписывает приезжим вроде вас, до чего красива осень в этой части Аргайла. Или там весна, или зима. А я обхожусь без этого – ведь любой дурак знает, что место, которое летом некрасиво, никогда не бывает красивым. Как, по-вашему?

Я послушно кивнул.

– Вы просто хорошенько поглядите на озеро, мистер...

– Гарленд.

– ...Гарленд. Вот что вы купите, если вы купите мое стекло. И красивее, чем сейчас, оно не бывает. Стекло в полной фазе, толщина не меньше десяти лет, и полуметровое окно обойдется вам в двести фунтов.

– Двести фунтов! – Селина была возмущена. – Даже в магазине пейзажных окон на Бонд-стрит стекла не стоят так дорого.

Хейген улыбнулся терпеливой улыбкой, а затем внимательно посмотрел на меня, проверяя, достаточно ли я разбираюсь в медленном стекле, чтобы в полной мере оценить его слова. Сумма, которую он назвал, была гораздо больше, чем я ожидал, но ведь речь шла о десятилетнем стекле! Дешевое стекло в магазинчиках вроде «Панорам-плекса» или «Стекландшафта» – это самое обычное полторасантиметровое стекло с накладной пластинкой медленного стекла, которой хватает на год, а то и всего на десять месяцев.

– Ты не поняла, дорогая, – сказал я, уже твердо решив купить. – Это стекло сохранится десять лет, и оно в полной фазе.

– Но ведь «в фазе» значит только, что оно соответствует данному времени?

Хейген снова улыбнулся ей, понимая, что меня ему убеждать больше незачем.

– Только! Простите, миссис Гарленд, но вы, по-видимому, не отдаете себе отчета, какая чудесная, в буквальном смысле слова чудесная, точность нужна для создания стекла в полной фазе. Когда я говорю, что стекло имеет толщину в десять лет, это означает, что свету требуется десять лет, чтобы пройти сквозь него. Другими словами, каждое из этих стекол имеет толщину в десять световых лет, а это вдвое больше расстояния до ближайшей звезды. Вот почему уклонение в реальной толщине на одну миллионную долю сантиметра приводит... – он вдруг

замолчал, глядя в сторону дома. Я отвернулся от озера и снова увидел в окне молодую женщину. В глазах Хейгена я заметил жадную тоску, которая смутила меня и одновременно убедила, что Селина ошиблась. Насколько мне известно, мужья никогда так не смотрят на жен – во всяком случае, на своих собственных.

Молодая женщина оставалась у окна лишь несколько секунд, а затем теплое оранжевое пятно снова исчезло в глубине комнаты. Внезапно у меня, не знаю почему, возникло совершенно четкое ощущение, что она слепа. По-видимому, мы с Сединой случайно стали свидетелями эмоциональной ситуации, столь же напряженной, как наша собственная.

– Извините, – сказал Хейген, – мне показалось, что Роза меня зовет. Так на чем я остановился, миссис Гарленд? Десять световых лет, сжатые в половину сантиметра, неминуемо...

Я перестал слушать, отчасти потому, что твердо решил купить стекло, а отчасти потому, что уже много раз слышал объяснения свойств медленного стекла – и все равно никак не мог понять его принципа. Один мой знакомый физик как-то посоветовал мне для наглядности представить себе лист медленного стекла как голограмму, которой для воссоздания визуальной информации не требуется лазерного луча и в которой каждый фотон обычного света проходит сквозь спиральную трубку, лежащую вне радиуса захвата любого из атомов стекла. Эта, на мой взгляд, жемчужина неудобопонимаемости не только ничего мне не объяснила, но и еще сильнее убедила меня в том, что человеку, столь мало склонному к технике, как я, следует интересоваться не причинами, а лишь результатами.

Наиболее же важный результат, на взгляд среднего человека, заключался в том, что свету, чтобы пройти сквозь лист медленного стекла, требовался большой срок. Новые листы были всегда угольно-черными, потому что ни единый луч света еще не прошел сквозь них. Но когда такое стекло ставили, например, возле лесного озера, это озеро в нем появлялось. И если затем стекло вставлялось в окно городской квартиры где-нибудь в промышленном районе, то в течение года из этого окна словно открывался вид на лесное озеро. И это была не просто реалистичная, но неподвижная картина – нет, по воде, блестя на солнце, бежала рябь, животные бесшумно приходили на водопой, по небу пролетали птицы, ночь сменяла день, одно время года сменяло другое. А через год красота, задержанная в субатомных каналах, истощивалась, и в раме возникала знакомая серая улица.

Коммерческий успех медленного стекла объяснялся не только его новизной, но и тем, что оно создавало полную эмоциональную иллюзию, будто все это принадлежит тебе. Ведь владелец ухоженных садов и вековых парков не занимается тем, что ползает по своей земле, щупая и нюхая ее. Он воспринимает ее как определенное сочетание световых лучей; с изобретением медленного стекла появилась возможность переносить эти сочетания в угольные шахты, подводные лодки, тюремные камеры.

Несколько раз я пытался выразить в стихах свое восприятие этого волшебного кристалла, но для меня эта тема исполнена такой глубочайшей поэзии, что, как ни парадоксально, воплотить ее в стихи невозможно. Во всяком случае, мне это не по силам. К тому же все лучшие песни

и стихотворения об этом уже написаны людьми, которые умерли задолго до изобретения медленного стекла. Например, ведь не мог же я превзойти Мура¹ с его

Когда, не зная сна, лежу.

В плену безмолвия ночного,

Я счастье давнее бужу,

И мне сияет свет былого.

Потребовалось всего несколько лет, чтобы медленное стекло из технической диковинки превратилось в товар широкого потребления. И к большому удивлению поэтов — то есть тех из нас, кто верит, что красота живет, хоть розы увядают, — став товаром, медленное стекло приобрело все свойства товара. Появились хорошие стекландшафты, которые стоили очень дорого, и стекландшафты похуже, которые стоили много дешевле. Цена в первую очередь определялась толщиной, измеряемой годами, но значительную роль при ее установлении играла и реальная толщина, или фаза.

Даже самое сложное и новейшее оборудование не могло обеспечить постоянного достижения точно заданной толщины. Грубое расхождение означало, что лист стекла, рассчитанный на пятилетнюю толщину, на самом деле получал толщину в пять лет с половиной, так что свет, попадавший в стекло летом, покидал его зимой. Не столь грубая ошибка могла привести к тому, что полуденное солнечное сияние загоралось в стекле в полночь. В таких несоответствиях была своя прелесть — многим из тех, кто работает по ночам, например, нравилось существовать в

---

¹ Томас Мур (1779–1852) — известный ирландский поэт.

своем собственном времени – но, как правило, стекландшафты, которые точнее соответствовали реальному времени, стоили дороже.

Хейген замолчал, так и не убедив Селину. Она чуть заметно покачала головой, и я понял, что он не нашел к ней правильного подхода. Внезапно платиновый шлем ее волос всколыхнулся от удара холодного ветра, и с почти безоблачного неба на нас обрушились крупные прозрачные капли дождя.

– Я оставлю вам чек, – сказал я резко, и зеленые глаза Селины сердито сфокусировались на моем лице. – Вы сможете переслать стекло мне?

– Переслать-то нетрудно, – сказал Хейген, соскользнув с изгороди. – Но может, вам будет приятнее взять его с собой?

– Да, конечно, если это не доставит вам хлопот, – я был пристыжен его безоговорочной готовностью принять мой чек.

– Я пойду, выну для вас лист. Подождите здесь. Я сейчас, вот только вставлю его в раму для перевозки.

Хейген зашагал вниз по склону к цепочке окон – в некоторых из них виднелось озеро, залитое солнцем, в других над озером клубился туман, а два-три были совершенно черными.

Селина стянула у горла воротник блузки.

– Он мог хотя бы пригласить нас в дом! Уж если к нему завернул идиот, он мог бы быть полубезнее.

Я пропустил эту шпильку мимо ушей и начал заполнять чек. Огромная капля упала мне на палец и брызги разлетелись по розовой бумаге.

– Ну, ладно, – сказал я. – Постоим на крыльце, пока он не вернется.

«Крыса, – думал я, чувствуя, что все получилось совсем не так. – Да, конечно, я был идиотом, раз женился на тебе... Призовым идиотом, идиотом из идиотов... А теперь, когда ты носишь в себе частицу меня, мне уже никогда, никогда, никогда не вырваться».

Чувствуя, как внутри меня все сжимается, я бежал рядом с Селиной к домику. Чистенькая комнатка за окном, где топился камин, была пуста, но на полу валялись в беспорядке детские игрушки. Кубики с буквами и маленькая тачка цвета очищенной моркови. Пока я смотрел, в комнату вбежал мальчик и принялся ногами расшвыривать кубики. Нас он не заметил. Несколько секунд спустя в комнату вошла молодая женщина и подхватила мальчика на руки, весело смеясь. Она, как и раньше, подошла к окну. Я смущенно улыбнулся, но ни она, ни мальчик не ответили на мою улыбку.

У меня по коже пробежали мурашки. Неужели они оба слепы? Я тихонько попятился.

Селина вскрикнула. Я обернулся к ней.

– Коврик! – сказала она. – Он намокнет.

Перебежав двор под дождем, она сдернула с изгороди рыжеватый плед и побежала назад, прямо к двери дома. Что-то конвульсивно всколыхнулось у меня в подсознании.

– Селина! – закричал я. – Не входи туда!

Но я опоздал. Она распахнула деревянную дверь, заглянула внутрь и остановилась, прижав ладонь ко рту. Я подошел к ней и взял плед из ее безвольно разжавшихся пальцев.

Закрывая дверь, я обвел взглядом внутренность домика. Чистенькая комната, в которой я только что видел женщину с ребенком, была заставлена колченогой мебелью, завалена старыми газетами, рваной одеждой, грязной посудой. В комнате стояла сырая вонь, и в ней никого не было. Единственный предмет, который я узнал, была маленькая тачка – сломанная, с облупившейся краской.

Я закрыл дверь на щеколду и приказал себе забыть то, что я видел. Некоторые мужчины содержат дом в порядке и когда живут одни. Другие этого не умеют.

Лицо Селины было белым как полотно.

– Я не понимаю... не понимаю...

– Медленное стекло, но двухстороннее, – сказал я мягко. Свет проходит через него и в дом и из дома.

– Ты думаешь?..

– Не знаю. Нас это не касается. А теперь возьми себя в руки. Вон идет Хейген со стеклом. – Судорога ненависти, сжимавшая мои внутренности, вдруг исчезла.

Хейген вошел во двор, держа под мышкой прямоугольную раму, запакованную в клеенку. Я протянул ему чек, но он глядел на Селину. Он, по-видимому, сразу понял, что наши бесчувственные пальцы рылись в его душе. Селина отвела взгляд. Она вдруг стала старой и некрасивой и упрямо всматривалась в горизонт.

– Позвольте взять у вас коврик, мистер Гарленд, – сказал, наконец, Хейген. – Вы напрасно затруднялись.

– Ничего. Вот чек.

– Благодарю вас. – Он все еще смотрел на Селину со странным выражением мольбы. – Спасибо на покупке.

– Спасибо вам, – ответил я такой же стереотипной фразой, с той же бессмысленной вежливостью.

Я взял тяжелую раму и повел Селину к тропе, по которой нам предстояло спуститься на шоссе. Когда мы добрались до первой смоченной дождем и скользкой ступеньки, Хейген окликнул меня:

— Мистер Гарленд!

Я неохотно оглянулся.

— Я ни в чем не виноват, — сказал он ровным голосом. — Их обоих сшиб грузовик на шоссе шесть лет назад. Шофер был пьян. Моему сыну только исполнилось семь. Я имею право сохранить хоть что-то.

Я молча кивнул и начал спускаться по лестнице, крепко обнимая жену, радуясь ощущению ее руки у меня на плече. Перед поворотом я оглянулся и за струями дождя заметил, что Хейген, ссутулившись, сидит на изгороди там, где мы увидели его, когда вошли во двор.

Он смотрел в сторону дома, но я не мог различить, виднеется ли что-нибудь в окне.

Нильс НИЛЬСЕН

Продается планета

– Ни одной планеты! – пробасил Тим О’Шо, поднимая свое широкое розовое лицо от окуляров радароскопа. – Ни одной, хотя бы малюсенькой планеты около Бетельгейзе!

Голос ирландца выдавал его раздражение, а ведь он слыл одним из лучших игроков в покер по эту сторону Сатурна. Но они вложили в это маленькое предприятие изрядную сумму денег и четыре года своей жизни... Черно-волосый итальянец Маджио Форлини оторвался от антигравитационной установки, сверкнули по-детски голубые глаза:

– Точно? Ты уверен?

Тим ухмыльнулся:

– Так же уверен, как в том, что бабка Анжело была команчской скво в каком-нибудь медвежьем углу забытого богом края – Нью-Мексико!

Квартеронец Анжело дель Норте, старший из членов команды космического корабля «Погремушка», идущего курсом на красного гиганта, известного под именем Бетельгейзе, промолчал. Как обычно. Ничто в его темно-желтом лошадином лице не говорило о том, что он слышал оскорбление. Он хорошо знал, сколько самообладания нужно, чтобы выдержать четыре года в этом летающем термосе. А быстрее до Бетельгейзе и обратно не пройдешь на такой старой посудине, скорость которой всего-то в несколько раз превышает световую.

– Посмотри еще раз, – предложил четвертый член экипажа, немец Эгге Керл.

Он задумчиво скосился на свой круглый живот. В космическом корабле с моционом скверно, только карты, сои да еда...

– Сколько можно смотреть? – Хотя Тим возглавлял маленький международный отряд «разведчиков» космоса, он хуже других владел собой. – Уже который день кружим, и хоть бы намек на планету. Пустой номер... Шестьсот световых лет, и десять миллионов долларов за каждую открытую планету... Да только где они?

Он свирепо оглядел своих товарищей. Его злили их апатичные лица. Все его злило: осточертевшие консервы, затекающие мышцы, зубная боль (сэкономили на пломбах!). Конечно, разведчик, будь то на Земле или в космосе, должен идти на риск. Но не до бесконечности... Пылкий ирландский нрав искал выхода.

С минуту царила тишина, все думали о долгом унылом пути домой. Через огромные иллюминаторы они видели Бетельгейзе – огромное облако пылающего газа в черной бездне с левого борта. Светомагнитные моторы «Погремушки» работали в четверть мощности, корабль, описывая огромный эллипс, завершал четвертый облет исполинского солнца. С мелодичным гудением ракета падала в безбрежное пространство, а справа далеко-далеко мерцала во тьме едва заметная искорка – родное солнце.

«Погремушка» была снаряжена Панамской Космической Торговой Компанией, одним из тех международных картелей, которых расплодилось видимо-невидимо после того, как двадцать лет назад, в 2078 году была открыта парная относительность и стало наконец возможным летать с надсветовой скоростью.

Земной капитал получил возможность распространить свою деятельность на соседние звезды, ведь все планеты солнечной системы давно уже были превращены в доходные филиалы Земли. Соблазненные царским вознаграждением за каждую новую планету, четыре авантюриста вызвались вести «Погремушку» к Бетельгейзе. И вот они у цели после семисот тридцати нелегких дней среди опасностей космоса: метеоров, магнитных бурь, жестких излучений, – нервы на пределе, и только новая планетная система может принести им разрядку...

А Бетельгейзе оказалась одинокой багровой звездой, заброшенным маяком в необозримом океане, старой девой, из пылающего чрева которой не вышло ни одной планеты! Даже в спокойных карих глазах Анжело угадывалось разочарование.

– Смотри, смотри, у меня уже глаза лопаются! – Тим сжал кулаки, но остыл под холодным взглядом немца.

Он сердито подошел к электронному мозгу, чтобы вложить перфокарту с заданием на обратный путь. Двести световых лет одолели – и хоть бы одна планета в награду!

Керл пожал плечами и наклонил свое одутловатое лицо над окулярами радароскопа. Анжело и Маджио медленно подошли к Керлу. Тим презрительно фыркнул. Еще надеются, болваны, – на что?..

Анжело посмотрел над головой Керла на море красного пламени с левого борта. Миллиарды лет звезда источает в пустоту чудовищную энергию, но ни одна планета не купается в ее животворных лучах! Почему? В Анжело говорила индейская кровь, для него солнце было почти богом, и он недоумевал: почему нет никого, кто поклонялся

бы этому исполинскому красному богу, почему под сенью его необъятных огненных крыльев не рождаются, не живут и не умирают народы?

– Планета впереди... тридцать градусов влево, – раздельно произнес Керл.

– Что?

Одним прыжком Тим О'Шо очутился возле него.

– Это исключено! Я увидел бы любое небесное тело с радиусом от десяти миль!

Керл неторопливо выпрямился.

– Убедись!

Тим прильнул к окуляру и надолго замер. Наконец поднял голову и потер припухшие веки.

– Верно! Атмосфера, моря, облака... все! Но как я мог ее прозевать?

Он виновато посмотрел на товарищей. Но им было не до его переживаний, они приникли к телескопу. И видели маленький серебристый диск, переливающуюся росинку в черной бездне, живое лицо планеты. До нее еще далеко – она не больше монеты, – но это, несомненно, планета. И даже с атмосферой! Драгоценная, да что там, бесценная находка!

– Десять миллионов долларов, – благоговейно прошептал Маджио.

Остальные кивнули. Усталость и досаду словно рукой сняло. Губы их сделались жесткими и узкими, как у охотника при виде добычи. Теперь только пройти вблизи планеты, чтобы приборы сделали положенные замеры и анализы: воздух, вода, сила тяготения, масса, минеральный состав... Затем можно возвращаться домой за заслужен-

ной наградой, а целая эскадрилья ракет с Земли отправится умиротворять новую колонию нервным газом и вирусом кори, чтобы можно было без помех добывать драгоценные камни и редкие металлы. И через десять лет Панамская Космическая сможет выплатить своим акционерам славную прибыль!

«Погремушка» изменила курс и пошла прямо на планету. Судя по визуальному пеленгу, до нее оставался не один миллион миль. Вдруг замигали тревожные красные лампочки радарной установки: препятствие впереди! Автоматически включились тормозные двигатели, космонавты упали на пол, зазвучала брань. Если бы не антигравитация, они были бы расплющены таким резким торможением.

Метеор? Четверка уставилась на экран ближнего радара. По-прежнему в пустоте перед ними парила маленькая планета. Она стала чуть покрупнее, но расстояние все еще огромное... И больше ничего не видно.

— Разрази меня гром... — У Тима отвалилась нижняя челюсть.

За ним и остальные поняли: радар реагировал на планету, это с ней они едва не столкнулись! Но в таком случае...

— До нее каких-нибудь сто саженей, — прошептал Анжело. — И эти размеры не кажущиеся, а истинные!

— Десять метров в поперечнике! — Керл уже стоял у приборов. — Точнее, 10,2 метра, — добавил он с немецкой пунктуальностью.

— О господи!.. — простонал Тим. — Поглядите на эти кристаллики... Это же города, чтоб мне провалиться! Эти

белые ленты – дороги! А эти прямоугольнички, конечно, возделанные поля! И все это величиной от силы, от силы...

Он онемел от изумления.

– Если размеры городов относятся к размерам планеты так же, как на Земле... – Керл быстро произвел расчет. – Тогда рост ее обитателей не больше двух тысячных миллиметра!

Он посмотрел на своих товарищей. В его холодных голубых глазах появилось что-то похожее на юмор.

– Иначе говоря, они как бациллы – тифозные, туберкулезные, холерные!

– Ты хочешь сказать, планета населена... тифозными бациллами? – Покрытый синеватой щетиной подбородок Маджио дрожал мелкой дрожью.

– Не совсем так... – Керл рассмеялся. – Разве бациллы строят города? Возделывают поля? И вообще, проблема эта представляет лишь теоретический интерес, потому что...

– Потому что эта карликовая планета гроша ломаного не стоит! – воскликнул Тим, приходя в себя.

– Не стоит для нас.

Анжело смотрел на крохотную планету, безмятежно вращающуюся перед «Погремушкой». Голубая пушинка, затейливая игрушка мироздания...

– Знаешь... – Тим хотел сказать невозмутимому четверонцу что-то резкое, но его кислое лицо вдруг повеселело. – Конечно, Космическая Торговая нам ничего не даст за планету десяти метров в диаметре. Но что вы скажете насчет Лондонского астрофизического музея?

– Верно! – обрадовался Маджио. – Настоящая обитаемая планета под стеклом – это же сенсация! Народ повалит валом! Музей охотно раскошелится на десять миллионов за такую штуку!

– Скафандры, живо! – Тим уже отдавал команды. Глаза его стали жесткими. – Одевайтесь! Возьмем ее магнитным краном. Водяная цистерна номер два пуста. Поместим ее туда. Цистерна герметичная, за атмосферу можно не бояться!

Он схватил свой гермошлем.

– Точно! – Снова послышался тихий бесстрастный смех Керла. – Ты не так уж глуп, Тим, верно?

– Десять миллионов! – ликовал Маджио. – Если мы доставим этих бацилл живьем!

Они пулей выскочили из переходной камеры, двигаясь с помощью кислородных пистолетов. Методичный Керл держал под мышкой микроскоп. Замыкающим был молчаливый Анжело.

«Миллиарды, – думал он, испытывая непонятный ужас, – может быть, на этой планете живут миллиарды людей... Матери в эту минуту вытирают мокрые носы своих отпрысков, мужчины ведут корабли через океан. И вдруг – странные силуэты в небе, загадочные сияния, космические демоны, божественная десница...»

Четверка в громоздких скафандрах подлетела к планете. Окружила ее. Тени космонавтов пали на горы, затмили океаны. Они протягивали руки к планете, показывали на нее друг другу, переговаривались в шлемофонах.

– Дюймовочка! – рассмеялся Маджио. – Планета Дюймовочка!

Между их алчными руками, следуя по своей орбите вокруг красного солнца, парила младшая сестричка исполинов космоса. И это был не лишенный атмосферы безжизненный астероид, не скованный холодом камень. Окруженная слабо светящимся кольцом – царственной диадемой атмосферы, летела в космосе планета. Поблескивая водой, зеленея растениями, вращалась планета – радостное, улыбочливое дитя солнца, законнорожденный носитель жизни.

– Миниатюрная Земля, – пробормотал Керл. – Очевидно, со своим тяготением, отличным от нашего. Уникальный для космических масштабов экземпляр!

У Анжело появился ком в горле. Он видел, как на карликовой планете рождается день. В лучах зари ярко белели снежные вершины. Красное солнце отразилось в могучих светло-серых океанах. Тут и там на материках поблескивали какие-то причудливые кристаллы. Реки извивались среди равнин, мерцали озера. Миллионы лет избороздили складками лицо планеты, но оно все же оставалось юным и могло зардеться румянцем...

– Оставим ее! – Суеверный индейский страх победил алчность. – Она принадлежит им! Это люди. Может быть, у них душа такая же, как у нас!

– Душа? – фыркнул Тим. – Вот именно! Бациллы с душой, подумаешь! Это только повышает цену. Я пошел за магнитным краном!

И он понесся обратно к кораблю, стальной корпус которого переливался красными бликами в свете гигантской звезды. От кислородного пистолета протянулся длинный белый след.

– Города кишат живностью! – Керл рассматривал планету в свой микроскоп. – Черные точки... явно испуганы... Очевидно, там паника. Они видят нас в своем небе...

Он наводил микроскоп то на одну, то на другую точку. Он видел корабли – малюсенькие чешуйки, под линзой проходили облака, леса, и, будто в капле воды на предметном стекле, что-то живое копошилось, преследовало, боролось, жило, умирало...

Маленькая серебристая планета мирно шла по своей орбите. Они видели ее вращение. С невозмутимостью подлинного исследователя Керл наблюдал, как закачалась и рассыпалась одна из гор. Он рассмеялся:

– Наша масса влияет на вращение планеты. У них начались землетрясения! А что будет, когда мы ее совсем остановим? Тогда погибнут миллионы!

Подлетел Тим, волоча за собой кабель магнитного крана.

– Захватим ее за магнитные полюса!

Он пронесся, словно пловец, через темную пустоту вокруг планеты и нырнул вниз – мифическое создание из мира исполинов.

– Поглядите на него! – ухмыльнулся Маджио. – Интересно, что сейчас представляется этим бациллам? У них теперь есть чем пугать непослушных детей! «Ложитесь, дети, не то Тим О’Шо заберет вас!»

Керл рассмеялся.

– Я их вижу! – Голос его напряженно звенел. – Вон как засуетились. Мы им, наверно, кажемся архангелами с огненными мечами!

– Ха! – От смеха Тим выпустил кабель. – Это ты здо-

рово придумал: архангелы! Первый и последний раз в жизни нам представляется возможность изобразить архангела Михаила!

Мысль об этом их опьянила. Космические боги! Они взяли друг друга за руки – даже Анжело поддался общему порыву, – включили кислородные пистолеты и закружились в буйном хороводе вокруг планеты, быстрее, быстрее... Они кричали, гикали, хохотали... Это был поистине гомерический смех. Они чувствовали себя великанами, достающими головой до звезд! От их прыжков в атмосфере планеты рождались циклоны, и темные воронки в облачном покрове проносились над кораблями, берегами, городами, производя страшные опустошения. Каждый прыжок стоил жизни десяткам тысяч обитателей Дюймовочки...

– Хватит... довольно!

Анжело вышел из круга. Он вспомнил давно слышанные слова... Как бабушка, показывая на звезды над их гомерычной деревушкой, дрожащим старческим голосом говорила: «Каждая звезда – это один из ангелов господних, Анжело».

Крохотная планета миллионы лет отважно летела сквозь мрак колодцев вечности. Полярное сияние трепетало над полюсами, тучи орошали землю ливнями... Расправив серебристые крылья, планета рождала жизнь и, как могла, охраняла ее.

– Не делайте этого! – простонал Анжело в шлемофон. – Разве вы не видите... Она священна, она – луч света, что падает в двери жизни. Если мы ее украдем, нас постигнет суровая кара. Может быть, и к нашей планете когда-

нибудь прилетят вот так, как мы прилетели к Дюймовочке...

Ответом ему был дружный смех.

– Переживать из-за каких-то микробов! – хохотал Тим.
– Из-за щепотки праха на ладони! Для этого надо быть по-лоумным индейцем!

Он поймал рукой скобы магнитного крана.

– Глядите! Вот как добываются десять миллионов долларов!

Он спикировал на карликовую планету. Клешни крана были словно разверстая пасть дракона... Крепкий кабель натянулся, беззвучно взвизгнула сталь...

«Погремушка» мчалась к Земле – блестящее зернышко, за которым тянулся в космосе тусклый след. Обгоняя время, они тигриным прыжком преодолевали космическую бездну. Летели победители. В грузовом отсеке корабля висела Дюймовочка – плененная синяя птица с перебитыми крыльями...

Правда, Керл и Тим бережно обращались с драгоценной добычей. Включили антигравитационные генераторы и создали поле невесомости во второй цистерне, где, будто редкостная колибри в клетке, парила карликовая планета. Накачали туда кислород, углекислый газ, аргон, водяные пары, чтобы «они» могли дышать. Установили даже искусственное солнце. Словом, сделали все, чего не жаль ради десяти миллионов долларов.

И им удалось уберечь от поголовного вымирания крупинки, или бациллы, или черные точки, – то, что было видно в микроскоп. Уберечь миллионы обитателей планеты, которые пережили потопа и циклоны, когда кран гру-

бо остановил вращение Дюймовочки, и маленькие кристаллы заволокло клубами красного дыма, и ожили вулканы в миниатюрных грозных извержениях. Космическая катастрофа на ладони...

Обратный путь оказался вовсе не таким уж скучным. Они провели немало увлекательных часов во второй цистерне, вооруженные микроскопом и лупами. Тонкими пинцетами подбирали копошащиеся живые крупинки и клали их на освещенное белой лампочкой предметное стекло.

– Это будет почище блошиного цирка! – приговаривал Тим, добродушно смеясь. – Глянь, как мечутся! Ха-ха, миллиметр в час. Им невдомек, что происходит. Они не способны даже представить себе, что есть такие суперсущества, как мы!

– Идеальный объект для опытов с наследственностью, – деловито заметил Керл. – Размножаются по меньшей мере так же быстро, как банановые мушки. У них должна быть совсем другая мера времени, чем у нас. Вероятно, наш час для них целый год. Представляете себе, что это означает для исследователя! Можно целому народу привить рак, изолировать его в спичечной коробке и наблюдать несколько поколений: сопротивляемость, распространение болезни, смертность!

– Может, не стоит продавать Дюймовочку астрофизическому музею, – задумчиво сказал Маджио. – Лучше устроим питомник и будем продавать их оптом. А? Тысяча долларов за миллион! Предположим, они размножаются со скоростью десяти миллионов в сутки. И никаких расходов на кормление и уход!

– Знай себе собирай с Дюймовочки урожай – по десяти тысяч в день! – Тим хлопнул себя по ляжке. – А сколько всевозможных применений! Миллион – для школ, наглядное пособие. Десять миллионов – для военных игр, которыми развлекаются полководцы: могут заселить целую искусственную планету и проверить, что будет в случае атомной войны!

– А если их можно обучить, чтобы работали в микро-аппаратуре космических кораблей, это будет куда дешевле транзисторов! – Керл поднес свою лупу к планете. – Смотрите, они уже восстанавливают разрушенные города. Видно, как меняется форма кристалликов. Да, живучее племя...

Он усмехнулся.

– Слушайте! – Маджио осенила новая идея. – Их можно еще сажать по несколько тысяч в стекляшки в серьгах! Вот будет женщинам о чем потолковать, как соберутся. Брошка, а внутри копошится эта мелюзга!

Да, немало повеселились четыре приятеля, разглядывая Дюймовочку. Они строили воздушные замки и предвкушали, как будут загребать неслыханные деньги. Наперед основали новую фирму: синдикат «Дюймовочка»!

Один лишь Анжело молчал. Он глядел на голубую планету, которая невесомым мыльным пузырем парила в цистерне номер два, глядел на опустошенные континенты и уничтоженные пожаром города с расходящимися из центра лучами новых улиц... И представлял себе, как миллионы живых созданий смотрят в беззвездное пространство вокруг планеты, замкнутое в ржавых стенках второй цистерны. У него пропал сон, пропал аппетит, он осунулся и стал рассеянным и раздражительным.

– Ох, уж эта его индейская фантазия! – ворчал Тим. – Только и думает об этих бациллах. Верит, что они могут мыслить и говорить. Бациллы!

– Несомненно, могут, – заметил Керл.

– Это как же так? – Тим недоверчиво глянул на него.

– В этом-то всё и дело! – Глаза Керла сверкали. – Сенса-ция: мыслящие бациллы!

Он поднял руку, и огромная тень от кисти легла на го-рода, горы и страны.

– Вся прелесть в этом! Понимаешь?

– Ну да... – Тим посмотрел на руку, которая хищной птицей парила над карликовой планетой. – Ну, конечно!

Их смех было слышно даже в том отсеке, где Анжело метался на койке, преследуемый кошмаром, который, не-сомненно, был вызван чересчур живым воображением.

– Ваш корабль должен пройти стерилизацию! – холодно заметил служащий. – Таково правило: все корабли, воз-вращающиеся из космоса, подлежат суточной тепловой обработке при температуре сто градусов, чтобы обезвре-дить возможны? чужеродные бактерии и вирусы.

– Но как вы не понимаете? – кипятился Тим. – Эта планета в цистерне номер два обитаема! На ней есть жизнь!

– Особого рода микроскопические существа, – пояснил Керл. – Ростом около двух тысячных миллиметра. Уни-кальное племя, чрезвычайно подходит для научных экспе-риментов!

– Планета? – сухо произнес служащий. – Этот мине-ральный образец, этот... гм, астероид, который вы доста-вили?

– Настоящая живая планета! – заверил его Маджио. – Мы сами видели, как она вращалась вокруг Бетельгейзе. Полярное сияние, облака и все такое прочее!

Панамский межпланетный космодром. За окнами космопорта, весь в оспинах от метеоров, висится корпус «Погремушки», только что завершившей самый далекий космический рейс в истории человечества. Техники уже подали к люку огромный электрический теплоагнетатель, чтобы произвести предписанную законом стерилизацию.

Тим, Керл и Маджио из всех сил старались отстоять интересы синдиката «Дюймовочка». Какое там! Разве способен тупой чинуша осмыслить такую великолепную идею?!

– Можете говорить что хотите! – строго сказал служащий. – Про целые народы в капле воды, про микролюдей по тысяче долларов за миллион человек!

Он постучал пальцем по своду инструкций.

– Закон есть закон! Мы не можем рисковать, не можем выпускать этих... гм, бацилл на нашей планете! Это было бы безответственно, господа, без-от-вет-ствен-но!

Они протестовали. Они размахивали руками и повышали голос. И даже не заметили, как «Скорая помощь» потихоньку увезла Анжело, который что-то бормотал про «голубых ангелов» и «бедную украденную птицу».

Басовито загудел теплоагнетатель. Волны обжигающего воздуха ворвались в корпус «Погремушки» и потекли из отсека в отсек. Три космонавта смолкли. Против факта не пойдешь. Служащий захлопнул свод правил и проводил их взглядом, качая головой. Приступ космического помешательства, не иначе... Все эти космонавты,

как вернуться из рейса, переживают своего рода кризис. Что говорить, нелегко служить контролером на Панамском межпланетном космодроме!

Возле своего корабля тройка задержалась. Глядя на отсек с водяной цистерной, они прислушались к низкому гудению теплоагнетателя, пытаясь уловить – что?.. Крики? Рев пламени, пожирающего города? Кипение океанов?

– Есть же бестолковые люди! – от души возмутился Маджио.

– Да уж, – буркнул Тим. – Мы могли заработать миллионы, понимаете, миллионы!

– Мы были для них все равно что боги, – мечтательно произнес Керл. – И вдруг – пожалуйста, стерилизация!

Двадцать лет спустя один из чиновников нашел в пакетах Космической Торговой компании какой-то огромный круглый камень. Он осторожно навел справки и выяснил, что этот кусок породы никого не интересует. Космонавты вечно, тащили на Землю метеоры в качестве сувениров.

Тогда чиновник велел водителю автокрана после работы вывезти камень за город. Он знал, что из метеоров получают очень красивые плитки. Взорвал камень динамитом и соорудил из осколков великолепный ансамбль у себя в саду.

И когда клумбы запестрели цветами, он частенько приходил с женой полюбоваться своим сооружением.

– Подумать только, – приговаривал он всякий раз, – получить декоративный камень, который привезли за триста световых лет, от самой Бетельгейзе, за каких-нибудь десять долларов!

Никудышный музыкант

«Танцуй, качайся,
Страна счастья твоя...»

Серебряные мембраны куплетных роботов улаживали слух танцующих заключительными фразами очередной песенки. Толпа, одетая в пестрые пластиковые костюмы самых веселых тонов, медленно кружила по залу. Тысячи пар глаз отсутствующе смотрели в сизый от табачного дыма воздух. Тысячи застывших лиц выражали бездумье высшей марки.

На секунду воцарилась пауза – ровно столько, сколько нужно, чтобы приятным контрастом родилась смутная тревога, перед тем как польются сладкие, бархатистые звуки автоматических вибратуб. И вот они вступили в сопровождении сервоуправляемых голосов, чей печальный напев ровно сорок пять секунд превращал мир в исполненный несказанно интересной грусти райский уголок.

Как только вибратубы смолкли, на просторную сцену телевизионного эстрадного театра таким веселым кроликом выскочил разбитной конферансье.

– Дамы и господа! – воскликнул он веселым голосом, будто взятым из устава Службы полного довольства (СПД). – А теперь я с огромным удовольствием представляю вам нашу сенсацию, нечто совершенно необычайное – последнего в мире *настоящего* живого скрипача-виртуоза!

И он раскинул руки в стороны, как бы делясь со всеми своим радостным удивлением. Большой восторг-автомат, замыкавший строй хромированных инструментов-

роботов, немедленно исполнил ликующий туш. Конференсье продолжал с видом заговорщика:

– Это единственное в своем роде выступление оказалось возможным исключительно благодаря специальному разрешению нашей превосходной Службы ПД. Слава богу, вот уже полтораста лет, с 1991 года, все разновидности так называемого подлинного искусства запрещены в соответствии с законом, который устранил все, что может разбудить мысль и вырвать человека из его естественного счастливого, бездумного состояния!

Публика заметно оживилась. Это в самом деле интересно. Подумать только! Увидеть живьем одного из этих пресловутых музыкантов прошлого! Пожалуй, это почище даже, чем марафон смеха или танцевальный конкурс морских львов!

– Разумеется, все произведения так называемых композиторов – Моцарта, Бетховена и прочих, – давно сожжены. Никто из ныне живущих никогда не слышал этих сонат, симфоний, концертов, этих... опусов.

И он скроил потешную гримасу. Публика разразилась хохотом. До чего же эти старинные слова смешные! «Фонарщик», «поэзия», «мамелюк»... Теперь вот это – «опус»! Господи, что за люди жили тогда – неряшливые, работающие, мыслящие, примитивные. «Опусы» – ха-ха-ха!

Конференсье широко улыбнулся и потер залысины. Публика реагирует так, как надо! Служба ПД опасалась, что зрители будут сбиты с толку. Чего доброго, воспримут этот шутовской номер всерьез, а не как забавный образчик «тренибреней» двадцатого века!

– Но дело в том, что сюрприз сегодняшнего вечера,

наш почтенный Бюффон, принадлежит к старинному роду музыкантов! – с профессиональной веселостью воскликнул конференсье. – Для этих Бюффонов всегда самым главным в жизни были опусы. Когда Служба ПД очистила землю от нудной живой музыки, эти чудаки стали передавать по памяти опусы из поколения в поколение. Прятались где-нибудь на чердаке или в лачугах в глуши, далеко от городов. И вот недавно один из них – насколько известно, самый последний – предложил выступить здесь, в программе телевизионного развлекательного концерта. Дескать, люди привыкли к музыке роботов, так можно им хотя бы один раз услышать живую музыку?! Каково?

Холеная рука конференсье нежно взялась за микрофон. Он чуть усмехнулся и закончил:

– Итак, дамы и господа! Нам, беднягам, представляется последний шанс спастись от тирании вибраторов, сервоголосов, восторг-автоматов и синтетических соловьев! *Вольфганг Бюффон!*

Под ураганный хохот, свист, гиканье и аплодисменты на сцену вышел последний скрипач-виртуоз. Один вид его чего стоил! Упитанные, превосходно одетые, изысканно бездумные зрители жадно рассматривали худого человека с седой гривой и узким нервным лицом. Темные глаза музыканта казались незрячими, словно его взгляд был устремлен в давно погибший мир гармонии, созвучий и могучих образов.

Вот он робко посмотрел на огромный зал – множество колонн из пластика под мрамор, холодильники с настоящим французским синтетическим шампанским, россыпь конфетти и потешные бумажные шляпы... Потом неук-

люже поклонился и поднес к подбородку матово-черную скрипку из какого-то неизвестного дерева. Шеренга сверкающих электронных инструментов за его спиной недобро загудела и замигала красными сигнальными лампочками, словно угадывая в нем врага. Скрипач вздрогнул, но затем решительно приложил к струнам смычок. Прозвучала пробная нота. И тотчас лицо музыканта преобразилось, его осветил восторг, который был непонятен зрителям, даже слегка испугал их... Но артист уже забыл о публике.

– Скрипичный концерт Бетховена! – пролепетал в микрофон конференсье и как-то искусственно улыбнулся.

Публика послушно улыбнулась в ответ, хотя с явным беспокойством глядела на одинокого музыканта, стоящего перед плотным строем роботов. Работники Службы ПД насторожились, однако причин для вмешательства пока не было. Это же комический номер, и сегодня субботний вечер, все сидят перед телевизорами, ожидая развлечения.

Вольфганг Бюффон начал играть. В его струнах звучал рассвет, и утренняя роса, и шелест листвы древнего дуба; они пели про могучий морской простор и сумеречную тишину леса, про вечное беспокойство, снедающее душу человека. Мелодия плыла над публикой на крыльях тонкой красоты и прозрачной гармонии. Ожил гений замечательного композитора, но скрипка пела также об одинокой жизни музыканта, о долгой борьбе его рода за то, чтобы в медовом мире узаконенного бездумья сохранить хотя бы частицу великих творений. Скрипач пытался проникнуть в эти изнеженные души, поведать им о чем-то новом. Наверно, это последняя возможность, и ему стоило таких трудов пробиться к микрофону...

Мощные передатчики СДЦ разнесли призыв его скрипки в самые отдаленные уголки земного шара. Десять миллиардов человек – на Гавайских островах, в Чили, в Греции – везде слушали его, и странная тоска охватывала их душу, тоска по чему-то неведомому, забытому.

Постепенно красивые, гладкие лица людей, сидевших за столиками в зале, исказило негодование. Дамы зябко ежились. Мужчины сурово переглядывались. Как это противно – задумываться... Конферансье обливался потом. Неужели промах? Вон как подозрительно на него поглядывают работники Службы ПД... Еще немного, и публика начнет думать! Какой скандал! Ведь вот они, метровыми золотыми буквами на голубом заднике сцены лозунги СПД: «ВЕСЕЛЬЕ! ПОТЕХА! БЕСПЕЧНОСТЬ!» Только мыслящие люди причиняют хлопоты властям, пустые и бездумные – никогда!

А скрипка на эстраде продолжала петь. Над ней, под прицелом телевизионных камер, склонилось худое, озаренное внутренним светом лицо. И во всем мире замолкали восторг-автоматы и синтетические соловьи, из бесчисленных телевизоров и радиоклипсов звучала незнакомая трепетная мелодия.

Одну долгую и страшную минуту СПД стояла на грани краха. Десять миллиардов людей молча слушали – в автомашинах, в бараках, в серийных домах из стекловолокна, в туристских отелях Антарктиды.

Вызванный четырьмя звенящими струнами Вольфганга, из мглистого прошлого явился дух глухого повелителя звуков; и казалось, над розовым весельем 2141 года занялся ясный, росистый рассвет. Десять миллиардов смутно

ощутили, какой мир погиб, когда утвердился механизированный рай, мир, в котором еще умели плакать и смеяться, любить и отчаиваться. Тогда еще рождались на свет гении и даровали людям невиданные краски, мысли, мелодии. Подумать только – каждый день тогда нес с собой перемены!

Какая же сила была заложена в тех днях, если и теперь, много столетий спустя, в век механизированного довольства, их голос звучит со струн хрупкого инструмента в руках какого-то замухрышки, повелевая онемевшему человеческому сердцу: «Проснись! Смотри: весь мир, до самых далеких галактик – твое достояние! Не позволяй удобства ради услужливым машинам превращать тебя в бензольного раба! Твоя вера еще способна сокрушать горы, твои мысли – лететь быстрее света!»

Вот что говорила скрипка Вольфганга Бюффона, последнего музыканта, жертвам комфортабельной тирании машин в этот странный вечер 2141 года. И так проникновенно звучал зов минувшего, что грядущее всколыхнулось, и тысячи смутных слов родились в душе его обитателей – слов, которых никто не знал, не смел произнести таких новых и смелых слов!..

Минуту люди слушали, молчали и думали.

А затем они рассмеялись. Как они смеялись! Они наградили свистом и гиканьем этого возомнившего о себе шута. Они корчились от смеха, они держались за животы и радостно замечали, что могучий всесветный хохот заглушает робкий шепот сердца.

Вольфганг растерянно опустил скрипку и вернулся из своей прекрасной, озаренной утренним солнцем страны.

Облегченно вытирая слезы (он так смеялся!), конференсье юркнул к микрофону. Работники Службы ПД одобрительно кивали: поучительный пример, превосходная пропаганда!

– После этого забавного, очень забавного образчика так называемой духовной жизни прошлого прослушайте в исполнении нашего механического оркестра лучшую песню года: «Милая, скажи – умба-ум!»

Электронные инструменты извергли мощный ликующий аккорд, синтетические соловьи принялись щебетать о неоновом лунном свете, от Сан-Франциско до Йокогамы разнесся серебристый голос металлического роботакуплетиста:

«МИЛАЯ, СКАЖИ – УМБА-УМ!»

Вольфганг сидел в грязной комнатухе на самом верху восьмидесятиэтажного небоскреба из ядовито-зеленого пластика. Его пустили сюда пожить временно, а вместо платы он должен был каждый день играть старинную детскую песенку «Тинге-линге-латер» хозяину дома, этакому огромному розовому младенцу, которому его пиликанье доставляло великое удовольствие.

На сундуке, заменявшем стол, стоял стакан и початая бутылка синтетического джина. Музыкант то и дело прикладывался к бутылке. Матово-черная скрипка, которую его род бережно хранил, валялась в углу. Он встал и, наполовину одурманенный, заходил по комнате. Провал! Полный провал, Служба ПД даже не стала его арестовывать после концерта! А он так надеялся на свое выступление. Так верил, что гениальная музыка мастера развеет этот розовый механический кошмар и бедняги увидят ис-

тину, поймут, что превратились в дурачков, но они вовсе не рождены быть дурачками! А они засмеялись, они хохотали, когда с его струн срывались замечательные звуки!

Он застонал. В огромном доме из тысяч динамиков вырывались трели и гул музыкальных автоматов. Словно издевательский хор пронизывал стены и потолки. Он схватил бутылку и сделал большой глоток. Все напрасно! Из поколения в поколение Бюффоны переносили всяческие беды, лишь бы сохранить хоть что-то от магической силы музыки. Черная скрипка была символом их надежд. Ее создал в семнадцатом веке итальянский мастер Тони Кремуни. Только одна скрипка такого вида вышла из его рук, и предание говорило, будто он играл на ней странные неслышимые мелодии чудовищной мощи, которые разрушали стены и обращали в пыль железные решетки.

«Магия и чертовщина!» – объявили власти. И повелели сжечь его на костре за колдовство. Но незадолго перед казнью мастер сумел передать скрипку своему другу, первому из Бюффонов, вместе с предсказанием, что однажды, когда человечество постигнет великая беда, этот инструмент своими чудотворными звуками спасет души людей, если только они смогут один час молча слушать его.

Какой вздор! Вольфганг дернул себя за волосы. Сегодня вечером настал этот миг. И они слушали, слушали молча. Но они оказались слишком слабы и испугались тишины, в которой было их спасение. Они захохотали. И тотчас громогласные роботы вновь подчинили их себе.

Он, последний в роду Бюффонов, подвел, не смог использовать возможность, когда она представилась! А теперь... Что ж, теперь ему остается только стать таким же

полным довольства пенсионером, как и все, и будут его лелеять, холить и нежить разбитные роботы-няньки!

В отчаянии он схватил скрипку, чтобы разбить ее об пол, но передумал. Вместо этого он взял смычок и ударил им по струнам. И старая скрипка закричала. Диссонансы один другого сильнее резали слух, пока не перешли в неслышимые сверхзвуковые колебания. А скрипач, тяжело дыша и дрожа всем телом, продолжал играть. В душе его рождались неукротимые вихревые мелодии. Никогда еще он так не играл. Из мрака отчаяния, будто языки пламени, рвались умопомрачительные, неслышимые симфонии.

Внезапно какая-то яростная сверхзвуковая вибрация коснулась стакана, стоявшего на сундуке. И тот распался на множество остроконечных стеклянных бусинок. Пораженный Бюффон опустил скрипку. Странная мысль возникла в его одурманенном мозгу. Уж не в этом ли заключалась тайная магия итальянца? Может быть, он сделал такую скрипку, из деки которой можно извлечь наделенный сокрушительной силой ультразвук? Может быть, есть особые приемы, которые позволяют при помощи колебаний разрушать материальные частицы, даже нейтрализовать внутриатомные электрические связи? Уж не за это ли Кремуни сгорел на костре?

Неужели он напал на секрет, который может оказаться сильнее способности СПД убаюкивать человеческий дух? Сумеет ли он подобрать в царстве сверхзвука мелодии, которые разобьют наголову армию музыкальных роботов, заставят умолкнуть эти неживые блеющие голоса, убивающие всякую мысль?

Какая соблазнительная мечта!

Посеять тишину в этих хромированных городах, в домах, гулких, как пустые раковины! Всего на один час, чтобы жители этих домов услышали в своей душе могучий глас, услышали как призыв в предрассветной тиши! Уж не это ли предсказал Тони Кремуни, прежде чем его начали терзать огнем и железом?..

Прижимая к груди черную скрипку, Вольфганг тайком покинул большой город, где во всех домах, машинах и клипсах, словно пирующие гиены, завывали музыкальные роботы. Он ушел в глушь, в густые леса и пустынные горы, откуда последние люди давно бежали из страха перед строгим безмолвием природы.

Здесь в полном одиночестве он играл с утра до вечера, пока онемевшие пальцы не роняли смычок. Он уловил космические ноты – музыку планет, летящих в мировом пространстве. Он подобрал манящие трели, которые знал крысолов из Гамельна, и звери выходили из лесных дебрей послушать его. Волки были кругом в лунные ночи, орлы падали с неба, рассекая свистящий ветер широкими крыльями. Он подобрал мелодии, которые неслышимым ураганом прокатывались по лесам и валили наземь самые могучие дубы. Он даже вызывал музыкальных демонов, которые раскалывали скалы.

И в конце концов ему удалось отыскать колебания, от которых лопались металлические мембраны музыкальных роботов. Ночью он прокрадывался в города, собирал там радиоклипсы, карманные динамики и прочие изделия того же рода. Потом бежал со своей добычей обратно в леса, а привратники-роботы кричали вслед ему: «Держи вора!» – и электрические ищейки гнались за ним.

Надежно укрывшись в лесу, он совершал страшные злодеяния во имя своей великой цели. Неслышимыми симфониями он безжалостно пытал и истязал несчастные аппараты, пока они, издав последний вопль, не смолкали навсегда.

И Вольфганг Бюффон возликовал. Теперь он готов! Он дарует людям спасительную тишину, избавит их от тирании музыкальных автоматов!

Однажды вечером, оборванный и изможденный, он вошел, шатаясь, в сверкающий огнями большой город, где потерпел поражение. Кругом всеми цветами взрывались неоновые рекламы. И отовсюду – из юрких авто машин, из вертолетов, из клипсов на розовых девичьих ушах, из квартир и ресторанов – несло усыпляющее «труляля» блеющих и подвывающих динамиков, и люди слушали с пустыми, довольными лицами.

Он поднес смычок к струнам матово-черной скрипки и заиграл вихревую беззвучную симфонию. Им овладел экстаз. В глубинах его души рождались ноты потрясающей силы, не слышанные никем, разве что глухим гением, который некогда приносил людям чудесные дары из удивительного и страшного мира музыки.

И словно пораженные ударами кнута, смолкли все оружие металлические рты в блаженном городе. Онемели десятки тысяч вибратуб. Звякнув, остановились восторг-автоматы. Околели синтетические соловьи, распространив кругом едкий чад сгоревшей изоляции.

Наступила тишина, непривычная тишина. Последнее эхо бездомным призраком пронеслось по глубоким ущельям улиц и замерло. Неожиданно люди слышали

свою собственную, не бог весть какую содержательную речь. И все сразу замолчали. И стал слышен тихий шелест ветра между верхушек хромированных небоскребов, и шорох шин по мостовым из молочного стекла. Стал слышен даже беспокойный стук сердца. Что такое? Кто посмел снять с висков кандалы, так что скованные мысли поднялись на колени и спросили: «Кто ты?»?

Машины остановились. Вертолеты неуверенно пошли к посадочным площадкам на крышах. Медленно робко отворился миллион дверей. Белые лица выглянули наружу, потом нерешительно двинулись по улицам, точно влекомые ветром бесцветные воздушные шары. Руки растерянно метались. Рты стонали. Глаза искали на небе начертанных пламенем сверхъестественных знаков, возвещающих конец света. Тишина! Впервые за сотни лет – полная тишина. Никакое землетрясение, даже вторжение марсиан не вызвало бы у них такого страха.

Держа под мышкой свою скрипку, Вольфганг шел вперед среди всех этих испуганных, молчаливых людей. Он нес в сердце великую надежду. Наконец они могут услышать в своей душе отзвук вечности. Час настал! Он сорвал с их поработанных умов цепи шума. Сейчас раскатится многоголосый крик: «Мы свободны! Мы снова можем думать! Сокрушим тиранию музыкальных машин, станем такими, какими нас создала природа!»

Но крик не прозвучал.

Люди растерянно бродили кругом. Они зажимали уши руками, обороняясь от громогласной тишины. Многие кутали голову в тряпки и со стоном забивались в какой-нибудь угол, словно их преследовал кошмар.

Кое-кто, чтобы нарушить невыносимую тишину, пробовал напевать что-нибудь из репертуара куплетных автоматов. И тут же умолкал, испуганный собственным голосом – таким слабым, таким одиноким... Вольфганг недоумевал. Он подходил то к одному, то к другому и шептал им на ухо:

– Вы свободны! Радуйтесь же! Прислушайтесь – неужели вы не слышите восхитительных мелодий тишины? Не слышите, как все живое поет хвалебную песнь? Прислушайтесь к шепоту ветра, к падающим каплям росы, прислушайтесь к шороху воздуха в легких, к благодарному стуку сердца! Вы свободны! Так начинайте жить! Поделитесь друг с другом новыми мыслями!

Но его никто не слушал. Сначала родился шепот, он перешел в согласный жалобный крик:

– Спасите нас! Спасите от этой ужасной тишины, которая делает нас такими маленькими и ничтожными! Верните нам шум! Включите чудесные вибраторы, веселые восторг-автоматы, упоительных синтосоловьев! Верните нам праздник, механическую музыку и потешные песенки, потому что внутри нас так пусто, так пусто!

И толпа устремилась к Департаменту пропаганды – наиважнейшему учреждению СПД, огромному розовому небоскребу, где механические писатели, электронные поэты и автоматические композиторы трудились, чтобы жизнь была непрерывным праздничным представлением. И хитроумные думающие роботы, услышав жалобный призыв толпы, тотчас загорелись новым рвением.

Миллиарды электрических импульсов побежали по проводам с этажа на этаж. Замелькали сигнальные лам-

почки. Включились резервные динамики. С площадок, куда не распространилось действие сверхзвуковой симфонии, поднялись в воздух музыкальные вертолеты.

– *Дети!* – зарокотал отеческий металлический голос с крыши Департамента. Подключенный прямо к сети механический писатель заработал на полную мощность. – *Дети! Какой-то безумец устроил покушение на нас, на машины! На нас, которые неустанно трудятся, чтобы обеспечить узаконенное право человека на бездумье! Но вы не бойтесь! Мы спасем вас от террора тишины! Слушайте! Мы снова начинаем играть! Веселитесь опять! Ликуйте! Хохочите! Шумите! Танцуйте под блаженные звуки ксинги, юмбы и хух-хух!*

Ласковый металлический голос смолк, но из вертолетов и броневигов полиции СПД снова зазвучали приторные рулады вибратуб и сладкое пение роботов-куплетистов:

Дружно – юмба, дружно – бумба,
Веселись на всю катушку!

Напряжение оставило бледные, испуганные лица. Появились робкие улыбки, люди взялись за руки, сделали ногами одно коленце, другое, запрыгали и подхватили:

Дружно – юмба, дружно – бумба...

И с благословения доброго металлического голоса начался огромный импровизированный асфальтовый бал. А в это время электрические ищейки полиции СПД выследили оборванного худого человека, который стоял, прислонясь к стене, и глядел на лежащую у его ног разбитую вдребезги черную скрипку...

– Чудная какая мелодия, верно, Джим?

– Верно, Сэм! Это одна из этих запретных песенок, их пели в средние века, до закона о бездумье!

Два сторожа в белых халатах смотрели на дверь с надписью: «Палата 1014». Одна из многих дверей в одном, из многих коридоров больницы для умалишенных. Сколько их тут, этих дверей, и за каждой – один из тех, кто, как ни странно, потерял рассудок от шума нескончаемых праздников, от серийных мелодий музыкальных автоматов.

Сторожа переглянулись с усмешкой и прильнули к глазку в двери. Посреди комнаты стоял худой человек со странным, одухотворенным лицом, в предписанной регламентом розовой одежде. На маленькой нескладной скрипке он играл чудесный концерт Мендельсона.

Но этого сторожа, естественно, не могли знать.

– Сам ее сделал! – сказал Джим. – И ведет себя тихо, лишь бы ему разрешали пикировать на ней!

– Псих психом! – Сэм покачал головой. – Ведь это он тогда затеял покушение, тишину устроил! Чего захотел – чтобы люди задумались! Псих! А эти его трени-брани... То ли дело автоматическая вибратауба!

– Спрашиваешь! От его пикиканья только тоска берет! – Джим прислушался к чистым, глубоким звукам, которые доносились из палаты 1014. – Кстати, ты слышал последнюю: «Ба-бу, милашка!»? Класс!

– Спрашиваешь!

Они воткнули себе в уши грушевидные микроприемнички, и в черепе отдалось упоительное «ба-бу».

Во всех коридорах, отделениях, палатах динамики блеяли и завывали: «Ба-ба-бу, милашка!».

Умалишенные колотили ногами в дверь, кричали и

протестовали. Им хотелось покоя, покоя, ПОКОЯ! Но здесь никакие мольбы не помогали. Все равно их не выпустят, пока этот гам не станет для них таким же необходимым, как воздух.

Вдруг в свистопляску металлической музыки вплелась нежная мелодия из палаты 1014. И соседи перестали колотить в дверь, чтобы не заглушать трепещущие струны, которые так ласково пели о тихой радости, о покое, о зарождающейся надежде. Да-да, они слушали!

Недаром в этой больнице были собраны самые тяжелые случаи...

Буллимар

Буллимар лежал на больничной койке, укрытый прохладной простыней, но тело его горело. В палате царил полумрак, жалюзи были опущены. Буллимар не нуждался в свете, все равно он ничего не видел сквозь бинты. Обмотанные марлей руки покоились на матрасе, к локтю от стеклянного сосуда тянулся резиновый шланг.

Несчастье произошло сразу после того, как они взлетели с Меркурия. Их было восемь на борту: три члена экипажа и пятеро пассажиров – два техника с женами и один мальчуган.

Корабль доставил на Меркурий припасы и новую смену.

Транспортные ракеты были здесь единственной связью с внешним миром – Солнце, занимавшее большую часть неба над другим полушарием, не позволяло использовать радио и телевидение.

Все маневры были привычными для Буллимара. Они стартовали в затененной зоне и помчались вверх. Выходя на орбиту, уводящую от Солнца, нужно было набрать достаточную скорость, прежде чем отключать основные двигатели. Они шли еще с небольшим ускорением, когда это случилось.

Невидимое сквозь черные шторы на иллюминаторах огромное Солнце исторгло язык пламени. Плающее облако плазмы вернулось обратно в раскаленное море, но тонкая пламенная нить дотянулась до космического ко-

рабля, пометила его чудовищным зноем звездных температур.

Двигатели закашляли, и ракета сделала сальто в космосе.

– Черт! – выругался второй пилот, глядя на приборные щитки. – Отражатель барахлит.

Буллимар ничего не сказал. Он выключил двигатель. Корабль бесшумно летел дальше, виляя из стороны в сторону.

Долго в рубке стояла тишина. Наконец третий пилот заговорил:

– Если мы не запустим двигатели, ракета упадет на Солнце.

Второй пилот подошел к вычислительной машине и, прищурясь, посмотрел на цифры, бегущие по бумажной ленте.

– К сожалению, – подтвердил он. – Не сразу, конечно, дня два будем падать.

В последние секунды, прежде чем их выключили, двигатели успели изменить курс корабля, и теперь он летел к Солнцу. Отражатель газовой струи в главном двигателе сорвало с места.

Кто-то должен снаружи закрепить отражатель, пока ракету не затянуло в клокающий ад. И надо действовать побыстрее. Чем ближе к Солнцу, тем сильнее облучение; тот, кто выйдет наружу, рискует погибнуть. Еще нет скафандров, дающих надежную защиту так близко от Солнца.

Буллимар подошел к переходной камере и надел свой скафандр. Его товарищи молчали и старались не смотреть на него.

Через четверть часа красная лампочка на приборном щитке сменилась желтой. Корабль летел, вращаясь, дальше, и наружные телекамеры показывали фигуру космонавта, то залитую солнечным светом, то поглощенную мраком. Осторожно отталкиваясь руками, Буллимар полз вдоль длинного корпуса.

Они надели скафандры, выждали минуту, когда люк оказался в теневой стороне, выскочили наружу, схватили Буллимара и втащили его в корабль. Крышка люка хлопнулась, защитив людей от стремительно наплывавшего смертоносного сияния.

Им не удалось снять скафандр с Буллимара. Пластмасса, прикрывавшая лицо и руки, прикипела к коже; грубый материал, защищавший тело, обуглился. Они удалили что могли, срезали опаленные куски стекла и металла и поддерживали жизнь к командиру, пока ракета опускалась к Земле, где уже ждала санитарная машина.

– Кажется, зрение удалось спасти, – сказал врач.

Белую марлю разрезали, и Буллимар осторожно открыл глаза. После многих месяцев слепоты свет в полутемной комнате показался ему очень ярким. Он смутно различил парящие над ним розовые воздушные шары с нарисованными красными улыбками.

– Вы видите? – спросил один шар.

– Да... – ответил Буллимар, удивленно озираясь. – Спасибо большое, доктор.

Подошла сестра с ваткой в руке. Ватка ожгла кожу там, где раньше были бинты. Буллимар поднял руку, с которой только что сняли огромную марлевую рукавицу, хотел вытереть лоб. Что-то зашуршало, будто соскребали чешую с рыбы.

Он с ужасом поднес руку к глазам, согнул пальцы и присмотрелся к коже.

Кожа была черная, потрескавшаяся. Она блестела, будто черное дерево или рог, смазанный маслом. Она словно шелушилась, и в ранках желтела сукровица. Он осторожно ощупал левую руку правой, снова поднес теперь уже обе руки к лицу. Кожа была грубая, шершавая, как опаленная бумага.

— Пластмасса, — объяснил врач. — Пластмасса прикипела к коже. Просто чудом удалось спасти вам зрение.

Буллимар зажмурился и попробовал представить себе, как выглядит его лицо. Блестящая черная маска с желтой сеткой.

Когда он привык к свету, ему дали газеты и журналы с рассказом о несчастном случае. Буллимар обнаружил, что он знаменит. «Герой с Меркурия». «Поединок с Солнцем». «Рыцарь космического века». И фотографии молодого, только что из академии, улыбающегося космонавта с усиками.

Буллимар горько улыбнулся и потрогал жесткую потрескавшуюся кожу. Теперь в газетах будут совсем другие снимки... И когда, наконец, к нему допустили репортеров и фотографов, он прочел в их глазах, что они думают. На следующий день репортажи о драматическом происшествии пополнились новой главой, в которой звучала трагическая нота.

Буллимар лежал под прохладной простыней и думал; лицо по-прежнему горело. Он еще никак не мог поверить в реальность происходящего. Белые стены больничной палаты и непроницаемые лица врачей стояли между ним и повседневной жизнью.

Через несколько дней после того, как сняли повязки, он попросил ножницы и вырезал все статьи и заметки о себе. Время от времени он вынимал их из конверта и перечитывал. Если кто-нибудь заставлял его за этим, он криво усмехался и виновато прятал вырезки под подушку. Но так или иначе... отныне он герой. Один из тех, кого знает, о ком говорит весь мир.

Он будет сидеть в компании в глубоком кресле и словно нехотя рассказывать, как все было. Рассказывать всем, кто увидит его изувеченную кожу и спросит, что с ним случилось. Куда ни пойдет – всюду его будут узнавать, будут шептаться за его спиной.

Буллимару вовсе не претила роль героя. Хотя он старался держаться иронично, но был достаточно честен, чтобы признать, что ирония эта – напускная.

– Не знаю, – сказал врач. – Не могу сказать, пройдет ли это совсем.

Врач перелистывал бумаги. Буллимар сидел в его кабинете, одетый в форму космонавта. Пришла пора выписываться. Воротничок тер потрескавшуюся кожу, на руках были перчатки.

– Пластмасса, – сказал врач.

Буллимар кивнул. Его глаза с неестественно яркими на темном лице белками осматривали комнату.

– А вообще, вы здоровы, – продолжал врач. – Возможно, будете ощущать боль, но никакой опасности нет. Только следите, чтобы язвы не воспалились.

Буллимар кивнул, при этом трещинки на лице разошлись и снова сомкнулись.

Выйдя из кабинета врача, он спустился по лестнице и

очутился на улице. После всех этих недель в больнице он чувствовал слабость, у него закружилась голова при виде множества людей, оживленного движения. Он смотрел на хорошо знакомый город так, словно только что приехал сюда с группой туристов.

— Несчастный случай над Меркурием, я угадал? — спросил шофер такси. — Об этом все газеты писали.

— Да, — признался Буллимар. — Долго лечили, но все же поправился.

Водитель взглянул на него в зеркальце.

Буллимар остановился в лучшем отеле, он мог себе это позволить теперь. Швейцар узнал его. Ему отвели отличный номер, сам директор его проводил.

— Смелый поступок, — сказал он. — Я понимаю: женщины, дети.

Вечером Буллимар спустился в бар. То и дело кто-нибудь присаживался к его столику. Сидели недолго, представятся — и уйдут. Репортеры из вечерних газет, любопытные постояльцы — все поздравляли его. Мало-помалу Буллимар разговорился. Слушая собственный голос, он в душе усмехался и спрашивал себя, долго ли ему будет доставлять удовольствие роль знаменитости.

Несколько дней он ничего не делал, только слонялся по городу. Потом начал кое-что замечать. Одна женщина поспешно покинула соседний столик, когда он обедал в кафе. Сняв белые перчатки, он накладывал салат на тарелку, в это время женщина уронила салфетку, и он нагнулся, чтобы поднять ее. Женщина обернулась, он посмотрел на нее, она ахнула, встала и засеменила к выходу.

А ведь это началось еще раньше. Когда он сидел в те-

атре или в трамвае, соседние места всегда оставались пустыми. Люди, с которыми он заговаривал, упорно отводили в сторону глаза и старались ограничить беседу несколькими словами – дескать, какой он смелый. Никто не говорил, как он выглядит теперь.

Буллимар пошел в туалет и посмотрелся в зеркало: блестящая кожа, струпья, клочки волос на макушке. Воротничок натер шею и потемнел от сукровицы.

Вспомнилось, что ему всегда претил вид людей, у которых от загара шелушилась кожа. Однажды он обгорел на солнце и два дня не ходил на занятия, нока опаленная кожа не сошла; тогда лицо у него было розовое, как у младенца.

Буллимар осторожно провел рукой по щеке. Как это он мог внушить себе, что его лицо будет вызывать только любопытство и даст ему повод рассказывать, как все было? Он горько вздохнул и отправился в свой отель.

Вечером он позвонил Джей. Джей жил в маленьком городе на западном побережье, в нескольких десятках километров от одного космопорта. Буллимар и Джей выросли в этом городке, поэтому Джей там и поселился, когда его назначили в космопорт диспетчером. В детстве они были соседями. Джей купил тот самый дом, в котором учился ходить, и переделал его на современный лад. Этот Джей всегда был немножко сентиментален, сказал себе Буллимар. Его, Буллимара, дом давно снесли, и на освободившемся месте соседи устроили стоянку для автомашин.

Джей улыбался и кивал на экране видеофона. Буллимар поблагодарил друга за присланные открытки и спросил, как дела. Джей быстро понял, в чем дело, и пригласил пожить у него. Через два часа Буллимар выехал.

Они вместе учились в школе, и оба твердо решили стать космонавтами. Помогали друг другу идти вперед и старались друг друга перещеголять.

Глядя в окошко самолета, Буллимар вспоминал день, когда они приступили к занятиям в космической академии. Там они тоже держались заодно, в общежитии делили номер на двоих. Буллимару все чаще удавалось обогнать своего товарища, а тот оставался все таким же веселым и добродушным. Но вот однажды Джей не выдержал тренажа. С той поры их пути разошлись. Буллимар вышел из академии космонавтом с высшими оценками. Джей в небывало короткий срок получил диплом техника и поступил на работу в космопорт.

Что они взяли с собой из детства? Когда он надевал скафандр там, над Меркурием, не двигало ли им то, о чем они с Джейм мечтали мальчишками? Стать героями, прославиться?..

Джей отворил дверь – по-утреннему бодрый, за каждую штанину держалось по малышу. Буллимар улыбнулся. Кожу саднило. Джей пожал руку в перчатке и повел друга за собой. Дети спрятались в гостиной и робко смотрели на гостя округлившимися глазами.

– Твое лицо, – сказал Джей, вешая его плащ на крючок. – Ну и страшен же ты, по правде сказать.

У Буллимара отлегло от сердца. Из кухни вышла жена Джея, розовая, запыхавшаяся – торопилась вовремя приготовить вкусный завтрак. Она подвела малышей к Буллимару, они боязливо ответили на его рукопожатие.

Когда Джей ушел на службу, Буллимар устроился в саду за домом, захватив с собой лимонаду и несколько

журналов. Пиджак он повесил на спинку шезлонга, воротник рубашки расстегнул. Высокая ива заслоняла его от солнца.

Жена Джея хлопотала в доме, он слышал, как она журит детей. Буллимар усмехнулся. Вспомнил свою жену.

Они с Джеем одновременно познакомились с ней. Друзья ухаживали за одной девушкой, но Буллимар и тут победил. Завоевал ее сердце, и они поженились в тот день, когда он получил свое удостоверение. Джей женился несколькими годами позже. Буллимару его невеста тогда казалась довольно бесцветной.

Брак Буллимара был непрочным. Жена его была слишком хороша собой, слишком интересна. Теперь она известная актриса; они развелись, когда он на девять месяцев уходил в пояс астероидов. Он сообщил о своем согласии по радио.

Ива шелестела листьями, ветки терлись друг о друга. Здесь, в саду, как-то даже забываешь про эту автостоянку перед домом... Жена Джея вышла в сад и, напевая, принялась срезать цветы для букета.

Поселившись в гостиную Джея, Буллимар замечал, как понемногу приходит в себя. У Джея он чувствовал себя проще, чем где-либо еще. Здесь не нужно было прятать лицо и руки, чтобы их вид не напоминал другим о его жертве. Вот только дети... Они испуганно смотрели на него каждый раз, когда он смеялся и на лице появлялось множество желтых трещинок. И Буллимар знал, что долго тут не останется. Но чем же все-таки заняться? Джей помог ему найти ответ на этот вопрос.

Не сразу журналисты выследили его, но все же настал

день, когда в дом Джея явился репортер – худой долговязый парень.

Он объяснил, что люди спрашивают, куда девался Буллимар. Газета хочет продолжить рассказ о герое с Меркурия и его необычной судьбе.

– Я покажу тебе его, – ответил Джей. – А потом сам решишь, что писать.

Они прошли по узкому переулку. Джей показал на маленький домик среди обширного сада.

– Он купил вот этот дом. Прежде тут стояла большая вилла, теперь только этот коттедж.

Репортер старательно записывал.

Они вышли за город. Солнце пригревало зеленые откосы. Тропа тянулась вдоль заросшей каменной ограды, по ней они дошли до небольшой рощи. Джей жестом подозвал репортера к себе.

На косогоре, всего в нескольких метрах перед ними, сидел, скрестив ноги, Буллимар. Стайка ребятишек облепила его со всех сторон.

Буллимар разговаривал с белокурым мальчуганом, который принес ему букет полевых цветов. Мальчик внимательно смотрел на Буллимара.

Репортер взволнованно перевел дух.

– Его лицо!.. Дети... – вымолвил он. – Я ведь и не знал...

Он глядел на Буллимара, на черную, блестящую на солнце, словно ороговевшую, кожу.

– Но как же дети?.. – недоуменно сказал репортер.

А Буллимар объяснял мальчику:

– Вот этот цветок – лютик, он желтый-желтый, как солнце. Чувствуешь?

Мальчуган протянул руку, неловко взял стебель, ощупал цветок.

Джей показал на большое кирпичное здание на верху косогора.

— Школа для слепых, — сказал он репортеру.

Буллимар рукой в перчатке вынул из букета незабудку и поднес ее к лицу крохотной девочки, которая обнимала его за шею...

Анна РИНАНАПОЛИ

Фантаст Джакомо Леопарди

Ровно пять минут в дезинфекционной, предписанный правилами фиолетовый халат с золотой каймой и европейским гербом на нагрудном кармане, над которым красуется большая позолоченная буква Н, и, наконец, коллективная зарядка под просторным искусственным куполом, где кондиционированный воздух остается теплым и прозрачным. Эроальдо Банкони спортивной походкой пересек двор и направился к коллегам.

Внезапно он остановился. Голубые цветы на клумбе совсем поблекли: нужно сказать техническому директору, чтобы он срочно сменил поставщиков пластифлоры – уже не впервые фиалки и незабудки блекнут, не простояв и месяца.

Он придирчиво осмотрел пальмы и пинии, которые ничем не отличались от настоящих деревьев. Впрочем, ему редко приходилось видеть живые деревья. Летом он неизменно участвовал в методических конференциях: щедрые суточные позволяли почти месяц держать жену и сына на даче под целебным куполом Пайдеи, где обычно проводились общеевропейские конференции, но потом вся семья неизменно возвращалась в Милан. А в городе отдыхать можно было только в двух комнатушках, куда все же поступал очищенный воздух, или в пластифлорном парке, настолько переполненном, что там трудно было дышать.

Ученики входили в классы под наблюдением преподавателей-пенсионеров. Эроальдо направился в учитель-

скую. Он подошел к своему столику, повернул ручку, и на экране появилось расписание: урок в третьем классе, два урока во втором, «окно» и урок в первом. Превосходно. Теперь взглянем на развешанные по стенам ежедневные методические разработки, одинаковые для всех параллельных классов. Он нажал кнопку класса «Дзета»; на экране зажглись названия уроков. Первый урок: Кг-совр 71; второй урок: Кн-карточка 49; третий урок: Д-ДА; пятый урок: Кгэ-фильм 85.

Вынув из шкафов учебные материалы, он уложил их на тележку. Затем присоединился к коллегам, выстроившимся в коридоре в ожидании первого звонка, который неизменно раздавался ровно без десяти девять.

– Идет, идет!

Староста третьего класса «Дзета» следил, когда он появится, выглядывая из-за двери; заметив преподавателя, он спрятался, снова высунул голову, вежливо поздоровался, выхватил тележку, подал Эроальдо красную карточку с фамилиями отсутствующих и попросил подписать ее. После этого он приготовился выслушать приказания учителя, радуясь, что остальные ученики отчаянно ему завидуют.

– Сегодня у нас Кг-совр 71. Думаю, вы и сами знаете, что это означает – урок культуры, грамматическая часть. А потом мы просмотрим пояснительный фильм, – сказал Эроальдо.

Староста поставил на магнитофон кассету с уроком 71, сел на место и, пока преподаватель заполнял рабочую карточку, вместе с другими учениками прослушал запись лекции. Затем ученики повернулись на своих стульчиках и просмотрели фильм.

– Все ясно? – спросил Эроальдо. – Если кто-то чего-нибудь не понял, он может днем еще раз посмотреть и прослушать этот урок на семинаре культуры.

Класс недовольно зашумел. Эроальдо прекрасно понимал, что ни один мальчишка не захочет пойти на дневные уроки – ведь это необязательно. Такое отношение к занятиям раздражало заведующую учебным сектором, но ничего не поделаешь; возможно, в ее времена мальчишки занимались больше и серьезнее.

Когда Эроальдо вошел во второй класс, ему бросилось в глаза, что ученики сильно возбуждены: они со дня на день ждали контрольную работу.

Улыбаясь, он успокоил их – это же очень просто: Кн-карточка 49, даже элементарно! – и велел раздать карандаши и бланки, а сам стал заполнять карточку-образец для вычислительной машины.

– Все готовы? – Эроальдо посмотрел на электрические настенные часы, выждал, пока стрелка встанет точно против деления, и подал сигнал. Ученики принялись за работу. Он взглянул на карточку-образец. Ничего страшного: то же, что и месяц назад. На этот раз все должно пройти благополучно, даже заведующая учебным сектором не придерется.

В соответствии со строго научным методом ежедневную программу, одинаковую для всех параллельных классов, составляли в начале учебного года – плохие результаты контрольных работ вынуждали преподавателей повторять проверку. Если же был неудачен общий итог, то созывался педагогический совет, который принимал решение изменить план лекций. Только совету было предоставлено это право.

Карточка предлагала ученикам три вопросника, по десять пунктов в каждом, на основе учебных фильмов по истории средних веков, просмотренных в течение триместра. В первом из них были такие вопросы: применялись ли в средние века металлы (да или нет)? Где применялись: в домашнем хозяйстве, для украшения храмов, в военном деле (нужное подчеркнуть)? Для второго необходимо было помнить кое-что из пройденного: кто такой Барбаросса – папа, император, кондотьер (нужное подчеркнуть)? Наиболее трудным был третий вопросник-настоящее испытание способностей: ученику давалось пятьдесят баллов для оценки средневековой цивилизации:

наука (оценить по 50-балльной системе) . . . . .

религия (оценить по 50-балльной системе) . . . . .

питание, гигиена, литература . . . . .

Эроальдо Банкони тоскливо вздохнул и вспомнил, что обязан следить, чтобы ученики не списывали друг у друга: непонятно, почему в Италии не пользуются методом профессора Гольденкаца? Как всегда, несмотря на научную постановку дела, итальянская школа оставалась в плену ложного гуманизма. Мысль о применении роботов в учебном процессе родилась еще в двадцатом веке, но реформаторам пришлось выдержать упорную борьбу с косностью педологов, считавших вполне логичным и закономерным, что жалкий преподаватель всегда бывает погребен под лавиной тетрадей. Однако в конце концов наука восторжествовала: исчезли устаревшие письменные работы – их заменили ласкающие взор зеленоватые карточки, специальные комиссии аккуратно подготавливали темы для вопросников, а успехи учеников стали оценивать вычисли-

тельные машины. Прошли целых три столетия, прежде чем школа полностью избавилась от нелепых анахронизмов. Но разве можно успокаиваться на достигнутом, когда в других областях науки наблюдается такой прогресс? В Германии профессор Гольденкац открыл образцовую школу. А у нас только небольшая часть молодежи – например, приверженцы партии свободомыслящих – высказывается за полную механизацию, с горечью думал Эроальдо.

Гольденкац наладил преподавание латыни и греческого языка в средней школе с помощью роботов. В центре класса монтировалось особое устройство, связанное с центральным электронным мозгом, а вокруг располагались намагниченные скамейки, которые не давали ученикам поворачиваться без разрешения машин. Само собой разумеется, во время контрольной работы ученики обязаны были надевать на голову почти невесомую каску, а она позволяла пресечь любую попытку списывания: два хороших шлепка – и плуты немедленно унимались.

Электронное устройство само принимало меры против нарушителей дисциплины, заставляя их (каким образом, никто точно не знал) являться с повинной в кабинет директора. Как пригодились бы такое устройство во время активных обсуждений, особенно для ученика Моранини – этого возмутителя спокойствия!

Прошло полчаса; несколько учеников уже заканчивали работу. Наконец один из них встал, подошел к часам, отметил на карте время и сдал контрольную. Когда все справились с заданием, Эроальдо позвонил. Появился служитель в зеленом комбинезоне с эмблемой школы на нагрудном кармане.

– Отнесите, пожалуйста, работы на проверку.

– Слушаюсь, синьор учитель.

Служитель спрятал карточки в конверт, отметил время и вышел.

Эроальдо улыбнулся ученикам.

– Отдохнем минутку, – сказал он. – Послушаем музыку.

Минута, конечно, превратилась в пять – должны же они были дослушать последнюю популярную пластинку до конца. Ученики откинули спинки сидений и устроились поудобнее, чтобы без помех насладиться музыкой. Эроальдо нервно пощипывал бородку, которую начал отпускать в преддверии конкурса на замещение вакансий в средней школе. Тем временем техник вводил перфокарты в вычислительную машину. «Каковы-то будут результаты контрольной?» Не хватало только педагогических советов накануне конкурса.

Эроальдо попытался сосредоточиться перед активным обсуждением – наиболее сложной и наиболее деликатной частью учебного процесса, приучавшей ребят разумно пользоваться свободой. Он предложил классу обсудить просмотренную в прошлый понедельник кинопоэму «Одинокый дрозд» (стихи Джакомо Леопарди, музыка Кедэ Сурпопулуса, постановка Эджинардо Скарлеттини).

– Синьор профессоре¹! – крикнул кто-то (к счастью, стены были звуконепроницаемые). – Нельзя ли еще раз послушать тот отрывок, где играют «ча-ча-ча»?

– Что ты имеешь в виду?

---

¹ Принятое в итальянской школе обращение к учителю старших классов.

– Я помню только музыку, а слова забыл.

– Кажется, там было про Наполеона, синьор профессоре.

– Возможно, это стихотворение «5 мая» Алессандро Мандзони?

– Не знаю. Там звучит так: ча-ча-ча-ча! Зачем выдумывают слова? Одна музыка куда лучше.

– Но ведь это кинопоэма! Перестаньте галдеть, поговорим о поэме «Одинокый дрозд». Внимание, включая магнитофон.

Как знать, может, и получится неплохая свободная дискуссия, а значит, прибавится поощрительный отзыв в его личном деле.

– Я люблю фильмы о леопардах. Почему вместо них показывают всяких птичек? – протянула одна из девочек.

– А я не люблю. Они слишком шумные!

– Зато там птицы и цветы!

– Нет, слишком шумные!

Как обычно, класс разбился на два лагеря, и каждый твердил свое; кассета неумолимо вращалась. Эроальдо смотрел на нее в бешенстве, но остановить не мог: это противоречило Уставу.

– Синьор профессоре! – выкрикнул кто-то из учеников.

В классе стало тихо; это был, конечно, Моранини. Эроальдо похолодел.

– Синьор профессоре, почему один мальчик стоит в сторонке и не хочет играть с остальными?

– Он хочет играть! – возразила другая девочка. – Но сначала он хочет нарвать цветов – настоящих, которые можно собирать!

– Рвать цветы воспрещается, – вмешался кто-то из ребят.

– Он хочет играть, а его обижают! – и класс снова разделился на две враждующие группы.

– Сам виноват! – твердили одни.

– И вовсе он не виноват! – кричали другие.

– Неправда! – повторял Моранини, упорно повышая голос, пока все не умолкли. – Он уходит, потому что все остальные стадо баранов!

– Моранини! – крикнул Эроальдо, вскочив с места. – Перестань болтать глупости, мораль басни в том, что...

– ...все дети одинаковы и должны играть вместе, – хором продекламировал класс. Моранини, уязвленный, сел на место, остальные, громко смеясь, с ехидством смотрели на него.

– Синьор профессоре! – на этот раз голос принадлежал другому его учителю, самому прилежному ученику, который подмечал все на свете, даже муху, будто бы залетевшую в комнату. – Синьор профессоре, а у Моранини дома есть книги из бумаги.

Все замерли.

Эроальдо невозмутимо отпарировал:

– Частная жизнь учеников школы не касается.

– У Моранини есть тетрадь из бумаги, он в ней пишет на уроках. Смотрите, он ее прячет!

Уставом это было запрещено: никаких личных книг и тетрадей, школа обеспечивает учеников всем необходимым – кинофильмами, карточками, магнитофонными записями, диапозитивами. А этот кретин Моранини принес в класс... но кто же теперь пишет в тетради?! В какой допо-

топной школе встретишь что-либо подобное, спрашивал себя Эроальдо: только в первых трех классах еще пользуются бумагой и ручкой, хотя профессор Гольденкац давно предложил... И он решительно направился к Моранини, чтобы отобрать тетрадь.

В этот момент прозвенел звонок. Эроальдо подтолкнул тележку и, разъяренный, выскочил из класса. Поспешно спрятав крамольную тетрадь в свой ящик, он прослушал последнюю запись. Так и есть, он не выключил микрофон вовремя, и пленка зафиксировала весь шум. Теперь неприятностей не оберешься.

– Не выпить ли по чашечке кофе? – А, это Бенуччи, самый молодой из учителей. – Что с тобой, Эроальдо?

– Моранини выкинул очередную штучку.

– Я его прекрасно знаю. Учился у меня в классе. Второгодник, его давно пора выгнать из школы. Подумать только, ведь его отец – физик-атомщик... иногда и у гениев рождаются дефективные дети.

– И к тому же они их отвратительно воспитывают. Знаешь, моего милого ученика дома заставляют читать бумажные книги и разрешают ему писать!

– Серьезно? Так его нужно лечить; только в сумасшедшем доме психически неполноценные дети еще пишут на бумаге.

– Я уже пытался сделать это под другим предлогом, но директор школы для умственно отсталых детей прямо заявил, что не намерен его брать: школа и так переполнена. И таких мальчишек становится все больше.

– Ну и времена! – сказал Бенуччи, беря из автомата чашечку кофе. – Просто деться некуда от дураков и де-

фективных: сегодня, представь себе, я проводил дискуссию по гражданскому воспитанию. Я рассказывал ученикам об озеленении. Класс буквально умирал со смеху: понимаешь, они думали, что на лоне природы растут лишь искусственные купола!

— Да, скверные времена настали! — согласился Эроальдо, жуя булочку.

— А чем занимаются господа ученые в Институтах для умственно отсталых детей?

— Ровным счетом ничем. Один из них как-то сказал мне, что если бы не скудное содержание, он бы с радостью проработал там всю жизнь. Он только наблюдает — тоже мне труд! — а ученики читают самые лучшие книги да целыми часами что-то пишут.

Бенуччи невольно взглянул на часы.

— Как же так, ведь...

Но более опытный Эроальдо многозначительно улыбнулся.

— У многих из них коллективное сознание осталось таким же, как триста лет назад.

— Как идет подготовка к конкурсу, коллега? — к ним подошла молодая преподавательница Норис. Эроальдо вскинул голову.

— Предстоит трудный бой, уверяю вас, — важно заявил он.

— А что за ерунду вам приходится учить?

— Историю. Всю итальянскую литературу, латынь. И, само собой разумеется, великих писателей-фантастов, да еще надо быть в курсе новейших критико-эстетических проблем.

– Когда же вы успеваете? – засмеялась Норис. Но тут зазвенел звонок. – Ну, мне пора на урок. До свидания.

– А у меня «окно», – сказал Эроальдо.

– Счастливец. – Бенуччи быстро удалился.

Внеся нарушение в карточку, Эроальдо сунул ее в конверт вместе со злополучной тетрадкой. Затем попытался опустить конверт в голубой ящик для предложений о дисциплинарных взысканиях. Однако щель не была рассчитана на тетради. Пришлось вызвать служителя, что лишний раз подчеркнуло всю серьезность проступка.

Эроальдо бессильно опустился в кресло и, облокотившись о стол, уткнулся подбородком в сплетенные пальцы. Необходимо сосредоточиться, думать только о предстоящем конкурсе, а не о Моранини; писатели-фантасты, сказал он коллегам; хорошо, если спросят об этом – ведь он прекрасно знает их творчество, но есть и другие вопросы... он просмотрел сотни микрофильмов, реферативных карточек, кинолент, и все же в критике такая путаница... Как же раньше готовили преподавателей? Нет ничего удивительного, что почти все глубоко заблуждались. Люди тупели от беспрестанного чтения и писанины, но не догадывались прибегнуть к помощи звукозаписывающих аппаратов. К счастью, всю бумажную макулатуру теперь выбросили на свалку.

Конкурс обещает быть очень трудным, однако подготовка к нему ведется по весьма четким программам: от соискателя требуется глубокое знание истории, итальянской литературы (по 30 карточек и соответствующих фильмов), латыни (10 карточек и соответствующих фильмов) и вдобавок всех новых кинопоэм.

Многие вопросы Эроальдо знал хорошо, но в некоторых все же немного «плавал».

С латынью у него все в порядке; карточки выучены чуть ли не наизусть, критические работы всесторонне продуманы. Какие же... какие? Да, лучше их повторить. Он стал загибать пальцы. Рудольф Штоппен: «Магия и научные сведения в поэмах Гомера». Микеле Сапонони: «Триумф науки в «Георгиках» Вергилия». Жан Бабель: «Атомистическая гипотеза Лукреция». Алексей Кокофис: «Предпосылки реалистического POSSИБИЛИЗМА в произведениях Лукиана». Джон Уайт: «Память предков» – «Атлантида» Платона, «Меропид» Теопомна, «Кронос» Плутарха. Ну и названия! Но эти микрофильмы наглядно подтверждают теорию великого Кампоформа, и их необходимо знать.

С короткометражными цветными фильмами по классической литературе, где снимались лучшие кинозвезды, дело обстояло проще. Эроальдо прошелся по учительской, мысленно декламируя: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Ахиллеса играл знаменитый Берт Бум – как чудесно он провел сцену с ревущим потоком! Разумеется, это всего-навсего фотомонтаж. Не станет же киноактер, застрахованный на десятки миллионов от всевозможных инфекций, подвергаться риску в кишащих бактериями волнах! А появление Венеры, то бишь Елены, хотя нет, сперва показали статую Венеры, знаменитую обнаженную Венеру Диомеда... Минутку! Я что-то путаю: ведь Диомед – это античный герой? А еще говорят, что у меня хорошая память... скорее всего это был Диомем или кто-то в этом роде; кому нужны все эти доисторические имена? А ведь

за такую ошибку могут снизить балл. Право же, лучше запомнить, что красавицу Елену играет несравненная Сирена Мока, на которую в профиль – увы, лишь в профиль – похожа Лидия, потому-то я на ней и женился, а она ровно ничего не смыслит в литературе, только и умеет, что рисовать в детских журналах Гагарина, летящего к старушке Луне. Теперь, когда подписан договор о дружбе с марсианами, можно было бы отправить Гагарина прямо на Марс, не так ли? А вдруг марсиане сочтут подобный рисунок оскорблением? С такими вещами лучше быть поосторожнее, надо предупредить Лидию.

Итак, что же я сейчас повторяю? Ах да, «Илиаду» – как она похожа на «Одиссею»! Не понимаю, почему в фильмах о Гомере никогда не показывают разрушения Трои – видимо, это слишком дорогое удовольствие. На учебных фильмах всегда экономят, ведь школа – та же Золушка.

Раздался звонок на перемену. Теперь его ждут карпузы из первого класса. Они щеголяют в розовых и голубых фартучках и вечно просят выйти... Черт побери, я же не подготовил фильм 85... Впрочем, нет, подготовил. Это чисто профессиональный рефлекс: все было сделано еще утром; я аккуратный, исполнительный, образованный преподаватель, и я должен выдержать конкурс.

Подталкивая впереди себя тележку, Эроальдо добрался до первого класса «Дзета». Установить дисциплину в младших классах было нелегко. Он охотно бы отшлепал этих шалунов, но директор школы в постоянных спорах с заведующей учебным сектором неизменно отстаивал свободу, самовыражение и всевозможные права ребенка.

– Превосходная картина, просто превосходная, мои дорогие ребятки... – повторял Эроальдо со свирепой нежностью. – А теперь потушим свет и познакомимся с итальянскими провинциями.

Наконец музыка заглушила детскую болтовню, чем-то похожую на щебет искусственных птиц в ботаническом саду. Хорошо поставленным голосом диктор произнес: «Италия – одна из стран европейской федерации...»

– Купола! – кричал весь класс.

На экране возник Турин – центр города затерялся в чаще небоскребов и труб; среди этих железобетонных джунглей поблескивали купола, защищающие парки, школы и больницы.

Как однообразны все города, размышлял Эроальдо. К счастью, люди больше не путешествуют. Ох, уж эти малыши! Они и фильм-то не смотрят. Болтают, вертятся, а потом не смогут заполнить карточки... Когда же звонок? Наконец-то! Нет, мне показалось... А, точно, звонят на перемену.

Быстрота и достоинство несовместимы, но когда за тобой следят фотоэлементы, поневоле становишься изобретательным. И Эроальдо ухитрился совместить несовместимое: голова гордо поднята, взгляд полон строгости, а ноги еле поспевают за стремительно летящей тележкой. Теперь надо осторожно обогнать других – и поскорей в учительскую. Материал разложить по шкафам, тележку поставить в ряд.

Да, не забыть бы подписать поурочную карточку. Так, кладем ее в красный ящик – теперь я свободен. Нет, на панели стола замигала сигнальная лампочка. Эроальдо с не-

навистью нажал клавишу прослушивания: «Всем преподавателям культуры, – раздался голос робота, – педагогический совет состоится в восемнадцать часов. Нажмите кнопку подтверждения».

Проклиная в душе всех и вся, Эроальдо повиновался. Снова зажглась сигнальная лампочка. Что еще? «Синьор Банкони, по окончании педагогического совета вас просят остаться. Будет обсуждаться поведение ученика Моранини. Нажмите кнопку подтверждения».

Эроальдо понуро направился к выходу. Рядом оказался Бенуччи:

– Ну и скучища на этих советах! А у меня как на зло весьма многообещающее свидание.

– А мне нужно заниматься. Через семь дней конкурс.

– Ну, ты же голова, это все знают.

– Застегнись-ка. Говорят, на улице смог.

Бенуччи махнул рукой и побежал к метро; прохожие закрывали носы шарфами, платками и противотуманными масками. Едва Эроальдо остановился, чтобы получше застегнуть пальто, как на него напал мучительный кашель. Проклятый смог! Невозможно жить без очищенного воздуха, а он слишком дорог; вот если выдержу конкурс, куплю противотуманную маску, во сколько бы она мне ни обошлась!

Через час он уже был дома, на окраине города. Пока пропитанный кухонными запахами лифт поднимал его на 48-й этаж, Эроальдо мечтал о целебном куполе Пайдеи. Преподаватель средней школы тоже имеет право жить там больше месяца; неужели Гольденкац – великий защитник учителей – не нашел времени заняться жилищной пробле-

мой? Эроальдо решил написать ему; право же, он, свободный европеец, без пяти минут преподаватель средней школы, может себе это позволить.

Но едва он вошел в свою маленькую двухкомнатную квартирку, как вся его уверенность мгновенно улетучилась. Комнаты походили скорее на кабинки лифта, а подсобные помещения были просто крохотными. Лидия не успела застелить двухъярусную кровать; Эроальдо заметил это еще из прихожей, такой узкой, что нельзя было развести руки, чтобы не упереться в боковые зеркала, скрывавшие стенные шкафы.

В комнате сынишки он оправил постель, но когда стал убирать ее в стену, дверца шкафчика, вделанного в койку, внезапно распахнулась и ударила его по колену; он судорожно оперся рукой о стену, но в этот момент сзади откинулась крышка письменного стола и сильно стукнула его. Потеряв равновесие, Эроальдо упал на стол, сломал его шарнирные ножки и очутился на полу.

— Ничего себе детские комнаты, — ворчал он, поднимаясь, да это настоящие мышеловки. — Уныло созерцая повисшую столешницу, он подумал: опять расходы, в дешевых квартирах им нет конца.

Эроальдо направился было в спальню, но тут же вспомнил, что с утра ничего не ел. Он придвинул к себе телефон и вызвал домашнюю кухню.

— Что желаете? — спросил неприятный скрипучий голос.

— Комплексный обед типа В, впрочем, нет. — Он повесил трубку. — Прикинем... Конечно, неплохо бы заказать обед типа В, но он обойдется в половину моего дневного

заработка. Правда, сегодня педагогический совет, и я могу позволить себе такую роскошь.

Он приподнял трубку.

«Нет, я же сломал детский столик. Во сколько это станет? Лучше уж закажу обед типа С и двойную порцию хлеба».

– Обед типа С и двойную порцию хлеба в квартиру 288, подъезд 5.

– Контроль, пожалуйста.

– Я учитель Банкони...

– Контроль, пожалуйста.

Эроальдо положил трубку, через несколько минут зазвонил телефон:

– Что желаете?

Он повторил заказ.

– Опустите голубой жетон, а затем маленький белый. Благодарю вас.

Едва он вытер руки, как зажужжал транспортер, Эроальдо снял тарелки с подноса и быстро проглотил макароны с сыром под красным соусом, котлеты с картофелем, четыре булочки и стакан вина, после чего разбил тарелки и поднос и выбросил обломки в мусоропровод. Потом, задерживая дыхание, выпил два стакана воды, чтобы избавиться от подступившей икоты. Какие овощные супы готовят в Пайдее! Если он сделает карьеру, то, может, удастся... И он побежал к магнитофону.

«Ошибка прежней критики» – Эроальдо слушал запись своего доклада и одновременно прибирал в комнате – «стоит в подмене слова, иначе говоря, средства и даже, по выражению Роже Кампоформа, «канала передачи» – ис-

кусством: это породило путаницу. Никто из моих предшественников, то есть предшественников Кампоформа, не задумывался над применением в критике эконометрического критерия, который дал блестящие результаты в лабораторных условиях... словом, великий Кампоформ пересмотрел всю историю литературы в соответствии с научным или скорее научно-фантастическим показателем, описанным в работах... Ах да, я забыл сказать о различии между наукой, научной фантастикой и литературой.

Итак, вначале литературные и научные труды резко отличались друг от друга. Но как же классифицировать труды, в которых есть что-то от обеих областей, то есть научную фантастику? Разумеется, сам критерий различия тут не пригоден, поскольку это понятие расплывчато – разве не может ученый одновременно быть художником, а художник – ученым? Конечно, может! Но традиционная критика, извращая... извращает произведения искусства, отрицая их научную ценность. Даже психоаналитическая критика, уже более серьезная, хотя и лишенная рациональной методологии, неверно истолковывала творчество всех великих писателей-фантастов как результат отчуждения собственного «я».

В итоге эстетика Кампоформа рассматривает искусство как: а) научную популяризацию и историческое отражение одних и тех же научных понятий, б) гипотетизацию возможной реальности, будущей или параллельной, в) мемуары предков, следы и признаки которых сохранились лишь в коллективном сознании; художник передает их вернее других, ибо действует подсознательно, г) научную мифологию, то есть раскрытие характера народа или расы в мифологических или романтических образах».

Эроальдо выключил магнитофон. Да, теорию Кампоформа он знает хорошо, но не мешает повторить ее еще разок.

Наконец в комнате воцарился порядок: он мог сесть, поставить магнитофон на стол и сунуть в рот пластисигарету. Еще одна неразгаданная тайна: герои научно-фантастических произведений обычно зажигали сигарету, выпускали дым, но не вдыхали вкусный запах. Нет, здесь великие люди прошлого просчитались: подумать только, дымящиеся сигареты... И, вздохнув, он достал кассету классической литературы. До чего похожи друг на друга все эти кинопоэмы! Как только ученики их различают? Кинопоэм чертова уйма, и все они бессюжетны. Кому, например, нужно изучать какого-то Петрарку, который воспевая Лауру и всяких птичек; ну не смешно ли в 2263 году беспрестанно говорить о птичках?

Вот Данте Алигьери – это совсем другое дело. Прежде всего речь идет об учебно-приключенческом фильме, цветном и стереоскопическом, фильме совместного производства всех континентов – в нем есть и сюжет, хотя, пожалуй, слишком много действующих лиц. Словом, по Данте он прекрасно подкован. На экзаменах профессора с коварной придирчивостью задают соискателям вопросы, скажем, такого рода: назовите номер и местоположение стихов Данте о рефракции, отражении, треугольнике, круге и так далее. Он знает карточку наизусть – здесь его не подловишь. Кроме того, он хорошо знаком с новейшими взглядами критиков на проблематику «Божественной комедии».

Так с какой же скоростью летел Данте в рай? Согласно

утверждениям самого поэта в первой книге «Рая», – быстрее молнии. Однако Пирелли совершенно правильно подчеркивает, что здесь не может быть и речи о постоянной скорости, поскольку Данте задерживался на небесных кругах, чтобы побеседовать со святыми. К этому замечанию Смайл добавляет... а что добавляет, не помню.

...Кстати, что подразумевал Данте под словом «молния»? Общеизвестно, что во времена Данте не знали электромагнитных явлений. Возникает вопрос, что имел в виду богоравный поэт: скорость звука, то есть грома, или же скорость света, то есть молнии?

В этом вопросе мнения критиков разделились. Одни утверждают, что Данте преодолел звуковой барьер, а другие доказывают, что он мчался со скоростью, несколько меньшей скорости света. Это очень важный вопрос. Подумать только, все исследователи творчества Данте лихорадочно искали «Борзую», и до этих почтенных господ даже не дошло, что если бы Данте летел со скоростью света, то, согласно Эйнштейну, его масса превратилась бы в ничто, поэт аннигилировал бы и не смог написать «Божественную комедию», не то что «Борзую».

«До чего же головасты современные критики!» – воскликнул Эроальдо, вновь прослушав кассету с записью лекций.

Макс Ривье до того тонок, что я его почти не понимаю. Может, прослушать эту кассету еще раз? Впрочем, не стоит: об этом меня вряд ли спросят на экзамене. Я хорошо подготовлен, много занимался, а это, как ни говори, литература прошлого. Ее, собственно, следовало бы спрашивать в самых общих чертах.

Кстати, который час? Уже пять?! Я опаздываю, ведь до Сан-Сиро час езды! Что за блажь строить все школы в центре.

Он заторопился: в городе как на грех смог, переполненное метро, длинная улица – наверняка не успеет. Вот наконец и подъезд! Узнать бы, зафиксировал ли его фотоэлемент. А теперь в дезинфекционную! Ничего не поделаешь, он вошел в Зал заседаний на пять минут позже положенного, его уже ждут, молчат, только укоризненно смотрят, а он сокрушенно разводит руками. Факт опоздания будет, конечно, занесен в его личное дело.

Над собранием как бы господствовал массивный стол, установленный на сцене, слева сидел худой и высокий директор, обладатель римского носа и массивных очков, справа – белокурая заведующая учебным сектором, инженер-кибернетик по специальности (она даже окончила факультет прикладной методики), а посередине восседал технический директор – робот, прямоугольный ящик, усеянный сигнальными лампочками и рукоятями, торчащими из прорезей. С помощью экрана, установленного в головной части, он мог безошибочно руководить всем техническим аппаратом школы, в которой насчитывалось свыше десяти тысяч учеников. «А все же он не заметил, что голубые цветы поблекли, – с удовлетворением подумал Эроальдо, – своими проклятыми фотоэлементами он фиксирует только опоздания педагогов».

Битый час директор произносил речь, как две капли воды похожую па все предыдущие... Неотъемлемая свобода личности ученика... согласно фантапсихологии... непринужденные и все более живые обсуждения... актив-

ные уроки, разумеется, в строгом соответствии с фантапа-
рапедагогикой.

Когда он наконец умолк, все дружно подняли руки и
единогласно одобрили его доклад.

Затем в течение часа монотонно звучал голос заве-
дующей учебным сектором: карточки, карточки... во вто-
ром классе мы дали ту же контрольную по истории, а чис-
ло ошибок возросло в геометрической прогрессии.

– В арифметической, – поправил технический дирек-
тор.

В конце заседания все дружно одобрили резолюцию о
программе летнего методического конгресса, придержав
заодно своих чересчур ретивых коллег, которые пытались
было внести какие-то дополнения. Черт возьми, уже во-
семь часов, а в девять начнется телевизионная программа
для взрослых!

Все поспешно разошлись. Эроальдо Банкони, остав-
шись наедине с техническим директором в огромном пус-
том зале, громко вздохнул. Наконец он решился нарушить
томительное молчание.

– Почему... почему бы не предложить семье Морани-
ни под каким-нибудь предлогом забрать сына из школы?
Тогда нам удастся сохранить престиж родителей и свой
собственный.

– Я подумаю, – сказал технический директор, раздра-
женный тем, что его опередили, и вместе с тем радуясь
столь удобному выходу из положения. – Но в ближайшие
дни вам необходимо...

– Позволю себе напомнить, что я просил отпуск для
участия в конкурсе, и...

– Заявление подано по форме? – прервал его технический директор.

– Очередное затруднение для школы, – вмешалась заведующая учебным сектором (она только что вошла). – Преподаватели слишком увлекаются своей карьерой в ущерб работе.

В двадцать минут девятого Эроальдо наконец освободился; пока он ехал в метро, ужинал, играл с сыном, стало уже поздно, и повторение конкурсных тем пришлось отложить на завтра.

Мысль о конкурсе не оставляла его ни на минуту. Он все время думал об одном: в школе, в метро, дома, за едой, во сне, даже наедине с женой. Наконец она не выдержала:

– Нет, Дино! Пока ты не сдашь экзамены, я буду спать одна.

– Лидия, дорогая... – он хотел что-то добавить, но сдержался и печально посмотрел на нее.

Лидии стало его жаль.

– Ну, так и быть, послушаю твои откровения. Где же кассета?

– Ты имеешь в виду краткую программу? Да, но там полно моих замечаний.

– Ах так, не хочешь, чтобы я слушала твою ругань?

– Но, Лидия... ведь рядом ребенок... и потом это неприлично.

– Ребенок спит. А на приличия мне... – Лидия сделала гримаску, словно собираясь плюнуть, и взяла протянутую карточку. – Ну, готов? Начинай с первого вопроса.

– Спрашивай лучше вразбивку.

– Ладно. Расскажи-ка о рыща... о рыцарских поэмах.

— Так. Рыцарские поэмы восходят к древним народным легендам. Тут явственны следы памяти далеких предков. Как предполагает Гольц, речь идет о борьбе против пришельцев из космоса, но Пирелли придерживается гипотезы о войне между кроманьонцами и неандертальцами...

— Я и слов-то таких не слыхала! Для чего тебе вся эта ерунда? Скажи, а латынь ты хорошо выучил?

— Конечно. В латинском языке имеется пять склонений: на a, us, is, us, es.

— Ты два раза сказал на us.

— Но так оно и есть!

— Как же ты их различаешь?

— По родительному падежу. Слушай, родительный падеж оканчивается на ne, i, is, us.

— Ты опять сказал us.

— Ну и что же?

— Ты уверен, что так и должно быть? Почему столько окончаний на us?

— Этого никто не знает.

— Зачем же тогда все это учить?

— Боже мой, Лидия, как ты отстала! Вовсе не обязательно понимать все, что учишь... важно знать научно-фантастический индекс и выразить свою индивидуальность. Лучше посоветуй, как вернуть что-нибудь из теории Гольденкаца в любой аргумент.

— Сначала объясни мне, что это такое.

— Гольденкац — гений преподавательской автоматике! Короче говоря, он изобрел безупречный механизм, который сам разъясняет, проверяет и исправляет.

— Тогда вы станете просто никому не нужны? И уж, во

всяком случае, тогда тебе придется сдавать экзамен по кибернетике.

– Что?! – Эроальдо свесился со своей кушетки и посмотрел вниз, на кушетку, где лежала жена. Лидия погрозила ему пальцем.

– Сейчас же отодвинься... Ты что, хочешь и кровать сломать? И, пожалуйста, ложись с краю. Знаешь, этот твой Гольденкац мне совсем не нравится. Ведь если примут его систему, министру ничего не стоит уволить всех вас или почти всех и при этом сэкономить на жалованье, слышишь? Почему ты молчишь?

– Пожалуй, ты права! И тогда министерство больше не пошлет нас в Пайдею придумывать новые карточки и кинопоэмы... а жаль, там вкусно кормят и такой чистый воздух! Верно, лучше совсем не упоминать об этом Гольденкаце...

– Вот и отлично. Ну, а теперь спи, Дино. Послезавтра тебе ехать в Рим, в почтовом поезде. А это опасно, да и дорога дальняя, целых шесть часов.

– Да еще в поезд всегда набиваются крестьяне, а на них микробы кишмя кишат. Эти невежды просто одержимы манией путешествий, а то, что они разносят заразу, никого не волнует. Мы в обязательном порядке делаем дезинфекцию ежедневно, а они ее вообще никогда не делают.

– Но, может быть, в поезд пускают только после дезинфекции? Во всяком случае, тебе нечего бояться, поверь мне, все будет хорошо.

– Ты так думаешь? Впрочем, иногда предчувствия тебя не обманывают. Должно быть, в тебе есть дар телепатии.

– Ну, хватит, Дино, ни слова больше о конкурсе.

На другой день Эроальдо повторял все вопросы допоздна, пока жена в ярости не погасила свет. В поезде, до самого Рима, он, закрыв глаза, мысленно перебирал карточки с аннотациями. Уже в метро он напоследок проверил себя еще раз и только затем решился войти во Дворец Государственных конкурсов. Здесь его ожидала потрясающая новость: на конкурс съехалось около двадцати тысяч соискателей, причем многие из них – пожилые, седовласые педагоги; ясно, что у них благодаря большому стажу все преимущества.

В огромных аудиториях на длинных столах были установлены аппараты с наушниками и биноклями, лежали микрофильмы, карточки. Под каждым столом стоял ящик для карточек, автоматически отмечающий время. Да, это вам не провинциальные конкурсы! Ага, сейчас подадут сигнал. Эроальдо, стоя, ожидал негромкого звука сирены.

Начали! Первый микрофильм и первая карточка: простейший вопрос о латинских склонениях. Лидия принесла мне счастье; должно быть, она и в самом деле телепатка. Эроальдо не пришлось особенно напрягать ум. Обработав карточку, он опустил ее в ящик и перешел ко второму вопросу. Все до нелепости легко, даже не верится! Должно быть, тут какой-то подвох! Ну да, все дело в скорости, скорости подачи ответа! Другие тоже торопятся, нельзя терять ни секунды.

Он решил опустить некоторые подробности и писать сокращенно. Рим. Ист. Ромул, Ганнибал? Цезарь? Диоклетиан? Очки: 7–1–5–12–9... А это что такое? Отрывки из фильма... но их же не было в программе! Как понять, ли-

тература это или история? Покрутим еще немного... нет, не то. Разрушение древнего города... Карфаген или Троя? Они так похожи... Нет, это Троя, я уверен и прекрасно помню, хотя в поэмах Гомера этой сцены не было. Ага, понятно, это отрывки из исторических фильмов, тогда все в порядке, но сколько времени пропало, нужно все начинать заново! Ну, быстрее же! Микрофильм, карточка – щель ящика, микрофильм – карточка – щель, микрофильм – карточка щель, микрофильм – карточка – щель... Все! Скорее отсюда!

Он вернулся в зал ожидания и, чтобы избавиться от нервной дрожи, несколько раз потянулся. В зале уже собралось человек сто. Черт возьми, как им удалось справиться с вопросами еще быстрее?

– Что же вы стоите, коллега?

– Простите?

– Я говорю, присаживайтесь. Разрешите узнать, как вас зовут?

– Эроальдо Банкони.

– А меня Томмазони. Вы впервые на конкурсе? Чувствуется. Сидите, сидите, ведь ждать придется четверть часа, не меньше. Если за это время наши фамилии не появятся на экране, значит, нас не отсеяли.

Фамилии неудачников вспыхивали на экране зеленым цветом, словно злые кошачьи глаза, и, убитые горем, участники конкурса покидали зал.

– Как по-вашему, не слишком ли сложна вся эта система? – шепнул Эроальдо соседу. – Ведь так недолго и ошибиться.

– Нет: если вы допущены к дальнейшим экзаменам, ав-

томатическое устройство ни в коем случае не передаст вашу фамилию на экран. Отсеивают очень многих. Тут уж ничего не поделаешь. А придираются-то к мелочам, формальностям... требуют последовательности, точности, быстроты: как будто мы роботы! А устные экзамены... Меня уже дважды проваливали из-за того, что я расходился во мнениях с экзаменатором... Представьте себе, старший консультант оказался психоаналитиком!

– Не может быть?! Разве психоаналитики еще по перевелись?

– Конечно нет! А председатели комиссий? Все они рьяные фантапедагоги. О, чтобы победить на конкурсе, нужно набраться опыта, уж поверьте мне на слово. Самый трудный экзамен устный. Между нами говоря, в карточках ошибаются все. Робот пропускает тех, у кого меньше всего ошибок. Мне рассказал об этом наш директор. Его брат два года был членом экзаменационной комиссии.

– Как по-вашему, прошло четверть часа? – прервал его Эроальдо, не отрывая глаз от экрана: пока что его имя там не появлялось.

– Подождем еще немного... осторожности ради. Да успокойтесь же, ведь вы прямо комок нервов. Экзамены – лучшая проверка нервной системы человека. Разумеется, комиссия рассчитывает на то, что мы собьемся и провалим экзамен, иначе и быть не может. Все мы готовились, все учили, мы ведь не дети, верно?

– Что же вы до сих пор сидите? – раздался позади них удивленный голос. – Ведь вы уже были здесь, когда я пришел. К сожалению, меня отсеяли. Вам нечего бояться. Я-то знаю, где допустил ошибку. Из-за дальнорзости я вечно путаю строки этих проклятых карточек...

Около трех тысяч претендентов, прошедших первый тур, ожидали решения своей участи в холле перед дверью, за которой заседали члены экзаменационных комиссий. Слышалось недовольное ворчание:

– Позор, заставляют людей ждать столько времени, да еще стоя.

– Сначала нас разобьют на группы в алфавитном порядке, а затем проведут жеребьевку... Каждый обязан сам отыскать нужную комиссию.

– Что же нам теперь делать? Ведь нас так много!

– Тише, тише, идут.

Дверь отворилась, но вошел только служитель, волоча за собой стул; он с кряхтеньем взобрался на него и приколол к стене какой-то листок. Эроальдо напряг зрение.

– Мы в разных группах, Томмазони, желаю вам удачи!

Эроальдо предстояло сдавать экзамены другой комиссии. Он поспешил на поиски и вскоре узнал, что комиссия заседает на верхнем этаже. В коридоре толпился народ.

– Как вы думаете, успеют сегодня всех пропустить?

– Конечно, – ответила женщина, стоявшая рядом с Эроальдо. (В соответствии с правилами конкурса, она была в очках.) Вы что, никогда не участвовали в конкурсах?

Соискателей вызывали группами по десять человек.

«При первой же ошибке меня выгонят, – в ужасе подумал Эроальдо. – И за каких-то десять минут надо произвести благоприятное впечатление на комиссию. Тут стоит рискнуть».

Через два часа вместе с девятью другими кандидатами вызвали и его.

– Будьте осторожны, – шепнул ему на ухо председа-

тель комиссии. – Учтите, что каждое ваше слово фиксируется.

Один из членов комиссии проводил его до прозрачной кабины и сунул в руку карточку. Но это была не его карточка. Эроальдо запротестовал. К нему поспешил рассерженный председатель. Эроальдо показал ему карточку и удостоверение личности. Сконфуженный председатель вполголоса пробормотал слова извинения. Эроальдо тут же воспользовался благоприятным моментом.

– Я не сомневаюсь, что комиссия уважает человеческую личность, – напыщенно произнес он любимые слова своего директора.

«Кажется, я попал в точку!» Просиявший председатель чуть ли не в обнимку прошел с ним в кабину другого экзаменатора и сказал:

– Прошу вас, проэкзаменуйте этого замечательного преподавателя, но только побыстрей.

Экзаменатор-историк, очевидно, человек весьма придирчивый, но трусоватый, включил магнитофон и пробурчал:

– Слишком торопитесь, молодой человек. Карточки вы заполнили с космической быстротой, но в них полно ошибок. Куда вы так спешили? Секунда – и вы узнали битву при Лациуме...

«Потому что в этом фильме снималась Сирена Мокка...» – чуть не вырвалось у Эроальдо.

– ...за две секунды узнали крестовые походы.

– По характерному вооружению, – сказал Эроальдо, но умолчал, что рыцари в шлемах с отверстиями для глаз, с копьями, щитами, на которых изображены кресты, и лесом

знамен впереди всегда чем-то напоминали ему технического директора школы.

– А известно ли вам, что крестовые походы относятся отнюдь не только к 1390 году?

– Все равно это Средневековье, – быстро ответил Эроальдо.

– Хватит! – прервал их заглянувший в кабину экзаменатор по литературе. – Теперь моя очередь. Вы хорошо подготовились? – С этими словами он включил записывающее устройство.

– Я досконально изучил Кампоформа, – заплетающимся языком начал Эроальдо, – Макса Ривье, Пирелли...

– Неплохо, неплохо... Начнем с великих авторов, навсегда вошедших в историю. У кого из них, по-вашему, самый высокий научно-фантастический индекс?

– У Джакомо Леопарди.

– Джакомо Леопарди?!

– Конечно. Психоаналитическая критика извратила его научно-фантастический реализм. Но Коллеони в своем чудесном микрофильме о вариантах и столкновениях различных миров в пьесах Пиранделло отмечает (впоследствии его доводы горячо поддерживал швейцарец Ригатони), что правильное понимание...

– Не отвлекайтесь от основной темы.

– Хорошо. В «Патенте» Пиранделло явственно проступают телефоретические и телекинетические элементы. Но стихотворение Леопарди «К Сильвии» нужно понимать не в психоаналитическом смысле, а как уход от времени. «Сильвия, ты еще помнишь?» Ведь это же бегство памяти в другие вероятностные миры, а слова «Какие надежды,

какие сердца» можно истолковать как ключевой символ «пустой могилы». Очевидно, поэт и Сильвия бежали в какой-то иной мир, но в пути Сильвия допустила просчет во времени; Леопарди возвращается назад один и, холодея от ужаса, созерцает ее пустую могилу. Возможно, Сильвия когда-нибудь и вернется, подобно мумии Руйша (сцена из потрясающего фантастического микрофильма по произведению того же Леопарди), но уже навсегда потеряет память.

Эроальдо взмок от напряжения; экзаменатор уставился на него, обдумывая новый каверзный вопрос. Но Эроальдо уже закусил удила:

– По моему скромному мнению, следовало бы пересмотреть оценку творчества Кардуччи.

– Это уже сделал Гоффредо Нуволари, – торжествующе возразил экзаменатор.

– Да, однако он не учел маленькой, но важной подробности. В микроэтюде Паольери я заметил, что великий филолог бичует отрицательное отношение сторонников научно-мифологического анализа к трудам Кардуччи и призывает молодежь глубже вникнуть в их суть. Поэтому я хотел бы представить на суд уважаемых ученых, профессоров университета, свою скромную гипотезу. Я считаю, что у Кардуччи мы находим научно-фантастическое обоснование принципа зимней спячки.

– Вы так думаете?

– Бог ацтеков пробуждается от зимнего сна, чтобы отомстить за свой народ. Его могущество привлекает «красавца-блондина Максимилиана» и временно торжествует возмездие. У Кардуччи мы встречаем научный реа-

лизм, что характерно и для «Монгольфьера» Монти, и для «Обрученных» Мандзони (сцена чумы). Все эти короткометражные фильмы очень подходят для слаборазвитых районов. Интересна также работа Пирелли о машине времени, использованной Фосколо в «Гробницах». Благодаря машине времени в людях прорывается наружу все подсознательное...

– Да, но эта теория весьма спорна. Приведите, пожалуйста, пример использования машины времени в традиционной поэзии. Смелее, я вижу, что научно-фантастическая эстетика вам не чужда.

– У Пасколи.

– Пасколи? Но мы же используем его творчество, только когда требуется проиллюстрировать ботанические и зоологические фильмы!

– Пора покончить с недооценкой этого великого фантаста. Ригатони прав. Вы помните маленькое стихотворение об Одиссее, возвращающемся в свое прошлое? Так вот, Ригатони открыл, что Одиссей не смог бы этого сделать, не будь у него машины времени. Ведь это очевидно! Одиссей возвращается назад, и происходит то же, что с магнитной лентой, когда нечаянно нажимают на клавишу стирания. Одиссей был слишком примитивен и не умел пользоваться машиной времени, он оставил клавишу нажатой – ж-жик! все стерто: циклоп, сирены, Калипсо, да и само рождение Одиссея. Помните стихи:

*Не быть ничем, не быть ничем, и больше ничего.
Но смерть – она страшнее небытия.*

– Превосходно. Можете идти.

– А девственно-чистая, разумная собака Парини?..

– Я же сказал, вы свободны.

– Я могу опровергнуть древнефантастические ошибки Дзанелла в «Хрупкой раковине».

– Убирайтесь!

Служителям пришлось вытолкать Эроальдо, а он все тараторил без умолку. В коридоре его поддержала чья-то заботливая рука.

– Как я отвечал? Как я отвечал? – растерянно спрашивал Эроальдо.

– Все в порядке, уверяю вас. Вы благополучно выдержали экзамен.

– Только вот перестарался немного, – съехидничал кто-то.

– Оставьте его в покое. Идемте со мной, коллега.

Повелительный тон, твердая рука: незнакомец уверенно повел его к лифту. Эроальдо успокоился и взглянул в лицо спасителя: старый седой преподаватель, качая головой, сочувственно смотрел на него.

– Как они калечат молодежь! Нужно изменить всю систему. Но об этом уж я сам позабочусь. Я пишу книгу, которая наверняка вызовет скандал, но она необходима.

– Полную или короткометражную? – поинтересовался Эроальдо, выходя из лифта.

– Я пишу ее пером, это более действенно.

«Какой-то сумасшедший, только этого мне не хватало!» Эроальдо учтиво улыбнулся, одновременно пытаясь незаметно улизнуть, но старик крепко держал его за локоть.

– Внизу, в подвале, вам придется подождать несколько часов, прежде чем вы узнаете окончательные результаты конкурса. Пойдемте со мной. Тут есть кафе-автоматы.

– Дорого? – с тревогой спросил Эроальдо.

– Не очень. Нельзя же целый день поститься! Успокойтесь, иначе вам непременно станет дурно. Ведь предстоит еще одно трудное испытание. Я-то знаю, не первый год сдаю экзамены.

– И каждый раз проваливаетесь? Вас до сих пор не зачислили в штат? – изумился Эроальдо.

– Я уже двадцать лет состою штатным преподавателем.

– Простите, но зачем же вы тогда приходите?

– В том-то и дело, что все эти конкурсы – бессмысленная затея. Присядем. Судите сами, по правилам конкурс открыт для всех дипломированных педагогов. У меня диплом есть, значит, я тоже могу принять участие. Ну, не глупо ли? Поэтому я и начал писать книгу. Школьная система Италии нуждается в реформе. Я предвидел это тридцать лет назад. Так продолжаться не может. Видите ли...

– Извините, а что это такое? – И Эроальдо показал на огромный экран, занимавший всю заднюю стену; толстая черная линия делила его пополам.

– Здесь появляются фамилии победителей с указанием набранных очков. Но списки поминутно изменяются, ведь еще не все экзамены кончились. Фамилии соискателей постоянно переходят из верхней половины экрана в нижнюю, по мере того как машина корректирует результаты и выявляет новых победителей конкурса. Если ваша фамилия вверху, то у вас есть шансы получить место, ну, а если

внизу... Но не расстраивайтесь, коллега, до появления окончательного списка всегда остается надежда... Простите, ваше имя?

– Эроальдо Банкони.

– Новых сведений пока нет. Успеете подкрепиться. Я подожду здесь.

Эроальдо поблагодарил и подошел к автомату. Прежде чем выбрать блюда, он внимательно ознакомился с ценами.

– Вот теперь-то и начинается обман.

Эроальдо обернулся и увидел рядом с собой преподавателя в роговых очках.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Эроальдо.

– А вы не знаете? Рекомендации, политические взгляды...

– К счастью, машины политикой не занимаются, – убежденно заявил другой соискатель.

– А кто в них данные вводит? – с иронией спросил учитель в очках.

– Члены комиссии вне подозрений: разве вы сами не видите, что их заставляют молниеносно принимать решения? И кроме того, ведь все фиксируется. А чтобы мошенничать, нужно время.

– Зато чтобы ошибиться, достаточно секунды. К тому же магнитные ленты исчезают в чреве машины, а если она чувствительна к индивидуальному магнетизму кандидата, тогда прощай справедливость. И машина может быть пристрастной.

Эроальдо широко раскрыл глаза:

– Я с вами совершенно согласен. Какое тонкое научно-фантастическое объяснение!

И он ринулся к экрану.

Его фамилия была в самом низу. Буквы почему-то все время расплывались. Тысяча чертей! А вдруг его магнетизм не понравился машине? Решительно его фамилия заметнее других прыгала перед глазами, и мерцание красных букв пугало Эроальдо – он еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Подлый робот, продажная тварь, что я тебе сделал?! Оставь меня в покое!

Он отер слезы и снова впился глазами в экран: ему показалось... или дрожание и в самом деле усилилось? Нет, он не ошибся! Экран словно пустился в пляс, все слилось, ничего нельзя было разобрать. Кто-то крикнул:

– Новые данные! Черт побери, я был двадцать третьим, а стал сорок седьмым!

А его фамилия наверху! Браво, робот! Теперь мы с тобой поладим. Но что это? Буквы снова заколыхались. Ну, ну, перестань шутить, глупец, не то я вдребезги разнесу твой проклятый механизм! Неужели услышал?! Может, я его обидел... Славный, хороший робот, ради всех святых сделай так, чтобы я остался наверху!

Поступили новые сведения и все повскакали с мест, Шум стоял словно на бирже.

– Есть! А моей фамилии нет. Ура, я наверху! Нет, внизу... Слава богу!.. Опять я внизу!..

Наконец экран застыл, его фамилия все еще наверху, но в предпоследней строке, в предпоследней! Может, это предупреждение? О непогрешимый робот, у меня семья!

Снова поступили данные, и снова пляска красных букв; он, Эроальдо, все еще в предпоследней строке. А вот и очередной поток сведений: его фамилия поднимается,

достигает середины, оставляет позади другие, колеблется, возвращается обратно... ему удастся обойти еще одного кандидата, но вдруг чья-то фамилия очень быстро поползла вверх, обгоняя одного, другого... Должно быть, у этого типа сильная «рука»! Посмотрите только, как он летит! О да, синьоров с рекомендациями полным-полно! Они наседают, теснят остальных. Список путается, все кричат, толкаются, а он, Эроальдо, уже внизу! Его фамилия еще мерцает над черной линией, нет, этого не может быть, верно, произошла ошибка, ведь только что он был почти на середине! Ура! Теперь он поднимается все выше, он победил!

Что такое?! Снова пополз вниз? Остановись, кретин! Куда там, катится вниз, вниз, вот он уже в самом низу. Плевать, лишь бы удержаться! Миленькие буквы, заклиная вас, только не шевелитесь!

– Передача сведений заканчивается, – мгновенно охладила страсти чей-то негромкий тенор, – сейчас поступит окончательный список.

А буквы его фамилии все никак не успокаиваются, они то ползут вверх, то возвращаются, подпрыгивают и снова падают вниз.

Наступили последние минуты сражения. На табло возникла чья-то длиннейшая фамилия. Она прорвалась на самый верх и возглавила список – это по меньшей мере сын помощника министра. Эроальдо все еще держался на предпоследнем месте. Внезапно экран дрогнул: красные буквы замелькали в безумном вихре, словно пляшущие светлячки, потом разом потухли, и вот уже на экране засветились имена победителей.

Пунцовый от волнения, Эроальдо бросился искать

свою фамилию: ее не было, не было! О гнусный, лживый робот! Он бессильно опустился на стул. Кто-то несколько раз больно хлопнул его по щеке. Эроальдо очнулся и протянул руку к экрану:

– Я был там... до самого конца... Банкони Эроальдо, предпоследний ряд... Это несправедливо! – и он всхлипнул.

Чья-то рука грубо встряхнула его, и незнакомый голос прошипел прямо в ухо:

– Что вы хнычете? Связи везде помогают. Можете полюбоваться своей драгоценной фамилией, Банкони Эроальдо. Победителей разместили в алфавитном порядке.

Эроальдо вырвался и подбежал к экрану. Верно, все верно: в восемнадцатой строке стояла его фамилия! Он почувствовал себя выжатым, словно губка. С вымученной улыбкой, вперив неподвижный взгляд в пустоту, он на негнущихся ногах пошел к выходу, но тут его словно током ударило. Что случилось? Опять ошибка? Нет!

– Банкони Эроальдо, получите назначение, – произнес монотонный голос робота.

Милый робот, ну, конечно, я обязан пройти непременно церемонию улыбок и рукопожатий. Теперь я преподаватель средней школы и должен держаться с достоинством: аккуратная прическа, уверенная походка. Пора научиться ходить неторопливо, выпятив живот, а не зад, как он это делал раньше, в начале карьеры.

И он торжественно пожал руку председателю комиссии. Тот пробормотал:

– У вас, уважаемый синьор Банкони, явная склонность к педагогике.

«Милый робот, отныне будущее принадлежит мне! О Лидия, моя наделенная даром телепатии жена, о поезд, о метро, о дом, о поцелуи, о любовь!»

— Какое у тебя впечатление от экзаменов? — много позже спросила жена.

— В общем вопросы были несложные, правда, слегка придрались на крестовых походах...

— А что это такое — крестовые походы?

— Я тебе потом расскажу, любимая.

— О них, верно, в школе никто и не слышал, — и она удовлетворенно засмеялась.

Коллеги Эроальдо отчаянно ему завидовали, но делали вид, будто радуются его успеху. Заведующая учебным сектором, недовольная тем, что придется подыскивать другого преподавателя, хранила хмурое молчание, а технический директор сунул ему в руки тетрадь пропуска уроков, чтобы взыскать с него какую-то сумму. Только директор школы встретил его тепло и неофициально.

— С таким руководителем, как вы... — начал было Эроальдо.

— У вас есть хватка, дорогой мой. Мне обо всем рассказали. Разумеется, я всегда к вашим услугам. Мы, педагоги, должны объединиться против машинного обучения.

— Конечно, конечно... — повторял Эроальдо, ошеломленный быстротой, с какой распространяются новости: ох уж эти вездесущие фотоэлементы!

— Теперь, когда мы остались одни, — продолжал директор, нам предстоит разрешить один запутанный вопрос... Что будем делать с Моранини?

— Опять этот Моранини! — вспыхнул Эроальдо, но тут

же нерешительно добавил: – Разве семья не согласна забрать его из школы?

– Нет. Отец только рассмеялся, когда я рассказал ему о тетради. Высокое же гражданское сознание у этого синьора! Некоторые господа беззастенчиво пользуются тем, что не хватает квалифицированных специалистов, особенно в области атомной физики. Увы, мы вынуждены с этим считаться. Вы сами убедитесь, какие лентяи учатся в средней школе; к счастью, вы настоящий педагог. Мне дали понять, что дело Моранини лучше спустить на тормозах.

– Но как же Устав?..

– Нужно постичь дух закона, а не букву, – назидательно сказал директор. – Кто знает, вдруг этот Моранини поэт? Читайте, читайте,

– Поэт?!

Эроальдо взял крамольную тетрадь, которую директор сунул ему в руки. Вынув закладку, он прочитал: «Я купался в море, а не в школьном бассейне...»

– Не может быть! Его отец-ученый и прекрасно знает, что море – источник микробов. Ему бы никогда не позволили!

– Вот именно. Это фантазия: Моранини поэтически оживляет воспоминания предков. Ему нравятся стихи Леопарди, которые он вычитал в нелепых книгах, отпечатанных на бумаге. В своем дневнике он пишет всякую чушь; но отец не обращает на это никакого внимания. А раз он доволен, мы не имеем права вмешиваться. Семья для нас священна. Мы предупредили родителей и тем самым выполнили свой долг.

– Леопарди... – вслух подумал Эроальдо. – Ему нра-

вится Леопарди. Хороший признак. Это был великий поэт-фантаст. – И он снова ощутил благодарность к поэту, который помог ему выдержать конкурс.

Директор очень удивился, но внешне остался невозмутимым.

– Да, таковы, кажется, нынешние воззрения критики. У меня, увы, нет времени заниматься литературой. Вы сами скоро убедитесь, что мы должны быть в курсе всех последних достижений науки и техники. Фантабиопедагогика, фантапедагогическая наука или парапедagogика – вот главные проблемы современности! Впрочем, вы на собственном опыте узнаете... Так как же нам поступить с Моранини?

Эроальдо вертел тетрадь, тщетно пытаясь найти выход из положения. «А что, если применить к Моранини принципы эстетики Кампоформа?» Так, посмотрим! Тетрадь могла бы быть выражением фантареализма. В результате школьного конфликта в ученике Моранини пробудилось чувство коллективного подсознания.

– Ну, конечно, в таком случае можно применить фантапсихоаналитическую теорию! – воскликнул Эроальдо. – У мальчика обострился процесс самобичевания... и вот появилась эта тетрадь, что явно противоречит Уставу.

– Чудесно, синьор Банкони, чудесно! Я и не знал, что вы столь сведущи в фантапедагогике. Председатель комиссии был прав. Вас ждет блестящее будущее. Идите, мой друг, поговорите с Моранини и постарайтесь просветить коллег в вопросах фантапедагогики...

Итак, сам того не замечая, он стал пользоваться в школе не меньшим авторитетом, чем директор. Какая блиста-

тельная карьера открылась перед ним! О, Моранини, ты тоже оказался орудием моей судьбы!

А может быть, – тут он остановился и удивленно посмотрел вдаль, – может быть, это я сам творец своего будущего?

Лино АЛЬДАНИ

Луна двадцати рук

– Дэвид Портленд, к доске! – сказал учитель Круппен, оторвавшись от классного журнала.

Дэвид зачем-то отодвинул книги и тетради и наконец вылез из-за парты.

– Ты выучил урок по астрономии?

– Конечно, господин учитель.

– Отлично. Скажи, сколько естественных спутников у планеты Сатурн?

– Десять, господни учитель.

– Хорошо. Назови их и укажи в хронологическом порядке, когда они были открыты.

– Титан, – неуверенно начал перечислять Дэвид, – Япет, Рея, Диона, Тефия, Энцелад, Мимас, Гиперион... – Тут он запнулся и, покраснев от напряжения, уставился на носки ботинок.

– Так, дальше, – подбодрил его учитель. – Недостает еще двух: Феба и?..

– Феба и Темпе.

– Верно. Ну, а теперь второй вопрос. Как иначе называют Титан?

– Титан? Его называют «Луной двадцати рук».

– Объясни, почему?

– Не знаю, господин учитель.

– А должен был бы знать, Дэвид, – с упреком сказал учитель. – Я задал на сегодня прочитать отрывок из приложения к учебнику. Если бы ты его прочел, то мог бы ответить на мой вопрос.

– Да, господин учитель, но я... не стал его читать.

– Почему же?

Дэвид Портленд заколебался, по потом вскинул глаза на учителя и выпалил:

– Потому что я не люблю астрономию.

В классе стало необычно тихо. Изумленные взгляды учеников словно были прикованы к лицу Дэвида. Учитель Крупней снисходительно улыбнулся.

– Да, не люблю, – осмелев, повторил Дэвид. – Терпеть ее не могу. И потом... зачем она мне, эта астрономия? Космонавтом я стать не собираюсь. Я хочу быть хирургом, как и мой отец. И не на какой-нибудь планете, а здесь, на Земле.

Учитель снова улыбнулся:

– Не рано ли ты выбрал себе профессию? Вдруг пере-думаешь?

Дэвид немного растерялся. Под пристальным взглядом учителя он прикрыл ладонью глаза.

– Дай-ка мне твою книгу, Дэвид.

Учитель взял учебник, заглянул в оглавление, быстро перелистал страницы.

– На, держи, – сказал он, протягивая Дэвиду раскрытую книгу. – Прочти вот здесь. Это рассказ неизвестного автора двадцать первого века. Читай повнимательнее. Я вызову тебя еще раз.

Низко опустив голову, Дэвид поплелся на место под хихиканье друзей. Он тяжело вздохнул, скорчил ехидную рожу сразу всему классу и углубился в чтение.

Знакомо ли вам, хотя бы в общих чертах, строение одноклеточного организма? Так вот, космический корабль

«Ибис» походил на такой организм. Он не был смонтирован или собран по частям, его обшивку не сваривали и не стягивали болтами. Словом, он совершенно не напоминал механизм, отдельные части которого можно вынуть или заменить. Нет, корпус «Ибиса» был цельным, и, создавая его, ученые строго следовали принципам новейшей теории молекулярных сил. Внешне «Ибис» ничем не отличался от современных космических кораблей, разве только был поменьше и не столь быстроходен. Не спорю, в его конструкции имелись кое-какие дефекты, но шестьдесят лет назад, когда «Ибис» отправился в свой первый полет и проект Крузиуса и Благовича стал реальностью, все славили повое чудо техники.

«Ибис» имел электромагнитное управление. Крузиус и Благович блистательно доказали на практике, что для межпланетных путешествий космическим кораблям больше не нужно реактивное горючее. Особый ускоритель «антиграв» – генератор антигравитационного поля – позволял кораблю легко преодолевать любые пространства по гравитационным линиям, пронизывающим космос. Это было поистине гениальное открытие, настоящий переворот в технике.

Год две тысячи двадцать пятый ознаменовал собой конец атомной и начало электромагнитной эры. Но, увы, именно этот год оказался одним из самых трагических в истории человечества. Едва «Ибис» блестяще завершил третий пробный перелет Земля-Мартс-Земля, как на нашей планете неожиданно для всех вспыхнула страшная эпидемия желтой чумы.

Сейчас, вероятно, лишь самые глубокие старики пом-

нят о тех кошмарных днях. Впрочем, я в этом не уверен, ведь известно, что события, отличающиеся особой жестокостью, невольно вызывают защитную реакцию человеческого мозга, и почти всегда вступает в действие закон подсознательного оптимизма, побуждающий нас забыть все неприятное. Так или иначе, но нет ни одной книги по истории и медицине, в которой не упоминался бы тот несчастный год. Подсчитано, что за полгода эпидемия унесла полтора миллиарда людей – почти половину всего населения Земли. И если другой половине посчастливилось уцелеть, то этим земляне обязаны ксемедрину, который добывали на Титане, и космолету «Ибис», который с неслыханной быстротой долетел до шестого спутника Сатурна.

Полет не был опасным. До этого человек уже не ступал на поверхность спутников Сатурна. Более того, он проник на планету Уран, сумел облететь и досконально изучить всю Солнечную систему – и все это на устаревших уже теперь атомных кораблях.

Словом, «Ибису» не грозила серьезная опасность. Не было оснований бояться и каких-либо неожиданностей.

В самом деле, тридцатидневный полет протекал как нельзя лучше. Но при посадке на Титан произошла небольшая авария был поврежден антиграв.

Только через двое суток командиру корабля Арне Лагерссону и инженеру-пилоту удалось обнаружить, что, хотя индикатор стоит на отметке «нормально», драгоценная энергия антигравитационного устройства катастрофически убывает.

– Мы подчас похожи на погонщика верблюдов в пус-

тыне, который преспокойно идет во главе каравана и не замечает, что у него продырявлен бачок с водой, – сказал Арне Лагерссон.

В навигационный салон, где собрался командный состав корабля, вошел борт-инженер Алексей.

– Я укрепил соединительные кабели и осмотрел весь комплекс антигравы, теперь все в порядке, – доложил он и посмотрел на свои перепачканные в масле руки. – Подумать только! Двое суток мы спокойно спали и ели и даже не подозревали, что в конденсаторах утечка. Я готов сам себя высечь.

– Перестань, – сказал второй пилот Фултон. – Я все думаю, как это могло случиться?

Арне Лагерссон отошел и пристроился в углу. Он неподвижно глядел прямо перед собой, то и дело негромко похрустывая пальцами. К нему подсел Фултон.

– Вероятность утечки энергии в антиграве примерно одна тысячная, – сказал он. – Учти также, что отказал предохранительный клапан. Мало того, не сработал и аварийный. Это уж чересчур.

Лагерссон в ответ только пожал плечами.

– Ничего не понимаю, – продолжал Фултон. – Тысяча, помноженная на миллион, дает миллиард. Слышишь, Арне? Вероятность была одна миллиардная. Повезло, нечего сказать!

– Твои расчеты неверны, – сказал Лагерссон. – Посадка была не особенно удачной, и многие клапаны вышли из строя. Что ж в этом странного? Так уж случилось, и теперь нам приходится худо. А что показывает индикатор антигравы?

– Мало утешительного. Пока шестьсот пятьдесят килограммов, ниже предельной нормы. Но если учесть, что люди и механизмы весят тысячу шестьсот килограммов, то нетрудно подсчитать. На корабле девятьсот пятьдесят килограммов лишнего груза.

Лагерссон до боли закусил губу и сокрушенно покачал головой:

– Плохи наши дела, Фултон.

– Да уж хуже некуда. – Фултон осмотрелся по сторонам, словно одним-единственным взглядом хотел окинуть все вокруг.

– Нелегко будет сбросить эти лишние девятьсот килограммов.

Лагерссон созвал всех офицеров.

Не дожидаясь особого приглашения, к ним присоединились Алексей, Ирина и доктор Паульсен.

– Прошу всех вас держать случившееся в тайне, – сказал командир корабля. – Незачем заранее тревожить экипаж.

Он поднялся на командный мостик и медленно побрел в свою рубку, чувствуя себя смертельно усталым и близким к обмороку. «Старею, – подумал он. – Скоро сорок. Многовато, многовато для такой работы».

Он закурил сигарету и взглянул в плексигласовый иллюминатор.

Отсюда Титан казался безжизненной равниной, насколько мог охватить глаз скованной ледяным панцирем. Из расщелин в синеватых ледяных глыбах тонкими красными струйками вытекал ксемедрин, стелясь над самой поверхностью планеты. Лагерссон не раз бывал на Титане.

Впервые он прибыл сюда в две тысячи одиннадцатом году, когда производил съемки местности, а затем вторично, ровно через десять лет, делал новые, периодические съемки. И вот теперь он попал сюда в третий и, как опасался, последний раз.

Примерно в трехстах метрах от корабля из-за ледяного холма показались космонавты. В громоздких термических скафандрах они двигались медленно, гуськом, неся на плече баллоны с ксемедрином, собранным из расщелин после долгих часов утомительнейшей работы. Лагерссон узнавал своих людей по походке. Не всех, конечно: на корабле было несколько новичков, — но каждого, с кем ему доводилось летать прежде, он, не колеблясь, узнал бы и за тысячу метров.

Он в изнеможении прилег на койку.

Девятьсот килограммов! Их нужно сбросить любой ценой. Но Лагерссон не мог сосредоточиться на этой мысли. Он поймал себя на том, что думает об иррациональности мира и самой истории — право же, нелепо, если мир агонизирует из-за какой-то ничтожной, неизвестной доселе бактерии, а спасительное лекарство можно добыть только в миллионах километров от Земли! А, впрочем, возможно, в этом есть своя логика и даже счастливая закономерность. Ксемедрин! Когда много лет назад на Титане производились первые съемки местности, кто бы мог подумать, что реденькие красные струйки газа принесут спасение человечеству? А врач из Гамбурга! Ведь это он догадался, что в борьбе с бактерией можно использовать только ксемедрин. Он случайно обнаружил это, изучая всевозможные катализаторы для получения противозпи-

демической сыворотки. Но была ли то случайность или же закономерность?

Лагерссон попытался представить, что произошло бы, вспыхни эпидемия годом раньше, когда проект Крузиуса и Благовича существовал только на бумаге. Обычному космическому кораблю на атомном горючем понадобилось бы около года, чтобы достигнуть Титана. За это время человечество успело бы вымереть. «Да будут благословенны «Ибис» и чудодейственный ксемедрин», – подумал он.

Он невесело усмехнулся: ведь самый захудалый философ с полным правом может обвинить его в голом практицизме.

Сигарета потухла, и Лагерссон погрузился в беспокойный сон. Он стремительно неся куда-то на легком облачке. Вдруг ноги его налились свинцом, он свалился вниз и его поглотила бездонная пропасть.

Его разбудило слабое стрекотанье звонка. Он выверил свой хронометр с двумя циферблатами – для земного и «путевого» времени. «Пора обедать». Умывшись, он спустился вниз.

Обед проходил в полнейшем молчании. Доктор Паульсен не скрывал своей озабоченности, Фултон старался держаться как можно спокойнее, Ирина и Алексей время от времени обменивались загадочными взглядами. Снизу, где обедали остальные члены экипажа, доносился приглушенный гул голосов.

– Сколько сегодня собрали ксемедрина? – спросил Лагерссон.

– Двенадцать килограммов, – ответил Фултон. – Еще два выхода, и мы соберем нужные шестьдесят килограммов.

– Нужно обойтись одним выходом.

– Почему же? Все равно улететь мы сможем не раньше чем через двое суток.

– Знаю, – буркнул Лагерссон. – Но я хочу, чтобы все члены экипажа были налицо, когда потребуется начать работы по уменьшению веса корабля. Составьте список, без чего, по-вашему, можно обойтись на корабле, – обратился он к Ирине. Укажите вес каждого предмета. Вы, Алексей, подготовьте список предметов не самой первой необходимости. А вы, доктор... Подсчитайте минимальный пищевой рацион и предельный запас кислорода. Боюсь, что нам придется потуже подтянуть ремни и напрячь легкие.

Он поднялся и направился к выходу.

– Да, чуть было не забыл, – сказал он Фултону. – Завтра, когда закончите сбор ксемедрина, потрудись изъять оружие у всех членов экипажа.

– Выверни-ка карманы, Джон.

Джон сердито фыркнул.

– Тебе говорят, выверни карманы! – Командир повысил голос.

На стол упали сигареты, зажигалка, пилка для ногтей, рожок-амулет.

– А где бумажник? – рявкнул Лагерссон.

– Вот, держите, – буркнул Джон, вытащив бумажник из заднего кармана брюк. – Командир, – хриплым, умоляющим голосом сказал он. – Тут только фотографии жены. Они и ста граммов не весят.

– Молчать! – приказал Лагерссон. – Клади все. И часы тоже.

Джон сгреб все свое добро в кучку и уныло поплелся

на место. На столе уже высилась груда всевозможных вещей, при виде которых сердце старьевщика забилося бы от радости: тут были вечные ручки, булавки для галстука, записные книжки, цепочки, цветные карандаши.

– Следующий.

К столу подошел человек лет сорока с всклокоченными рыжими волосами. Это был новичок.

– Клифт Ивенс, командир, – доложил он.

– Выверни карманы, Клифт.

– Уже сделано, командир, – сказал Клифт и показал вывернутые карманы брюк.

– Отлично.

Клифт хотел было отойти, но Лагерссон вернул его,

– Сними кольцо, Клифт.

– Я уже пробовал, командир. Ничего не выходит.

– Смажь мылом. И если и тогда не поможет, придется тебе расстаться с пальцем.

Экипаж в полном составе собрался в навигационном салоне. Все стояли лицом к стенке корабля.

– Выбросите-ка все это, и побыстрее, – приказал Лагерссон, едва закончился осмотр.

Четверо людей подняли брезент с собранными вещами и направились в шлюзовую камеру. Пять минут пролетели в напряженном, угрюмом молчании. Наконец зажегся зеленый глазок, затем красный и снова зеленый.

– Что показывает индикатор?

– Двести пять килограммов лишку, командир.

Арне Лагерссон растерянно провел по лицу рукой. Выброшены все столы, диваны, кухонные инфраплиты, предохранительные ремни, посуда. Они лишились всего,

что создает определенный комфорт, освободились от того, что не является предметом крайней необходимости. Чем же еще можно поступиться?

– Фултон! – сказал командир. – Сколько осталось аварийных скафандров?

– Пять.

– Три выбросите. Доктор Паульсен, пойдемте со мной. Нам нужно обсудить вопрос о рационе.

Едва доктор и командир корабля поднялись наверх, космонавты, взволнованные и обеспокоенные случившимся, разбрелись по залу. Одни уселись прямо на пол и, сжав голову руками, застыли неподвижно с закрытыми глазами; другие, стараясь не думать о трагической перспективе, пытались шутить и смеяться.

Боба Арджитая, девяностокилограммового верзилу и здоровяка, окружала небольшая группа людей.

– И что это за штука – сила тяжести? – деланно-наивным тоном спросил Боб.

– Сразу видно, что ты осел. Сейчас я тебе объясню, дураlei. – Его приятель Джо, стоявший рядом, засучил рукава. Представь себе, что ты сидишь у себя в небоскребе, на сорок первом этаже. Так вот, я беру тебя за шкуру и выпихиваю в окно. А потом вдруг отпускаю. Ну как, сообразил? Что тогда произойдет, а?

– Это ты зря, Джо, – сказал кто-то. – Ровным счетом ничего не произойдет. Боб из духа противоречия возьмет да назло тебе не упадет.

Кто-то засмеялся, кто-то в сердцах пожал плечами, а те, кому надоело слушать плоские остроты, отошли.

– Кроме смеха, друзья, – сказал Боб. – Я и в самом деле

этого не понимаю. Нечего строить из себя всезнаек – ведь вам известно ровно столько, сколько мне – Индикатор показывает, что у нас двести пять килограммов лишних. Так неужели, черт побери, из-за каких-то жалких двухсот килограммов мы должны торчать на этом Титане? Попробуй тут разберись.

– Ну, разве ты не осел? – воскликнул Джо. – Так и быть, попробую объяснить тебе понагляднее. Вообрази, что у тебя имеются весы с чашами. На одной чаше сидишь ты, а на другой лежит груз весом девяносто килограммов. Что произойдет, если ты тоже весишь девяносто килограммов?

– Умней ничего не придумал?! – воскликнул Боб. – Ясное дело, весы останутся в равновесии.

– Вот именно, – согласился Джо. – Чаши весов не опустятся и не поднимутся. Но если ты вынешь из кармана пиджака ручку и выкинешь ее, то чаша с грузом опустится, а тебя слегка подымет. Понял?

– Болван! – воскликнул Боб. – Как действуют весы я с пеленок знаю.

– Но антиграв работает на том же принципе, – сказал Джо. – Разницы никакой.

– Тише вы, Фултон идет.

Фултон подошел к группе космонавтов.

– Вот что, ребята, – дружелюбно сказал он. – Придется нам выбросить всю лишнюю одежду.

Боб Арджитай захохотал.

– Превосходно! – с наигранным энтузиазмом воскликнул он. – Командир, видно, решил отправить нас домой в одних трусиках...

– Довольно зубоскалить, – прервал его Фултон. – Снимайте-ка ботинки, рубашки, белье.

– Приказ распространяется на всех без исключения? – спросил Боб.

Фултон кивнул.

– И к девушке наверху он тоже относится?

– Разумеется.

– Отлично, отлично! – Боб Арджитай стал радостно потирать руки. – Надеюсь, инженер Алексей Платов не рассердится, если его невеста разок-другой спустится сюда, к нам.

– Кретин! – разозлился Фултон.

Все засмеялись.

– Это я так, пошутил, – оправдывался Боб, – чтобы ребят приободрить.

Фултон растерянно посмотрел на него, потом сжал его локоть и легонько хлопнул по плечу, повернулся и, чеканя шаг, пошел к двери.

До отлета оставалось восемнадцать часов. Лагерссон, Фултон, доктор Паульсен, Алексей и Ирина собрались наверху, в главном салоне.

– Так вот, – сказал командир. – Учтите, что ксемедрин трогать нельзя. Мне приказано добыть шестьдесят килограммов, и я привезу ровно шестьдесят килограммов, ни граммом меньше.

Все согласно кивнули.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул врач. – Сейчас на индикаторе антигравы лишних шестьдесят четыре килограмма. В нашем распоряжении восемнадцать часов, чтобы отыскать лишние килограммы и...

– Нам их никогда не отыскать, – сказал Алексей. – На корабле нет больше ничего лишнего.

Лагерссон пристально поглядел на друзей, а те в свою очередь смотрели на него так, словно решение проблемы зависело только от него одного.

Снизу слышался глухой ропот космонавтов, никто больше не смеялся. Недовольство нарастало с каждой секундой.

– Чего вы от меня ждете? – со злостью спросил Лагерссон. – Конечно, проще всего собрать всех и сказать: «Друзья, один из нас лишний. Давайте кинем жребий, и тот, кому не повезет, должен умереть. В одиночестве, как брошенная собака».

Четверо офицеров не отрывали от него взгляда, и в их глазах читались растерянность и немой упрек.

– А кое-кто из вас считает, что я должен добровольно покинуть «Ибис», не так ли? Еще бы, ведь я командую кораблем, а командир обязан показывать пример!

– Никто этого не говорит, – отозвался Фултон.

– Смешно – обычно в случае опасности капитан покидает корабль последним. А я, по-вашему, должен покинуть его первым. – И Лагерссон неестественно рассмеялся.

– Послушай, Арне, во время посадки индикатор антигравы был заблокирован. Может, быть, он просто испорчен? – сказал Фултон.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Он показывает шестьдесят четыре килограмма лишнего веса, но, возможно, это ошибка. Почему бы нам не попытаться взлететь?

Лагерссон на секунду задумался.

– Согласен, – сказал он. – Попробуй.

Двадцать минут спустя Алексей нажал кнопку, корпус космического корабля вздрогнул и завибрировал. Лагерссон не отрывал взгляда от альтиметра. Пятнадцать секунд пролетели в напряженном ожидании.

– Нуль! – в ярости крикнул Лагерссон. – Мы не поднялись ни на сантиметр!

Все снова собрались в центре салона. Командир обратился к Паульсену:

– Ну, а что вы предлагаете, доктор?

– Э, нам остается только сесть на жесточайшую диету. Через три-четыре дня мы изрядно похудеем и сумеем взлететь.

– Невозможно.

– Не вижу другого выхода, командир. Либо полетим без ксемедрина, либо подождем, пока народ не похудеет.

– Доктор, вы забываете, что курс и время полета были рассчитаны заранее. Если мы отложим полет на несколько дней, то наткнемся в пути на облако В-36, а это – верная гибель. Значит, лететь надо либо через восемнадцать часов, либо через двадцать дней, когда нам уже не будет угрожать встреча со смертоносным облаком.

– А разве нельзя отклониться от курса?

– Нет, тогда нужно подняться по нормали к орбите планеты, а это связано со значительной потерей скорости. Мы прилетим на двадцать дней позже срока, не говоря уж о дополнительном риске. А вы представляете себе, что значит опоздать на двадцать дней?

– Знаю! – крикнул врач. – На Земле каждый час умирает в среднем тридцать тысяч человек. Вы это уже неодно-

кратно повторяли. Но что я могу сделать? Разве моя вина, что вспыхнула эпидемия?

– Замолчите!

– И не подумаю! Вы сами интересовались моим мнением.

Лагерссон повернулся к нему спиной. Опустив голову, он расхаживал по кругу вдоль стенки корабля, то и дело в ярости ударяя рукой по обшивке.

– Хорошо, попробуем сократить дневной рацион вдвое, – сказал он.

– Ничего не получится, Арне, – спокойно заметил Фултон. Ты уже дважды снижал норму, да к тому же у нас осталось всего несколько килограммов концентрата.

– Значит, надо вылить шестьдесят четыре литра воды!

– Арне, – в голосе Фултона слышались мрачные ноты. – Посмотри, сколько у нас осталось воды. Нам и так приходится беречь каждую каплю. Еще раз урезать запас воды и кислорода – значит, обречь полет на верную неудачу.

– Ума не приложу, что делать, – пробормотал Лагерссон. Он в отчаянии поглядел вокруг. – Неужели на корабле ничего больше нельзя убрать?

В командирской рубке были сняты все пульта, часть рубильников была заменена пробками. Все приборы, не смонтированные в корпус, были выброшены.

– Проклятый корабль! – крикнул Лагерссон. – Цельнокроеное чудище! Ничего нельзя демонтировать, подточить, вырезать. Будь ты проклят!

Он, словно зверь в клетке, заметался по салону, потом вдруг замер и бессильно прислонился к стене.

Его взгляд упал на Ирину, на ее густые длинные волосы. Он представил себе, как острые ножницы срезают тонкие пряди, одну за другой... Нет, это не выход из положения. Даже если обрить всех наголо, больше двухсот-трехсот граммов не наберется. Но туманная мысль о ножницах вызвала у Лагерссона страшную, но заманчивую картину... В голове звучали жестокие слова: «Смажь мылом. Если и тогда не поможет, придется расстаться с пальцем».

– Доктор, – обратился он к Паульсену.

– Слушаю, командир.

– Доктор... – Лагерссон умолк в нерешительности и дрожащей рукой потер подбородок. – Доктор, сколько весит человеческая рука?

Паульсен вздрогнул.

– По-разному, – негромко сказал он. – В среднем три-четыре килограмма.

Лагерссон не сумел сдержать довольной ухмылки.

– Боюсь, что нам понадобится ваше содействие, доктор.

Паульсен бросил на остальных умоляющий взгляд, словно взывая о помощи.

– Вы в состоянии сделать двадцать ампутаций?

Доктор гневно пожал плечами.

– Я спрашиваю, вы можете это сделать?

– Разумеется, могу, но в такой ситуации я никогда этого не сделаю!

– А я говорю – сделаете! – рявкнул Лагерссон. Он выхватил лучевой пистолет и навел его на Паульсена. Тот невольно отступил назад.

– Вы не имеете права меня принуждать! Повторяю, я никогда на это не пойду!

– Послушайте, Паульсен, – умоляюще сказал Лагерссон, – я нашел последние шестьдесят четыре килограмма. Ваша задача убрать их с корабля. Если вы откажетесь, я вынужден буду прибегнуть к силе.

– Господи, кто вы – чудовище или авантюрист, ищущий дешевой славы? – воскликнул Паульсен. – Вы что думаете, вам по возвращении памятник поставят? Да за такие художества вас судить будут...

– Ну, хватит! – прервал его Лагерссон. Фултон, Алексей и Ирина направились было к нему.

– Ни с места! – крикнул Лагерссон.

– Вы слышите? – сказал Паульсен. – Он сошел с ума, он хочет отрезать руку каждому из вас!

Ирина побледнела и невольно прижалась к Алексею. Лагерссон снова вскинул лучевой пистолет.

– Послушайте, люди, – усталым голосом произнес он. – Послушайте меня, друзья... не знаю уж как вас называть... Возможно, я и в самом деле немного не в себе. А, возможно, доктор прав, и я действительно ищу славы либо... крупных неприятностей. Но все это пустые разговоры, и мы только зря теряем драгоценное время. Поймите, «Ибису» опасность не грозит. Вашей жизни тоже. Если бы речь шла только об опоздании на двадцать дней, проблема решалась бы очень просто: немного гимнастики, чуть меньше калорий, и мы преспокойно взлетели бы с этого проклятого Титана. Но вы же знаете, что сейчас любое промедление смерти подобно – на карту поставлена жизнь миллионов людей. Я знаю, от вас требуется беспримерное

самопожертвование. Вы можете настаивать, чтобы я пожертвовал собой. Но это несправедливо. Почему именно я, а не кто-либо другой? – Он помолчал. – Даю вам полчаса на размышление; я изрядно поломал голову, теперь ваша очередь. Если вы не хотите жертвовать рукой, найдите способ убрать лишние шестьдесят четыре килограмма. Но коль скоро иного выхода не будет, придется делать ампутацию.

Он отер с лица холодный пот и бессильно опустился на пол. Веки отяжелели и слипались, перед глазами расплывался туман. «У меня жар», – подумал он.

Фултон прислонился к стойке индикатора и застыл как изваяние. Паульсен нервно ходил из угла в угол, бормоча что-то себе под нос. Ирина и Алексей стояли молча, тесно прижавшись друг к другу.

– Я знаю, о чем вы сейчас думаете, – сказал Лагерссон. Надеетесь, что кто-нибудь из членов экипажа не выдержит, в ярости бросится на меня, и я его пристрелю. Тогда все трудности разрешатся сами собой, не правда ли? Но кто же захочет таскать для нас каштаны из огня? Нет, дорогие друзья, на этот раз каждому из нас придется делать это самому.

Лагерссон все говорил, говорил... Его лихорадочная, бессвязная речь то сбивалась на проклятия, то перемежалась горькими сетованиями.

– Фултон! – слабо позвал он. – Ты способен добровольно умереть один как перст на этом чертовом Титане?

Второй пилот нахмурился и ничего не ответил.

– Так как же, Фултон? – не унимался Лагерссон.

– Не знаю, Арне. Возможно, и нет,

– Тогда почему же вы смотрите на меня с таким укором? Ведь мы не пчелы и не муравьи. И даже не насекомые. Мы, что куда хуже, жалкие, трусливые люди.

Перед глазами у него вставали страшные видения: переполненные больницы, больные лежат в коридорах и даже во дворах. А по улицам в бессильной ярости, проклиная собственную беспомощность, мечутся врачи. По дорогам мчатся составы, груженные мертвецами. Из печей крематория доносится запах дыма... Все человечество постепенно превращается в облако пепла.

Лагерссон посмотрел на хронометр.

– Итак, – сказал он, – ваше время истекло.

И сразу всех придавила гнетущая тишина, каждый мысленно погрузился на самое дно отчаянья и ощутил дрожь ужаса.

– Хорошо, – разорвал тишину доктор Паульсен. – Мы достаточно долго оскорбляли друг друга. Пора приниматься за дело.

Ему нужны бинты, сказал он, много бинтов и медикаментов, которые уже успели выбросить за борт. И еще он нуждается в помощнике. Немедля вызвали Джо, который когда-то учился на медицинском факультете.

Джо явился вместе с неразлучным Бобом Арджитаем.

– Джо, вы умеете делать укол в вену?

– Приходилось, доктор.

– Надень скафандр, Боб, – приказал Лагерссон. – Возле корабля в куче всяких прочих вещей валяются две-три коробки с бинтами. Найди их. Спроси у доктора, что еще ему нужно.

Боб в полнейшей растерянности уставился на коман-

дира. Ему стало страшно, страшно, что едва он покинет корабль, дверца захлопнется и его бросят одного в ледяной пустыне.

Лагерссон, видимо, понял его состояние. Он уже было собрался повторить свой приказ, но его прервал Фултон.

— Я пойду, — сказал он.

Лицо Лагерссона просветлело.

— Значит, ты со мной согласен, Фултон?

— Как всегда, Арне.

Командир облегченно вздохнул. Он почувствовал, как мысли его прояснились, кровь быстрее потекла по венам и он вновь обрел привычную бодрость. Продолжая расхаживать по салону, он энергично отдавал распоряжения и следил за их исполнением.

Когда Фултон вернулся с бинтами, Лагерссон приказал всем собраться в навигационном салоне. Речь его была предельно краткой. Люди слушали в полнейшем молчании, утратив дар речи от изумления. И вдруг Клифт Ивенс заплакал. Взрослый мужчина плакал, хлюпая носом, как мальчишка, которого наказали ни за что ни про что.

— Но почему, — вскричал он, — почему нельзя выбросить ксемердин? Выбросим его ко всем чертям или подождем двадцать дней!

— У тебя есть жена, Клифт?

Клифт кивнул головой.

— А дети?

— Двое, командир.

— Тогда попробуй меня понять, Клифт. Мы покинули Землю больше месяца назад. А вдруг за это время твоя жена и детишки тоже заболели?

Клифт вытер рукавом нос и поднял голову. Но кое-кто смотрел на командира мрачно и зло, грозно сжав кулаки и словно ожидая лишь сигнала, чтобы броситься на него. Это не укрылось от внимания Лагерссона. Он вскинул лучевой пистолет и навел его на стену. Постепенно лица людей прояснились, гневные огоньки в глазах погасли.

— Первым буду я, — сказал Лагерссон, — последним — Фултон. Это не потому, что я вам не доверяю... Хотя, впрочем... Словом, я хочу избежать возможных беспорядков. Вероятно, сразу после операции... мне будет довольно скверно. На это время командование примет Фултон. Прежде чем подойдет его черед, я уже буду на ногах. Остальные восемнадцать человек бросят жребий, в какой очередности им будет сделана операция. И последнее. Возможно, кораблю удастся взлететь до того, как будет закончена последняя, двадцатая операция. Так вот, я хочу, чтобы вы ясно поняли — на это рассчитывать нечего. Уж если нам суждено потерять руку, то через это пройдут все, за исключением, понятно, доктора. И только когда двадцать рук будут выброшены за борт, я нажму кнопку. Так что хныкать бесполезно. После этого я выброшу и пистолет. Вот и все.

Алексей и Ирина стояли поодаль, крепко держась за руки. Лагерссон подошел к ним.

— Поверьте, мне очень жаль, Ирина. Ведь вы и Алексей... Он умолк.

Алексей ничего не ответил. Ирина тоже молчала. Они смотрели на командира грустно, но спокойно.

Лагерссон пошел дальше, вглядываясь в лица космонавтов.

– Доктор, – сказал он дрогнувшим голосом. – Я готов. Можете начинать.

– Дэвид, – позвал учитель. – Ты кончил?

Дэвид встал, взял книгу и направился к доске, заложив пальцем открытую страницу. Глаза его блестели, а щеки стали пунцовыми.

– Теперь ты понял, почему Титан называют также «Луной двадцати рук»?

– Да, господин учитель.

– Так вот, Дэвид... После рейса «Ибиса» прошло, четыре столетия. С тех пор каждый космонавт считает для себя высочайшей честью, если после многих лет подвижного труда и самопожертвования его награждают орденом «Пурпурной руки». Тебе это понятно?

– Конечно, господин учитель... А что... что стало с доктором Паульсеном?

– А, с доктором «Ибиса», – вздохнул учитель. – Он тоже был удостоен множества наград и высоких почестей. Ну, а потом... По одним источникам, вскоре после этого он погиб в автомобильной катастрофе, другие же утверждают, будто он покончил жизнь самоубийством.

– Самоубийством?! Но почему?

– Не знаю, дружок. Возможно, потому, что только ему никто не мог тогда ампутировать руку...

Дэвид потупился. Учитель стал рассказывать о беспредельности и красоте космоса, о незнакомых мирах, где не ведают земных горестей, мирах, бесконечно далеких и необозримых...

Дэвид сел на место, а учитель продолжал урок. Его

слегка гнусавый голос разносился по классу. Ученики сидели молча и как зачарованные ловили каждое слово учителя.

И только Дэвид был погружен в свои мысли. Завтра он как следует выучит задание. И больше не будет болтать и отвлекаться на уроках астрономии. Но сегодня он не с состоянием слушать учителя. Он думает о том, что отец, верно, сильно огорчится. Но он не хочет больше быть хирургом: земной шар для него теперь слишком мал. Он подымает глаза, и взгляд его приковывают висящие на стене звездные карты. Постепенно очертания окружающих предметов исчезают, и Дэвид остается один, зачарованный волшебным мерцанием далеких светил.

Джулио РАЙОЛА

План спасения

Из Центрального Управления

80-й период вращения (время местное)

Адрес...

Инспекционному отделу Третьей туманности

К сведению начальника сектора

(Космопочта – совершенно секретно)

В Центральный Разведывательный отдел поступили документально подтвержденные сведения о неслыханном событии – самой скандальной истории за последнее время. Стараниями сотрудников указанного отдела удалось распутать нити преступления, прежде чем прискорбный факт стал достоянием гласности. Шайка матерых преступников грабит миры «С» вверенной Вам зоны под носом у Службы наблюдения Вашего сектора. Есть основания полагать, что отдельные агенты находятся в тайном сговоре с главарями шайки. Национальная принадлежность преступников нами установлена.

Прилагаю отрывок из дневника антропоида с Третьей планеты 23-й Системы, находящейся в подведомственном Вам секторе, и надеюсь, что Вы незамедлительно ознакомитесь с этим любопытным документом. Вышеназванный антропоид (и это самое серьезное Ваше упущение) продолжает заниматься своей вредоносной деятельностью на базе всей этой шайки, Пятой планете 12-й Системы, также входящей в Ваш сектор. С преступником находится индивидуум женского пола той же расы.

На основании вышеизложенного предписываю безотлагательно провести самое тщательное расследование и о его результатах доложить лично мне.

Прошу также наметить меры, направленные на быстрое и окончательное решение проблемы в целом. Проблема осложняется тем, что здесь замешаны индивидуумы категории «С», но закону лишённые прав на поддержание контактов с другими системами. Повторяю, налицо серьёзнейшее упущение в нашей работе. Если до представителей планет, подчинённых Верховному Суду, дойдут сведения об этой скандальной истории, последствия будут самыми плачевными. Надеюсь, что Вы и сами это понимаете.

Жду Вашего незамедлительного ответа с сообщением о мерах, которые Вы с моего согласия намерены предпринять. Ещё раз напоминаю, что именно на Вас лежит ответственность за правопорядок в Третьей туманности и системах, входящих в состав Вашего сектора.

Генеральный инспектор

Возле полуразрушенной, огороженной станции он последним усилием одолел ступеньки старинного моста дельи Скальци и, задыхаясь от усталости, выбрался наверх. «Старею», – с горечью подумал Лауро.

Он устало облокотился о каменный парапет и стал глядеть на воды Канале Гранде. После подъёма сердце учащенно билось, надо было немного передохнуть. Пальцы машинально ощупали неровности камня с прожилками тоненьких трещин – морщинок, почти невидимых глазом. Да, этот мост, не такой древний, как остальные, рано или поздно тоже рухнет.

Лауро подумал, что город похож на труп, который разлагается день за днем, постепенно становясь совершенно неузнаваемым. Уцелевшие дома были укреплены железобетонными опорами и стальными сваями.

В Каннареджо, прежде самом живописном уголке города, из воды торчали лишь верхушки самых высоких дворцов. Вдоль берега Канале Гранде длинной чередой тянулись трубы, крыши, зубцы башен и балконы – все, что осталось от старинных каменных зданий. Дома на противоположном, более высоком берегу почти не пострадали – море только начинало их заливать.

Воды прилива по несколько раз в день затапливали нижние этажи домов, но огромные дворцы, все в трещинах и подтеках, по-прежнему оставались немymi свидетелями былого величия города.

Лауро, не отрываясь, смотрел на свой родной город, где полуразрушенные дома воздевали к небу трубы и башни, словно моля о помощи. Каналы города превращались в грязное месиво, их дно устилали руины некогда прекрасных дворцов, и Лауро чувствовал, как к нему самому подступает старость, и бремя пережитого не в силах облегчить даже возраст – двадцать семь лет.

Но у него нет времени задумываться над этим всерьез. Надо бежать домой. И все же, отметил про себя Лауро, в самом воздухе, а возможно, в запахе воды Канале Гранде есть что-то странное, необъяснимое... От полузатопленных дворцов, от зеленоватой воды, на поверхности которой тускло отражалось полуденное сентябрьское солнце, исходил запах гнили. А может, это гниют стены домов, покрытые слоем морской соли и тысячулетней плесенью?..

Спускаясь по лестнице, Лауро увидел туристок. На протяжении тысячелетий город привлекал к себе внимание разноязычного племени туристов из всевозможных стран. На сей раз это были жители других планет, прилетевшие из красных пустынь Марса и с болот Венеры.

Огромные планетолеты частных и государственных космолиний, поддерживающих сообщение между странами системы, совершали промежуточную посадку на Луне, где под куполом была открыта контора Межпланетного независимого общества туризма. Лауро хорошо запомнил свой единственный визит в контору. Металлический робот восторженно обрисовал ему преимущества двухнедельного пребывания в плавучих кемпингах на Лагуне, где каждому туристу гарантирован предельный комфорт. На огромных панелях из стеклофлекса возник и через минуту исчез великолепный макет его родного города с каналами, руинами Базилики, Моста Вздохов (воспроизведенного из камнепластика в натуральную величину) и новейшей шестнадцатизэтажной гостиницей Даниэли, колоссальным сооружением, господствовавшим над всей панорамой Лагуны. Когда Лауро сказал, что он уроженец этого города и прожил в нем целых двадцать лет, в механизме робота послышалось какое-то хрипение, скрежет, и внезапно он недвижимо застыл. Через мгновение он ожил и медленно удалился из комнаты, но чувствовалось, что сообщение Лауро подвергло тяжкому испытанию его рецепторы.

Лауро прошел мимо туристок, столпившихся у подножия моста. Они проводили его заинтересованными взглядами. О, господи, похоже, они здорово истосковались по мужчинам, верно потому, что на других планетах ощуща-

ется в них недостаток. В последнее время инопланетные туристки открыто предлагали себя молодым землянам.

Лауро поспешно свернул за угол перед церковью Сан Симеоне Пикколо. Ему то и дело приходилось перепрыгивать через огромные ямы, на дне которых поблескивала вода. В городе на каждом шагу попадались такие ямы и трещины, и, когда задувал ветер или шел сильный дождь, вода проникала в первые этажи зданий даже во время отлива.

Дом на узенькой улочке, где он жил, уже на полметра осел в воду, и Лауро нельзя было терять ни минуты, если он хотел еще до прилива покончить со всеми делами.

Многие жители оставались в домах до тех пор, пока не спадал уровень воды. Но некоторые отваживались выходить и в разгар половодья, предварительно надев магнитные коньки.

Благодаря этому приспособлению в городе по-прежнему кипела жизнь. Магазины и ярмарки располагались в самых верхних этажах. В помещениях Центрального рынка покупатели передвигались на магнитных коньках, молодое поколение даже не мыслило, что бывает иначе. На площади Сан Марко, которую вода заливала по пять-шесть раз на дню, влюбленные назначали свидания у двух колонн, еще торчавших из воды. Бронзовый лев все также стоял на своем месте, а бедняга святой Тодаро, хоть и лишился головы, все еще ожесточенно сражался с драконом, умерщвленным тысячелетия полтора назад. Над берегом Бачино высилась гостиница Даниэли, построенная из пластибетона. Стены ее, покрытые несмываемой краской ярчайших цветов, производили огромное впечат-

ление. Находились люди, утверждавшие, будто повое здание гостиницы выше старинной Колокольни, что рухнула несколько веков назад на Базилику и с тех пор так и не была восстановлена. В зимнее время район лагун отапливался за счет щедрых субсидий компании «Биосолнечные печи», принадлежащей Валерио Мандера, богатейшему человеку во всей Солнечной системе. Сооружение этих печей на месте легендарного пригорода Маргера вызвало ожесточенные споры между консерваторами и модернистами. В частности, на это новшество обрушилось Управление по охране памятников доатомной эпохи. По словам его сотрудников, археологические раскопки на месте древнего пригорода Маргера чрезвычайно обогащают сведения о быте и нравах, царивших в прошлом. И в самом деле, раскопки представляли огромный интерес. Всем памятно удивительное открытие, когда удалось откопать медную табличку с надписью «Акционерное общество МОНТЕКАТИНИ¹». Ученые пришли к выводу, что это — название могучего и воинственного ломбардского племени, которое захватило Лагуну перед последней атомной войной.

Все же с помощью Первого Гражданина города Мандера добился своего. Ему продали крупные земельные участки, и вскоре здесь выросли биосолнечные печи. Предприимчивый делец незамедлительно наводнил город рекламными плакатами «Биосолнечные печи — это вечное лето на Лагуне». Туристское бюро считает Валерио Мандера величайшим меценатом и благодетелем, а ВКОГ

---

¹ Монтекатини — крупнейший химический концерн.

(Всемирная Компания Отелей-Гигантов) по вполне понятным причинам избрала его своим Почетным председателем.

Внезапно весь район опустел. Лауро остановился и прислушался: вода поднималась на глазах, она пенилась и шипела, словно злобное чудовище, ставшее безраздельным владыкой города. Тысячами липких присосков цеплялось оно за скользкие камни берега. Канал Толентини превратился в бурлящий поток. По необъятной спине разъяренного чудовища ходуном ходили бугорки пены.

Лауро бросился бежать. Бессмысленный, неодолимый страх заставлял его тут же, немедля искать спасения. Бесполезно было повторять себе, что это нелепо, что в худшем случае он рискует замочить ноги. Он испытывал страх, страх перед водой, но не перед обычным морем, где так приятно купаться летом, а перед разбушевавшейся стихией, готовой, казалось, вот-вот обрушиться на город.

Он оглянулся на бегу и увидел, что водная гладь канала покрылась густой рябью пенистых волн.

Наконец Лауро свернул на свою улицу, и в тот же миг услышал шум воды, подбиравшейся к домам. Всплеск, еще один, затем еще и еще. И вот уже вода с грозным ревом, особенно гулким в затихшем городе, устремилась на берег канала и со злобным бормотанием помчалась дальше. Еще немного – и она разлилась по древним камням мостовой.

Лауро распахнул дверь и в два прыжка очутился на лестнице. А вода уже подбиралась к каменной приступке и с неслыханной быстротой мчалась за ним по лестнице. С верхней площадки Лауро было видно, как одну за другой

вода поглощает ступеньки. Он с замиранием сердца ждал, когда же кончится очередной прилив.

«В один прекрасный день вода уже не остановится, и тогда наступит конец».

Он был в этом совершенно уверен. Когда-нибудь свирепому чудовищу надоест злобно глядеть на него снизу, оно взберется на самый верх лестницы и поглотит Лауро. К счастью, на этот раз вода добралась только до седьмой ступеньки. Она принесла с собой доски, обломки ящиков, обрывки газет и дохлую мышь.

«Опять чудом уцелел». Но он не питал иллюзий – придет час, когда воду уже ничто не удержит. Темной ночью она бесшумно смывает город, и мутный зеленый поток навсегда унесет дома, мосты и церкви, гондолы и туристов. И этот день (теперь у Лауро уже не оставалось никаких сомнений) неотвратимо приближался.

Когда-то окна дома выходили в сад. Он узнал об этом из старого-старого письма, потому что никто в доме такого уже не помнил. Было это не меньшей мере лет двести назад, но воспоминания о тех временах хранятся в комнате на верхнем этаже, рядом с лабораторией.

Тяжело взбираться по лестнице на последний этаж. Пролеты предательски поскрипывают, того и гляди рухнут. Ступеньки деревянные, и подпорки почти наверняка сгнили. Вот и верхний этаж, куда никто, кроме Лауро, не поднимается. Здесь грязно, пыльно, время накидало сюда горы старого хлама. В огромные комнаты жильцы нижних этажей сносили все, что удавалось спасти от воды. И в грудах ненужного, всеми забытого старья беспрестанно снуют и шуршат красноглазые мыши. Когда луч карман-

ного фонарика выхватывает их из темноты, они на какой-то миг словно впиваются в вошедшего жутким взглядом. Секунда, и они исчезают в старом драпом кресле или рулоне полуистлевших обоев. К счастью, мыши гнездятся лишь на верхнем этаже. Они панически боятся воды и, если бы только могли, забрались еще выше. Они снуют в темноте, когда Лауро осторожно обходит старые мраморные консоли, минует пузатые шкафы и баулы, полные всякого тряпья, которое никому больше не понадобится, шагает мимо мрачных картин, на мгновение освещая фонарем чью-нибудь голову в парике. Брат дедушки Лауро был страстным коллекционером, но после его смерти – это случилось лет тридцать назад – картины тоже стали никому не нужным хламом.

Весь верх предельно запущен, если не считать новой мансарды, которую Лауро пристроил несколько лет назад, чтобы оборудовать там лабораторию. В лабораторию можно попасть и через бесконечную анфиладу комнат, но это очень неудобно и долго, Лауро предпочитает пользоваться гравитационным лифтом. Он установил этот лифт для собственного удобства, но нередко использует его и для подъема аппаратуры.

Как-то в одной из комнат, в углу, на письменном столе он нашел пожелтевший и покособившийся от времени лист бумаги. Заинтересованный, он отнес его к себе в лабораторию, но, увы, бумага во многих местах полуистлела.

Все же по женскому изящному почерку не трудно было догадаться, что письмо написано женщиной. И верно, это было письмо некоей Элизы Факко, отправленное но

крайней мере лет двести назад (точную дату не удалось установить из-за оторванного уголка). Бумага от давности пожелтела, чернила выцвели. Старательно выведенное крупными буквами имя «Элиза» разобрать не составило труда, что же касается фамилии «Факко», то она была написана мелкими буквами и заканчивалась причудливым росчерком.

Эта неизвестная Элиза обращалась, по-видимому, к кому-то из членов их семьи. Тон письма был почтительно-любезным, хотя иной раз нет-нет да проскальзывали шуточные потки. Речь шла о какой-то другой женщине, «синьоре», очевидно, супруге адресата, и о саде. Должно быть, этот сад и впрямь был чудесным, если там можно было гулять с детьми и собирать цветы.

В письме, полном тихой грусти, Элиза пыталась скрыть от других тоску по далекой Лагуне, по это ей плохо удавалось, между строк письма сквозила печаль. Заканчивая, Элиза писала: «Нелегко забыть этот чудесный город, его мосты и солнце над каналами». Дальше буквы расплылись, и Лауро с трудом разобрал обрывки слов: «...ители обречены на жертву... такое чувство... не увижу...»

Бросив пожелтевший лист бумаги на стол, Лауро прилег на диван. «Интересно, какой была эта Элиза? – размышлял он. Верно, не очень молодой, чувствительной и замкнутой. Это ясно видно из письма, а все банальные фразы она писала умышленно, чтобы уберечься от нескромных взглядов, не позволить другим проникнуть в душу. Только однажды она не удержалась и, отступив от традиционной вежливости, дала выход искреннему порыву»

ву чувств. Но ее взволнованные слова обращены не к адресату, а к городу, чьи жители... обречены на жертву».

Вероятно, в ее время это не было столь очевидно, но теперь-то Лауро знает, что город погибнет.

Брошенный на произвол судьбы, ставший объектом соперничества между воротилами крупных компаний, город обречен на гибель. Даже то, что еще уцелело, быстрее, чем водная стихия, поглотит море дельцов и политиканов. А комиссия экспертов за тридцать лет так и не удосужилась разработать реальный план спасения.

Лауро было шесть лет, когда за одну ночь под водой исчез весь район Каннареджо. Погибло свыше тысячи человек, и не столько из-за довольно немногочисленных обвалов зданий, сколько в результате паники. Каннареджо погрузился под воду, словно жестяная банка с дырявым дном.

Менее чем за сутки дома опустились примерно на двенадцать метров. Произошло несколько толчков, и после каждого толчка здания оседали на метр. По словам ученых, дома осели на нижние пласты более крепких пород и больше уже не сдвинутся. Теперь над всем районом от старого канала Каннареджо и до Рио ди Санти Апостоли простирается безбрежная водная гладь, а во дворце Ка д'Оро над водой высится лишь верхняя терраса. Этой бедой не замедлила воспользоваться Компания Межпланетного туризма, организовав подводные прогулки для многочисленных туристов. Город запестрел призывными афишами: «Посетите изумительные дворцы затопленного города! Через ультрафлексовые скафандры вы увидите сказочную картину: там, где два тысячелетия назад гуляли дожи, вы будете резвиться наперегонки с дельфинами».

Лауро лениво потянулся, жмурясь от света. Чепуха, под десятиметровым слоем воды дельфинов нет и в помине, там только камни да ил. Но после пагубного наводнения для захиревшего было туризма настала золотая пора. В городе не хватало мест, чтобы вместить всех туристов, которые миллионами прибывали с других планет. И тогда было решено построить из картовика плавучий городок-гостиницу, архитектуру которого слепо скопировали с типовых зданий первого десятилетия атомной эпохи. Вместо камня – пластик, в оборудовании все просто, никаких излишеств, мебель – в псевдоантичном стиле. Туристы были в восторге.

Через четыре года – Лауро это запомнил на всю жизнь пришел черед района Джудекка, который опустился под воду на восемь–девять метров. Сейчас из воды торчат лишь стены самых высоких дворцов да колокольни нескольких церквей. В тот день колокольня церкви Сан Джордже раскололась надвое, и теперь уцелевший обрубок кажется искалеченным пальцем, грозящим откуда-то сверху всему маленькому острову.

Лауро выпрямился и сел на диване. Письмо валялось на столе, никому не нужный, забытый листок бумаги. Но Лауро казалось, будто он видит, как Элиза Факко в старинном одеянии прогуливается по берегу, залитому солнцем, и неторопливо доходит до площади между Марчапой и Дворцом дождей. Теперь эта площадь превратилась в грязное месиво, а останки Элизы давно истлели, и одному богу известно, где ее могила. И все же эта молчаливая и печальная женщина два века назад бродила по солнечным улицам города, и, верно, это была ее последняя прогулка, грустная, полная мрачных предчувствий.

Она, женщина из далекого прошлого, в тот ласковый солнечный день уловила таинственное дыхание смерти, запах тления, исходивший от каналов, из глубин темных улиц, от скрипучих полуоткрытых ворот. Страшны и процесс начался уже тогда, у подножия величественных дворцов, гнилостным запахом была пропитана мутная вода Канале Гранде и черный; ил на его дне.

В еще целом, нетронутом городе Элиза Факко с ужасом усмотрела первые признаки разрушения. Она подолгу стояла у старинных колодцев, глядя на изъеденные плесенью фасады домов, на очертания полутемных улиц и площадей. Прогуливаясь по Каннареджо или Кастелло, по узеньким закоулкам гетто и по огромной площади у Сан Пьетро, напротив островов, Элиза, верно, бережно гладила рукой потрескавшиеся, в тяжких ранах и рубцах камни и, облокотившись о парапет моста, смотрела на опрокинутый в воду город. Легкий порыв ветра или всплеск весла – и очертания зданий, берегов, статуй, прохожих расплывались, превращались в зыбкую, исчезающую полосу.

Но пора за работу. Приборы застыли посреди лаборатории. Лучевой индикатор на стальной опоре будет следить за ходом эксперимента. Реле времени установлено ровно на девять часов вечера, до начала еще три минуты. Соединенный с атомными часами прибор будет работать в унисон с гравитационным полем Земли. В нужный момент осветятся панели, зажгутся сигнальные лампочки и останется только нажать выключатель. Большой экран на противоположной стене должен дать точное изображение.

Гравитационно-магнитный зонд был мечтой многих поколений ученых. Прежние ультразвуковые зонды имели

ограниченную сферу действия. По благодаря экрану, который вскоре засветится, изображение станет не только более четким, но и, если опыт удастся, значительно более попятным. Земная толща будет «спроецирована» на экране отдельными пластами, гравитационные силовые линии предельно точно покажут районы большей или меньшей плотности пород, а значит, и давления в верхних слоях земной коры. Расшифровывая эти изображения, оператор сможет заглянуть вглубь на добрых сто километров. Дальше зонд проникнуть не может – мала мощность.

Лауро подошел к экрану и, нащупав кнопку выключателя, стал следить за первой панелью на противоположной стене. Девять часов. Послышалось легкое жужжание, часто-часто замигала сигнальная лампочка. Лауро решительно нажал кнопку, сложное устройство с лучевым индикатором загудело и завибрировало.

Зажегся экран. Светлые линии сплетались в причудливые кольца и завитки, похожие на клубок извивающихся светящихся змей. Лауро установил регулятор на отметку «глубина сто метров», и на экране возникли гравитационные силовые линии нижних слоев почвы. Постепенно они опускались все ниже, в то время как индикатор настраивался на заданную глубину.

Светящиеся змеи на экране агонизировали, а Лауро невольно унесенный мыслями к первым годам работы над прибором. Все это время, несмотря на скептицизм друзей и коллег, его не покидала вера в собственные силы. Еще будучи студентом-физиком, он днями и ночами бился над воплощением своего проекта, в который никто не верил, даже преподаватели. Как только его ни называли: и «Че-

ловек-зонд», и «Доктор магнетикус», и «Всемирное тяготение». Лауро не обижался на прозвища; он знал, что в глубине души коллеги ему завидуют. Прибор (а скоро его, по-видимому, смело можно будет назвать действующим) положит конец всем сомнениям Чрезвычайной комиссии по спасению города. Уж слишком медленно раскачиваются уважаемые члены комиссии – тридцать лет ведут свои исследования и до сих пор не пришли ни к каким выводам.

Сейчас, в две тысячи четырехсотом году, когда наука семимильными шагами движется вперед, техника стала гордостью человечества, люди за последние триста лет завоевали и освоили планеты Солнечной системы и теперь готовятся к прыжку на Сатурн и Юпитер. Их не остановила бездонная пустота космоса. Но проникнуть в чрево Земли им не удалось, и лабиринты Третьей планеты остались для них недоступными. «Видеоискателя», который мог бы разглядеть глубинные пласты и с достаточной точностью воспроизвести их конфигурацию, до сих пор не существовало. Теперь же люди будут вооружены таким «оком» – это его чудодейственный зонд. Комиссия уже не найдет причин для дальнейших проволочек, ей придется вынести свой приговор – либо обречь город на смерть, либо даровать ему жизнь.

На экране движение ярких сверкающих линий замедлилось. Очевидно, зонд подходит к нужной глубине. И вот линии стабилизировались. Теперь на экране возникли темные расплывчатые пятна причудливой формы, скопления более плотных пород, которые благодаря электронному преобразователю приобретают более густую окраску, в

то время как остальная часть экрана светло-серая, только кое-где проходят полосы.

Отлично! Лучевой индикатор точно воспроизводит картину размещения слоев на площади сто пятьдесят квадратных метров; именно такую картину Лауро и предвидел на данной глубине. Впрочем, можно получить изображения в «разрезе» для площади семь квадратных километров; для этого достаточно включить усилитель. Итак, на глубине ста метров плотность пород равномерна. Нетрудно заметить несколько зон большей плотности, которые на экране выглядят более темными. Все это – результат наводнений.

Зонд работает великолепно, годы тяжелого труда и лишений не пропали даром. Он, Лауро, боролся в одиночку и победил. Что-то теперь скажут его коллеги и многомудрые мужи при виде безотказно действующего комплекса сложнейших механизмов? Интересно, какую мину они скорчат, когда в присутствии Чрезвычайной комиссии из пятидесяти виднейших специалистов со всех планет Солнечной системы он продемонстрирует свое изобретение! Лауро заранее снедало отчаянное любопытство.

Все-таки в неизведанную глубь Земли первым заглянет именно он! Он открыл дверцу бара и вынул бутылку старого виски, припасенную ради столь торжественного случая. За твое здоровье, магический глаз! Нам с тобой предстоит еще немалый путь.

Лауро подошел к лучевому индикатору и отрегулировал его на глубину три тысячи метров. Наконец-то он проникнет в бездонную глубь земной коры, разница в удельном весе глубинных пород поможет открыть тайны недр.

Когда-нибудь лучу прибора суждено будет пробиться в самое ядро Земли, и фантазмагорические огни магмы запляшут на экране в его скромной лаборатории.

Тогда он сможет объяснить загадку землетрясений. Обвалы в огромных пещерах, неистово бушующее пламя, его таинственные пути – все с величайшей тщательностью будет зафиксировано на экране. И тогда человек научится предсказывать катаклизмы природы, сможет узреть, как собирается в морщины земная кора, определить влияние сжатий и разломов в глубинах Земли на сложные взаимосвязи небесных тел.

Лучевой индикатор, приводимый в действие атомным генератором со свинцово-бетонной защитой, трудится всю. На экране возникают все новые гравитационные силовые линии, следы глубинных пластов коры, куда никогда не проникает солнце, где царит вечный мрак.

Внезапно в центре экрана появилось белое пятно. Лауро вздрогнул от неожиданности. Градуированная шкала показывает глубину две тысячи семьсот метров; пятно растет буквально на глазах.

Лауро поспешно проверил детали прибора. Все в порядке. Немыслимо, чтобы на такой глубине сказывалась интерференция волн! Аппаратура действует безотказно и четко выполняет задание. Лучевой индикатор мирно гудит и слегка подрагивает, аварийная лампочка не горит... Но крохотная вначале белая точка захватила половину экрана и продолжает расти. В чем дело, недоумевал Лауро, может быть, все-таки что-то разладилось в аппаратуре? Нет, это исключено, ведь на остальной части экрана изображение остается нормальным. А в случае неисправности оно исчезло бы совсем.

Сомнений больше не осталось: в глубинах Земли есть полость. Но эта мысль показалась Лауро столь нелепой, что он непроизвольно повернул регулятор. Теперь исследуемая им зона намного расширилась: площадь ее составила примерно пятьдесят квадратных километров. На экране видна вся подземная зона города. Но проклятое белое пятно не исчезает. В первый миг, когда Лауро изменил регулировку, оно было уменьшилось в размере, но затем вновь начало расти. Лауро в отчаянии смотрел, как огромное белое пятно неумолимо захватывало весь экран. Невероятно, по пятно имело форму правильного круга. В какой-то момент силуэт его изменился. Лауро взглянул на шкалу – ровно тысяча восемьсот метров. Очертания «дыры» кажутся удивительно знакомыми... Мучительно медленно тянется время, и вдруг белое пятно, захватившее почти весь экран, исчезает. Две тысячи девятьсот пятьдесят метров, на мгновение зазмеились гравитационные силовые линии, потом их движение замедлилось, и, наконец, они застыли в неподвижности. Под городом почва компактна, затем на глубину до трех тысяч метров идут пласты песка и галечника, глины, а под ними – осадочные породы. И кто знает, где они кончаются, во всяком случае базальтовые породы, очевидно, залегают много глубже, на горизонте четырех–пяти тысяч метров.

Лауро был потрясен. Что еще находится там, под городом? У него пересохло в горле, руки дрожали. Но нужно продолжить поиски, возможно, ему удастся разгадать тайну.

Он изменил угол обзора и установил регулятор на две тысячи девятьсот двадцать метров, затем включил зонд.

На экране возникли причудливые завитки, и почти сразу же появилось белое пятно. Зонд замер. Перед глазами Лауро возникла гигантская пещера площадью около сорока квадратных километров, продолговатой формы. Странно, Лауро определенно уже где-то видел нечто подобное. Но где? По форме пещера напоминает голову, которая постепенно сужается, переходя в шею, а затем вновь расширяется. Нет, этого просто не может быть! Лауро узнал знакомые очертания – ведь это не что иное, как силуэт города, каким он был когда-то, со всеми его ныне затопленными домами и улицами. Ну, конечно, вот справа район Каннареджо, а на противоположной стороне – Джудекка! Узкое горло – это район Кастелло с Арсеналом и церковью Святой Елены. Нелепой панораме не хватает лишь части Лагуны и Лидо.

Он бессильно опустился на стул и невидящими глазами уставился на загадочное белое пятно внизу, под городом. Все площади и улицы, каналы и дворцы словно отбрасывали гигантскую тень на глубину почти три тысячи метров.

В голове Лауро вихрем проносились самые противоречивые мысли. О какой пещере на таких глубинах может идти речь?! Но, с другой стороны, прибор не лжет – это действительно огромная куполообразная пещера на глубине от двух тысяч девятисот пятидесяти до двух тысяч семисот метров, и ее периметр совпадает с периметром города, а высота не превышает двухсот пятидесяти метров. Кто мог прорыть эту пещеру? На такой глубине при невероятно высоком давлении сделать это совершенно невыносимо! Да и кроме того, невообразимо трудоемкие

подземные работы не остались бы незамеченными. Но очертания пятна на редкость четки. Это дело рук разумных существ, которые, безусловно, преследовали какую-то цель.

Лауро поспешно углубился в вычисления. Через час, после лихорадочных расчетов и сличения результатов, он вынужден был признать неоспоримый факт: как ни парадоксально, но пещера проходит непосредственно под городом. Если бы Лауро захотел показать на экране место, где он живет, ему достаточно было бы найти на белом пятне район, соответствующий Санта Кроче, где расположен его дом. Пещера заканчивается туннелем, а не куполом, как он решил вначале. В туннеле в свою очередь имеется более высокая часть, своеобразная полусфера, которую зонд обнаружил прежде всего. Стены пещеры вертикальны и достигают высоты ста пятидесяти метров. В ней свободно, как в гигантском упаковочном ящике, мог бы уместиться весь город.

Лауро растянулся на диване и воспаленными глазами впился в экран. Голова у него шла кругом. Казалось, будто на стене висит светящаяся топографическая карта с очертаниями древнего города. Показать бы ее членам комиссии! Лауро едва не расхохотался: его наверняка назовут шарлатаном или примут за безумца! Кто же поверит столь нелепой басне?

Во всей Солнечной системе нет машины, способной прорыть подобную пещеру; да и какая фирма в состоянии финансировать такие работы?!

В бледном неоновом свете лаборатории по-прежнему, чуть посапывая, мерно вибрировала аппаратура. Изобра-

жение огромной пещеры застыло на экране. Уже час ночи; Лауро, как одержимый, работал три часа подряд.

И он погрузился в сон, зыбкий, беспокойный сон, полный кошмарных видений.

Его разбудил звонок видеофона. Он вскочил, сел на диване. Четыре часа. Холодно, зябко, во рту какой-то неприятный вкус.

Тяжело дыша, он провел ладонью по потному лицу. Какой страшный сон! Ему снилось, будто кто-то упаковывал город в огромный белый ящик. Женские руки бережно переносили на дно ящика улицы, дворцы и каналы. В гигантской яме поблескивала вода, а город был новехонький и совершенно целый. Позолоченный ангел сверкал на Колокольне, словно на старинных цветных фотографиях. Ожили древние церкви, купола Салуте вздымались к небу так же высоко, как и колокольня Сан Джордже; рядом с мозаичными панно на порталах Базилики Дворец дожей посреди залитой солнцем людном площади казался причудливым розовым облаком.

Сверху город, испещренный зелеными венами каналов и украшенный белоснежными браслетами мостов, напоминал тело гиганта. Берег дельи Скьявони широкой дугой спускался к садам, а чуть поодаль, слева, безупречно квадратный док Арсенала в беспорядочном переплетении улочек и каналов казался злой шуткой архитектора-педанта. Лауро снова погрузился в сон, нелогичный, как и все сны. Он очутился на улочке в районе Толептини. Вода здесь текла спокойно, неторопливо, легкие волны набегали на берег и мирно откатывались назад. Потом он заметил, что рядом кто-то есть, повернул голову и увидел

женщину. Незнакомка стояла к нему спиной. Он хотел подойти, заговорить с нею, но женщина вдруг стала удаляться. Она шла по улицам и площадям, изредка останавливаясь, чтобы полюбоваться мостами, старинными дворцами и домами, отражавшимися в тихих каналах. Он безуспешно пытался догнать ее, завязать с ней разговор; знакомка хранила грустное молчание. Ее фигура серой тенью проплывала вдоль потрескавшихся стен домов, по ступенькам лестниц и колоннам древних дворцов. Незнакомка уходила все дальше и дальше, и это причиняло ему нестерпимую боль.

И вдруг она снова оказалась рядом; она сидела к нему спиной, облокотясь о старинный квадратный стол. На столе лежал белый ящик, а внутри был город. Женщина накрыла ящик большим желтым листом бумаги и своим изящным, бисерным почерком стала надписывать адрес. Лауро пытался его разобрать, но это не удавалось, так же как не удавалось разглядеть лицо знакомки. Он видел лишь ее руки, словно огромные бабочки, порхающие по бумаге. А на экране в черной бездне плясали языки пламени.

Лауро бросился выключать прибор. Один беглый взгляд – и он все понял. Довольно, хватит терзаться химерами. Он продаст зонд Марсианскому комитету по исследованию недр. Там сидят деловые, практичные люди, и, кроме полезных ископаемых, их ничто не интересует. А городом пусть занимаются другие, слишком уж многое для него непонятно. Нет, он немедленно уедет отсюда.

Снова зазвонил видеофон. Он нажал кнопку – и сразу осветился маленький экран.

На экране возникло лицо Герты, репортера городской газеты. Герта посмотрела на него и приложила руку к губам, словно в испуге, по ее голубые глаза лукаво улыбались.

— Что случилось, синьор «Всемирное тяготение»? Ты весь какой-то встрепанный, да и выглядишь еще хуже, чем обычно. Я не помешала?

Ему захотелось громко рассмеяться. К дьяволу бестолковые домыслы и гипотезы!

— Конечно, помешала. Я спал. Что у тебя нового? Вы, журналисты, весьма нелюбезны с нашим братом, учеными.

— Смиренно прошу прощения, но мне необходимо поговорить с вами, уважаемый синьор профессор. Так, значит, я прервала вашу оргию? Ручаюсь, вам снились вино и женщины.

— У тебя поразительная интуиция. Мне снилась рыжеволосая девушка, знаменитая журналистка. Мы были вдвоем и...

— Стоп, попрошу относиться к женщине с должным уважением. Во-первых, ты отлично знаешь, что мне еще далеко до знаменитости. Во-вторых, с тобой в постели я не лежала даже во сне. Ясно?

Лауро поспешно пригладил волосы. Должно быть, у него в самом деле здорово помятый вид.

— Какая уж там постель! Мне ужасно хотелось спать. А в известных случаях надо быть свежим, как огурчик.

И оба расхохотались. Но Герта тут же перестала смеяться, лицо ее стало серьезным. Видно, что-то ее очень взволновало, если она звонит в такой час из автомата.

– Где ты сейчас?

Девушка приложила палец к губам.

– Недалеко. Я мигом примчусь. Оставь открытым гра-
вилифт. До скорой встречи.

Экран тут же погас.

Да, у Герты какие-то неприятности. Но почему она решила обратиться к нему? Верно, случилось нечто весьма важное, если она решается прийти к нему в четыре часа утра. Ведь прежде она не раз отказывалась зайти на чашку кофе даже днем. Нажатием кнопки он открыл дверцу гра-
вилифта. Потом умылся холодной водой и лишь тогда окончательно пришел в себя.

Не успел он вернуться в лабораторию, как туда ураганом ворвалась Герта. Она остановилась посреди комнаты и показала пальцем на панели и экран.

– Эти штуки работают? – подозрительно спросила она.

Потом села на металлическую скамью и откинулась на спинку. Вырез у модного вечернего платья был довольно глубокий. «Видно, таков последний крик моды». Суженное в бедрах платье ниспадало четырьмя складками, отороченными золотистой каймой. Голубые чулки из синтекса выгодно подчеркивали красоту ее стройных ног.

Лауро глядел на нее в каком-то странном волнении. Герта ласково улыбнулась, ей явно хотелось ему понравиться.

– Ну вот я и приняла твое приглашение, – сказала она. Решила посидеть за рюмкой вина, поболтать.

Лауро поспешно подошел к бару. Кроме бутылки старого виски, ничего нет. Будем надеяться, что она любит виски. Увы, он не похож на своих рафинированных кол-

лег, модников и гурманов, которые угощают даму возбуждающим напитком Ганимеда, по вкусу напоминающим нектар. Но он не особенно доверяет новинкам и остался верен старым привычкам. Герта отпила виски из высокого стакана.

– Вот теперь мне куда лучше.

Она заложила ногу за ногу.

– Послушай, – сказал он. – Объясни, что произошло. Ты меня заинтриговала. Но только сядь иначе, а то я равным счетом ничего не пойму.

– Хорошо, синьор профессор, – смиренно ответила Герта, одергивая юбку. – Перейдем к делу. – Она как-то странно взглянула на Лауро. – Я не знала, кому обо всем рассказать. Потом решила, что ты один можешь мне помочь.

– Если это неразделенная любовь, то я пас. В пять утра я никого не в состоянии утешить.

Герта вопросительно поглядела на него, словно хотела понять, серьезно он говорит или шутит.

– Итак... – начала она. – Кстати, ты знаком с членами комиссии?

– Если ты имеешь в виду Чрезвычайную комиссию, то из ее состава я знаком только с нашими согражданами. Все остальные – люди приезжие; человек двадцать вообще с других планет. Но при чем здесь комиссия?

– Видишь ли, я была на торжественном приеме в Даниэли. Первый Гражданин давал на террасе ужин в честь уважаемых членов комиссии. Скучища была невообразимая.

Лауро хотел о чем-то спросить, но Герта его опередила.

– Пожалуйста, не перебивай меня, а то я тебе ничего не расскажу. Произошло нечто дикое, нелепое, но все это мне отнюдь не приснилось.

Она взяла в руки недопитый стакан с виски и встряхнула кубики льда.

– Так вот, ровно месяц я неотступно следую за уважаемыми членами комиссии и с некоторых пор вся эта история мне очень не нравится. С месяц назад шеф вызвал меня и с видом доброго, благородного отца любезно сказал:

– Для тебя есть интересное порученье. Иди-ка, детка, понаблюдай за работой комиссии. Ждать осталось совсем недолго. Послушай, что они там говорят на заседаниях, посмотри, что делают. Словом, собери сведения. Похоже, окончательные решения уже не за горами. Потом напишешь серию статей о Плане Спасения. А уж газета тебе воздаст сторицей. Вот как обстоят дела. Поняла?

Она на мгновение умолкла.

– Я целый месяц ходила на заседания комиссии, видела, как работают, изучают план и дискутируют уважаемые господа ученые, словом, выведала всю подноготную. И должна сказать, синьор профессор, что многое в этой истории мне весьма не по душе. Признаться, я даже боюсь.

«О, Герта и в самом деле взволнована. Это видно уже по тому, что она перестала строить из себя многоопытную девицу и сейчас скорее похожа на ребенка, который в страхе ждет наказания».

– Поведение членов комиссии не просто странно, а бесчеловечно, – продолжала Герта, встав со скамьи. – Они не люди. Да, да!

– Не люди? А кто же?

(«Перепила в Даниэли и теперь мелет чепуху».)

Герта грустно вздохнула.

– Ну что ж, придется рассказать эту историю во всех подробностях. У тебя наверняка пропадет охота смеяться. Когда я стала к ним наведываться, то сразу заметила в их поведении странности. При встрече с посторонними людьми они ведут себя вполне нормально, разумеется, если не считать обычных причуд старых профессоров. Но когда они думают, что за ними никто не наблюдает... тогда они становятся похожими на придорожные столбы. Да и передвигаются они какими-то рывками. Однажды я сама видела, как один из них сидел в кресле, словно пригвожденный к позорному столбу, с расширенными от ужаса глазами. А недавно я случайно попала на их закрытое заседание. В зал я вошла по ошибке, и меня никто не заметил. Я стояла возле стеклянной двери совещательной комнаты. Ну, я заглянула внутрь и увидела совершенно потрясающую картину. Пятьдесят «мудрецов» сидели неподвижно, словно истуканы, и глядели в одну точку; их взоры были устремлены на кафедру. Там стояло нечто похожее на сверкающий шар, излучавший голубоватый свет. Это был не фонарь и не специальный прибор, как мне показалось вначале, а что-то совершенно необычное... Впечатление было такое, как будто живое существо стремительно вертится волчком, колышется, словно медуза, и светится голубоватым сиянием. В зале присутствовали все старики из комиссии, начиная с президента Шпитцера и кончая Лорисом Эстремотовом.

И все они сидели, смежив веки, точно в трансе. Пони-

маешь, все до одного! А сверкающий шар тем временем вращался, менял цвета, из зеленого становился светло-голубым, пульсировал... Это было отвратительное зрелище. Я поглядела на них с минуту, а потом не выдержала, спустилась в бар и заказала рюмку коньяку; у меня было такое чувство, что вот-вот упаду в обморок. Целых четыре дня я беспрестанно обдумывала все увиденное, и мне казалось, что это страшный сон. Вчера я взяла получасовое интервью у Кариски, представителя Венеры в комиссии. Старейший жуир и красавец, он вел себя со мной в высшей степени любезно. И даже отпустил два или три изысканных комплимента. Сразу видно, что он умеет ухаживать за дамами. Так вот, глядя на него, я никак не могла поверить, что такой милый, приятный человек каких-нибудь два дня назад вместе с остальными «беседовал» с зеленым шаром. Да, да, не удивляйся, я уверена, что они именно беседовали, только молча, закрыв глаза...

Лауро посмотрел на нее в растерянности. Если то, что рассказывает Герта, правда, то в мире происходят невероятные истории, и притом не с ним одним. Чрезвычайная комиссия, закрыв глаза, слушает зеленый шар!.. Нет, лучше об этом не думать. Он продаст зонд Марсианскому комитету по исследованию недр, а сам куда-нибудь уедет. Жизнь в городе превращается в сплошной кошмар.

Герта снова налила в стакан виски, отпила немного и, задумчиво глядя на Лауро, но явно не видя его, продолжала свой рассказ.

— Я ничего не могла понять, мне было страшно, но любопытство пересилило страх. И потом, у меня было такое чувство, будто я напала на удачный след. Ничего не подозреешь, профессиональная хватка.

Я все ждала удобного случая, чтобы разузнать побольше, и он представился мне сегодня вечером, с час назад. Я пошла на ужин к Даниэли, там были все мои коллеги-журналисты. Ну, я покрутилась немного среди гостей, а сама твердо знала, что придумаю какую-нибудь уловку, хотя еще не решила какую. Потом вижу, пришел седобородый старик Шнитцер, как всегда подтянутый и улыбающийся. Первый Гражданин, краснолицый, с обветренной, точно у крестьянина, кожей, поспешил ему навстречу. «Дорогой профессор», «Рад вас видеть, дорогой синьор адвокат», ну и все прочие взаимные любезности. Они прошли к накрытому столу, Первый Гражданин поднял бокал и обратился к присутствующим с приветственной речью. Все повернулись к нему лицом, застрекотали стереовизионные камеры.

— Дамы и господа, — начал толстяк, — просто не знаю, как вас благодарить за то, что вы приняли наше приглашение... — и дальше в том же духе. Ведь мы знаем наизусть его речи, которые, кстати, сочиняет за него секретарь.

Я незаметно проскользнула в лифт и поднялась на пятнадцатый этаж, где находится номер председателя комиссии. Сама не знаю, что со мной тогда творилось, но я должна была это сделать, даже если бы мне грозила тюрьма. Иначе я так и не могла бы удовлетворить свое любопытство, а ты сам знаешь, что для женщины это невыносимая мука.

— Но что ты должна была сделать?

— Проникнуть в номер председателя комиссии. Можешь возмущаться и негодовать сколько хочешь. Я и сама

знаю, что это нарушение неприкосновенности домашнего очага и кража со взломом... Молчи, не перебивай.

Она долила виски в свой стакан и продолжала:

– В кармане у меня лежал «слоник» – магнитная отмычка, запрещенная законом. Эту игрушку я припрятала, когда вместе с полицией врывалась в дом Таормины, помнишь, того типа, который два года назад убил свою сожительницу, богатую норвежку. Я сунула отмычку за корсаж, благо платье было не слишком открытое, и полицейские ничего не заметили. Так вот, для меня не составило труда отомкнуть замок в комнате 2120. На этаже не было ни души, даже роботы-коридорные отправились послушать речь Первого Гражданина. Номер ничем не отличался от остальных. Но вдруг я увидела на полу возле кровати странный ящик сантиметров сорок в длину, похожий скорее на гигантское яйцо, чем на сейф. Я схватила его и обнаружила, что он состоит из двух совершенно одинаковых половинок, из двух, если так можно выразиться, скорлупок. Открыть сейф моей отмычкой было легче легкого. Вероятно, господа ученые после тридцати лет работы и заседаний чувствовали себя в полной безопасности. Яйцо с легким треском разломилось пополам. Внутри я нашла нечто вроде записной книжки. Ее страницы, пропитанные каким-то зеленоватым составом, были испещрены непонятными значками и цифрами. Все это я сфотографировала своей камерой. Потом спустилась в другом лифте и вернулась на террасу. Первый Гражданин все еще говорил, я отсутствовала всего каких-нибудь семь-восемь минут.

– Это непростительное легкомыслие! – воскликнул

Лауро. Если не ошибаюсь, ты совершила целых четыре преступления при отягчающих вину обстоятельствах. Не говоря уж о том, что ты нарушила элементарные законы гостеприимства.

– Ваша честь, защита выдвигает серьезные процессуальные возражения. Судья не в состоянии продолжать слушание дела. У него совершенно сонные глаза, он непричесан и вдобавок осмелился предстать перед дамой в весьма неприглядном виде.

Герта засмеялась, подошла к Лауро совсем близко и обняла его.

– Прошу тебя, не будь злоюкой и помоги бедной Герте. Ведь мы друзья, не так ли?

– Друзья, друзья... что я, по-твоему, должен делать?

Герта звонко поцеловала его в щеку и бросилась к камере, на которой лежала камера.

– Дорогой мой, ты должен расшифровать эти снимки.

Она открыла стереокамеру и вынула пять зеленых листов, испещренных какими-то пометками.

– Вот фотоснимки, но я в них ничего не смыслю. Похоже на египетские иероглифы. А тут чертежи.

Лауро взял фотоснимки и стал их рассматривать. Внезапно его глаза расширились от ужаса. Он прислонился к стене, не отрывая взгляда от снимков. На первом из них среди множества всяких расчетов и пометок явственно проступали контуры города и план подземной пещеры, обнаруженной его зондом.

– Что с тобой? – воскликнула Герта. – Тебе плохо?

Лауро упал на диван и снова уставился на проклятое изображение. Он не в силах был произнести ни слова.

Герта налила в стакан виски, и Лауро осушил его одним глотком, даже не заметив, что часть жидкости пролилась на рубашку.

– Я так и знала! Да, да, знала! Эти непонятные значки скрывают что-то ужасное. Они пугают тебя. Ты сразу побледнел. И не вздумай утверждать, будто я ошиблась. Я хочу знать всю правду.

Лауро лихорадочно пытался как-то увязать снимки с результатами своих наблюдений.

Чем же тогда занимается Чрезвычайная комиссия? Выполняет секретное правительственное задание? Ну, конечно, так оно и есть. Но пещера, как могли ее вырыть на такой глубине? И почему все это окружено непроницаемой завесой тайны? Ведь работы по Плану Спасения ведутся на средства мирных жителей трех планет! Это отнюдь не военный план. Но тогда против кого же он направлен?

Сразу возникают десятки «почему» и «зачем», и предположения никак не укладываются в стройную систему.

Герта поняла, что за всем этим кроется нечто чрезвычайно странное. Она постарается все разузнать и раздует на страницах газет сенсацию. Черт бы побрал журналистов! С ней надо поговорить серьезно, слегка приоткрыть истину и надавать кучу обещаний. Тем более, что это ему ничего не стоит.

– Послушай, Герта, тебе выпал редкий случай. Я говорю, разумеется, о твоей карьере репортера. Тут пахнет сенсацией. Если мне удастся во всем разобраться, тебя ждет не меньший успех на экранах всемирного телевидения, чем знаменитых актрис и участников полета на Са-

турн. Но если ты не слушаешься моего совета и самостоятельно продолжишь расследование, то лишь погубишь дело. Корреспонденты утренних газет, которые пока, будем надеяться, ничего не знают, набросятся на твои новости, словно голодные собаки на кость, и тебе уже ничего больше не достанется. Ясно?

– Откровенно говоря, не очень. Но это не важно. Скажи только, что я должна теперь делать?

Лауро сунул фотоснимки в карман.

– Они мне понадобятся для дальнейшей работы. Возможно, я смогу кое в чем разобраться. Знаешь, я до смерти хочу спать, мне нужно немного отдохнуть. Тебе тоже не мешает выспаться. Ложись-ка на диван, одеяло вон в том ящике. Я лягу в другой комнате. Там кресло-кровать, и я отлично устроюсь. Завтра мы продолжим наш разговор; вернее, сегодня – ведь уже половина шестого. Спокойной ночи.

Герта улыбнулась ему и стала снимать синтексовые чулки. Лауро посмотрел на нее, вздохнул, потряс бутылку. Пустая. А жаль, еще один глоток виски не помешал бы. Он потушил свет и ушел спать в свою комнату. За окнами занималась белесая заря.

Стереогазета передавала экстренный выпуск: рухнуло здание муниципалитета. Дневной выпуск вышел под огромными красно-черными шапками и был целиком посвящен новой трагедии.

Сидя в кресле-кровати, Лауро укрепил стереогазету на обычной подставке. Впрочем, при желании он с тем же успехом мог бы прикрепить ее к стене или разложить на столе.

На девяти полосах огненными буквами вспыхивали заголовки: «Страшная катастрофа! Обрушились здания на улице Фарсетти! Тридцать шесть убитых и сто шестьдесят раненых!» А подзаголовок гласил: «Героическое поведение Первого Гражданина. Пренебрегая смертельной опасностью, он покинул здание последним. Советник по делам спорта, у которого не оказалось спасательного пояса, выпрыгнул с двенадцатого этажа и бесследно исчез в иле Канале Гранде. Не угрожают ли нам новые подземные толчки? В городе паника».

Затем на семи полосах шло подробное описание трагического события, а под конец один за другим – снимки ужасной катастрофы: великолепные цветные стереофотографии и короткий цветной фильм о различных фазах обвала. На экране берег в районе Карбон раскололся, точно гнилой орех, и исчез в воде, увлекая за собой моторные лодки и гондолы, стоявшие на причале у здания муниципалитета. Затем возник фасад здания, снятый снизу; по нему быстро ползла огромная трещина. Внезапно здание разломилось надвое, и трубы, кирпичи, камни лавиной обрушились на людей, выбегавших из центрального подъезда. Объектив с потрясающей точностью запечатлел все фазы обвала. Вот люди со спасательными поясами выпрыгивают из окон и па миг повисают в пустоте. Было видно, как депутат Винченцо Гастальди, неловко осенив себя крестным знаменем, прыгнул с балкона.

«На предстоящих выборах, – подумал Лауро, – этот снимок Религиозная партия Единства Трудящихся (РПЕТ) наверняка использует, чтобы околпачить избирателей». Снова замелькали патетические заголовки: «Траур на всех

планетах. На Луне собирают деньги в фонд помощи пострадавшим. Рабочие Пояса Астероидов в знак скорби прекратили на месяц работу. Кто виноват в трагедии? Документированные обвинения. Партия Роботов против земной научно-технической интеллигенции и правительства. Власти пренебрегли предупреждением рабочего-робота. Ведется парламентское расследование». После серии стереофотоснимков было передано интервью с роботом 431/Н/11, который решительно заявил: «На полу зала заседаний давно появилась трещина, но муниципальные власти не придавали этому никакого значения». Лицо интервьюера в тот миг, когда он протянул роботу микрофон, озарилось торжествующей улыбкой.

В статьях подробно рассказывалось, как произошел обвал, но уже во втором выпуске газеты этому событию отводилось всего четыре полосы. Главное же внимание уделялось футбольному турниру – стереогазета полностью показала матч между сборной всех планет и футбольным клубом Тибета. В третьем выпуске стереогазеты о рухнувшем здании муниципалитета говорилось уже совсем немного, а на первой полосе красовался гигантский заголовок: «Великая певица говорит: «Я хочу родить еще шестерых, а затем снова вернуться на сцену»». Остальную часть полосы занимала реклама. Жизнерадостный Валерио Мандера, ослепительно улыбаясь, обещает: «Биосолнечные печи – это вечное лето на Лагуне».

Лауро бросил газету на пол. Сразу три выпуска, да еще цветные фильмы. Подробнейшие сведения обо всем, что происходит в Солнечной системе, за исключением истинно важных событий. Впрочем, что теперь считать важным?

Он посмотрел на часы. Десять вечера, а Герты все нет. «Подожду еще несколько минут и, если она не придет, пойду один». Нельзя терять ни минуты, ведь в его расписании только два часа. Правда, он сам начал сомневаться. Расшифровать заметки Шнитцера оказалось делом не легким. Язык был совершенно незнаком Лауро, но, к счастью, больше половины текста занимали математические формулы. А уж в математике Лауро кое-что смыслил, хотя здесь речь шла о довольно запутанных проблемах. Начал он с размеров «дыры», так как знал их по измерениям с помощью зонда. Те же данные были и в записной книжке председателя комиссии. Затем, прибегнув к методу интерполяции, Лауро благодаря отличной математической смекалке сумел разобраться и в остальном. И тогда он немедленно видеофонировал Герте в редакцию и попросил тут же прийти к нему. Ведь осталось всего два часа, а то и меньше.

Лауро со вздохом откинулся на спинку кресла-качалки. «Последние дни были слишком тяжелыми. Так я долго не продержусь», — думал он, мерно покачиваясь в кресле.

Когда он понял, что их ждет, то в страхе помчался в муниципалитет к Первому Гражданину. Во-первых, тот далеко не глуп, во-вторых, это касается непосредственно его самого, к тому же каждый дорожит своей шкурой. Но Лауро ничего не добился.

Связанный тысячью нитей с повседневными политическими интригами и сложными финансовыми махинациями, Первый Гражданин умело пускал в ход всю свою хитрость, лишь когда затрагивали его денежные интересы. Да и как объяснить ему всю трагичность положения, если

Лауро сам ясно не представляет себе, где выход из этого проклятого лабиринта? Пришлось отказаться от нелепой затеи заручиться поддержкой Первого Гражданина.

Ключ к раскрытию тайны лежит где-то в глубине, под городом. Впрочем, этим ключом владеют и члены комиссии, но они, очевидно, не властны над собой. Возможно, это гипноз, самовнушение или что-либо в этом роде, но факт остается фактом вот уже тридцать лет комиссия работает совершенно впустую.

План Спасения напоминал покрывало Пенелопы, его постоянно ткали и тут же распускали. В этом не было никаких сомнений. Однако Шнитцер и другие члены комиссии знали о другом тайном плане, знали во всех подробностях; им были известны даже расчеты и сроки исполнения. Герта сделала огромное дело, но, увы, пользы от этого никакой. Чтобы убедить власти принять меры, понадобились бы месяцы, а в распоряжении Лауро всего два часа. Правда, оставалось крайнее средство, но нужно действовать без малейшего промедления. Тогда есть хоть крохотная надежда. Ну что же, если Герта опоздает, он пойдет один.

В ту же секунду раскрылись дверцы лифта. Появилась Герта: волосы уложены косой вокруг головы, через правое плечо стереокамера. На ней был комбинезон из аммонийтекса с металлическими нитями, в руке она держала большую битком набитую сумку из аспекса. Светло-зеленые сапожки доходили Герте до колен.

– Садись и слушай меня внимательно, – сказал Лауро. – Так вот, Герта, мы рискуем головой.

– Дорогой мой, я это поняла уже из того, что ты сказал мне десять минут назад по видеofону. В редакции все по-

сходили с ума. После того как рухнуло здание муниципалитета, только и слышно, что о новых толчках и обвалах. Похоже, во всем городе осталось не больше тысячи человек.

– И правильно делают, что бегут. Тебе тоже лучше уехать отсюда. Пока есть время.

Герта села рядом с ним в качалку. Она утратила всю свою уверенность. Ее лицо побледнело, и сейчас она казалась испуганной девочкой.

– Нет, ведь мы оба впутались в эту историю. И раз ты остаешься, то и я никуда не уеду. И потом мне не терпится узнать, какой будет конец, хоть я и ужасно трушу.

– Тогда решено. Будем действовать вместе и вместе будем дрожать от страха. Но сначала ты должна узнать всю правду.

Он сверил часы – двадцать минут одиннадцатого. Осталось час сорок минут.

– Так вот, в одном из районов города, где именно – не знаю, имеется реле или, вернее, датчик положения Земли. Конструкция датчика мне неизвестна, но я знаю, что он настроен на космический ориентир и замкнет цепь, когда наша планета будет находиться в определенной точке своей орбиты. Не знаю уж, почему именно тогда, но это абсолютно точно. На основе данных из записной книжки Шнитцера я произвел сложные расчеты. Датчик сработает ровно в полночь, иначе говоря через час сорок минут. На принесенных тобой снимках местонахождение датчика указано с помощью совершенно необычных математических выкладок и уравнений. Надеюсь, что я расшифровал их правильно, по речь идет об абсолютно неизвестном нам

разделе математики, удивительно простом и одновременно абсурдном. Если я уцелею, то, похоже, войду в историю как математический гений нашего века, а мой зонд сочтут лишь невинной забавой, прихотью ума величайшего ученого но имени Лауро.

Ну и задал же мне головоломку этот Шнитцер! Представь себе, что муравьи или пчелы вздумали бы выразить свои мысли с помощью математических формул. Это была бы математика, соответствующая их представлениям о мире, их образу жизни; нам нелегко было бы ее попятить. Не знаю, улавливаешь ли ты нить моих рассуждений, ведь это так трудно объяснить. Но вернемся к нашему датчику. Когда он срабатывает, возникнет силовое поле неизвестного характера. Если я не ошибся в расчетах, это поле охватит город куда теснее, чем стальной пояс. Все жилые кварталы и затонувшие районы Исторического Центра города, начиная от старой Морской станции и кончая улицами Новой Джудекки, будут как бы стиснуты мощным энергетическим поясом. В то же время весь Исторический Центр уйдет под воду. Но это произойдет не постепенно, как случилось с районами Джудекки и Каинареджо. То были лишь пробы, предварительные эксперименты. На этот раз погружение будет молниеносным; думаю, что оно продлится не более одной десятой секунды.

Ну и наконец, еще одна совершенно неразрешимая загадка. Под нами на глубине двух тысяч семисот метров я обнаружил гигантскую яму, своего рода пещеру, непонятно кем построенную. Пещера на таких глубинах! Нам это кажется нелепостью, но, возможно, пчелы и муравьи не видят здесь ничего странного. Так или иначе, размеры,

форма и положение «ямы» совпадают с периметром города. Словом, пещера похожа на пустую коробку или столовую ложку, куда, очевидно, хотят «положить» весь Исторический Центр. Я сказал «ложку», потому что трудно подобрать более подходящее слово. Знаешь, совсем недавно я снова произвел проверку и обнаружил, что «ложка» поднимается вверх. В девять часов вечера она находилась уже на уровне пятисот метров. Потому-то город и трясет, и уже обрушилось Ка'Фарсетти. Сейчас «ложка» наверняка остановилась метрах в пятидесяти от поверхности.

Герта впиалась в лицо Лауро застывшими от ужаса глазами, сумка выпала у нее из рук, но он сделал вид, будто не замечает ее смятения.

Продолжая свои объяснения, он одновременно стал собирать в рюкзак вещи, не забыв положить и лучевой пистолет.

— Твои друзья из комиссии ни в чем не виноваты. Кто-то взял над ними полную власть и, не представляю уж как и каким образом, крепко держит их в руках. Они подчинились чужой воле. Голубовато-зеленый шар, который ты увидела тогда на столе, несомненно, кое-что знает.

Он последний раз окинул взглядом лабораторию. Залитые бледным неоновым светом безмолвные комнаты казались самым надежным местом на свете.

— Мы должны отыскать это реле. Возможно, нам удастся отключить его, и тогда цепь не замкнется. Но я сильно сомневаюсь.

Улицы города были темны и печальны, моросил мелкий дождь. Капли падали на мостовую, и ее древние камни стали скользкими и блестящими, а в расщелинах между ними уже скопились лужицы дождевой воды.

Прилив только что схлынул, повсюду были разбросаны морские водоросли и гниющие отбросы.

Лауро шагал мимо полуразрушенных каменных фасадов, похожих на обнаженные кости вымерших животных, мимо скорбных площадей, где окна домов были распахнуты настежь, а погасшие буквы рекламных вывесок сверкали от капель дождя. По каналам проплывали таинственные темно-серые тени.

Герта молча шла рядом, тесно прижавшись к другу. Ее походка, прежде легкая и пружинистая, чем-то напоминавшая Лауро покачивание лодки на волнах, стала тяжелой. В ночной тьме Герта казалась маленькой и беззащитной. Ее тонкий профиль, нежное, исхлестанное дождем лицо были как бы зримым символом, знаком близкой гибели полуразрушенного города.

Родной город всегда представлялся Лауро в облике женщины, напоминал ему прекрасные, словно картины старых мастеров, лица юных венецианок, которые он видел прежде в окнах старинных дворцов. Гибким и упругим телом женщины всегда казались ему чудесные мосты и женской грудью – высокие купола больших церквей, пламенеющие в лучах заката.

Сейчас, темной сентябрьской ночью, город-женщина покоится на морской глади. Тысячи лет назад возник он из воды и уже от колыбели его преследовало зло – вода его породила, вода и погубила.

Жители покинули город, удрали, словно крысы с тонущего корабля, бросив древние острова, мраморные дворцы которых были всего лишь эфемерным признаком жизни. После долгих лет пышных и шумных празднеств,

цветения флагов и гирлянд город чудесной мечты опустел и стал безлюдным. Подобное случалось не впервые. История человечества знает немало примеров, когда целые города исчезали в морской пучине, утопали в иле и пливуне. Легендарный Метамаук, еще более древний и некогда более могучий, чем Венеция, в одну ночь поглотило море, от города не осталось и следа. Не сохранилось ни огромных площадей, воспетых в старинных хрониках, ни церквей, ни дворцов, ни гробниц первых дождей, которые, согласно легенде, покоились в золотых саркофагах, а сбоку лежали их мечи. Над всеми древними затонувшими городами – Метамауком, Аммианом, Констанциаком – бесстрастно катит свои волны море – их отец, супруг и убийца.

Возле Сан Тома они сели в автоматическую гондолу-паром, и черная лодка перевезла их на другой берег. Позади темным холмом вырисовывались дворец Фоскари и развалины моста Риальто, а с другой стороны руины дворца Ка'Фарсетти длинной тенью опустились на канал.

Они торопливо поднялись по маленькому пластмассовому мостику и в последний раз взглянули на берег. Вода пенилась, что-то шептала и приглушенно всхлипывала, совсем как человек. Волны ласкали потрескавшиеся ступени порталов, накренившиеся стены домов, гнутые причальные столбы, что по двое, по трое высились на берегу. Было время «затишья», когда на какие-нибудь четверть часа вода замирает и каналы превращаются в гигантское зеркало, в котором отражается весь город.

Лауро взял Герту под руку и повел дальше. Да, не только капли дождя орошали сейчас ее лицо. Они шли вдоль безлюдных площадей Сант'Анджело и Кампо Ма-

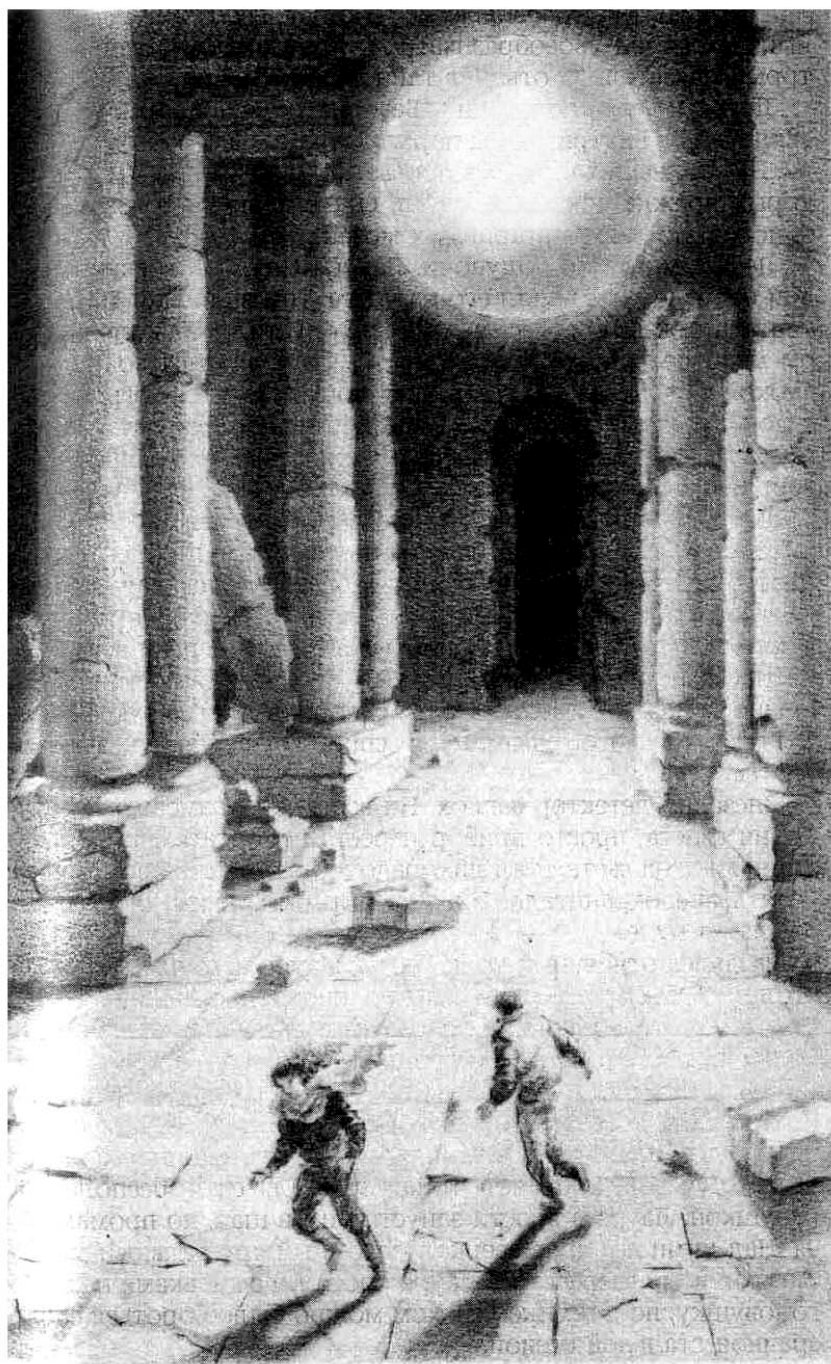
нин. Здесь находилось здание вечерней стереогазеты, но сейчас оно было закрыто на замок, даже сторож и тот куда-то ушел. Они миновали площадь Сан Лука и дошли до берега Орсеоло, где стоявшие рядом гондолы мерно поскрипывали, а их фигурные носы блестели, словно шпаги, зря выхваченные из ножен.

Вот и площадь Сан Марка, напротив здание Новых Прокуратур и обломок рухнувшей Колокольни, так и не восстановленной. А дальше руины Базилики, напоминающей сейчас фантастическую челюсть; каждый ее зуб – это колонна или кусок полуобвалившейся стены. Лауро посмотрел на водосточные каналы и увидел, как колыхнется там вода. Скоро они с Гертой услышат характерный шум прилива, а через полчаса площадь и развалины церкви накроет неудержимый вал.

Одиннадцать часов сорок пять минут – нужно поторопиться. Если расчеты точны, то реле должно быть неподалеку, среди развалин. При этом оно наверняка тщательно замаскировано ведь район буквально заполонили туристы. Лауро предусмотрительно взял с собой рюкзак, где лежал электронный детектор своеобразный ультразвуковой разведчик, который обязательно отыщет таинственное реле.

Лауро и Герта подошли к Базилике: двери были распахнуты настежь. Внутри храма царили темень и полнейшая тишина. На уцелевших стенах, в просветах между пилонами, на которых прежде покоился купол, еще можно было различить золотистую лазурь старинных мозаик.

Десять минут до полуночи. Лауро вынул из рюкзака лучевой пистолет и укрепил его на поясе. Тем временем Герта вытащила тяжелый детектор, и Лауро опустил на

колени, чтобы удобнее было его настраивать. Он огляделся вокруг: все спокойно, полуразрушенные пилоны кажутся огромными стволами безлистных деревьев. Через распахнутые ворота Сант'Изидоро, откуда они вошли в храм, видно, как поблескивает неуклонно прибывающая вода.

Лауро повернул ручку, и послушный детектор негромко загудел. В зыбком красноватом свечении стал виден циферблат с делениями, по которому забегала тоненькая стрелка. Она должна была остановиться и указать, где находится голубоватый шар или любой другой источник энергии в радиусе пятидесяти метров. Лауро застыл в неподвижности, напряженно следя за стрелкой. Он крепко сжимал в руке пистолет и отчетливо слышал за спиной учащенное дыхание Герты.

Внезапно детектор заглох. Ни вспышки пламени, ни толчка, ни свиста, просто прибор перестал работать. Лауро, проклиная все на свете, стал лихорадочно нажимать кнопки, проверять предохранители. Но детектор был мертв, стрелка замерла на нуле.

Раздался отчаянный крик Герты; Лауро вскочил, навел пистолет. «Объект» сверкал, словно крохотное солнце, повисшее в пустоте. Большой зеленовато-голубой шар, похожий на живое существо, спокойно вращался под сводом храма.

Лауро спустил курок: раз, два. И тут земля угрожающе заколыхалась. Волны прилива ворвались в церковь, бурно пенясь у портала. Ровно в полночь возникло мощное силовое поле. Лучевой пистолет тоже отказал, стал бесполезной игрушкой. Лауро в ярости запустил им в шар, но промахнулся. Над ними все ярче сверкал огромный хрусталь-

ный кубок, опрокинутый вверх дном. Лауро бросился с кулаками на энергоголовушку, но с тем же успехом можно было бороться с прозрачной стальной стеной.

Герта неподвижно распростерлась на полу. Еще мгновение и город провалился в пропасть, в гигантский колодец с гладкими стенками. Провалился вместе с дворцами и руинами церквей, с черными гондолами и немногими еще не покинувшими его жителями.

Треск удара о скалы; «ловушка» сработала безотказно. И сразу – крошечная тьма и безмолвие. Прежде чем потерять сознание, Лауро все же понял, что прыжок с поверхности земли в гиперпространство не смертелен и что сплошное «кольцо» энергии надежно защитит его, Герту и весь город.

Морская вода проникала в новую лагуну через тысячи каналов, которые прорезали длинные острова, защищающие город от подводных течений. Нижний бледно-розовый пласт базальтовых пород казался полированной мраморной плитой.

Огромное голубое солнце нестерпимо сверкало, словно вобрав в себя все краски дня,

Рождался сказочный город с золотыми куполами и островерхими крышами многоэтажных домов, устремленных в голубые выси планеты. Казалось, прямо из моря возникали все новые и новые острова, в воздухе то и дело застывал негромкий металлический лязг. По телу города-гиганта зазмеились зеленые вены каналов, и тут же невидимая рука перекинула над ними мосты. В поднебесье закружились и радостно запели мириады золотистых эльфов.

Город, древний и в то же время новый, покоился на скальной постели, улыбаясь, точно счастливая женщина. На теле его навсегда запечатлелись следы разрушений и ран, но оно останется вечно молодым, таинственно неподвластным времени.

В синеватом небе, задевая крыши самых высоких домов, плыла тонкая белая спираль. Воздух, прозрачный, как хрусталь, наполнился волшебными серебристыми звуками. Белая спираль миновала Центральную площадь и извилистый Канале Гранде, оставив на крышах и колоннах небоскребов красочные гирлянды из пены.

Хор голосов уносился все дальше и выше, в небо, и наконец уплыл за берег моря и острова, куда-то вдаль, к необъятному горизонту.

Город остался наедине с великой тишиной новой Планеты, подобный покинутому и безмолвному кораблю в безлюдной гавани.

Из Центрального Разведывательного отдела Третьей туманности

17-й период вращения (время всемирное унифицированное)

Инспекционному отделу Центрального Управления

К сведению Генерального Инспектора

(Передано по гиперпространству. Крайне срочно, совершенно секретно)

Получив Ваше сообщение, подчиненный мне отдел предпринял розыски, действуя в обстановке строжайшей тайны, что позволило тут же добиться блестящего успеха.

Расследованием установлено:

1. Преступных связей между нашими агентами и членами шайки не существует.

2. Преступники орудовали также на Седьмой туманности и скоплении Звезд 15.

3. На Третьей планете, о которой говорится в Вашем письме, было совершено еще несколько краж, правда, значительно меньших размеров. Главари и члены шайки уже арестованы и впредь до особых Ваших распоряжений помещены в одиночные камеры нашего отдела.

4. При тщательном осмотре подведомственной мне планеты, то есть Пятой планеты 12-й Системы, обнаружен целый галактический «музей», созданный преступниками и укомплектованный предметами, похищенными в мирах «С».

Прилагаю исчерпывающий список этих предметов, находящихся в полной сохранности. Что же касается Третьей планеты, то шайка, кроме вышеназванного города, похитила также монумент, именуемый «Колизеем», и несколько пирамид цивилизации типа «F», именуемой также египетской.

Преступники, лихорадочно работая днем и ночью, сумели заменить вышеуказанные монументы абсолютно точными копиями из пластибетона.

5. Подсчитано, что преступная деятельность длилась на протяжении трех периодов вращения. Доходы шайки от мошеннической деятельности в одной только зоне Центрального Управления превышают восемьсот миллиардов кредитов. Часть этих денег, спрятанных мошенниками, найдена при обыске.

6. Я твердо убежден, что Галактический музей древне-

го искусства, как его называли преступники, должен работать и впредь, разумеется, под контролем Центрального Управления. Полагаю, что если на всепланетной Ассамблее мы объявим о создании такого музея, это весьма поднимет престиж Разведывательного Управления.

7. Двое антропоидов мужского и женского пола, уже развернувших свою деятельность на Пятой планете, выразили желание остаться там навсегда. По всей видимости, они отлично обосновались на новом месте, где выполняют функции сторожей музея и гидов для многочисленных туристских групп. Женщина готовится стать матерью, и это даст основание предположить, что население этой ныне полупустынной планеты со временем увеличится. К тому же оба антропоида утверждают, что естественные условия там весьма схожи с условиями их родной планеты.

8. Что же до города, то шайке мошенников удалось удачно разместить его в искусственной лагуне, почти идентичной прежней, но при этом куда более надежной. Антропоид мужского пола, опрошенный относительно того, желательно ли вновь перенести город на Третью планету, высказался резко отрицательно, пояснив, что это означало бы погубить весь город.

Остаюсь в ожидании Ваших распоряжений.

P.S. Лично я убежден, что дальнейшее расследование лучше всего прекратить. Надо в торжественной обстановке открыть Правительственный галактический музей древнего искусства. Антропоида мужского пола стоило бы зачислить в штат Министерства просвещения и искусств на должность дипломированного сторожа. Не мешало бы также (но это, понятно, не входит в мою компетенцию)

повысить размер платы, взимаемой при посещении планеты-музея. Это, кстати, придаст музею большой вес и значимость, каких он не мог иметь ранее в силу частного характера данной коммерческой инициативы. Следует также учесть, что финансовые потребности нашего правительства значительно превышают запросы шайки межпланетных воров.

Остаюсь с совершеннейшим почтением в ожидании Ваших дальнейших распоряжений.

Начальник сектора Третьей туманности

Герберт ФРАНКЕ

Мутация

Доктор Кэрри отодвинул папку в сторону и откинулся на спинку кресла. Его рабочий стол стоял прямо перед стеной из прозрачного стекла с фиолетовым отливом, сквозь которую он мог обозревать открывающиеся дали: слева – узор из прямоугольников, каких-то строений, желтых, серых и серебристых, справа – пятна кустарника, песчаника, пожухлой травы, там и сям полоса протоптанной земли – не то дорожка, не то место собраний; между зданиями и этой территорией решетка, матово-мерцающая, с виду безобидная, но заграждение это уходило в небесную дымку. Шеф-генетик вздохнул. Эта картина постоянно напоминала ему о том, что он должен делать: заниматься анализом, оценкой, экспертизой и отбором. Задачу эту пока нельзя было перепоручать машинам, и никто лучше Кэрри не знал почему: методика еще не отработана, нет масштабов для оценки, потому что критерии для отбора или даже принятия санкций трудно формализовать. Что считать нормой, а что вырождением? Что называть здоровьем, а что болезнью?

Из видеофона послышался треск. Первый канал, внутренняя система. Нажатием кнопки Кэрри наклонил кресло вперед и, усаживаясь поудобнее, щелкнул клавишей. На экране появилось лицо доктора Манковски, его ассистента.

– В чем дело?

– Мы тянем с решением о допусках. Эти, из лаборато-

рии, проявляют беспокойство. Мы выбились из графика.

Доктор Кэрри выудил из стопки нужную папку, принялся листать. Допуск к мутации с усиленным кровообращением для работы в Антарктиде. Допуск к мутации системы звуковой ориентации для работы в недавно открытых огромных подземных пещерах... Ими уже созданы человек-амфибия, звездоплаватель без конечностей, супермозг-организатор, разве этого мало? Они внимательнейшим образом следили за наследственностью, отвергали любые отклонения и все же постоянно допускали рождение новых монстров...

– Я еще подумаю, – сказал он и, не обращая внимания на удивленное лицо Манковски, выключил видеофон, после чего с решительным видом вновь открыл папку.

Перед ним генная карточка. Нет никаких сомнений, новый декодирующий автомат действует с куда большей точностью, нежели прежний. С тех пор как они приступили к серийному анализу – а он еще далеко не завершен, – им удалось обнаружить в шестнадцати случаях мутантов ГН-3, изменение в двадцать второй хромосоме. Это незначительная ошибка в генетическом коде, но определить ее сложно и последствия неясны. Бесспорно одно: это отклонение от нормы.

Доктор Кэрри нажал на несколько клавиш, подождал, пока из трубы пневмопочты выпал на стол небольшой контейнер. Когда он открыл его, оттуда выскользнула магнитная карточка с надписью Сандра Жанжако. Фотография: узкое девичье лицо, большие глаза, гладкие темно-каштановые волосы. Кэрри взял магнитный грифель и быстро сделал несколько штрихов на поле «Разрешения».

Тем самым он аннулировал все права, которые она имела как гражданка этого государства, – право на обеспечение, на медицинскую помощь, на пребывание в климатизированном секторе. Напечатав обоснование, он свернул его в трубочку и сунул в отверстие пневмопочты. Всасывающий шумок, что-то щелкнуло... Дело сделано. Он невольно взмахнул рукой, но остановить уже ничего не мог. Распоряжение попадет в регистратуру, затем в управление допусков и отдел «психологического надзора». А оттуда будет послано письмо в голубом конверте, написанное отнюдь не формально, а вежливо, с сочувствием. Будут включены телеэкраны – поскольку получатель письма лишается сферы личных переживаний, – наготове будет стоять врач... Нет, ничего сверхъестественного, драматического не произойдет.

На душе у доктора Кэрри скребли кошки. Ну почему это коснулось именно Сандры? Она, как и он, добровольно вызвалась работать здесь, – а кому это сейчас, когда хоть всю жизнь можешь палец о палец не ударить, придет в голову? Два года они проработали внизу, в отделе анализов, ему часто приходилось встречаться с ней по делу. Разговаривали они редко, потому что понимали друг друга без слов. Он догадывался о жившем в ней чувстве беспокойства, которое было знакомо ему самому. Эта неудовлетворенность вызвана желанием сделать что-то, вырваться из сонного общества, опекаемого автоматами, чтобы жить жизнью, где дано испытать свою судьбу, надышаться полной грудью...

И снова ход его мыслей перебил видеофон. На сей раз с ним связывались по внешнему каналу. Он машинально

подключился, уставившись в изображение заповедника. Жутковатая картина: необозримые, таинственные ландшафты, от которых исходят неясная угроза и необъяснимое очарование. Никто из них там не бывал, если же кто и попадал, обратно не возвращался...

На экране появилось лицо Китти-Энн, его жены, с ней его соединила кибернетическая машина, занимающаяся анализом психологических и генетических аспектов.

– Привет, дорогой, мы с детьми на автодроме. Пэтти опять расшалилась... Послушай, я забыла опустить карточки тотализатора. Опустись за меня, милый? Не забудь, пожалуйста...

Китти-Энн выглядела ослепительно, подкрашенные бирюзовой краской глаза как нельзя лучше гармонировали с ее золотистым платьем. Кэрри сказал ей об этом и с облегчением вздохнул, когда экран потемнел. Попытался справиться с мыслями. Сегодня ему предстояло серьезно потрудиться.

Несколько минут спустя его потревожил шорох за дверью. Вошел Манковски – обычно он сюда не заходил. Кэрри оглянулся, неприятно пораженный. Ассистент, помахав листком бумаги, хлопнул им перед Кэрри по столу:

– Какая низость!

Кэрри бросил взгляд на листок, – это была фотокопия распоряжения об увольнении Сандры.

– Кому-кому, а нам с вами отлично известно, что пока не ясно, к чему приводит отклонение ГН-3, – негодуя сказал Манковски.

Кэрри поднял брови, внешне сохраняя спокойствие:

– В том-то и дело. Мы обязаны сохранять генетические

поля в чистоте. Особенно, когда не знаем, какие явления могут быть вызваны отклонением от нормы. Не понимаю, о чем вы?..

Манковски подошел еще ближе к столу.

– В других случаях вы не были столь педантичны.

– Что вы хотите этим сказать?

– Не станете же вы утверждать, будто вам неизвестны результаты вашего собственного осмотра?

На несколько мгновений Кэрри застыл, потом нащупал одну из кнопок запоминающего устройства. Чуть погодя из прорези аппарата выползла ксеро пленка, и Кэрри торопливо оборвал ее на конечной перфорации.

Его генетический код, совсем недавно сделанный новым декодирующим аппаратом. В левом верхнем углу – микроснимок, в правом – нанизанный на прямую линию хромосомный ряд, слева внизу – молекулярная схема, а внизу справа – кодовая таблица с выделенным красным цветом участком. И в самом низу – его имя. Никаких сомнений: отклонение в ГН-3.

– Этого я не знал, – прошептал Кэрри.

– Весь отдел знает, – сказал Манковски, – а вы хотите убедить нас, будто ничего не знали? Я говорю с вами от имени отдела: мы требуем, чтобы вы отменили решение о высылке Сандры.

Несколько секунд Кэрри не сводил глаз с лица Манковски. Потом сказал:

– Можете идти. Я все улажу.

Когда дверь за ассистентом закрылась, Кэрри ненадолго задумался. Прикинул, что остается делать в сложившихся обстоятельствах. Отдать кое-какие распоряжения,

собрать личные вещи, связаться с Китти-Энн? Отбросив эти мысли, он нажал на клавишу вызова по внутренней системе. Сначала охрану на переходе – пока никаких отметок нет. Затем рабочее место, регистратуру, сектор снятия с учета... Отметки уже сделаны. Оставался только подземный туннель перед контролем на выходе. Там он и обнаружил Сандру. На экране появилось ее изображение: осунувшаяся, с искаженным гримасой лицом, в руках небольшой чемоданчик. Шла она неторопливо, но и не замедляла шаг. Он схватил микрофон и крикнул:

– Подождите, Сандра! Это Кэрри! Подождите, я с вами!

Оглядевшись, Кэрри с облегчением подумал, что ничего из кабинета взять с собой не хочет. Встал, направился к двери и вышел – поспешно, будто боялся опоздать.

Координаторша

Чем это было вызвано? Предчувствием или всего лишь ее сверхвпечатлительностью? Во всяком случае, когда на видеоэкране появилось удлиненное лицо Эстер, Пиа-Катарина ощутила дыхание близящейся беды.

– Мы намерены начать проверку, – сказал Эстер. – Желаешь присутствовать? Или можно начинать?

– О нет! – ответила Пиа-Катарина. – Ты ведь знаешь, меня это не интересует. Разве... – она замаялась, – ...речь идет о чем-то особенном?

Лицо Эстер на экране никаких эмоций не выражало.

– Я подумала только... Раз дело касается Регины... Или ты запомнявала?

Пиа-Катарина упустила это из виду и от огорчения даже похолодела. Всем известно, что списков она не просматривает. Она не из тех, кто каждую пятницу после обеда прижимается носом к застекленным стенкам лаборатории проверки, чтобы не упустить ничего из происходящего. И вот теперь они взялись за Регину...

— Да нет же, — сказала она. — Просто я забыла. Вы начинайте, я немного задержусь.

Выключая видеофон, она улыбнулась, ни на секунду, однако, не допуская, что ей удалось провести Эстер.

Дело вовсе не в Эстер, а в системе контроля. Она не знала, подключены ли анализаторы, которые малейший знак недовольства зафиксировали бы как симптом агрессивности.

Ее так и подмывало сейчас же поспешить туда, но она взяла себя в руки. За почти сорокалетнюю службу государству в качестве координаторши Пиа-Катарина научилась владеть собой в любых обстоятельствах. Напечатав несколько кодовых слов на клавиатуре вводного печатного устройства, она затребовала личное дело Регины. На светящемся табло появилась надпись: «Пожалуйста, подождите». Пиа-Катарина с удовлетворением отметила, что ее сердце бьется не чаще обычного, хотя и понимала, что, сейчас коса нашла на камень. Если Эстер осмелилась занести руку на Регину, значит, корпус безопасности достаточно уверен в успехе предстоящего! Внутренний голос говорил Пиа-Катарине: «Но ведь ты сама настояла на том, чтобы ни для кого, включая членов координационного комитета, и даже для тебя самой не делалось исключений. Тем самым ты дала им в руки оружие, с которым теперь

они выступили против тебя. Ты проявила недальновидность, действовала вопреки здравому смыслу...» Но она заглушила в себе этот шепоток, исходявший, казалось, от чужого человека, с которым у нее не было ничего общего, и сама себе ответила: «Но только так было возможно исключить на все времена любого рода злоупотребления, устроить все так, чтобы не повторилось то, что некогда было присуще миру, где правила мужчины: корыстолюбие, угнетение, борьба за власть...»

На видеозэкране появились и медленно поплыли вверх строчки:

Регина Цезарелло /выдана: 17.6.20811 Монако

Сертификат № 228730032

Мать: Гелиана Цезарелло/урожденная...

Пиа-Катарина нажала на клавишу – строки побежали вверх быстрее, но когда должны были появиться последние по времени записи (в них она рассчитывала найти точку опоры для оценки неожиданной ситуации, сейчас предельно обострившейся), появилась пометка:

В открытом регистре стерто – материал закодирован/ограничение 4А.

Пиа-Катарина вздохнула. Могла бы и догадаться! Разумеется, доступ к засекреченным документам у нее есть, но для этого – даже ей! – следует соблюсти некоторые формальности, на что уйдет время.

Она взглянула на часы. После разговора с Эстер прошло пять минут. Удобно ли теперь пойти туда, не потеряв лица? И вдруг это перестало для нее быть важным.

«Нахожусь в отделе проверки на агрессивность», – напечатала она на запоминающем устройстве, решительно

поднялась и торопливо направилась к лифту. В зал вошла тихонько, и все же взгляды всех присутствующих обратились к ней – этого избежать не удалось. Трибуна была заполнена, за стеклами лица казались размытыми, трудно-различимыми. Группа психологов собралась в том составе, как Пиа-Катарина и ожидала, – одни доверенные лица Эстер, а сама она председательствовала. В стеклянной клетке, которую они называли ареной, сидела Регина. Она выглядела даже более юной и хрупкой, чем обычно. Два кружка на висках были выбриты и к ним плотно приложены контактные пластинки. Тонкие едва заметные провода сходились на штепсельном пульте под потолком. Изнутри нельзя было рассмотреть, что происходит снаружи: стекло, покрытое слоем платины, как бы ограничивало «арену» зеркальными поверхностями.

Эстер указала на свободное кресло в первом ряду, и Пиа-Катарина села. Шла первая фаза проверки, предварительный, можно сказать, тест: Регину оставили наедине с молодыми гиббонами, получившими инъекции адреналина и потому раздражительными, а от яркого света и шума особенно беспокойными. Они носились по клетке, вскакивали на Регину, рвали ее платье, царапали и таскали за волосы.

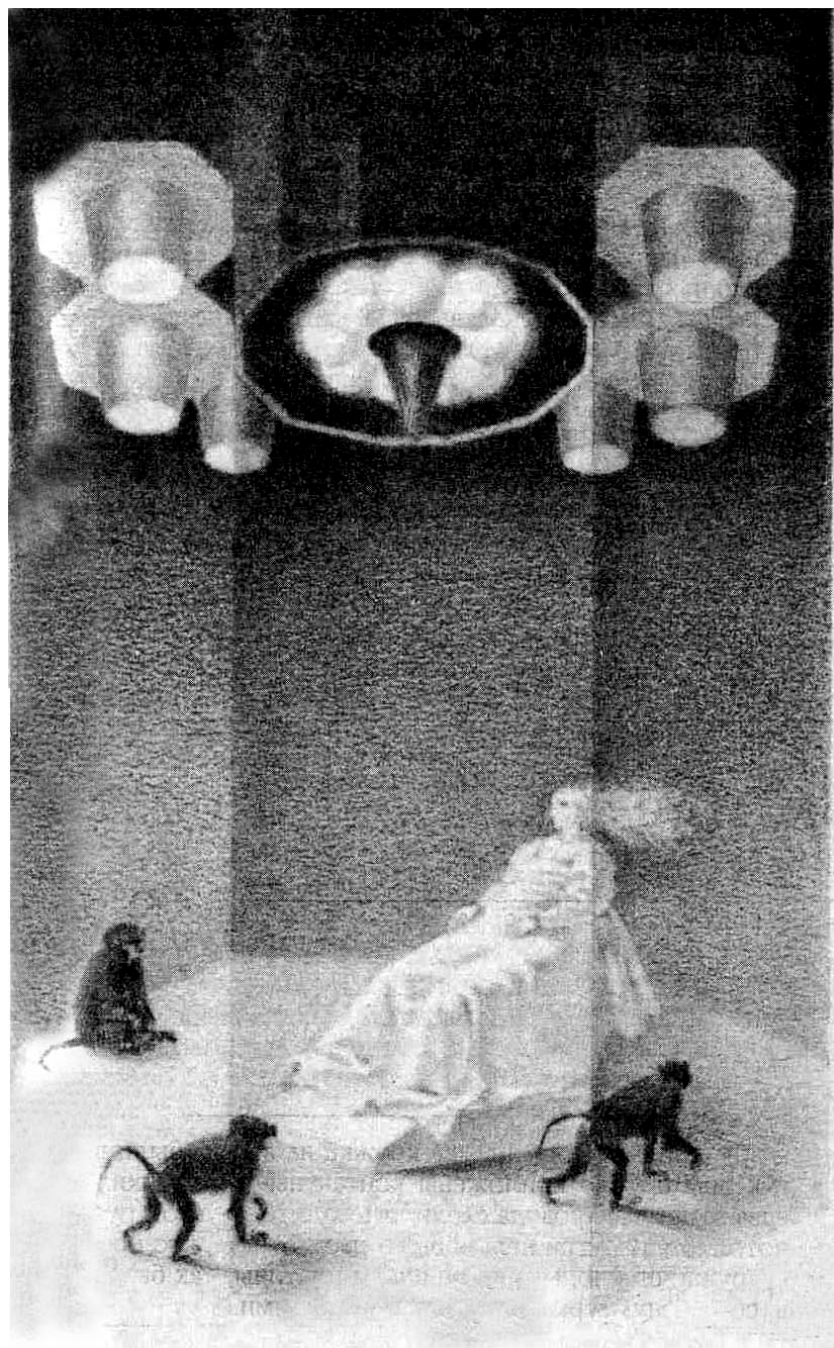
Основная цель испытания проста: ни одна нормальная женщина не способна проявлять агрессивные чувства к ребенку или подростку. Если же такие симптомы обнаружатся, это служит достаточным доказательством извращенности испытуемой, которую следует изолировать от общества. С помощью психотропных лекарств ее деперсонифицируют и отправляют в трудовой лагерь. И естественно, она лишается права материнства.

Гиббоны порядком досаждали Регине. Эти обезьяны были особо зловредными, причем в результате искусственной селекции их злобный характер систематически развивался. И все-таки Пиа-Катарина не сомневалась, что Регина выдержит испытание. Регина не вырожденка, это координаторша знает твердо. Очевидно, произошло недо-разумение – все остальное исключается, – и через несколько минут Регина будет полностью реабилитирована. Пиа-Катарина изо всех сил пыталась успокоить себя этой мыслью, но тревога не оставляла ее.

Зеленая линия на растровом экране дифференциально-го энцефалографа становилась волнистой и подскакивала. Невропсихолог, сидевшая перед ним, наморщила лоб и внесла какие-то данные в запоминающее устройство. Пиа-Катарина, которая не могла разобраться в энцефалограмме, пыталась угадать результаты обследования по выражению лица невропсихолога – тщетно. Она перевела взгляд на Регину и, к своему облегчению, убедилась, насколько хорошо та владеет собой. Никаких импульсивных движений, ни тени озлобленности – с каким самообладанием и спокойствием снимает она с себя животных, особенно рьяно атаковавших ее, и осторожно сажает их на пол!

Когда таймер дал сигнал об окончании теста, вышли служительницы с сетями, переловили животных и унесли их. Регина осталась на «арене». Отерла носовым платком лоб, но в остальном сохраняла спокойствие.

Пиа-Катарина встала и сказала:

– Безусловно, она выдержала испытание. Итак, все ясно.

Эстер посмотрела на нее с деланным безразличием:

– Еще секундочку.

Она стояла в кругу специалистов-психологов, столпившихся около воспроизводящего экрана, на котором самые любопытные фазы испытания прокручивались в замедленном темпе. Женщины перешептывались. Потом Эстер подошла к Пиа-Катарине. В руках она держала пленку ксерокса.

– К сожалению, тут видны кое-какие пики.

Она указала пальцем на отдельные участки:

– Они по меньшей мере примечательны. Придется продолжить.

Пиа-Катарина резко повернулась и села на свое место. Сейчас у нее не было больше уверенности, удастся ли помочь Регине. Она с радостью помогла бы ей, и не только престижа ради: Регина – одна из ее ближайших сотрудниц, она сама остановила на ней выбор. Но ее чувство к Регине глубже: в нем есть что-то дружески-материнское – привязанность, смешанная с покровительством. К тому же она ощущала свою ответственность, ведь Регина – существо, сформированное ею, и, не исключено, она тоже виновата в том, что сейчас происходит. Регина всегда и во всем безгранично доверяла координаторше, защищала ее точку зрения, голосовала за нее... Не кроется ли за всем происходящим чей-то злой умысел, хитроумный шахматный ход, тактический маневр, направленный, собственно говоря, против нее самой? И хотя в глубине души Пиа-Катарина давно это поняла, она все-таки до конца этой возможности не допускала...

Вторая фаза испытания была еще неприятнее. Теперь уже речь шла не о примитивных рефлексх, которые легко подавить, если, несмотря на строгие селекционные предписания, остались какие-то реликты таких реакций. Речь шла о психических свойствах, о цельности личности.

Тем временем вокруг Регины сели три ассистентки. Они смотрели прямо на нее, а вращающийся стул Регины всякий раз автоматически поворачивался в сторону той из них, которая называла ассоциативное слово. Назывались они быстро, одно за другим, и у Регины наверняка закружилась голова – так быстро вертелся ее стул.

– Яд...

– Плеть...

– Камера...

– Мечь...

– Боль...

Ответа от Регины не требовалось. Энцефалографы показывали, поняла ли она и как отреагировала. «А действительны ли эти показания? – спрашивала себя Пиа-Катарина. – Разве тут не может быть ошибок? Да и где пределы измеримого?» Как-никак эту аппаратуру в свое время создали мужчины, хотя женщины оказались достаточно разумными, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшему усовершенствованию. Они более не занимались исследованиями деятельности мозга, генетикой, микробиологией. Отказались от технического и научного прогресса, оставили ложный путь погони за новыми мощностями, качеством и ростом производства. Им ни к чему увеличивать скорость уличных глайдеров, ни к чему еще более высокие дома и сверхпроизводительные машины. Миру нужен

мир, взаимопонимание, любовь, на которую способны только женщины. Мужчины по природе своей – фактор помех, и женщины сделали из этого соответствующие выводы.

Вместе с тем они оказались не столь уж недальновидными, чтобы отказаться от технического инструментария. Человечество привыкло полагаться на технику, и с этим ему приходится мириться. Но женщины применяют ее во благо, а не с целью разрушения...

На какое-то мгновение мысли Пиа-Катарина смешались. А как же быть с этими энцефалографами, со всей этой электронной круговертью целого этажа, напичканного новейшими медицинскими приборами и аппаратурой для хирургии мозга?.. Но нет и не может быть никаких сомнений: ее задача – оградить мир от агрессий. Исключить всяческую инквизицию. Они должны во всем быть справедливыми. Непокколебимыми...

Вдруг Пиа-Катарина заметила, что ассоциативный метод, которым пользовались ассистентки, претерпел изменения. Теперь это были уже не взятые наугад слова-раздражители, а целые предложения – психологические пружины, сознательно закрученные на основе психограмм Регины за последние месяцы.

- Ты установила связь с фашиствующими группами...
- Ты намерена выдать секретный материал...
- Ты пыталась подтасовать доклад комиссии умиротворения...
- Совместно с координаторшей вы готовитесь к государственному перевороту...

Пиа-Катарина хотела вскочить, но заметила, что все

этого только и ждут, и крепче сжала пальцами подлокотники кресла. Они и ее впутывают, да еще как бесцеремонно! Она с трудом сдерживала себя, пытаясь сосредоточиться на мысли, что все эти предложения, призванные служить эмоциональными раздражителями, отобраны с одной-единственной целью: вызвать наиболее резкую реакцию, но это известно и Регине...

Пиа-Катарина перевела взгляд на Регину, которую по-прежнему вертели на стуле из стороны в сторону, – похоже, она потеряла всякое душевное равновесие. А как насчет воли, самообладания? Взглянув украдкой на энцефалографы, координаторша, к своему ужасу, заметила множество волнистых линий, местами резко подскакивавших. Когда тест завершился, ей незачем было спрашивать о результате. И когда Эстер сообщила его, Пиа-Катарина лишь пожала плечами. Таким образом, Регине не удалось избежать самого худшего – третьей фазы проверки, казавшейся координаторше неприличной и садистской, но имевшей, разумеется, свои причины. Теперь речь шла уже не о перерождении, а самой крайней степени деградации, возможной в их государстве. Причем результаты этого испытания отразятся не на одной Регине, но и на всех членах ее клана: матери, из клеток которой она выращена, матери матери, сестер, которые во всем похожи на нее...

Это было как бы своеобразным развитием теста Сонди. Только испытуемому показывали не снимки психопатов, а фотографии молодых мужчин. Причем не только лица, но и тела – сначала в одежде, потом обнаженные. И в этом случае не было нужды определять состояние испытуемого по его внешнему виду, полагаться на субъективные впе-

чатления: электронные приборы молниеносно и безошибочно отмечали малейшие изменения в эмоциях, даже глубоко спрятанных.

Пиа-Катарина принадлежала к старейшему из ныне живущих поколений, она еще застала мужчин. Она принадлежала к числу тех, кто преисполнился страха перед разлагающей силой мужчин, и она же была одной из воительниц, добившихся происшедших затем перемен. Она и ее сторонницы добились своего: мужчин не стало. И хотя они воспользовались для этого наиболее гуманным методом, Пиа-Катарине не хотелось больше об этом вспоминать. Ей претили воспоминания о мужчинах, о старых картинах и иллюстрациях из энциклопедии, учебников, фотоальбомов и журналов.

Но Регина? Регина знала одних женщин, мир мужчин она себе не представляла. Что ей известно об их отталкивающих качествах, их эгоизме, самоуверенности, разрушительной сущности? Может ли она ненавидеть мужчин? Презирать их? Находить отталкивающими?

На экранах появились первые кадры: на растровом, перед Региной, крупным планом; на экранах видеофонов – десятки уменьшенных изображений. Все как по команде на них уставились, – побледнев или порозовев от волнения, в зависимости от характера. Напрягались до судорог шейных мышц, до дрожи в руках. Среди присутствовавших было много молодых женщин сотрудниц координационного центра, членов корпуса безопасности, гостей из школ и университетов. Мужчины должны были казаться им монстрами, чужеродными существами, карикатурой на известных им людей – женщин. Но так ли это в самом де-

ле? Пиа-Катарина еще раз пробежала взглядом собравшихся, остановившись, наконец, на Регине. Было ли то, что она, как ей показалось, прочла на лицах, действительно выражением отвращения и испуга? Находила ли Регина мужчин отталкивающими? И вдруг Пиа-Катарина осознала, что это не обязательно так. Эти девушки никогда не видели живого мужчину... Может быть, необычное, незнакомое, опасное привлекает их?

Пиа-Катарина закрыла глаза. Она не желала никого больше видеть – ни мужчин на экранах, ни зрительниц, ни психологов, ни Регины. Способность видеть и слышать она обрела только после того, как Эстер осторожно коснулась ее плеча. Эстер не сумела скрыть своего торжества, когда сказала:

– Досадно, Пиа, весьма сожалею. Но ты, конечно, не догадывалась... Хочешь заявить протест?

Координаторша понимала: Эстер только и ждет, что она заявит протест. Это дало бы корпусу безопасности повод заняться ею самой. «А наши задачи, – подумалось ей, – наши цели... и именно сейчас! Восстание в пограничном районе, растущее сопротивление недовольных, оппозиционные группы внутри страны, молодежь, которой так трудно руководить, которая не верит на слово»... Все это проблемы, которые она призвана решить, если хочет видеть сообщество колыбелью обещанного им вечного мира. Того мира, во имя которого и было все сделано... Именно этим задачам обязана она подчинить все свои мысли. Что по сравнению с ними личные пожелания, симпатии или слабости?!

Она поднялась, выпрямилась и предстала перед Эстер

по-прежнему внушающей уважение, как и многие годы подряд.

– Результат неоспорим, – сказала она. – Благодарю всех за бдительность. Почему я должна заявить протест? Делайте что положено.

Выходя из зала, она не оглянулась на Регину.

Вечером она вышла из здания центра через черный ход и направилась домой пешком. Ей хотелось побыть под чистым небом, подышать свежим воздухом. Слегка попавало речной водой, и она с гордостью подумала, что вода, которая лениво катит там, в устье реки, – чистая. «Хотя бы этого мы добились», – сказала она себе.

Издалека слышался треск мотоциклов, – это целый рой девушек-рокеров в облегающих костюмах из черной кожи мчался по улице, образуя некое подобие стрелы, как рой межконтинентальных ракет. «Не будь я настолько уверена, что мы все сделали правильно, впору прийти в отчаяние», – подумала Пиа-Катарина.

Она глубоко вздохнула и пошла дальше мелкими, твердыми шагами.

Фридрих ДЮРРЕНМАТТ

Операция «Вега»

ГОЛОСА:

СЭР ХОРЭС ВУД.

КАПИТАН ЛИ.

ПОЛКОВНИК КАМИЛЛ РУА.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ.

ДЖОН СМИТ.

ПЕТЕРСЕН.

ИРЕНА.

БОНШТЕТТЕН.

ГОЛОС.

МАННЕРХАЙМ. *Господин президент Свободных Со-
единенных Государств Европы и Америки. Возвращаясь к
теме нашей беседы, позволю себе воспроизвести магни-
тозаписи, которые согласно вашему желанию, господин
президент, были сделаны мной во время операции «Вега» и
касаются его превосходительства сэра Хорэса Вуда, а
также проведенных им переговоров. Остаюсь, невзирая
на переживаемое нами смутное время, вашим неизменно
преданным и почтительным слугой.*

*Доктор медицины, сотрудник секретной службы
Маннерхайм.*

Начинаю с записи, сделанной во время старта.

ГОЛОС. Пассажиры планетоплана «Вега» просят занять места.

ВУД. Это относится к нам, Маннерхайм. Время покинуть Землю. Все остальные уже на борту.

МАННЕРХАЙМ. Прошу ваше превосходительство надеть шляпу и темные очки.

ВУД. Разумеется, разумеется.

МАННЕРХАЙМ. Нас могут опознать шпионы.

ВУД. Этого всегда следует опасаться.

МАННЕРХАЙМ. Это ваш первый вылет в космос, сэр Вуд?

ВУД. Да, первый. Вы, разумеется, удивлены. В наши дни каждый ребенок летает на Луну, совершив путешествие на Марс. Наши мечты стали явью, но и очень люблю Землю и очень не люблю мечтать. К тому же, как я слышал, ни на одной планете нет климата, который и вполнину подходил бы нам так, как земной.

МАННЕРХАЙМ. Справедливо замечено, ваше превосходительство.

ГОЛОС. Пассажиры планетоплана «Вега» просят занять места, пассажиры планетоплана «Вега» просят занять места.

Шаги.

КАПИТАН. Ваше превосходительство...

ВУД. Вы капитан корабля?

КАПИТАН. Так точно. Капитан Ли. Разрешите проводить ваше превосходительство в каюту.

ВУД. Вы слишком любезны с людьми вроде меня, капитан. С министрами иностранных дел надо вести поглубже.

КАПИТАН. Сюда, пожалуйста.

ВУД. Как здесь все непривычно!

КАПИТАН. Доктор Маннерхайм остается в распоряжении вашего превосходительства.

ВУД. Благодарю.

МАННЕРХАЙМ. Разрешите застегнуть на вас ремни, ваше превосходительство?

ВУД. Пожалуйста.

МАННЕРХАЙМ. Так будет надежно?

ВУД. Вполне.

МАННЕРХАЙМ. Я принесу вам корамин. А пока что подам в каюту кислород и гелий.

ВУД. Как вам угодно.

Тихое шипение

МАННЕРХАЙМ. Не желает ли, ваше превосходительство, наблюдать за взлетом?

ВУД. Непременно.

МАННЕРХАЙМ. Вы видите ракетодром.

ВУД. Он огромен. На нем ни души.

МАННЕРХАЙМ. Все люди в подземных укрытиях.

ВУД. Погожее нынче утро!

МАННЕРХАЙМ. Красный свет, наше превосходительство! Через двадцать секунд – старт.

ВУД. Жаль, что улетаем. Я с удовольствием съездил бы сегодня на рыбную ловлю.

МАННЕРХАЙМ. Осталось десять секунд.

ВУД. А вот и солнце встает.

МАННЕРХАЙМ. Стартуем.

Негромкое гудение.

ВУД. Я уже вижу внизу столицу и море. Мы оторвались от Земли, Маннерхайм.

МАННЕРХАЙМ. Перегрузка не слишком велика?

ВУД. Терпима.

МАННЕРХАЙМ. Она возрастает.

ВУД. Довольно любопытное ощущение, когда испытываешь его впервые.

МАННЕРХАЙМ. Дышите ровнее.

ВУД. Стараюсь.

МАННЕРХАЙМ. «Вега» должна набрать скорость тридцать шесть тысяч километров в час.

ВУД. Печально. В машине я никогда не превышаю семидесяти.

Пауза. Слышно только гудение.

Маннерхайм...

МАННЕРХАЙМ. Ваше превосходительство...

ВУД. Вы личный врач президента?

МАННЕРХАЙМ. Его дорожный врач. Я летал с ним на Марс.

ВУД. И он назначил вас сопровождать меня на Венеру?

МАННЕРХАЙМ. Это большая честь, ваше превосходительство.

ВУД. Гм!

МАННЕРХАЙМ. Желтый свет. Взлетная перегрузка достигла максимума.

ВУД. Чувствуется.

МАННЕРХАЙМ. Зеленый свет. Мы набрали заданную скорость. Притяжение Земли преодолено.

ВУД. Предпочел бы остаться на ней.

Гудение прекращается.

МАННЕРХАЙМ. Мы на высоте в восемь тысяч километров над Землей.

ВУД. Пожалуй, слишком высоко.

МАННЕРХАЙМ. Могу я отстегнуть ремни, ваше превосходительство?

ВУД. Да. Так мне лучше. А красива Земля!

МАННЕРХАЙМ. Правда ведь?

ВУД. Она как выпуклый щит. Жаль только, что она так лжива.

МАННЕРХАЙМ. Лжива?

ВУД. Жители ее никогда не говорят правду.

МАННЕРХАЙМ. Не угодно ли вашему превосходительству проследовать в наблюдательный салон?

ВУД. Проводите меня.

Шаги.

МАННЕРХАЙМ. Разрешите представить вам полковника Руа.

ВУД. Полковник Камилл Руа?

РУА. Так точно, ваше превосходительство.

ВУД. Это вы в прошлом году провели налет на Ханой?

РУА. Так точно, ваше превосходительство.

ВУД. А три года назад на Варшаву?

РУА. У вашего превосходительства хорошая память.

ВУД. Профессиональная необходимость, Руа, профессиональная необходимость. А вот и военный министр.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вот вы где, Вуд! Толчок, и ты уже в космосе. Колоссально! Я сейчас взволнован не меньше, чем двадцать лет назад, когда впервые проделал это. Теперь полеты в космос – простое дело. Недавно я встретил одного старикашку – его прадед жил еще во времена первооткрывателей. Космонавты порхали тогда по кабине, как ангелочки, а на старте их расплющивало в ле-

пешку: они страдали от невесомости и лишены были всякой защиты от взлетной грузки. Словом, первобытные люди! А теперь летишь да еще Землю видишь. Внушительное зрелище – свободно царящий шар, вроде глобуса на уроке географии! Темно-фиолетовое небо, Солнце и миллионы звезд. Форменная панорама, Вуд, форменная панорама! Здесь вы, наконец, приобретете то, что у вас в министерстве иностранных дел именуют широким кругозором.

МАННЕРХАЙМ. А теперь запись, сделанная три дня спустя, во время совещания, которое состоялось на борту «Веги» под председательством сэра Хорэса Вуда при участии всех министров и статс-секретарей.

ВУД. Господа! Позвольте начать с краткой оценки положения. Уясним себе, чего мы хотим и что мы можем. С тысяча девятьсот сорок пятого года у нас не было мировой войны, хотя случались периоды локальных конфликтов: война в Корее, гражданская война в Индии, поражение в Австралии и прочие осложнения. Сейчас, как ни тяжело признавать это министру иностранных дел, новая мировая война стала неизбежна. Дипломатия исчерпала все свои средства. Продолжать «холодную войну» немыслимо, мир невозможен, и необходимость в войне сильнее, чем страх перед ней. Свободным Соединенным Государствам Европы и Америки противостоят Россия и ее союзницы – Азия, Африка, Австралия. Силы противников приблизительно равны. Таковы печальные обстоятельства, объединившие на борту планетоплана «Вега» представителей Свободных Соединенных Государств.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Ваши превосходительства, господа! Положение наше не совсем благополучно. Мы лишились Луны. Это потеря, которую я лично воспринимаю еще более болезненно, чем утрату Австралии. Договор в Нью-Дели отнял у нас всю обращенную к Земле сторону этой планеты, а ее природные условия, столь враждебные человеку, исключают всякую возможность военных действий против русских лунных цитаделей.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Мы не должны были подписывать Нью-Делийский договор.

ВУД. Обращаю внимание военного министра Костелло на то, что и он не видел тогда другого выхода, кроме этого злосчастного договора, который я вынужден был подписать. Это была единственно возможная политика, поскольку мы в тот момент не были готовы к применению иных, неполитических средств. Прошу министра внеземных территорий продолжать.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Ваши превосходительства, господа! Марс объявил о своем нейтралитете и слишком силен для того, чтобы его можно было принудить к выступлению на стороне русских или нашей. Остается Венера. Прошу предоставить слово статс-секретарю по венерианским делам.

ВУД. Слово имеет статс-секретарь по венерианским делам.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Ваши превосходительства! Я полагаю весьма целесообразным обрисовать собравшимся здесь членам правительства положение на Венере. В климатическом отношении оно катастрофично. Эта планета

находится в том же состоянии, что Земля сто пятьдесят миллионов лет тому назад. Венера настолько не приспособлена для подлинной колонизации, что России, равно как и нашим Соединенным Государствам, пришлось отозвать оттуда своих комиссаров.

ВУД. Я слышал несколько иную версию.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Если уж быть точным, сэр Хорэс Вуд, то комиссары сами отказались вернуться на Землю, вследствие чего решили не посылать туда новых.

ВУД. Как звали нашего последнего комиссара?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Бонштеттен.

ВУД. Когда он подал в отставку?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Десять лет тому назад.

ВУД. Почему он не вернулся?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Неизвестно.

ВУД. Продолжайте, господин статс-секретарь.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Ваши превосходительства, господа! Хотя планета Венера и не пригодна для заселения, она все-таки приносит известную пользу. Как мы, так и Россия со своими союзниками еще двести лет назад превратили Венеру в место ссылки и поныне используем ее исключительно в этих целях. Наши планетопланы выгружают на нее осужденных и немедленно улетают, избегая какого бы то ни было соприкосновения с ссыльными.

ВУД. Стало быть, заключенным предоставлена свобода?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. В пределах Венеры – да. Для Земли же они мертвы.

ВУД. Политическая ситуация?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Неизвестна.

ВУД. Численность населения?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Неизвестна.

ВУД. Сколько человек мы туда отправляем?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Тридцать тысяч ежегодно.

ВУД. А русские?

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Неизвестно.

ВУД. Не понимаю, зачем существует департамент по венерианским делам, если мы ничего не знаем об этой планете.

СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. Ваше превосходительство, задача этого департамента – этапирование туда ссыльных. Дальнейшая их судьба не входит в компетенцию департамента. Мы удаляем осужденных с Земли – это главное. Прошу теперь военного министра осведомить нас о своих целях.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Они чрезвычайно просты. Речь идет о превращении Венеры в базу для войны против России и Азии. В стратегическом отношении эта планета обладает тем преимуществом, что облачность ее атмосферы исключает возможность наблюдения за ее поверхностью. Нападение может быть осуществлено внезапно, что немыслимо на Земле, поскольку и у нас и у русских есть искусственные спутники, с которых обе стороны могут наблюдать друг за другом. Считаю, что население Венеры составляет миллиона два человек. Для водородно-кобальтовой атаки против России и Азии мне нужно две-сти тысяч человек: этого достаточно для изготовления планетопланов и бомб, при условии, что мы оставим на Венере некоторое количество ученых.

ВУД. И вы располагаете ими?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Они на борту.

ВУД. С кем нам предстоит вести переговоры?

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. С неким Петерсеном.

ВУД. Имеются ли более подробные сведения об этом господине?

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Он убийца, по национальности немец.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Прелестная перспектива!

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Затем с неким Джоном Смитом.

ВУД. Что нам известно о нем?

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Родился на Венере, сын американского коммуниста.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Еще чище!

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. И наконец, с неким Яковом Петровым, о котором мы вообще ничего не знаем.

Военный министр. Похоже, что это русский.

ВУД. Господа! Наша миссия возложена на нас лично президентом. Возложена к всеобщему нашему удивлению и до некоторой степени опрометчиво: как выяснилось, нам известно о Венере очень мало. Руководить осуществлением этой миссии придется мне. Мы стоим перед трудной задачей. Мы не знаем, чего добиваются уполномоченные этой планеты, которые поведут с нами переговоры; не знаем мы и того, с какой формой государственного устройства столкнемся – с диктатурой или парламентарной системой. Положение весьма серьезно. Чтобы не потерять все, мы вынуждены рискнуть всем. Итак, мне остается лишь пожелать успешного завершения операции «Вега».

МАННЕРХАЙМ. *Прежде чем перейти к событиям, развернувшимся на Венере, я воспроизведу еще две беседы его превосходительства сэра Хорэса Вуда. Первую он имел со мной в тот момент, когда в пространстве перед нами угрожающе замаячила Венера, напоминая размерами Луну, но гораздо более яркая и белая.*

ВУД. Скоро на посадку, Маннерхайм?

МАННЕРХАЙМ. Через шесть часов, ваше превосходительство.

ВУД. Значит, через шесть часов вы приступите к выполнению своего задания.

МАННЕРХАЙМ. Какого задания, ваше превосходительство?

ВУД. Президент поручил вам держать меня под наблюдением. Он боится, как бы я не последовал примеру наших комиссаров и не остался на Венере.

МАННЕРХАЙМ. Не понимаю вас...

ВУД. Вы сотрудник секретной службы.

МАННЕРХАЙМ. Ваше превосходительство!

ВУД. И у вас в кармане машинка, с помощью которой можно записывать разговоры.

МАННЕРХАЙМ. Не знаю...

ВУД. Зато я знаю, Маннерхайм. Как сотрудник секретной службы, вы не имеете права признаться в своей принадлежности к ней. Поэтому не будем углубляться в этот вопрос. Нам ведь обоим известно, что поставлено на карту.

МАННЕРХАЙМ. *Вторая беседа велась с полковником Руа в наблюдательном салоне перед самой посадкой. Запись несколько раз прерывается, так как, боясь возбудить подозрения, я осуществлял ее в крайне трудных технических условиях.*

ВУД. Один вопрос, полковник Руа.

РУА. Слушаю, ваше превосходительство.

ВУД. Три года тому назад вы атаковали Варшаву с планетоплана «Денеб»?

РУА. Так точно.

ВУД. А в прошлом году Ханой с планетоплана «Альтаир»?

РУА. Совершенно верно.

ВУД. Тогда, мне кажется, я припоминаю...

Далее неразборчиво.

РУА. *(отвечает неразборчиво).*

ВУД. Оба планетоплана были замаскированы под пассажирские корабли?

РУА. Военная хитрость, ваше превосходительство.

ВУД. Наш корабль называется «Вега» я плохо ориентируюсь в небе, но, по-моему, Альтаир, Денеб и Вега – это названия звезд?

РУА. Верно.

ВУД. Не являются ли они также разными названиями одного и того же корабля?

РУА. Вы очень проницательны, ваше превосходительство.

ВУД. Это тоже профессиональная необходимость...

Далее неразборчиво.

РУА. *(отвечает неразборчиво)*.

ВУД. *(неразборчиво)*. Вы опасный человек, Руа.

РУА. Я солдат.

ВУД. Вот именно. И вы здесь, на борту...

РУА. По желанию президента.

ВУД. С несколькими... э... бомбами, как в Варшаве и Ханое?

РУА. Назначение их мне неизвестно.

ВУД. Они предназначены для того, чтобы подкрепить предложения, которые мы сделаем обитателям Венеры.

РУА. Не могу ничего сказать вам, ваше превосходительство.

ВУД. И не должны, Руа. Обитатели Венеры ждут мирный корабль. Мы дали им слово, что явимся без оружия. Поэтому я удивился, обнаружив вас на борту, полковник, но, как министр иностранных дел Свободных наций, я не вправе углубляться в этот вопрос. Нет ничего более приискорбного, нежели дипломат, правая рука которого ведает, что творит левая.

ГОЛОС. Прошу всех пройти в каюты, прошу всех пройти в каюты. Застегните ремни, застегните ремни. «Вега» входит в атмосферу Венеры, «Вега» входит в атмосферу Венеры.

ВУД. Забудьте о нашем разговоре, Руа.

РУА. Слушаюсь, ваше превосходительство.

ВУД. Будем надеяться, что вы никогда мне о нем не напомните. Я со своей стороны также.

ГОЛОС. Прошу всех пройти в каюты, прошу всех пройти в каюты. Прошу застегнуть ремни, прошу застегнуть ремни...

МАННЕРХАЙМ. К следующей записи мне хотелось бы – поскольку вы, господин президент, просили представить вам возможно более детальный отчет – прибавить только, что впечатление, произведенное на нас Венерой при посадке, трудно передать словами или воспроизвести с помощью тех снимков Венеры, которыми мы располагаем на Земле. Мы совершили посадку в заданной точке, в районе северного полюса планеты, на берегу острова Ньютона. Разумеется, мы сразу же увидели отличительные приметы Венеры, которые знаем со школьной скамьи – гигантский растительный мир и цепь вулканов на горизонте. Но самое страшное было не это, а раскаленный влажный воздух, постоянное сотрясение земли, которое непрерывно вспахивает, изменяет, уничтожает и обновляет ее поверхность, и странный неземной, с трудом поддающийся описанию свет. На Венере не бывает солнца, небо, нависающее как тяжелый свод, представляет собой сплошное месиво туч, в котором режут ураганы чудовищной силы. Кажется, что оно цвета расплавленного серебра, словно за сплошную стеной паров и дождя бушует всеуничтожающее пламя. Впечатление это еще более усугубляется постоянными электрическими разрядами в атмосфере. Уже при высадке мы могли наблюдать километровые молнии, которые с треском вонзались в гигантские первобытные леса папоротников и хвощей. Мы вышли из «Веги». Почва под ногами колебалась и дрожала. Позади расстилался фантастический первобытный лес, источавший сырость, впереди – красный раскаленный песок, а за ним, в тумане, ревущий океан. Мы думали, что нас ожидают огромная толпа и торжественная церемония. Его превосходительство сэр Вуд уже взял в руки

листок с кратким конспектом речи и вооружился массивными роговыми очками. Но увидели мы лишь трех человек в поношенной одежде, состоявшей из рубахи и штанов. Они медленно приближались к нам со стороны берега. Мы предположили, что эти люди отряжены проводить нас к месту переговоров, но, к нашему изумлению, они и оказались полномочными представите шин венериан.

ДЖОН СМИТ. *(тихо)*. Я Джон Смит.

ВУД. Сэр Хорэс Вуд.

ДЖОН СМИТ. Господин Петерсен, господин Петров.

ВУД. Их превосходительства господа военный министр и министр внеземных территорий, мои главные сотрудники.

ДЖОН СМИТ. Очень рад.

ВУД. Господин Смит, господа! Минута, когда мы ступили на почву Венеры, не лишена для нас известного величия. Мы взволнованы тем, что стоим на столь непривычной для нас земле другой планеты. *(Гром.)* Свободные Соединенные Нации, которые мы здесь представляем, знают, что идеалы *(оглушительный гром)*... что идеалы, которым мы служим и которые пытаемся претворить в жизнь *(долгий раскат грома)*... идеалы *(гром)*... гуманности *(гром)*... и свободы *(оглушительный гром)*... существуют и на Венере, хотя, быть может, в иных формах. *(Бешеные удары грома)*. Поэтому мы явились к вам, движимые не эгоистическим расчетом *(нарастающий свист ветра)*... а искренним порывом, как выражалась еще Элиот... *(оглушительный гром, неистовый вой ветра, шум дождя.)*

МАННЕРХАЙМ. К сожалению, его превосходительству не удалось закончить свою речь. Разразилась ужасная буря, которая принудила нас поспешить на судно венерианских представителей, представлявшее собой нечто вроде примитивной подводной лодки, причем мы промокли до нитки, прежде чем добрались до него.

Мы были совершенно растеряны: мы ведь ожидали, что переговоры состоятся в каком-нибудь городе или загородной резиденции. Сейчас я воспроизведу часть выступлений на первом совещании с венерианскими представителями, которое протекало в ужасных условиях. Делегации Свободных Соединенных Государств, состоявшей из двенадцати человек, пришлось втиснуться в крошечный, плохо освещенный трюм суденышка которое волны чужого океана по своей прихоти бросали то туда, то сюда.

ДЖОН СМИТ. Приветствую на борту нашего корабля представителей Свободных Соединенных Наций Земли, Прошу извинить господина Петрова: он вынужден отсутствовать – кому-то нужно управлять судном.

ВУД. Мы имеем сделать вам весьма важные предложения. Нельзя ли возложить управление судном на другое лицо?

ДЖОН СМИТ. Нас здесь всего трое.

Молчание.

ВУД. Господа! Я предлагаю избрать местом переговоров столицу Венеры.

ДЖОН СМИТ. У нас нет столицы.

ВУД. Тогда какой-нибудь крупный населенный пункт.

ДЖОН СМИТ. У нас нет населенных пунктов.

ВУД. Наконец какое-нибудь помещение на суше.

ДЖОН СМИТ. У нас нет другого помещения. Суша здесь слишком ненадежна – на ней нельзя строить здания. Мы все живем на судах.

ВУД. Тогда я прошу переждать непогоду.

ДЖОН СМИТ. На Венере не бывает хорошей погоды. Здесь всегда непогода и обычно пострашнее, чем сегодня.

ВУД. Но ведь должна же кончиться буря!

ДЖОН СМИТ. На Венере постоянные бури. Эта еще пустяки.

Молчание.

ВУД. Нам нужна атмосфера абсолютной ясности, а мы пока что очень плохо представляем себе политическую обстановку на Венере. Разрешено ли мне в этой связи осведомиться, какое отношение присутствующие здесь венерианские представители имеют к своему правительству и насколько велики их полномочия?

ДЖОН СМИТ. У нас нет правительства.

ВУД. *(удивленно)*. Как это понимать?

ДЖОН СМИТ. Так, как я сказал.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Господин Петерсен!

ВУД. Слово имеет его превосходительство господин министр внеземных территорий.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Господин Петерсен, если мы правильно поняли господина Смита, население Венеры управляется не постоянным правительством, а чем-то вроде совета или собрания народных представителей, которые на основе подлинной демократии выражают волю народа.

ПЕТЕРСЕН. Ничего этого у нас нет.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Но на Венере должна же быть какая-то власть!

ПЕТЕРСЕН. Венера огромна, а мы малы. Это страшная планета. Мы должны бороться, если хотим жить. Нам некогда заниматься политикой.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Господин Смит!

ВУД. Слово имеет его превосходительство господин военный министр.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вы именуете себя полномочным представителем населения Венеры?

ДЖОН СМИТ. Правильно.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Следовательно, вас кто-нибудь уполномочил?

ДЖОН СМИТ. Я сам.

Пауза.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. *(с изумлением)*. Значит, в тот момент, когда мы наладили с вами радиосвязь, вы говорили с нами от собственного имени?

ДЖОН СМИТ. Вы связались с нами по радио. То, что вы услышали наш передатчик, — чистая случайность. Мы пытались вызвать соседей, а поймали Землю.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. И вы, поддавшись соблазну, выдали себя за представителей Венеры.

ДЖОН СМИТ. Мы действительно ее представители. И, вступив с вами в переговоры после того, как вы поймали нашу передачу, мы лишь выполняли свой долг. Никто из нас не вправе увиливать от дела, даже если оно его совсем не касается.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Это какой-то бред!

Пауза.

ВУД. Значит, в переговоры с нами могло вступить любое другое лицо, стоило нам только поймать его передачу?

ДЖОН СМИТ. Конечно.

ВУД. И оно также было бы уполномочено их вести?

ДЖОН СМИТ. Да.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. С ума сойти!

ВУД. Господин Петерсен, информировано ли население Венеры о нашем прибытии?

ПЕТЕРСЕН. Мы сообщили об этом на ближайшее судно.

ВУД. А дальше?

ПЕТЕРСЕН. А дальше мы сообщим туда, о чем велись переговоры.

ВУД. А если мы заключим какой-нибудь договор?

ПЕТЕРСЕН. Мы сообщим туда и об этом.

ВУД. И население Венеры будет соблюдать этот договор?

ПЕТЕРСЕН. Я уже сказал: у нас есть полномочия.

ВУД. Можно ли собрать в одно место все суда с населением планеты?

ПЕТЕРСЕН. При необходимости можно, но такой необходимости нет.

ВУД. Господа! Как глава делегации Свободных Соединенных Наций Земли, я стою перед лицом несколько неожиданной для меня ситуации. Я предлагаю собравшимся здесь членам нашей делегации возвратиться прежде всего на планетоплан и обсудить положение. Нам необходимо принять решение, допустимо ли с точки зрения правовой вести переговоры с господами Смитом и Петер-

сеном, поскольку мы не обнаружили на Венере никакого государственного института, который мог бы рассматриваться как юридическое лицо и с которым мы могли бы вступить в договорные отношения, если только я правильно сформулировал свою мысль – я ведь не юрист. Поэтому я полагаю...

МАННЕРХАЙМ. *Воспроизвожу шестую запись: дебаты на борту «Веги». Планетоплан опять вышел из атмосферного пояса Венеры и находится на высоте в тысячу километров.*

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Пробудь мы еще хоть минуту в этом климате, и готово, я бы взбесился. Вы бы послать сюда русских! В жизни не видел более нелепой планеты.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Здесь невыносимо!

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. При взлете я видел какое-то животное. Нечто вроде хамелеона в полсотни метров длиной.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Какое неприличие!

ВУД. А мне Венера показалась разумной. Всякий раз, когда я упоминал в своей речи об идеалах, грохотал гром.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. И перед кем вы держали речь, Вуд? Перед тремя мерзавцами – жалкими рыбаками или чем-то вроде этого, которые на досуге перехватили нашу передачу и заманили на свою паршивую лодку дипломатическую миссию в составе трех министров и шести статс-секретарей с Земли.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Наши ученые убили целые годы, чтобы втайне от русских сконструировать аппарат для радиосвязи с Венерой.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Смехотворная история!

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Как министр внеземных территорий, я постоянно предостерегал против этой авантюры.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Прискорбная история! Пролететь сорок пять миллионов километров – и все впустую! Надо возвращаться на Землю.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Не следует продолжать проигрышную игру.

ВУД. Венера произвела на меня сильное впечатление. Люди на ней свободны.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Я вынужден вновь выступить с предостережением.

ВУД. Никакого правительства. Каждый волен быть полномочным представителем. Да, каждый.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Очень печально.

ВУД. Видеть, как идеал воплощается в действительность, всегда печально.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Я не усмотрел здесь ничего похожего на какие-либо идеалы.

ВУД. Да разве есть политика идеальнее, чем отсутствие всякой политики?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Уж не собираетесь ли вы завязать переговоры с этими голодранцами?

ВУД. Это наш единственный шанс, господин военный министр.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Не понимаю вас, Вуд.

ВУД. Мы должны найти себе союзников.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Но не на Венере же!

ВУД. Именно на Венере. Это еще на первом нашем совещании убедительно доказал нам министр внеземных территорий.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Протестую! Напротив, я постоянно предостерегал...

ВУД. Господа, мы не имеем права терять голову, иначе мы вообще лишимся ее. Мы представляли себе положение на Венере в ложном свете. Мы, конечно, не знали, что нас ожидает, но полагали, что найдем здесь нечто подобное тому, к чему привыкли на земле. А тут все по-другому. Обитатели этой планеты ведут отчаянную борьбу с природой. У них только одна мысль – выстоять в этой борьбе, любой ценой сохранить свою жизнь, как бы безрадостна она ни была. Сейчас мы не представляем для них интереса, но они заинтересуются нами, если мы сумеем пробудить в них надежду на какое-то изменение в их судьбе. А мы сумеем.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Вы, однако, оптимист.

ВУД. Мы имеем дело с людьми. Они такие же, как мы: соблазнить их не труднее, чем нас.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вы собираетесь предложить им деньги?

ВУД. Кое-что получше – власть.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Что вы имеете в виду?

ВУД. Мы признаем Смита и Петерсена полномочными

представителями Венеры и тем самым правительством этой планеты, поскольку на ней пока что нет никакого правительства.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Мы не можем создать правительство из ничего.

ВУД. Нет, военный министр, можем, ибо у нас кое-что есть. Мы гарантируем этому правительству, что оно будет поддержано всей мощью Соединенных Государств свободной части Земли.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Считаю своим долгом предостеречь вас. Петерсен – преступник.

ВУД. Ну и что? Многие правительства, с которыми мы связаны на Земле союзными отношениями, тоже состоят из преступников... Далее, мы обещаем всем жителям планеты возвращение на Землю после нашей совместной победы над русскими.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Не слишком ли далеко вы заходите?

ВУД. Преследуя дальнюю цель, поневоле заходишь далеко.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Но скажите ради всего святого, где мы их расселим? Я вынужден предостеречь от...

ВУД. На Земле любой климат покажется им райским.

Пауза.

МАННЕРХАЙМ. Ваше превосходительство.....

ВУД. Что вам, Маннерхайм?

МАННЕРХАЙМ. А вдруг обитатели Венеры не захотят?

ВУД. Чего не захотят?

МАННЕРХАЙМ. Вернуться, ваше превосходительство.

ВУД. *(раздраженно)*. Вздор, Маннерхайм! Кто же откажется вырваться из ада?

МАННЕРХАЙМ. Вспомните Бонштеттена. Он остался. И другие комиссары тоже.

ВУД. Не беспокойтесь, молодой человек. Я знаю Бонштеттена – мы вместе учились в Оксфорде и Гейдельберге. Он всегда был человек сумбурный и не от мира сего. Не сомневайтесь – Венера основательно вылечила его. Вот увидите, он обрадуется возможности улететь с нами на землю.

МАННЕРХАЙМ. *И тогда мы вернулись на Венеру.*

Запись второй посадки. Гром, шум ливня.

Их превосходительства направляются на берег, надев военные плащи для защиты от дождя и песка. Дождь горячий, песок раскаленный. Температура достигает пятидесяти градусов. Навстречу нам выходит женщина. На мой взгляд, ей лет тридцать. Одета она так же, как мужчины, и ничем не защищена от потоков дождя.

Гром то вблизи, то в отдалении.

ИРЕНА. Вы господин Вуд?

ВУД. Да, я.

ИРЕНА. Я Ирена.

ВУД. Вы намерены проводить нас к господам Смиту и Петерсену?

ИРЕНА. Смит и Петерсен не смогли прийти.
ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Но мы же условились...

ИРЕНА. Они заметили кита — так мы называем этих животных. Правда, они совсем не такие, как киты на Земле, но есть их можно. А здесь мало животных, которых можно есть. Охота на китов у нас — важное дело.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. *(в полном отчаянии)*. Со всем уважением к этим съедобным китам, которые отчасти относятся и к моей компетенции — я ведь министр внеземных территорий, позволю себе спросить: с кем же нам теперь вести переговоры?

ИРЕНА. Со мной.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. *(изумленно)*. С вами?

ИРЕНА. Я новая уполномоченная. Петерсен мне все рассказал. Поговорим в столовой плавучей больницы: я там служу сестрой. Врач разрешил. Но предупредил, чтобы не долго.

Гром.

МАННЕРХАЙМ. *Восьмая запись. Столовая плавучей больницы. Обстановка самая примитивная. Сплошная сырость. Переговорам с медсестрой предшествует обмен мнениями между министрами.*

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вернемся-ка лучше обратно.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Я всегда предостерегал от...

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Ваш план провалился, Вуд.

ВУД. Это еще почему?

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вы хотели признать Смита и Петерсена правительством, а они взяли и отправились на ловлю китов!

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Никогда еще ни одна дипломатическая миссия не подвергалась таким оскорблениям. Нас, как дураков, держат в какой-то вонючей столовой.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Не виси у нас на шее русские, наш долг был бы объявить этим парням войну. У нас в конце концов есть наша земная гордость!

ВУД. Ну и что?

Пауза.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Сэр Хорэс Вуд! Не означает ли ваш возглас, что вы намерены объявить правительством Венеры эту медсестру?

ВУД. Разумеется, намерен.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Это немыслимо!

ВУД. Пока игроки делают ставки, игра еще не проиграна.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Это слишком выпренно для меня, Вуд. Я больше ничего не понимаю в политике.

ВУД. Если политику можно понять, значит, это политика ослов, милейший господин военный министр.

Стоны и крики откуда-то со стороны.

Что там за стоны, Маннерхайм?

МАННЕРХАЙМ. По-моему, это роды, ваше превосходительство.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Поэтому и исчезла Ирена.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Нам придется вести переговоры под вопли рожениц!

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Какая жара!

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А вот и наша медсестра. Наконец-то!

ИРЕНА. Господа, я захватила с собой своего мужа. Он глухонемой: здесь это распространенное явление. Он только поест – у нас нет другого помещения.

Пауза.

ВУД. Конечно, конечно.

ИРЕНА. Что вы хотите нам сказать?

ВУД. Как руководитель нашей миссии, считаю своим долгом заявить, что Свободные Соединенные Государства Земли официально признают вас полномочной представительницей и, следовательно, главой государства.

ИРЕНА. Не понимаю.

ВУД. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что вследствие изолированности Венеры от остальной солнечной системы население этой планеты не нуждается в правительстве. Но коль скоро Свободные Соединенные Государства Земли готовы политически признать Венеру, возникает формальная необходимость в создании правительства на Венере. Отсюда следует, что полномочный представитель Венеры автоматически отождествляется с правительством этой планеты.

ИРЕНА. Я всего лишь медсестра и не понимаю ни слова из того, что вы сказали.

ВУД. И не нужно. Это чисто технический прием ди-

пломатии, позволяющий нам вступить в договорные отношения с обитателями Венеры.

ИРЕНА. *(несколько нетерпеливо)*. Хорошо. Раз уж вам так хочется, я глава государства.

ВУД. *(радостно)*. Я уже представляю себе торжественный государственный акт. Мы созовем на него возможно большее количество жителей Венеры.

ИРЕНА. Это зачем?

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Чтобы они назначили вас главой государства.

ИРЕНА. Вы это уже сделали.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Это должно быть сделано публично.

ВУД. Обитатели Венеры имеют право узнать, что у них, наконец, есть правительство, получившее международное признание. Я убежден, что Марс также признает Венеру.

ИРЕНА. Это никого не интересует.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. *(вспыхивая)*. Сударыня!

ИРЕНА. Я правительство Венеры только с точки зрения Земли. Вы объявили нашего представителя главой государства. Дело ваше. Этим представителем случайно оказалась я — у меня сегодня свободный вечер. Завтра им окажется другой, если только кто-нибудь освободится. Я уже сказала: началась охота на китов.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Но нельзя же каждый день менять правительство!

ИРЕНА. Не нам, а вам хочется, чтобы у нас было правительство.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Мы топчемся на одном месте.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. А тут еще эта жара, удушливая, зловещая жара!

ИРЕНА. Что же вам все-таки от нас нужно?

ВУД. Сударыня...

ИРЕНА. Да перестаньте вы называть меня сударыней! Мое имя Ирена.

ВУД. Речь идет о том, чтобы отстоять свободу.

ИРЕНА. Как?

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. (*со стоном*). Сударыня!

Вопль за стеной: «Нет! Нет!»

ИРЕНА. Извините. Рядом происходит ампутация, а средств для наркоза у нас нет.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Пожалуйста, пожалуйста.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. О, эта жара! Я просто изнемогаю.

ВУД. Конечно, Ирена, вопрос о том, как защищать свободу, еще не стоит на вашей счастливой планете – счастливой в смысле ее политического положения. Но он стоит на Земле. Свободным Соединенным Государствам угрожают Россия и ее сателлиты.

МАННЕРХАЙМ. *Так как речь его превосходительства в той ее части, где он излагает медсестре нашу точку зрения, сильно искажена отчасти неудачной записью, отчасти шумом, которым сопровождалась ампутация, перехожу непосредственно к записям дальнейших переговоров.*

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Ах, эта жара...

Стонь.

ВУД. Таким образом, правительству Венеры ясны теперь наша точка зрения, наши пожелания и предложения.

ИРЕНА. Значит, вы хотите, чтобы мы участвовали в войне против русских?

ВУД. Разумеется.

ИРЕНА. Но Россия не угрожает нам.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Хочу задать вам один вопрос, Ирена.

ИРЕНА. Задайте.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Вы русская?

ИРЕНА. Я полька и выслана сюда шесть лет тому назад.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. (*слабым голосом*). И высланы, несомненно, за то, что исповедовали высокие идеалы свободы, гуманности и частной инициативы?

ИРЕНА. Нет, за проституцию.

Пауза.

ВУД. Дитя мое...

ИРЕНА. Вы забываете, что говорите с главой государства.

ВУД. Сударыня, я еще раз торжественно заверяю вас, что все обитатели Венеры получают разрешение возвратиться на Землю при условии, что они будут нашими союзниками в войне.

ИРЕНА. Мы не хотим возвращаться.

Пауза.

ВУД. Сударыня, не забывайте, что теперь вы говорите от имени всех. Я понимаю, что для вас по личным мотивам возвращение может быть нежелательным, но здесь есть люди, изгнанные на Венеру за то, что на Земле они боролись за свободу и жизнь, достойную человека. Они-то уж наверняка хотят вернуться.

ИРЕНА. Я не знаю никого, кто хотел бы этого.

МИНИСТР ВНЕЗЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. Ах, эта жара, эта жара...

МАННЕРХАЙМ. Ваше превосходительство, министр внеземных территорий потерял сознание.

ВУД. Осмотрите его, Маннерхайм.

МАННЕРХАЙМ. Нам следует вернуться на планетоплан, ваше превосходительство. Жизнь господина министра в опасности.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Я тоже больше не выдержу, Вуд. Я весь в поту, да и вы сами бледны, как смерть.

ВУД. *(устало)*. Хорошо, Костелло. Мы прерываем переговоры. Будет ли передано мое предложение обитателям Венеры, сестра Ирена?

ИРЕНА. Если хотите.

ВУД. *(горячо)*. Да, хочу. Мне кажется, вы не до конца уяснили себе значение нашей миссии. Сейчас мы возвращаемся на планетоплан, а утром придем снова. Мы не знаем, с кем нам придется вести переговоры. Но мы должны иметь уверенность, что население Венеры будет ознакомлено с нашим предложением.

ИРЕНА. Будет, раз вы на этом настаиваете.

МАННЕРХАЙМ. *Девятая запись. Каюта его превос-*

ходительства на «Вега». Высота – полторы тысячи километров над поверхностью Венеры.

Тяжелое дыхание.

Сейчас я впрысну вам кальций...

ВУД. Как вам будет угодно.

МАННЕРХАЙМ. И подам кислород в каюту.

Тихое шипение.

ВУД. Как чувствует себя министр внеземных территорий?

МАННЕРХАЙМ. Плохо.

ВУД. Военный министр?

МАННЕРХАЙМ. Немногим лучше. А со статс-секретарем по венерианским делам во время взлета случился удар.

ВУД. Весьма огорчен. В каком он состоянии?

МАННЕРХАЙМ. Беснадежен.

ВУД. А я сам?

МАННЕРХАЙМ. Непорядок с белками.

ВУД. Это у меня бывает.

МАННЕРХАЙМ. Пониженное давление.

ВУД. Пустяки.

МАННЕРХАЙМ. Повышенная температура.

ВУД. Следствие раздражения, Маннерхайм.

МАННЕРХАЙМ. Военный министр, ваше превосходительство.

ВУД. Садитесь на мою койку, военный министр.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Благодарю. Я еле держусь на ногах. Сначала мы завязали переговоры с одним убийцей и одним коммунистом, потом с уличной девкою, которую

объявили главой государства. Интересно, с кем нам придется иметь дело в следующий раз. Вероятно, с мусорщиком или убийцей-садистом. Нам следовало выбрать себе партнеров получше.

ВУД. На Венере есть только разрозненные суда, которые носят по океану. Нам их не разыскать.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. А по радио?

ВУД. Никто не отвечает.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Я оттого и бешусь, что вами никто не интересуется. Этим типам следовало па крайней мере проявить хоть чуточку любопытства.

МАННЕРХАЙМ. С вашим превосходительством хочет говорить полковник Руа.

Пауза.

ВУД. Прошу.

Пауза.

РУА. Ваше превосходительство!

ВУД. *(медленно)*. Что вам угодно, полковник Руа?

РУА. Сами знаете, ваше превосходительство.

ВУД. *(поколебавшись)*. Вы пришли напомнить мне о нашем разговоре?

РУА. Так точно, ваше превосходительство.

ВУД. Сколько... э... зарядов у нас на борту?

РУА. Десять.

Пауза.

ВУД. По приказу президента Свободных Соединенных Государств?

РУА. По приказу президента.

Пауза.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР. Я понимаю, это неприятно.

Особенно после того, как вы столько раз воззвали к идеалам, Вуд. Поступите просто – пошлите к этим людям кого-нибудь из статс-секретарей с ультиматумом.

Пауза.

ВУД. С ним отправлюсь я сам. Сопровождать меня будет Маннерхайм.

МАННЕРХАЙМ. *Десятая запись. Глухонемой... э... супруг проститутки, провел нас с его превосходительством в полутемную сырую столовую плавучей больницы, где нас ожидал худощавый мужчина лет шестидесяти.*

БОНШТЕТТЕН. Не могу считать тебя желанным гостем, Вуд: ты прибыл сюда с прискорбной миссией.

ВУД. Ты...

БОНШТЕТТЕН. Я Бонштеттен. Мы учились с тобой в Оксфорде и Гейдельберге.

ВУД. Ты изменился.

БОНШТЕТТЕН. Изрядно.

ВУД. Мы вместе читали Платона и Канта.

БОНШТЕТТЕН. Верно.

ВУД. Как я не сообразил, что за всем этим стоишь ты!

БОНШТЕТТЕН. Я ни за чем, не стою.

ВУД. Ты наш бывший комиссар и ты хозяин Венеры.

БОНШТЕТТЕН. Чепуха! Я теперь врач, и у меня просто выдался свободный часок. Поэтому уполномоченным сегодня буду я и говорить тебе придется со мной.

ВУД. А русский комиссар?

БОНШТЕТТЕН. Охотится на китов. У тебя найдется сигарета?

ВУД. Маннерхайм, угостите его.

БОНШТЕТТЕН. Вот уже десять лет не курил. Любопытно, какой вкус у табака?

МАННЕРХАЙМ. Огня?

БОНШТЕТТЕН. Благодарю.

ВУД. Значит, ты в курсе дела?

БОНШТЕТТЕН. Разумеется. Ирена мне обо всем рассказала. И о том, как вы объявили ее главой правительства. Мы теперь зовем ее «ваше превосходительство».

ВУД. Остальные ваши тоже извещены?

БОНШТЕТТЕН. Мы запросили по радио все суда, не хочет ли кто-нибудь вернуться.

ВУД. Каков ответ?

БОНШТЕТТЕН. Никто.

Пауза.

ВУД. Я устал, Бонштеттен. Мне надо сесть.

БОНШТЕТТЕН. У тебя неполадки с белками и повышенная температура. Так здесь в первое время бывает со всеми.

Пауза.

ВУД. Никто из вас не хочет вернуться?

БОНШТЕТТЕН. Выходит, нет.

ВУД. Не могу этого понять.

БОНШТЕТТЕН. Ты прилетел с Земли, поэтому и не понимаешь.

ВУД. Но все вы ведь тоже с Земли.

БОНШТЕТТЕН. Мы об этом забыли.

ВУД. Но здесь невозможно жить!

БОНШТЕТТЕН. Мы живем.

ВУД. У вас, наверно, страшная жизнь.

БОНШТЕТТЕН. Настоящая жизнь.

ВУД. Что ты имеешь в виду?

БОНШТЕТТЕН. Чем был бы я на Земле, Вуд? Дипломатом. Чем была бы Ирена? Уличной девкой. Остальные – преступниками, которых преследовала бы государственная машина.

Пауза.

ВУД. А теперь?

БОНШТЕТТЕН. Как видишь, я врач.

ВУД. И оперируешь без наркоза.

БОНШТЕТТЕН. Сигарета теряет всякий вкус в нашем влажном климате: она отсырела и только тлеет.

Пауза.

ВУД. Пить хочется.

БОНШТЕТТЕН. Вот кипяченая вода.

ВУД. Проклятый лимонно-желтый свет в иллюминаторах! У меня кружится голова от здешнего воздуха, пропитанного миазмами.

БОНШТЕТТЕН. Воздух здесь всегда такой, а свет меняется: он то лимонно-желтый, то цвета расплавленного серебра, то песчано-красный.

ВУД. Знаю.

БОНШТЕТТЕН. Мы все делаем своими руками: инструменты, одежду, суда, передатчики, оружие для борьбы с гигантскими животными. Нам не хватает всего: опыта, знаний, привычной обстановки, почвы под ногами – облик поверхности здесь постоянно меняется. У нас нет медикаментов. Мы не знаем здешних растений и плодов – они по большей части ядовиты. Даже к воде приходится долго привыкать.

ВУД. На вкус она отвратительна.

БОНШТЕТТЕН. Ее можно пить.

Пауза.

ВУД. Что вы получили взамен кроткой Земли? Туманные океаны, пылающие континенты, докрасна раскаленные пустыни, грозное небо. Что же искупает все это?

БОНШТЕТТЕН. Сознание того, что человек есть ценность, а жизнь его – дар.

ВУД. Смешно! Мы на Земле давным-давно пришли к этому убеждению.

БОНШТЕТТЕН. И живете в соответствии с ним?

Пауза.

ВУД. А вы?

БОНШТЕТТЕН. Венера принуждает нас жить согласно нашим убеждениям. В этом разница. Перестань мы здесь помогать друг другу, нам всем конец.

ВУД. И ты не вернулся именно поэтому?

БОНШТЕТТЕН. Да, поэтому.

ВУД. И изменил Земле?

БОНШТЕТТЕН. Я дезертировал.

ВУД. В ад, который на самом деле рай.

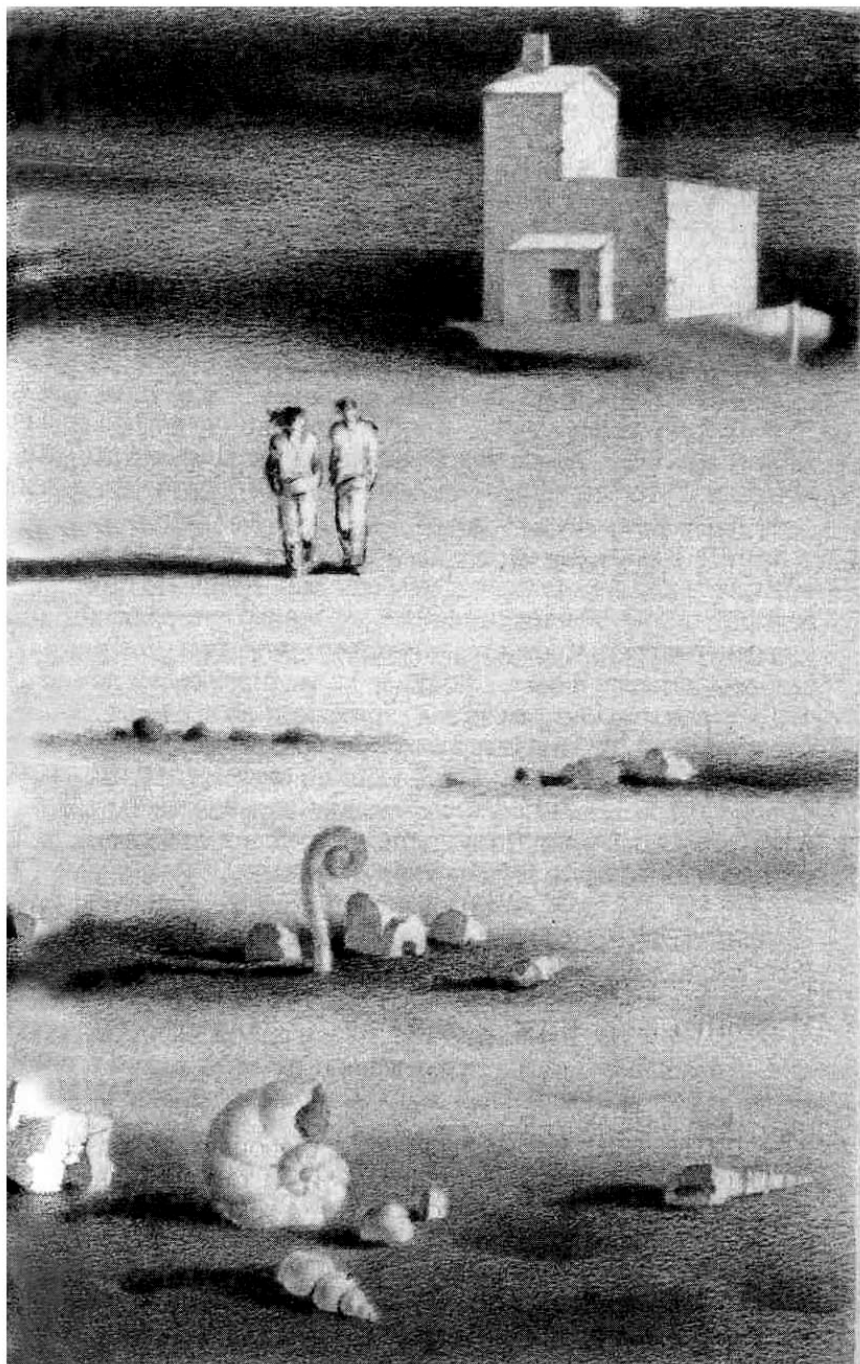
БОНШТЕТТЕН. Вернись мы на Землю, нам пришлось бы убивать: помогать друг другу у вас и означает убивать. А убивать мы уже не смогли бы.

Пауза.

ВУД. Будем все-таки благоразумны. Вам тоже угрожает опасность: если русские победят, они явятся сюда.

БОНШТЕТТЕН. Мы их не боимся.

ВУД. У вас ложное представление о политической ситуации.

БОНШТЕТТЕН. Ты забываешь, что мы – исправительная колония для всей Земли. Человечество собирается воевать за обладание красивым жильем и тучными полями, а не за всеобщую помойку. Мы никого не интересуем. Если мы вам теперь и понадобились, то лишь как собаки, которых можно запрячь в сани войны. С окончанием ее отпадает и эта необходимость. К счастью, вы можете отправить нас сюда, но не в силах принудить нас вернуться. Вы не властны над нами. Вы вычеркнули нас из числа людей. Венера страшнее, чем вы. Каждый вступающий на ее почву независимо от того, кто он, подпадает под действие ее законов и приобретает лишь ту свободу, которую дает она.

ВУД. Свободу околевать?

БОНШТЕТТЕН. Свободу поступать правильно и делать то, что нужно. На Земле у нас ее не было. У меня тоже. Земля слишком прекрасна. Слишком богата. На ней чересчур большие возможности. Это ведет к неравенству. Бедность считается у вас позором. Здесь бедность естественна. На нашей пище, на наших орудиях только одни пятна – пятна нашего пота. На них нет клейма несправедливости, как на Земле. Поэтому мы боимся вас. Боимся вашего изобилия, вашей лживой жизни, боимся рая, который на самом деле ад.

Пауза.

ВУД. Я обязан сказать тебе правду, Бонштеттен. У нас с собой бомбы.

БОНШТЕТТЕН. Атомные?

ВУД. Водородные.

БОНШТЕТТЕН. С кобальтовой оболочкой?

ВУД. Да, с кобальтовой.

БОНШТЕТТЕН. Я так и думал.

ВУД. А я ничего не подозревал. Это сделано по приказу президента. Я был потрясен, когда вчера узнал об этом, Бонштеттен.

БОНШТЕТТЕН. Верю.

ВУД. Мне, естественно, очень тяжело. Но мы в отчаянном положении. Не надо сомневаться в нашей доброй воле, но свобода и гуманность должны, наконец, восторжествовать.

БОНШТЕТТЕН. Естественно.

ВУД. Мы просто вынуждены сейчас принять решительные меры.

БОНШТЕТТЕН. Само собой разумеется.

ВУД. Я действительно огорчен всем этим, Бонштеттен.

Пауза.

БОНШТЕТТЕН. Если мы откажемся вам помогать, вы пустите в ход бомбы?

ВУД. Вынуждены пустить.

БОНШТЕТТЕН. Мы не в силах вам помешать.

Пауза.

ВУД. Вы погибнете.

БОНШТЕТТЕН. Не все, но многие. Кое-кто уцелеет. Когда вы прибыли, все суда были предупреждены. Обычно мы держимся поближе друг к другу, но сейчас рассеялись по всей планете.

ВУД. Вы все предвидели.

БОНШТЕТТЕН. Мы ведь тоже когда-то жили на Земле.

Пауза.

ВУД. Мне пора.

БОНШТЕТТЕН. Когда вернешься, хорошенько отдохни. Съезди в Швейцарию. В Энгадин. Я провел там последнее лето, когда был пятнадцатью годами моложе. Никогда не забуду, какое голубое там небо!

ВУД. Боюсь, что... политическое положение...

БОНШТЕТТЕН. Конечно, конечно. Ваше политическое положение. Я не подумал о нем.

ВУД. У тебя на Земле семья: жена, двое детей. Хочешь им что-нибудь передать?

БОНШТЕТТЕН. Нет.

ВУД. Будь здоров.

БОНШТЕТТЕН. Ты хотел сказать – будь мертв. Моей плавучей больнице не уйти от твоих бомб.

ВУД. Бонштеттен!

БОНШТЕТТЕН. Муж Ирены доставит тебя на сушу.

ВУД. Мы, безусловно, не прибегнем к бомбам, Бонштеттен! Я только пригрозил. Это было бы бессмысленной жестокостью, раз мы все равно не в силах принудить вас. Даю тебе слово.

БОНШТЕТТЕН. Я у тебя его не прошу.

ВУД. Я не палач.

БОНШТЕТТЕН. Но ты человек с Земли. Ты не можешь остановить то, что задумал.

ВУД. Обещаю тебе...

БОНШТЕТТЕН. Ты нарушишь свое обещание. Твоя миссия потерпела неудачу. Пока что тебе еще жаль меня. Но стоит тебе вернуться на свой планетоплан, как жалость твоя ослабеет, а недоверчивость проснется. «Русские могут прилететь сюда и договориться с ними», – подумаешь

ты. Правда, ты знаешь, что это невозможно: мы ведь и с русскими обойдемся так же, как с вами. Но к этой мысли примешается капелька страха, как бы мы не вступили в союз с вашими врагами, и из-за этой капельки страха, из-за этой смутной неуверенности ты позволишь сбросить бомбы. Позволишь, даже если это бессмысленно, даже если из-за тебя погибнут невинные. И мы умрем.

ВУД. Ты мой друг, Бонштеттен! Не могу же я убить друга.

БОНШТЕТТЕН. Когда не видишь жертву, убивать легко, а ты не увидишь, как я буду умирать.

ВУД. Ты говоришь так, словно умереть легко!

БОНШТЕТТЕН. Легко все, что необходимо. А смерть – самое необходимое, самое естественное на этой планете. Она всюду и всегда. Чрезмерная жара. Слишком сильное излучение. Радиоактивно даже море. Повсюду черви, которые проникают под нашу кожу, в наши внутренности; бактерии, которые отравляют нашу кровь; вирусы, которые разрушают наши клетки. Континенты полны непроходимых болот, повсюду озера кипящей нефти, вулканы, гигантские вонючие звери. Нам не страшны ваши бомбы, потому что мы окружены смертью и поневоле научились не бояться ее.

Пауза.

ВУД. Близость смерти и нищета делают вас неуязвимыми.

БОНШТЕТТЕН. А теперь уходи.

ВУД. Бонштеттен, ты изумляешь меня. Ты прав, а я не прав. Сознаюсь в этом.

БОНШТЕТТЕН. Очень любезно с твоей стороны.

ВУД. Я глубоко взволнован тем, что ты рассказал о вашей бедности, о вашей полной опасностях жизни.

БОНШТЕТТЕН. Очень мило с твоей стороны.

ВУД. Не будь я министром иностранных дел Свободных Соединенных Государств, я остался бы о тобой.

БОНШТЕТТЕН. Очень благородно с твоей стороны.

ВУД. Но, конечно, я просто не могу покинуть Землю в опасную минуту.

БОНШТЕТТЕН. Ясно.

ВУД. Как трагично, что я в этом смысле не свободен!

БОНШТЕТТЕН. Не огорчайся.

ВУД. Бомбы не будут сброшены.

БОНШТЕТТЕН. Не надо больше об этом.

ВУД. Даю слово.

БОНШТЕТТЕН. Прощай!

МАННЕРХАЙМ. *Одиннадцатая запись. Планетоплан «Вега» возвращается на Землю.*

РУА. Звали, ваше превосходительство?

ВУД. Переговоры оказались безуспешными, полковник Руа.

РУА. Значит, я должен сбросить бомбы, ваше превосходительство?

Пауза.

Решайтесь, ваше превосходительство.

Пауза.

Президент приказал.

Пауза.

ВУД. Раз приказал президент, сбрасывайте бомбы,

полковник Руа. Постарайтесь только как можно равномернее распределить их по поверхности Венеры.

РУА. Приготовиться к старту.

ГОЛОС. Есть приготовиться к старту.

ВУД. Проводите меня в каюту, Маннерхайм.

Шаги.

МАННЕРХАЙМ. Разрешите застегнуть на вас ремни, ваше превосходительство?

ВУД. Пожалуйста.

МАННЕРХАЙМ. Так будет надежно?

ВУД. Вполне.

МАННЕРХАЙМ. Красный свет, ваше превосходительство. Через двадцать секунд старт.

Пауза.

Осталось десять секунд.

ВУД. Полный провал.

МАННЕРХАЙМ. Стартуем.

Негромкое гудение.

ВУД. Маннерхайм.

МАННЕРХАЙМ. Ваше превосходительство?

ВУД. Русские могут прилететь сюда и заключить с ними соглашение.

МАННЕРХАЙМ. Совершенно верно.

ВУД. Это почти невероятно, но все-таки возможно.

МАННЕРХАЙМ. К сожалению.

РУА. Бомбы готовы?

ГОЛОС. Готовы.

ВУД. Такая возможность, как ни мало она вероятна, вынуждает нас сбросить бомбы.

РУА. Открыть люки!

ГОЛОС. Есть открыть люки!

ВУД. Нам нужна уверенность.

МАННЕРХАЙМ. Совершенно верно, ваше превосходительство.

РУА. Бомбы вниз!

ГОЛОС. Есть бомбы вниз!

ВУД. На какой мы высоте?

МАННЕРХАЙМ. Сто километров.

РУА. Полный вперед!

ГОЛОС. Есть полный вперед!

ВУД. Как чувствует себя министр внеземных территорий?

МАННЕРХАЙМ. Оживает.

ВУД. Военный министр?

МАННЕРХАЙМ. Опять стал прежним.

ВУД. Мне тоже лучше.

МАННЕРХАЙМ. Завтра заседание кабинета министров.

ВУД. Политика продолжается.

РУА. Бомбы накрыли цель?

ГОЛОС. Накрыли.

Пауза.

ВУД. Препротивная история. Но эта Венера ужасна, а люди на ней в конце концов всего лишь преступники. Уверен, что Бонштеттен хотел союза с русскими. Они ломали перед нами грязную комедию.

МАННЕРХАЙМ. Я того же мнения, ваше превосходительство.

ВУД. Но теперь бомбы сброшены. Вскоре они посыплются и на Землю. Очень рад, что у меня под рукой оказа-

лась такая коллекция атомных игрушек. Рад с точки зрения ведомственной: война для министра иностранных дел все равно что каникулы. Только вот от рыбной ловли придется отказаться. Буду читать классиков, особенно Элиот — она лучше всего меня успокаивает. Нет ничего более вредного, чем книги, которые захватывают.

МАННЕРХАЙМ. Золотые слова, ваше превосходительство.

Бертрам ЧАНДЛЕР

Клетка

Команду исследовательского космического корабля, видимо, следует извинить за то, что она не сразу смогла отличить людей, спасшихся с межзвездного лайнера «Полярная звезда», от диких зверей. Более полугода прошло в тех пор, как люди совершили вынужденную посадку на эту безымянную планету: генераторы Эрейнхофта из-за неполадок в электронном регуляторе развили бешеную скорость, и корабль выбросило с проторенных космических дорог в неизведанную часть Вселенной. Посадка прошла вполне благополучно. Однако вскоре атомный реактор вышел из-под контроля, поэтому капитан приказал первому помощнику снять с корабля пассажиров и часть судовой команды, которая не была нужна при ликвидации аварии, и увести подальше.

Когда Хокинс со своими подопечными ушел уже достаточно далеко, на корабле произошла вспышка высвободившейся энергии, и до них донесся не особенно сильный взрыв. Все хотели остановиться и посмотреть, что случилось, но помощник капитана продолжал отводить людей все дальше и дальше. К их счастью, ветер дул навстречу и радиоактивные осадки если и выпали, то не им на головы. Когда страшный фейерверк закончился, первый помощник капитана в сопровождении доктора Бойля – судового хирурга – вернулся к месту взрыва. Опасаясь радиоактивного поражения, они приняли меры предосторожности и стали на безопасном расстоянии от края неглубокой, все

еще дымящейся воронки, образовавшейся на месте корабля. Было абсолютно ясно, что капитан со своими людьми превратился в мельчайшие частицы того светящегося облака, которое огромным грибом взметнулось вверх, к низко нависшему серому небу.

С этого момента пятьдесят с лишним человек с «Полярной звезды», оставшихся в живых, начали постепенно деградировать. Конечно, это началось не сразу: Хокинс и Бойль при содействии комитета, составленного из наиболее сознательных пассажиров, пытались активно воспрепятствовать этому. Но борьба была безнадежной. Климат планеты — вот что с самого начала особенно повлияло на них. Было жарко: температура постоянно держалась около 85 градусов по Фаренгейту; и влажно: с неба непрерывно сыпала неприятная изморось. Воздух был насыщен спорами какой-то плесени, которая, к счастью, не причиняла вреда живой ткани, но зато бурно разрушала всякую неживую органическую материю, в особенности одежду. Эта плесень, хотя и в меньшей степени, разрушала металлы, синтетику, из которой у многих потерпевших кораблекрушение была сшита одежда.

Конечно, будь здесь какая-то внешняя опасность, она, возможно, и помогла бы поддержать высокий моральный дух и стойкость в людях, однако на планете даже зверей хищных и тех не оказалось. Были какие-то маленькие зверушки с гладкой кожей — лягушки не лягушки, которые прыгали в сыром подлеске, а в бесчисленных речушках и водоемах плавали похожие на рыб существа размером от головастиков до акул, но последние по своей агрессивности были ничуть не лучше первых.

Вопрос с питанием после первых нескольких голодных часов разрешился сам собой. Кто-то добровольно съел на пробу пару больших сочных, мясистых грибов, что росли на стволах больших папоротникообразных деревьев. Грибы оказались вполне съедобными. После того как прошло часов пять и никто не умер и даже не испытывал никаких неприятностей с желудком, грибы прочно вошли в рацион потерпевших кораблекрушение. Затем нашли еще другие грибы, отыскиали ягоды и корни — все съедобные, неядовитые, так что в питании оказалось приятное разнообразие.

Огонь! Вот чего не хватало людям, несмотря на изнурительную жару. Будь у них огонь, они могли бы разнообразить свое меню, поджаривая лягушек, пойманных в сыром лесу, и рыб, выловленных в ручьях и озерах. Кое-кто, правда, из не особенно привередливых, пробовал есть этих тварей и в сыром виде, однако большинство смотрело на это неодобрительно. Огонь нужен был также, чтобы коротать долгие темные ночи; своим живительным теплом и светом он помог бы людям избавиться от тягостного ощущения царящей вокруг промозглой сырости, которое создавалось из-за непрерывного журчания воды, стекающей с каждой ветки и каждого листика.

Вначале у большинства людей, когда они сошли с корабля, еще имелись и спички и зажигалки, но первые мгновенно отсырели, а вторые потерялись вскоре после того, как карманы вместе с одеждой, к которой они были пришиты, расплзлись по ниткам. Однако даже когда зажигалки еще имелись, любые попытки разжечь костер кончались полной неудачей: на этой проклятой планете не

было, как клялся Хокинс, ни единого сухого места. Теперь же высечь огонь было делом совершенно безнадежным, ведь, будь у них даже специалист по добыванию огня трением двух сухих палок друг о друга, он бы просто не нашел подходящего материала.

Путешественники разбили лагерь на вершине небольшого холма (насколько им удалось установить, гор на планете не было). Здесь лес был не таким густым, как на раскинувшихся вокруг долинах, а земля под ногами не такой топкой и сырой. Каждый наломал веток с древовидных папоротников и построил себе примитивный шалаш, не столько ради удобства, о котором нечего было и мечтать, сколько ради укрытия от посторонних глаз. С каким-то отчаянием они уцепились за государственную форму правления того мира, который им пришлось покинуть, и учредили конгресс, а Бойля, судового врача, избрали президентом. Хокинс, прошедший в конгресс, к своему удивлению, большинством всего лишь в два голоса, поразмыслив над этим фактом, решил, что многие пассажиры все еще таят в душе своей недовольство судовой администрацией, считая ее виновной за то положение, в каком они находились теперь.

Первое заседание конгресса состоялось в палате, если так можно назвать большой шалаш, специально выстроенный для этой цели. Члены конгресса расселись вокруг на корточках, тогда как Бойль – председатель этого высокого собрания – важно и чинно стоял посередине. Хокинс невольно ухмыльнулся себе в усы, отметив наготу хирурга и ту помпезную торжественность, с которой тот занял свой высокий государственный пост, и сравнив горделивый вид

бедняги с неряшеством его давно не стриженных и не чesанных седых волос и всклокоченной серой бороды.

– Леди и джентльмены! – так начал свою «тронную» речь Бойль.

Хокинс оглядел бледные нагие тела, лохматые гривы волос, длинные грязные ногти «джентльменов» и блеклые, некрашенные губы «леди». «Хотел бы я знать, – подумал он, – насколько я сам похож на джентльмена».

– Леди и джентльмены! – повторил доктор. – Мы, как вам известно, были избраны в качестве представителей человеческого общества на этой планете. Я предлагаю на этом первом заседании обсудить наши шансы выжить не столько как отдельные личности, а в целом как человеческая раса...

– Мне бы хотелось спросить у мистера Хокинса, какие у нас шансы выбраться отсюда? – закричала с места одна женщина, член конгресса, сухая, как щепка, старая дева с проступающими ребрами и позвонками.

– Почти никаких, – отвечал Хокинс. – Как вам известно, корабль во время перелета с одной звезды на другую теряет всякую связь с другими системами. А потом, когда мы сбились с курса и нам пришлось совершить вынужденную посадку, мы хотя и послали сигнал бедствия, но не могли сообщить наши координаты, потому что сами не знали, куда нас занесло. Больше того, мы даже не знаем, принял ли кто наш сигнал.

– Мисс Тейлор и вы, мистер Хокинс, – прервал раздраженно Бойль, – вынужден напомнить вам, что здесь я председатель и вам слова не давал. Потом у нас будет время для прений по общим вопросам.

– Как большинство из нас понимает, – продолжал дальше свою речь доктор, – возраст данной планеты соответствует возрасту Земли каменноугольного периода. Установлено, что никакие живые существа, угрожающие нашему существованию, здесь еще не обитают. Конечно, к тому времени, когда такие виды появятся – нечто вроде гигантских ящеров триасового периода, – нам надо упрочить свое положение...

– К тому времени мы уже будем в могиле! – выкрикнул какой-то мужчина.

– Это верно, мы, конечно, умрем, – согласился доктор. – Но наши потомки, всего вероятней, будут здравствовать, так что мы уже сейчас должны решить, каким образом обеспечить им как можно больше преимуществ. Язык, который мы им завещаем...

– Док, о языке потом! – закричала еще одна женщина, маленькая стройная блондинка с решительным выражением на лице. – Вопрос о потомстве – вот что мы должны сейчас решить. Я представляю женщин, способных рожать (таких у нас, как известно, пятнадцать человек). Скажите, можете ли вы, как врач, гарантировать – помня, что здесь нет ни медикаментов, ни соответствующих инструментов, – что роды пройдут нормально?

Вся помпезность соскочила с Бойля, словно износившаяся тога.

– Буду откровенным, – начал он. – У меня нет, как вы, мисс Харт, правильно изволили заметить, ни лекарств, ни инструментов. Но заверяю вас, мисс Харт, шансов, что роды пройдут нормально, без ущерба для здоровья, здесь намного больше, чем было на Земле, скажем, в восемна-

дцатом веке. Скажу почему. На этой планете, насколько мне известно, а мы здесь живем уже достаточно долго, чтобы установить это, нет никаких микробов, опасных для человека. Если бы они были, то к этому времени мы все превратились бы в ходячие гнойники. Большинство из нас давно бы уже погибло от сепсиса. Полагаю, я ответил на ваш вопрос.

– Я еще не все сказала, – заявила блондинка. – Тут есть еще один момент. Нас в колонии пятьдесят три человека, женщин и мужчин. Из них десять пар состоят в законном браке – о них мы говорить не будем. Остаются тридцать три человека, из них двадцать мужчин. Двадцать против тринадцати (как видите, женщинам не всегда не везет). Конечно, не все мы юны и очаровательны, но мы все женщины. Так вот, какую форму брака мы установим? Единобрачие или полиандрию¹?

– Разумеется, единобрачие! – воскликнул высокий худощавый мужчина – единственный человек, на котором было нечто вроде набедренной повязки, если так можно назвать обвязанные виноградной лозой иссохшие листья папоротника.

– Что же, пусть будет так! – сказала девушка. – Моногамия так моногамия! Я сама за это. Но не вызовет ли такой брак каких-нибудь эксцессов? Женщина так же может оказаться жертвой убийства из-за ревности, как и мужчина, а этого не хотелось бы...

– Что вы предлагаете в таком случае, мисс Харт? – спросил Бойль.

---

¹ Многомужество.

– А то, док, что раз речь идет о браке с целью продолжения рода, то любовь надо отбросить, как ненужный атрибут. Если двое мужчин претендуют на одну и ту же женщину, то пусть решают спор поединком. Победитель получает девушку, и она остается навеки с ним.

– Естественный отбор, значит, – пробормотал доктор. – Что же, я не против... но ваше предложение придется вынести на общее голосование.

* * *

На вершине холма, неподалеку от лагеря, имелась небольшая ложбинка, нечто вроде естественного амфитеатра. Зрители расселись по краям, тогда как на самой арене осталось четыре человека. Одним из них был Бойль. Он обнаружил, к своему неудовольствию, что в его функции главы государства входят и обязанности спортивного судьи: по всеобщему мнению, он лучше других мог судить, когда следует прекратить бой, чтобы никто из дерущихся не стал навеки калекой. Там же была девушка, та самая блондинка Мэри Харт. Девушка причесала свои волосы какой-то сучковатой палкой. Теперь в руках она держала венок, сплетенный из желтых цветов, которым собиралась увенчать победителя. «Интересно было бы знать, – подумал, глядя на нее, Хокинс, пока сидел рядом с другими членами конгресса, – что это – страсть к земным свадебным обрядам или зов крови к давно умершему звериному прошлому?!»

– Жаль, что эта безмозглая плесень сожрала все наши часы, – промолвил какой-то толстяк слева, – а то можно

было бы отмечать раунды, как в настоящем боксерском матче.

Хокинс кивнул головой и взглянул на находящихся в центре арены четырех человек: на гордо посматривающую по сторонам первобытную женщину, на преисполненного самодовольством старика доктора и двух мужчин, чьи лица обросли черными бородами, а голые тела сверкали белизной. Он знал обоих: Феннет, младший офицер с несчастной «Полярной звезды», и Клеменс, геологоразведчик вновь осваиваемых планет

– Будь у нас деньги, я бы поставил на Клеменса, – весело сказал толстяк. – У вашего офицера столько же шансов победить, сколько найдется снега в аду в жаркий июльский полдень. Он приучен к честной борьбе, а Клеменс привык драться с подвохами.

– Феннет в лучшей форме, – заметил Хокинс. – Он ежедневно делает утреннюю гимнастику, а ваш Клеменс только и знает что ест да спит. Посмотрите, какой у него живот.

– Ничего плохого в здоровом брюхе не нахожу, – возразил толстяк, похлопав по своему толстому животу.

– Итак, не кусаться и глаза не выцарапывать, – внушительно провозгласил доктор. – И пусть победит сильнейший!

Он, как ему казалось, грациозно отступил назад и встал рядом с мисс Харт.

Опустив руки со сжатыми кулаками, бойцы стояли друг против друга в явном смущении. Казалось, оба сожалели, что дело зашло столь далеко.

– Ну, начинайте же! – закричала, не выдержав, Мэри Харт. – А то так и состаритесь холостяками!

– Ничего, они подождут, пока у тебя, Мэри, подрастет дочь! – выкрикнула одна из ее подружек.

– Если она у меня когда-нибудь будет, – откликнулась блондинка. – А при таких темпах шансов не особо много...

– Начинайте, начинайте!.. – хором закричала толпа.

Первым сдвинулся с места Феннет. Он как-то робко шагнул вперед и легонько стукнул правой рукой Клеменса по незащищенному лицу. Удар был слабый, но, видимо, болезненный. Клеменс поднес руку к носу и, отставив ее в сторону, уставился на красную свежую кровь на ладони. Взревев, как медведь, он, широко расставив руки, двинулся вперед, намереваясь схватить Феннета и изломать. Офицер отскочил назад и еще раз два легонько ударил геолога правой рукой.

– Чего он не хрястнет его как следует? – воскликнул толстяк.

– Чтобы выбить себе пальцы?.. Вы же видите, они дерутся без перчаток, – заметил Хокинс.

Феннет решил встретить противника напрямик. Он остановился, чуть расставив ноги, и еще разок ударил правой. Хокинс с удивлением отметил, что геолог принял удар с явным пренебрежением. «Он намного крепче, чем кажется в действительности», – подумал Хокинс.

Молодой офицер опять ловко скакнул в сторону, но, поскользнувшись на мокрой траве, упал. Клеменс что есть сил тяжело навалился на него. Хокинс услышал, как из груди Феннета с шумом вылетел воздух – уф! Толстые руки геолога обхватили поджарое тело офицера, но тот, изловчившись, резко ударил Клеменса в пах. Геолог засто-

нал от боли, но продолжал держать Феннета мертвой хваткой. Одной рукой он вцепился ему в горло, а другой вознамерился выцарапать скрюченными, как когти, пальцами глаза.

– Глаза не трогать!.. – закричал судья Бойль.

Он бросился на колени и перехватил руками широкую, как лопата, кисть Клеменса.

В этот момент что-то заставило Хокинса взглянуть наверх. Он услышал, как ему показалось, какой-то посторонний звук, что было практически невозможно при таком шуме вокруг: зрители ревели не хуже болельщиков на матче боксеров-профессионалов. Возможно, звук, заставивший Хокинса поднять вверх глаза, был воспринят им шестым чувством, присущим каждому настоящему астронавту. Он невольно вскрикнул от удивления. Над ареной завис большой вертолет. В его очертаниях имелись едва различимые странности, которые сразу же подсказали помощнику капитана, что машина инопланетная, не землян. Вдруг из гладко отполированного днища вертолета вывалилась какая-то тускло мерцающая металлом сеть и мгновенно опутала обоих борющихся мужчин вместе с доктором Бойлем, Мэри Харт и мисс Тейлор.

Хокинс раскрыл рот, чтобы крикнуть, но не смог издать ни звука. Вскочив на ноги, он бросился на помощь к своим товарищам. Сеть, словно живая, обвилась вокруг его рук и ног. Еще несколько человек кинулось на помощь Хокинсу.

– Назад! – закричал он. – Все назад!.. Прочь, разбегайтесь!..

Глухое жужжание роторов вертолета перешло в резкий

свист, и машина стала уходить вверх. В мгновение ока ложбинка уменьшилась в глазах первого помощника капитана до размеров чайного блюдца зеленого цвета, по которому бесцельно сустились, словно маленькие белые муравьи, люди. Вертолет поднялся над низко нависшими облаками, планета исчезла, и ничего не стало видно, кроме колышущейся мертвой белизны.

Когда вертолет пошел наконец на посадку, Хокинс ничуть не удивился, увидев сверкающую серебром башню большого космического корабля, которая возвышалась посреди маленьких деревьев на небольшом плоскогорье.

* * *

Планета, на которую их привезли, показалась бы намного приятнее покинутой ими, если бы не излишняя, основанная на неправильном понимании заботливость их новых хозяев. Клетка, в которую поместили трех мужчин, с поразительной точностью копировала климатические условия планеты, где погибла «Полярная звезда». Стены ее были застеклены, а из разбрызгивателей на потолке постоянно струился мелкий дождик. Стоявшие в камере два унылых древовидных папоротника не служили укрытием от этих неприятных осадков. Два раза в день в углу клетки, сделанной из какого-то подобия бетона, открывался большой люк, и им бросали куски грибов, аналогичных тем, которыми они питались после кораблекрушения.

На цементном полу имелось большое отверстие, которое служило, как решили заключенные, санузлом. На противоположной стороне имелись еще клетки. В первой со-

держалась одна Мэри Харт. Находясь, так же как они, за стеклом, девушка могла объясняться с ними только жестами и мимикой.

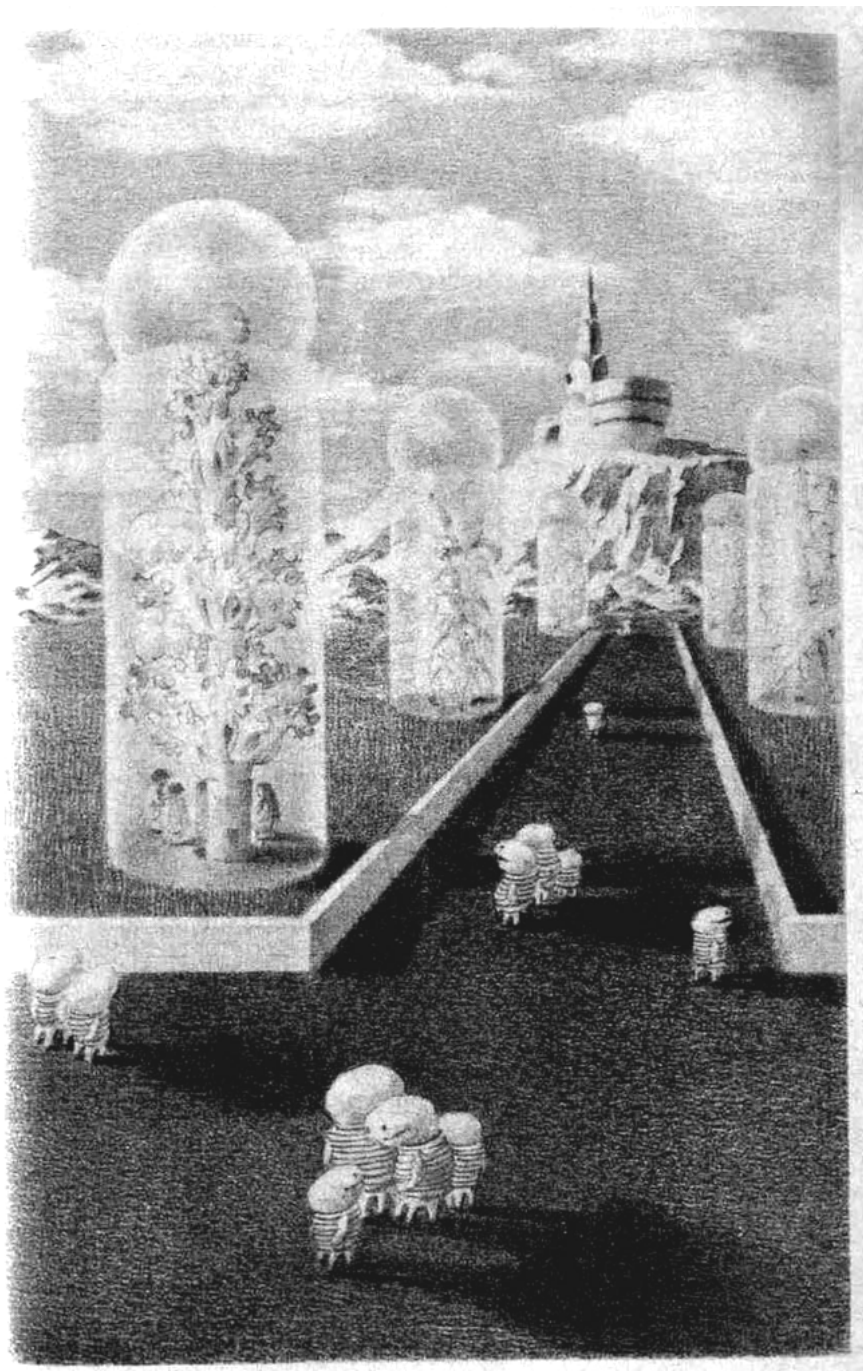
В следующей клетке находился какой-то зверь, что-то вроде помеси омара с каракатицей. Кто содержался по другую сторону широкой дорожки, разглядеть не удалось. Сидя на мокром полу, Хокинс, Бойль и Феннет глядели сквозь толстые стекла и прочные решетки на странные существа, которые разглядывали их.

– Эх, если бы это были гуманоиды! – вздохнул доктор Бойль. – Если бы они хотя бы немножко были похожи на нас, то можно было бы как-то изъясниться и убедить их, что мы такие же разумные существа, как и они.

– К сожалению, они совсем на нас не похожи, – заметил Хокинс. – В подобной ситуации мы бы тоже вряд ли поверили, что вот эти шестиногие пивные бочки, что стоят по ту сторону решеток, – наши братья по разуму. Чем и как их убедить? Может, начать с математики? Ну-ка, попробуй теорему Пифагора, – обратился он к своему младшему офицеру.

Без особого энтузиазма Феннет отломил несколько веток с ближайшего дерева и, разломив их на несколько частей, начал выкладывать на сыром полу прямоугольный треугольник с квадратами по сторонам.

Туземцы – один большой, другой поменьше, третий совсем маленький – безучастно смотрели плоскими, ничего не выражающими глазами на манипуляции Феннета. Тот, что побольше, сунул одно из своих щупалец в карман – эти твари носили одежду – и, вытащив оттуда какой-то

разукрашенный пакетик, дал его малышу. Тот, сорвав обертку, начал совать в узкую щель, что имела у него сверху и служила, видимо, ртом, кусочки чего-то подобного конфетам.

— Хотел бы я, чтобы им разрешалось кормить сидящих в клетках зверей, — со вздохом молвил Хокинс. — А то меня прямо тошнит от этих проклятых грибов.

— Что же, давайте подведем итоги, — сказал доктор Бойль. — Делать нам все равно нечего. Итак, нас, шестерых, поймали и утащили из лагеря на вертолете, привезли на космический корабль, который, сдается мне, ничем особенно не отличается от наших межзвездных космических лайнеров. Вы, Хокинс, уверяете, что у них на корабле стоят двигатели Эрейнхофта, во всяком случае, похожие на них, как две капли воды из одного и того же океана.

— Совершенно верно, — подтвердил старший помощник капитана.

— На корабле нас разместили поодиночке в различные клетки. Никаких карантинных; кормили и поили регулярно. И вот нас доставили на эту неизвестную планету. Здесь торопливо перегнали, как скот, из клеток в крытый фургон и повезли — куда, мы не знаем. Наконец фургон остановился, двери отворились, пара вот таких жирных ходячих бочек сунула в фургон крючья со своими таинственными сетями и вытащила Клеменса вместе с мисс Тейлор. С тех пор мы их больше не видели. Нас сутки «промариновали» в отдельных клетках, затем отправили вот в эту кунсткамеру...

— Вы считаете, что их подвергли вивисекции? — спросил Феннет. — Я, грешным делом, недолюбливал Клеменса, но такое...

– Боюсь, что так, – отвечал Бойль. – Наши тюремщики таким путем выяснили, что мы различаемся по полу. К сожалению, с помощью вивисекции нельзя установить, обладает ли подопытный интеллект.

– Вот сволочи!.. – воскликнул младший офицер.

– Потихе, сынок, – сказал Хокинс – Их нельзя винить за это, понимаешь. Мы подвергаем анатомическим исследованиям животных, которые намного больше похожи на нас, чем мы на этих тварей.

– ... Наша задача, – продолжал доктор, – убедить этих тварей, как вы их назвали, Хокинс, в том, что мы такие же разумные существа, как они, что мы обладаем интеллектом. Но как это сделать – вот вопрос? Каким образом доказать им, что у нас есть разум? Кого мы называем разумным?

– Того, кто знает теорему Пифагора, – мрачно буркнул Феннет.

– Я где-то читал, – заметил Хокинс, – что история человечества – это история существ, которые умеют добывать огонь и изготавливать орудия труда.

– Тогда давайте разведем огонь, – предложил доктор. – Или сделаем какие-нибудь орудия производства и начнем их использовать.

– Не валяйте дурака, – прервал его первый помощник капитана. – Вы же знаете, что у нас нет для этого сырья, металла. У нас нет даже искусственных зубов – все съела проклятая плесень. – Хокинс на минутку призадумался. – Знаете что, когда я был молодым и красивым, то всех юнг на корабле учили разным древним ремеслам. Нас считали прямыми наследниками матросов со старых морских па-

русников, так что учили вязать шкоты, плести веревки и маты, сращивать концы тросов, разжигать огонь и многое другое... Потом кому-то из нас взбрело в голову плести корзины. Служили мы тогда на пассажирском лайнере, курсирующем от Солнца до Альдебарана; корзины плели втайне и, раскрасив в невообразимо дикие цвета, продавали простакам-пассажирам, выдавая свои творения за подлинные изделия туземцев с далекой планеты Арктура VI. Вот был скандал, когда Старик и первый помощник пронюхали о наших...

– Короче, куда вы клоните? – спросил доктор.

– А вот куда. Мы покажем этому зверю нашу сноровку и уменье, наш интеллект, когда сплетем корзины... Я научу вас.

– Хм, пожалуй, это может сработать, – сказал задумчиво Бойль. – Наверняка может. Однако вспомните: некоторые виды животных тоже плетут. Бобры, например, на Земле, ох как ловко строят свои плотины из ивовых прутьев. А возьмите беседковых птиц, их еще шалашниками называют, так те начинают плести себе гнезда в период спаривания.

* * *

Главный смотритель кунсткамеры, должно быть, знал о животных, которые накануне спаривания начинают плести, подобно шалашникам, гнезда. К концу третьего дня лихорадочного плетения корзин, на которые ушли все подстилки, а деревья остались голыми, Мэри Харт из ее одиночной камеры перевели в клетку к трем мужчинам.

«Это, конечно, хорошо, что Мэри перевели к нам, –

сонно подумал Хокинс. – Еще пару дней одиночного заключения, и бедняжка наверняка сошла бы с ума». Однако нахождение девушки в одной клетке с мужчинами имеет свои отрицательные стороны. Придется ему теперь присматривать за молодым Феннетом. Да и за доктором – этим старым ловеласом – нужен глаз да глаз.

Вдруг неожиданно среди ночи Мэри закричала.

С Хокинса мгновенно слетел сон. Он увидел неясные очертания Мэри в одном углу клетки (на этой планете ночи никогда не были совершенно темными), а в другом – Феннета и Бойля.

Торопливо вскочив на ноги, он заковылял к девушке.

– В чем дело? Что случилось?

– Не знаю... Мне показалось, что кто-то маленький с острыми коготками пробежал по мне.

– А-а-а, – протянул Хокинс. – Это наш Джо.

– Джо? – спросила девушка. – Какой такой Джо?

– Точно не знаю, но такой зверек, – отвечал помощник капитана.

– Что за Джо? – продолжала допытываться Мэри.

– Да нечто вроде нашей мыши, – донесся с противоположного угла голос доктора, – хотя он мало похож на нее. Обычно вылезает по ночам из подпола за крошками. Ну, мы его начали подкармливать, чтобы приручить...

– Вы потворствуете этой гадине!.. – закричала Мэри. – Сейчас же поймайте его или отравите. Сейчас же. Я страшно боюсь мышей.

– Завтра сделаем, – сказал, успокоившись, Хокинс.

– Нет, сейчас!.. Сейчас!.. – настаивала девушка.

– Завтра, – жестко сказал Хокинс и, повернувшись, отправился досыпать.

Джо изловили очень легко. Взяли две мелкие корзины, скрепили их между собой петлями наподобие устричных раковин, и получилась превосходная мышеловка. Положили внутрь приманку – большой кусок гриба. Искусно поставили подпорку так, что она должна была упасть сразу, как только кто-нибудь коснется приманки.

Хокинс, лежавший без сна на своей мокрой подстилке, услышал тихий писк и глухой стук, который подсказал ему, что мышеловка захлопнулась. Он услышал, как крошечные коготки яростно зацарапали по прочно сплетенным стенкам корзины; затем раздалось негодующее верещание зверька.

Мэри Харт спала непробудным сном, когда Хокинс потряс ее за плечо.

– Он пойман, – сказал он ей.

– Кто пойман? – спросила спросонья девушка.

– Джо пойман, вот кто.

– А-а-а, тогда убейте его, – пробормотала она и мгновенно снова уснула.

Однако Джо убивать не стали. Мужчины уже привязались к нему, так что с наступлением утра они пересадили его в клетку, которую специально для него соорудил Хокинс. Даже девушка размякла при виде крошечного безобидного комочка пушистого яркого меха, возмущенно снующего взад-вперед в своей тюрьме. Она настояла, что сама будет кормить зверька, и радостно взвизгивала каждый раз, когда тоненькие лапки протягивались из-за прутьев решетки и хватали очередной кусочек гриба.

Три дня они забавлялись своей живой игрушкой. На четвертый день существа, которые кидали им корм, вошли в клетку со своими сетями, связали и унесли первого помощника капитана и маленького Джо.

– Боюсь, что Хокинса мы больше не увидим, – молвил Бойль. – С ним сделают то же, что и...

– Они сделают из него чучело и выставят в каком-нибудь своем зоологическом музее, – мрачно сказал Феннет.

– Нет! – гневно воскликнула Мэри. – Они не имеют права!..

– Права?.. Они и спрашивать никого не станут...

Вдруг находящийся позади них люк широко распахнулся, и, прежде чем три оставшихся в живых человека успели отступить в угол на безопасное расстояние, чей-то голос произнес:

– Все в порядке, ребята. Выходите по одному.

И в клетку вошел Хокинс. Но какой!!! Гладко выбритый, а на бывшем когда-то бледном лице сиял здоровый свежий загар. На нем были отличные спортивные трусы, сшитые из какой-то необычайно ярко-красной материи.

– Выходите, – сказал он снова. – Наши хозяева приносят свои самые искренние извинения. Они уже приготовили нам более подходящее жилье. А потом, как только они снарядят корабль, мы отправимся за остальными нашими людьми.

– Постой, постой!.. Не так быстро, – сказал Бойль. – Вначале объясни, что произошло. Скажи, что заставило их понять, что мы тоже разумные существа?

Лицо Хокинса на минутку омрачилось.

— А то, — нехотя молвил он, — что только разумное существо может посадить другое в клетку.

Артур КЛАРК

Безжалостное небо

В полночь до вершины Эвереста оставалось не более ста ярдов, она вставала впереди снежной пирамидой, прозрачно белой в свете восходящей луны. На небе не было ни облачка, и ветер, свирепствовавший несколько суток, почти совсем стих. На высочайшей точке Земли редко наступал такой мир и тишина – они удачно выбрали время.

«Пожалуй, даже слишком уж удачно», – подумал Джордж Харпер. Все прошло настолько гладко, что он испытывал чувство, похожее на разочарование. Собственно говоря, трудно было только незаметно выбраться из отеля. Администрация решительно возражала против самостоятельных ночных подъемов к вершине – несчастный случай мог бы отпугнуть туристов.

Но доктор Элвин не хотел, чтобы об их намерении стало известно. На то у него были веские причины, хотя он никогда не упоминал о них. И так уж появление одного из самых знаменитых ученых мира (и, бесспорно, самого знаменитого калеки) среди гостей отеля «Эверест» в разгар сезона вызвало немалое, хотя и вежливо замаскированное, любопытство. Харпер отчасти удовлетворил его, намекнув, что они ведут замеры земного тяготения, – в какой-то мере это даже было правдой, но в очень малой мере.

Посторонний наблюдатель, который увидел бы, как Жюль Элвин с пятьюдесятью фунтами оборудования за плечами неторопливо и уверенно поднимается к точке, находящейся в двадцати девяти тысячах футов над уров-

нем моря, никогда бы не заподозрил, что перед ним – безногий калека. Жюль Элвин, родившийся в 1961 году, был одной из жертв талидомида – продажа этого непроверенного успокоительного средства завершилась трагедией: появлением на свет более десяти тысяч людей с изуродованными конечностями. Элвин мог считать себя счастливым: руки у него были совершенно нормальными, а от постоянных упражнений стали намного более сильными, чем у большинства мужчин его возраста и сложения. Но вот ноги... В тьюторе он мог стоять и даже сделать несколько неуверенных шажков, однако и небольшая, пешая прогулка была ему не по силам.

Тем не менее в эту минуту он находился в двухстах шагах от вершины Эвереста...

Все началось более трех лет назад из-за рекламного туристского плаката. Тогда Джорджу Харперу, младшему программисту отдела прикладной физики, были известны лишь внешний вид и репутация доктора Элвина. Даже те, кто работали непосредственно под руководством этого блестящего ученого, возглавлявшего научно-исследовательскую работу Института, почти не знали его как человека. Физическая неполноценность и своеобразный склад ума словно отгораживали Жюля Элвина от обычных людей. Он не внушал ни любви, ни неприязни, а лишь восхищение и жалость; зависти он ни у кого не вызывал.

Харпер, всего несколько месяцев назад кончивший университет, не сомневался, что для доктора Элвина он существует только как фамилия в штатном расписании. Кроме него, в отделе работало еще десять программистов,

намного старше по возрасту, и никто из них за все время работы в Институте и двух слов не сказал с заместителем директора по научной части. И когда Харпера избрали в посыльные и отправили в кабинет доктора Элвина с папкой засекреченных документов, он полагал, что их беседа ограничится коротким «спасибо».

Собственно, так оно и произошло. Но, уже выходя из кабинета, Харпер вдруг, увидел великолепную панораму высочайших гималайских вершин, занимавшую половину стены, и невольно остановился. Панорама была вделана в стену прямо напротив стола доктора Элвина, так что он видел ее всякий раз, когда поднимал голову. Харперу был хорошо известен этот ошеломляющий вид. Еще бы! Он ведь и сам снимал ту же панораму, когда вместе с другими туристами стоял в благоговении на истоптанном снегу вершины Эвереста.

Вон белый хребет Канченджонги, вздымающийся над облаками почти в ста милях от высочайшей горы мира. Почти вровень с Канченджонгой, но гораздо ближе виднеется двойной пик Макалу, и совсем близко, на переднем плане, могучая громада Лхоцзе, сосед и соперник Эвереста. Дальше к западу, вниз, в долины, такие гигантские, что глаз не в силах объять их, устремляются хаотические потоки ледников Кхумбу и Ронбук. С этой высоты трещины, покрывающие их поверхность, кажутся мелкими бороздками, но в действительности провалы в твердом, как железо, льду достигают сотен ярдов в глубину...

Харпер смотрел на панораму, заново переживая прошлое, когда вдруг услышал позади себя голос доктора Элвина.

– Вас заинтересовал этот вид? Вы там когда-нибудь бывали?

– Да. Когда я окончил школу, родители взяли меня на Эверест. Мы прожили в отеле неделю и уже думали, что погода так никогда и не исправится. Но за день до нашего отъезда ветер улегся, и группа из двадцати человек поднялась на вершину. Мы пробыли там час. Снимали друг друга и все вокруг.

Доктор Элвин некоторое время молчал, словно взвешивая услышанное, а потом сказал голосом, в котором уже не ощущалось прежнего равнодушия – он был теперь исполнен сдержанного волнения:

– Садитесь, мистер... э... Харпер. Мне хотелось бы, узнать кое-какие подробности.

Испытывая некоторое недоумение, Харпер вернулся к креслу перед большим письменным столом, на котором царил идеальный порядок. В его восхождении на Эверест не было ничего необычного. Каждый год тысячи людей приезжали в отель «Эверест», и по меньшей мере четверть из них поднималась на вершину горы. Всего за год до этого была устроена пышная, широко разрекламированная церемония вручения памятного подарка десятитысячному туристу, побывавшему на высочайшей вершине мира. Некоторые циники не преминули указать на удивительное совпадение: десятитысячным туристом оказалась популярнейшая восходящая звезда телевидения. И все, что Харпер мог сказать доктору Элвину, тот без особого труда нашел бы в десятках справочников, в рекламных брошюрах отеля, например. Однако какой молодой честолюбивый ученый упустил бы такой случай произвести благо-

приятное впечатление на человека, от которого зависело так много? Харпер не был расчетливым карьеристом, но не принадлежал и к непрактичным мечтателям. Он начал говорить, сначала медленно, стараясь привести в порядок свои воспоминания.

— Реактивный самолет доставляет вас в городок Намчи, расположенный милях в двадцати от горы. Затем автобус везет вас по сказочно красивому шоссе в отель, который стоит над ледником Кхумбу, на высоте восемнадцать тысяч футов. Для тех, кому трудно дышать на такой высоте, в отеле имеются номера с нормальным давлением. Разумеется, в отеле есть свой штат врачей, и людям с плохим здоровьем номера не сдаются. Два дня вы живете на особой диете, и только после этого вам разрешают дальнейший подъем.

Сама вершина из отеля не видна, так как здание находится на склоне горы. Но все равно виды там открываются необыкновенные — Лхоцзе и десяток других вершин. И нельзя сказать, что не испытываешь никакого страха. Особенно ночью. Вверху почти все время воет ветер, а с ледника доносятся душераздирающие стоны — это движется лед. Так и кажется, что среди гор бродят ужасные чудовища...

Никаких особых развлечений в отеле нет: любишь пейзажем, отдыхаешь и ждешь, когда доктора дадут разрешение отправиться к вершине. В старину требовалось несколько недель, чтобы привыкнуть к разреженному воздуху, ну а теперь для этого дают лишь двое суток. Тем не менее половина туристов — большей частью люди пожилые — считают, что им и такой высоты достаточно.

Дальнейшее зависит от вашего опыта и от того, на какие расходы вы согласны пойти. Искушенные альпинисты нанимают проводников и совершают восхождения, пользуясь обычным снаряжением. Теперь это сравнительно нетрудно, и к тому же там повсюду устроены убежища. Такие группы, как правило, добираются до вершины, но из-за погоды по-прежнему никогда нельзя быть уверенным в успехе и каждый год там погибают несколько человек.

Средний турист выбирает более легкий путь. На самой вершине посадка воздушных машин строго запрещена, за исключением особых обстоятельств, но вблизи гребня Нунцзе есть альпийская хижина, куда из отеля можно подняться на вертолете. От хижины до вершины всего три мили, и подъем для человека с некоторым опытом и в хорошей форме совсем нетруден. Некоторые даже обходятся без кислорода, хотя это не рекомендуется. Сам я оставался в маске, пока не добрался до вершины. Там я ее снял, и оказалось, что дышится довольно легко.

— Вы пользовались фильтрами, или газовыми баллонами?

— Молекулярными фильтрами. Они стали очень надежными и увеличивают концентрацию кислорода в сто с лишним раз. Эти фильтры произвели в альпинизме настоящий переворот. Баллонов со сжиженным газом теперь никто не берет.

— Сколько времени занимает подъем?

— Весь день. Мы вышли на заре, а вернулись вечером. Прежние альпинисты этому не поверили бы! Но конечно, мы вышли, хорошо отдохнув и налегке. Дорога от хижины довольно проста, а на самых крутых склонах вырублены

ступеньки. Как я уже говорил, подняться там может любой здоровый человек.

Сказав это, Харпер готов был откусить себе язык. И как только он мог забыть, с кем разговаривает? Но он с такой ясностью вспомнил свое восхождение на высочайшую вершину Земли, заново пережил восторг и волнение тех часов, что на мгновение ему почудилось, будто он снова стоит на одинокой, исхлестанной ветром пирамиде. На единственном месте в мире, на котором доктор Жюль Элвин никогда не будет стоять...

Но тот как будто ничего не заметил. А может быть, он уже настолько свыкся с подобными бестактными промахами, что перестал обращать на них внимание. Но почему его так интересует Эверест? Возможно, именно из-за недоступности, решил Харпер. Эверест символизировал все, в чем ему было отказано судьбой еще при рождении.

И все же три года спустя Джордж Харпер остановился в каких-то ста шагах от вершины и смотал нейлоновую веревку, дожидаясь, чтобы доктор Элвин его догнал. Они об этом никогда не говорили, но он знал, что ученый захочет первым ступить на вершину. Эта честь принадлежала ему по праву, и Харперу в голову не пришло бы ее у него оспаривать.

– Все в порядке? – спросил он, когда доктор Элвин поравнялся с ним. Вопрос был излишним, но Харпер испытывал непреодолимое желание нарушить окружавшее их великое безмолвие, словно они были одни в целом мире. Среди белого сверкания вершин нигде не было заметно ни малейших следов существования человека.

Элвин рассеянно кивнул и прошел мимо, не спуская

сияющих глаз с вершины. Он шел деревянной походкой, и его ноги, как ни странно, почти не оставляли следов на снегу. И все время, пока Элвин двигался, большой рюкзак, который он нес на спине, еле слышно гудел.

Вернее было бы сказать, что не он нес рюкзак, а рюкзак нес его. Во всяком случае, три четверти его веса. Пока доктор Элвин неторопливо, но уверенно приближался к своей когда-то недостижимой цели, он и все его снаряжение весили вместе лишь пятьдесят фунтов. А если бы и это оказалось много, ему достаточно было повернуть ручку настройки – и он перестал бы весить даже фунт.

Здесь, над залитыми лунным светом Гималаями, впервые было применено величайшее открытие двадцать первого века. Во всем мире существовало только пять экспериментальных левитаторов Элвина, и два из них находились здесь, на Эвересте.

Хотя Харпер знал об их существовании уже два года и понимал принцип их устройства, «левви», как сотрудники лаборатории почти сразу же окрестили эти аппараты, все еще казались ему волшебством. Их аккумуляторы хранили достаточно энергии, чтобы поднять груз весом в двести пятьдесят фунтов по вертикали на высоту в десять миль, то есть намного больше, чем требовалось в настоящем случае. Цикл подъема и спуска можно было повторять практически бесконечно, потому что, взаимодействуя с гравитационным полем Земли, батареи разряжались при движении вверх и вновь заряжались при движении вниз. Поскольку ни один механический процесс не имеет стопроцентного коэффициента полезного действия, каждый цикл сопровождался небольшой потерей энергии, но тре-

бовалось не менее сотни таких циклов, чтобы полностью разрядить аккумулятор.

Подниматься на гору, не ощущая большей части своего веса, было упоительно. Лямки тянули вверх, создавая ощущение, что люди подвешены к невидимым воздушным шарам, чью подъемную силу можно менять по желанию. Некоторая доля веса была им необходима, чтобы не оторваться от склона, и после нескольких экспериментальных проверок они пришли к выводу, что оптимальный вариант составляет двадцать пять процентов реального веса. Благодаря левитатору идти по крутизне было так же легко, как по горизонтальной поверхности.

Несколько раз они снижали свой вес почти до нуля, чтобы взобраться по отвесному обрыву, цепляясь руками за неровности скалы. Это, пожалуй, было самым трудным и требовало неколебимой веры в левитатор. Нужно было немалое усилие воли, чтобы висеть вот так в воздухе без опоры, если не считать тихо гудящего аппарата за спиной. Но уже через несколько минут ощущение полной свободы и власти над высотой заглушило всякий страх – ведь человеку наконец-то удалось осуществить мечту, которую он лелеял с незапамятных времен.

Несколько недель назад кто-то из сотрудников библиотеки отыскал в стихотворении начала двадцатого века строку, которая очень точно выражала сущность этого открытия, – «спокойно взмыть в безжалостное небо». Даже птицы не обладали такой властью над шестым океаном. С этой минуты и воздух, и космическое пространство были окончательно побеждены. Левитатор сделал доступными самые высокие и дикие горы Земли, как за полвека до это-

го акваланг открыл пред человеком морские глубины. Как только аппарат пройдет испытание и будет налажено дешевое массовое производство, все стороны человеческой цивилизации претерпят решительные изменения. Новые виды транспорта вытеснят все прежние. Космические полеты станут не дороже обычных полетов в воздухе. Все человечество поднимется в небеса. Перемены, которые за сто лет до этого принесло изобретение автомобиля, могли служить лишь слабым предзнаменованием того, что должно было произойти теперь.

Но Харпер был убежден, что в это мгновение своего одинокого триумфа доктор Элвин ни о чем подобном не думал. Позже мир будет прославлять его (а возможно, и проклинать), но для него ничто не могло сравниться с сознанием, что он сейчас стоит на высочайшей точке Земли. Это была подлинная победа разума над природой, блестящего интеллекта над слабым искалеченным телом. Эта мысль затмевала все остальное.

Харпер поднялся к Элвину на снежную площадку усеченной пирамиды, и они обменялись церемонным рукопожатием, которого, казалось, требовала эта минута. Но оба молчали. Радость свершения, величественная панорама могучих вершин, вздымавшихся всюду, насколько хватал глаз, делали все слова ненужными и мелкими.

Харпер, блаженно опираясь на лямки, медленно обводил взглядом горизонт, мысленно перебирая названия знакомых великанов: Макалу, Лхоцзе, Барунцзе, Чо Ойю, Канченджонга... Сколько этих пиков до сих пор оставалось непокоренными! Ну, левитатор скоро изменит все это.

Конечно, многие будут против. Но ведь в двадцатом веке тоже были альпинисты, считавшие шулерством использование кислорода. Было трудно поверить, что когда-то люди пытались брать эти высоты без помощи каких-либо аппаратов, лишь после нескольких недель акклиматизации. Харпер вспомнил Мэллори и Ирвина, чьи неразысканные тела, возможно, лежали где-то совсем близко. За его спиной кашлянул доктор Элвин.

– Идемте, Джордж, – сказал он. Голос его звучал глухо из-за кислородного фильтра. – Нам нужно вернуться, пока нас не хватились.

Молча простившись с теми, кто первыми поднялись сюда, они спустились с вершины и пошли вниз по пологому склону. Теперь вокруг было уже не так светло, как всего несколько минут назад. Лунный диск то и дело заволакивали быстро несущиеся в вышине облака, и временами темнело настолько, что трудно было находить дорогу. Харперу эта перемена погоды не понравилась, и он подумал, не лучше ли им будет направиться к ближайшему убежищу, чем прямо к альпийской хижине.

Но доктору Элвину он ничего не сказал, чтобы напрасно его не тревожить.

Теперь они шли по узкому карнизу – с одной стороны была черная тьма, с другой – слабо мерцали вечные снега. Харпер невольно подумал, что попасть здесь в бурю было бы страшно.

Едва он подумал об этом, как на них внезапно обрушился ураганный ветер. Он с воем налетел неизвестно откуда, словно гора все это время втайне накапливала силы. Сделать они ничего не могли – они и без левитатора все

равно были бы сбиты с ног. В одно мгновение ветер сбросил их в черную пустоту. Они не имели ни малейшего представления о глубине пропасти. Харпер принудил себя взглянуть вниз, но ничего не увидел. Хотя ветер, казалось, увлекал его в почти горизонтальном направлении, он понимал, что падает, но только скорость его падения замедлялась в соответствии с его уменьшенным весом. Но и такой скорости было больше чем достаточно; если им предстоит упасть с высоты четырех тысяч футов, то обстоятельство, что ее можно считать равной всего тысяче, вряд ли послужит им большим утешением.

Харпер еще не успел испугаться – для этого будет время, если он уцелеет, – и почему-то его больше всего тревожила мысль, что будет разбит драгоценный левитатор. Он совсем забыл про своего спутника – ведь в такие мгновения сознание способно сосредоточиваться только на чем-то одном. Внезапный рывок нейлоновой веревки сначала вызвал у него только растерянность. Но тут он увидел доктора Элвина, который вращался вокруг него на другом конце веревки, точно планета вокруг солнца.

Харпер сразу вернулся к действительности и сообразил, что следует сделать. Да его оцепенение вряд ли и длилось больше ничтожной доли секунды.

– Доктор! – крикнул он. – Включите аварийный подъем!

Сам он тем временем нащупал пломбу на контрольной панели, сорвал ее и нажал на кнопку.

И сразу же аппарат загудел, как рой рассерженных пчел. Харпер почувствовал, как лямки впиваются в его тело, стараясь увлечь его вверх, в небо, от невидимой смер-

ти вниз. В его мозгу огненной строчкой вспыхнули цифры. Один киловатт поднимает двести пятьдесят фунтов на три фута в секунду, а аппарат способен преобразовывать энергию тяготения с максимумом в десять киловатт, хотя не дольше чем минуту. Таким образом, учитывая, что вес его уже уменьшился вчетверо, он должен был подниматься со скоростью более ста футов в секунду. Доктор Элвин замешкался и не сразу нажал аварийную кнопку, но вот и он начал подниматься. Теперь все решали секунды – успеют ли они подняться прежде, чем ветер швырнет их о ледяную стену Лхоцзе, до которой оставалось не больше тысячи футов.

Они ясно различали залитый лунным светом обрыв в снежных разводах. Определить свою скорость точно они не могли, но во всяком случае она была не меньше пятидесяти миль в час. Даже если они не разобьются насмерть сразу, избежать тяжелых повреждений им не удастся, а здесь, в капкане неприступных гор, это было равносильно смерти.

Но в тот момент, когда удар о ледяные скалы казался неизбежным, их подхватил и потащил вверх вертикальный поток воздуха. Они пронеслись над каменной грядой на утешительной высоте минимум в пятьдесят футов. Это было похоже на чудо, но Харпер тут же понял, что своим спасением они обязаны простому закону аэродинамики – ветер не мог не устремиться вверх, чтобы миновать гору. У противоположного склона он опять ринется вниз. Но это уже не имело значения, так как горизонт впереди был чист.

Теперь они неторопливо плыли под рваными тучами.

Хотя скорость их осталась прежней, вой ветра внезапно замер, так как они неслись вместе с ним в пустоте. Сейчас они могли даже переговариваться через разделявшие их тридцать футов.

– Доктор Элвин! – окликнул ученого Харпер. – Как вы?

– Прекрасно, Джорджи, – невозмутимо ответил тот. – Что будем делать дальше?

– Надо прекратить подъем. Если мы поднимемся выше, то нам нечем будет дышать – даже с фильтрами.

– Да, конечно. Попробуем уравновеситься.

Гневное гудение аппаратов сменилось еле слышным жужжанием. Выключив аварийную систему, они некоторое время крутились на своей нейлоновой веревке – наверху оказывался то один, то другой, – но в конце концов им удалось принять устойчивое положение. К этому моменту они уже находились на высоте около тридцати тысяч футов и могли считать себя в полной безопасности – если только выдержат левитаторы, которые после такой перегрузки вполне могли отказаться. Неприятности, по-видимому, начнутся, когда они попробуют спуститься вниз.

Еще никому в истории не доводилось встречать такого странного рассвета. Хотя доктор Элвин и Харпер устали и совсем окоченели, а каждый вздох в разреженном воздухе царапал горло, точно наждачная бумага, они забыли обо всем, едва на востоке за зубцами вершин разлилось первое смутное сияние. Звезды таяли, но одна продолжала блеснуть почти до самого восхода солнца – самая яркая из космических станций, Тихоокеанская-3, парящая в два-

дцати двух тысячах миль над Гавайскими островами. Затем из моря безымянных пиков поднялось солнце, и в Гималаях наступил день.

Впечатление было такое, словно они наблюдали восход солнца на Луне. Сначала лучи озарили вершины лишь самых высоких гор, а долины по-прежнему заполняла чернильная чернота. Потом граница света медленно и неуклонно поползла вниз по скалистым склонам, и день наступил повсюду в этом суровом неприступном крае.

Теперь внимательный взгляд уже мог различить признаки человеческой жизни. Кое-где в долинах вились узкие дороги, там, где прятались деревушки, поднимались струйки дыма, поблескивали черепичные крыши монастыря. Мир внизу пробуждался, не подозревая, что на него смотрят два наблюдателя, чудесным образом вознесенные на высоту пятнадцати тысяч футов над ним.

По-видимому, ночью ветер несколько раз менял направление, и Харпер не имел ни малейшего понятия о том, где они теперь находятся. Он не различал ни одного знакомого ориентира и не знал даже, Непал под ними или Тибет – они могли находиться где угодно в радиусе пяти-сот миль от Эвереста.

Прежде всего необходимо было выбрать место для приземления, причем безотлагательно, потому что их быстро несло к хаосу вершин и ледников, где вряд ли можно рассчитывать на помощь. С другой стороны, если бы они внезапно спустились с неба на глазах неграмотных и суеверных крестьян, это могло бы кончиться для них довольно плохо.

– Нельзя ли нам спускаться побыстрее? – сказал Хар-

пер. – Мне не слишком нравится хребет, к которому нас несет.

Его слова будто затерялись в окружающей пустоте. Хотя доктор Элвин находился всего в десяти футах сбоку, Харперу вдруг показалось, что его голос не доносится до ученого. Но через две-три секунды тот неохотно кивнул.

– Боюсь, вы правы. Но я не уверен, что у нас что-нибудь выйдет при таком ветре. Не забывайте, спускаться мы должны много медленнее, чем поднимались.

Так оно и было: аккумуляторы заряжались в десять раз медленнее, чем разряжались, и при стремительной потере высоты аккумуляторы получали бы гравитационную энергию так интенсивно, что батареи перегрелись бы, а это могло привести к взрыву. Недоумевающие тибетцы (или непальцы) решили бы, что они видят огромный болид. И никто бы так никогда и не узнал, какая судьба постигла доктора Жюля Элвина и его подающего надежды молодого помощника.

До земли осталось пять тысяч футов. Харпер с секунды на секунду ожидал взрыва. Они падали быстро, но все же недостаточно быстро, и вскоре им предстояло затормозить, чтобы смягчить удар в момент приземления. В довершение, всего они совершенно не учли скорости ветра у поверхности земли, а он там дул опять почти с ураганной силой. Под ними, точно призрачные знамена, реяли вихри снега, сорванного со скалистых склонов. Пока они двигались вместе с ветром, они не замечали его силы, а теперь им вновь приходилось покидать податливую воздушную стихию и встретить твердую неподатливость камня.

Ветер гнал их в узкое ущелье. Подняться выше они

уже не могли, и им оставалось только одно: найти место, более или менее подходящее для приземления.

Ущелье сужалось с грозной быстротой. Оно превратилось в глубокую расселину, и каменные обрывы проносились мимо со скоростью около сорока миль в час. Временами невидимые завихрения бросали их то вправо, то влево, и несколько раз им только чудом удалось избежать удара о каменный выступ. Когда они оказались всего в двух-трех ярдах над карнизом, покрытым мягкими сугробами, Харпер чуть было не нажал рукоятку, которая отделяет левитатор от лямок. Но это значило бы попасть из огня да в полымя: благополучно приземлившись на этом уступе, они оказались бы в ловушке без всякой помощи.

Но даже и теперь Харпер не ощущал страха. Происходящее воспринималось, как увлекательный сон – еще не много, и он проснется в своей постели. Не может быть, чтобы этот сумасшедший полет был реальностью...

– Джордж! – крикнул доктор Элвин. – Попробуем зацепиться вон за ту скалу!

В их распоряжении оставалось лишь несколько секунд. Они сразу принялись вытравливать нейлоновую веревку так, что она провисла между ними, почти задевая снег. Прямо впереди торчал высокий камень, а широкий сугроб за ним обещал относительно мягкое приземление.

Веревка скользнула вверх по камню и, казалось, должна была вот-вот достичь его верхушки, но тут она зацепилась за острый выступ. Харпер почувствовал страшный рывок. Его закрутило, как камень в прассе.

«Неужели снег может быть таким жестким?» – подумал он, увидел ослепительную вспышку и провалился в черное небытие.

...Он сидел в университетской аудитории. Преподаватель что-то говорил знакомым голосом, который почему-то казался чужим в этой обстановке. Он лениво, словно сквозь сон, перебрал в уме фамилии всех своих университетских профессоров. Нет, не может быть, чтобы кто-то из них. Тем не менее он очень хорошо знает этот голос. И несомненно, это лекция.

«...Еще в юности я понял, что эйнштейновская теория гравитационного поля неверна. Принцип эквивалентности, несомненно, опирался на ложную предпосылку. Из него вытекало, что между проявлениями силы тяготения и ускорением невозможно провести различия. Но эти же явная ошибка. Можно создать однородное ускорение, но однородное гравитационное поле невозможно, поскольку оно подчиняется закону обратных квадратов и, следовательно, должно меняться даже на очень коротких расстояниях. Таким образом, можно было бы без труда разработать способ их различения, и это подсказало мне...»

Смысл этих тихих слов не доходил до сознания Харпера, словно рядом разговаривали на незнакомом языке. Однако он смутно ощущал, что должен был бы их понимать, только ему не хотелось напрягаться. Да и вообще сперва следовало разобраться, где он находится.

Кругом царил непроницаемый мрак. А может быть, он ослеп? Харпер замигал, и это ничтожное усилие отдалось в голове такой ломящей болью, что он вскрикнул.

— Джордж! Как вы себя чувствуете?

Ну, конечно же! Это был голос доктора Элвина, который негромко с кем-то разговаривал в темноте. Но с кем?

— У меня невыносимо болит голова и колет в боку, ко-

гда я пробую пошевелиться. Что случилось? Почему так темно?

– У вас, по-видимому, сотрясение мозга и, вероятно, сломано ребро. Вам вредно разговаривать. Вы пролежали без сознания весь день. Сейчас уже снова ночь. Мы в палатке, и я экономлю батареи.

Когда доктор Элвин зажег фонарь, Харпер даже зажмурился – таким ярким показался ему свет. Он увидел блестящие стенки маленькой палатки. Как хорошо, что они захватили с собой альпинистское снаряжение на случай, если задержатся на Эвересте! Но возможно, это только продлит их агонию...

Он с удивлением подумал, как же ученый-калека без посторонней помощи сумел распаковать их рюкзаки; поставить палатку и втащить его внутрь. Вокруг были аккуратно уложены и расставлены аптечка первой помощи, банки с концентратами, канистры с водой, крохотные баллончики для портативной газовой плитки. Только громоздких батарей левитатора нигде не было видно. Вероятно, доктор Элвин оставил их снаружи, чтобы не загромождать палатку.

– Когда я очнулся, вы с кем-то разговаривали, – сказал Харпер. – Или я бредил?

Хотя на лицо Элвина ложились отблески от стен палатки, мешая уловить его выражение, Харперу показалось, что ученый смутился. И сразу же понял почему. Лучше бы ему не задавать этого вопроса.

Доктор Элвин не верил, что они сумеют спастись, и диктовал на пленку подробности своего открытия на тот случай, если их тела будут когда-нибудь найдены. Но

прежде чем ученый успел ответить, Харпер быстро пере-
менил тему.

– Вы вызывали спасательную службу?

– Пытаюсь каждые полчаса, но боюсь, гора нас экра-
нирует. Я их слышу, а они меня – нет.

Элвин взял маленький приемник-передатчик, служив-
ший также диктофоном, который обычно носил на запя-
стье, а теперь для удобства снял, и включил его.

– Спасательный пост номер четыре слушает, – донесся
слабый механический голос. – Прием, прием.

Во время пятисекундной паузы Элвин нажимал на
кнопку сигнала бедствия, потом отпустил ее.

– Спасательный пост номер четыре слушает. Прием,
прием.

Они выждали минуту, но пост не сообщил, что их сиг-
нал принят. Что же, подумал Харпер, теперь поздно упре-
кать друг друга. Дрейфуя над горами, они несколько раз
собирались вызвать общеземную спасательную службу, но
отказались от этой мысли – отчасти потому, что это не
имело особого смысла, пока их нес ветер, но главное, им
хотелось избежать нежелательной шумихи. Задним чис-
лом, конечно, легко быть умным, но кто мог предполо-
жить, что они угодят в такое место, откуда нельзя будет
связаться даже с ближайшим спасательным постом?

Доктор Элвин выключил передатчик, и теперь в палат-
ке было слышно только, как ветер свистит в ущелье, кото-
рое для них оказалось двойной ловушкой – ни выбраться
из него самостоятельно, ни вызвать помощь они не могли.

– Не тревожьтесь, – сказал, наконец, доктор Элвин. –
Утром мы что-нибудь придумаем. А до тех пор мы ничего

предпринять не можем – разве что устроиться поудобнее. Ну-ка, выпейте немножко горячего бульона, и вам сразу станет легче.

Через несколько часов головная боль Харпера совсем прошла. Правда, ребро было почти наверное сломано, но Харпер обнаружил, что оно перестает ныть, если лежать спокойно на другом боку и не шевелиться. В целом он теперь чувствовал себя не так уж плохо.

За эти часы Харпер успел отчаяться; потом он проникся ненавистью к доктору Элвину (а заодно и к себе) какого черта ему понадобилось участвовать в этой сумасшедшей аванюре? Но все это осталось позади, и он не засыпал только потому, что продолжал обдумывать различные планы спасения.

Ветер снаружи почти утих. Было уже не так темно, оттого что взошла луна. Разумеется, проникнуть глубоко в расселину ее лучи не могли, но на палатку падали отблески от снега на склонах. Сквозь ее прозрачные теплоизолирующие стенки просачивался смутный свет.

Во-первых, сказал себе Харпер, никакая непосредственная опасность им не угрожает. Еды у них хватит по крайней мере на неделю, а водой они обеспечены – вон сколько вокруг снега. Дня через два, если его ребро подживет, они смогут снова начать воздушную прогулку, которая, надо надеяться, кончится более удачно.

Где-то неподалеку раздался странный мягкий хлопок, и несколько секунд Харпер недоумевал, пока не сообразил, что это с верхнего уступа сорвался снег. Ночная тишина была такой нерушимой, что Харперу казалось, будто он слышит биение собственного сердца, а ровное дыхание его товарища звучало неестественно громко.

Странно, как легко нас отвлекают всякие пустяки! Он снова заставил себя вернуться к планам спасения. Даже если он и не сумеет встать, доктор Элвин может отправиться за помощью сам. Шансы на успех в данном случае у одного были не меньше, чем у двоих.

Вновь раздался странный мягкий хлопок, на этот раз как будто ближе. Харпера вдруг удивило, что снег осыпается в такую холодную безветренную ночь. Оставалось только надеяться, что они не окажутся на пути лавины. Конечно, он не успел как следует разглядеть уступ, на который они опустились, а потому не мог решить, насколько реальна такая опасность. Он подумал, не разбудить ли доктора Элвина, который, без сомнения, успел все рассмотреть, пока ставил палатку. Но тут же решил этого не делать: если им действительно грозит лавина, они все равно обречены.

Лучше вернуться к главной задаче. А не прикрепить ли передатчик к одному из левитаторов и не послать ли его вверх? Сигнал, конечно, будет принят, едва левитатор поднимется над ущельем, и спасатели найдут их через несколько часов или, в худшем случае, через несколько дней.

Правда, при этом они лишатся одного левитатора, и если почему-либо сигнал не будет принят, положение их станет значительно хуже. Но тем не менее...

Что это?! Теперь до него донесся не мягкий хлопок снега, а постукивание камешков о камешки. Камешки же сами собой в движение не приходят.

У тебя разыгралось воображение, сказал себе Харпер. Ну кто будет в глухую ночь разгуливать по гималайским

ущельям? Но во рту у него внезапно пересохло, а по спине забегали мурашки. Нет, он, бесспорно, что-то слышал, и нечего себя успокаивать.

До чего шумно дышит доктор Элвин! Совершенно невозможно расслышать, что происходит снаружи. А может быть, недремлющее подсознание и во сне предупредило его об опасности? Черт побери, опять ты фантазируешь...

Снаружи стукнули камешки.

Пожалуй, ближе, чем в тот раз, и во всяком случае в другой стороне. Можно подумать, что кто-то, наделенный способностью двигаться почти бесшумно, медленно обходит их палатку.

В эту минуту Джордж Харпер с ужасом вспомнил все, что ему приходилось слышать о «снежном человеке». Правда, слышал он о нем очень мало, но – и этого было более чем достаточно.

Он вспомнил, что легенды о йети, как называли непальцы это неведомое существо, упорно бытуют среди обитателей Гималаев. Правда, ни одно из этих волосатых чудовищ не было ни разу поймано, сфотографировано или хотя бы точно описано надежным очевидцем. Почти весь мир был убежден, что йети лишь миф, и столь скудные доказательства, как следы на снегу или лоскутки кожи, хранящиеся в дальних монастырях, не могли поколебать этого убеждения.

Но гималайские горцы оставались при своем мнении. И Джордж Харпер начал опасаться, что правы были горцы, а не весь остальной мир.

Затем, когда протекло несколько долгих секунд, а все оставалось спокойно, его страх начал понемногу прохо-

дить. Наверное, у него от бессонницы возникают слуховые галлюцинации. И он заставил себя вновь вернуться к планам спасения. И уже успел снова углубиться в эти мысли, как вдруг о палатку ударилось какое-то тяжелое тело.

Харпер не завопил во всю мочь только потому, что у него от ужаса перехватило дыхание. Он был не в силах пошевелиться. Затем он услышал, как в темноте рядом с ним сонно заворочался доктор Элвин.

– Что такое? – пробормотал ученый. – Вам нехорошо?

Харпер почувствовал, что Элвин перевернулся на другой бок, и понял, что тот нащупывает фонарь. Он хотел прошептать: «Ради бога, не двигайтесь!», но не мог выдавить из своего пересохшего горла ни звука. Раздался щелчок, и на одну из стенок палатки лег яркий кружок света от фонаря.

Эта стенка прогибалась внутрь, словно на нее давила какая-то тяжесть. В центре выпуклости было нетрудно угадать очертания не то руки со скрюченными пальцами, не то когтистой лапы. Она находилась всего в двух футах над землей, словно неведомый пришелец теребил ткань палатки, стоя на коленях.

Свет, по-видимому, его испугал, потому что когтистая лапа мгновенно исчезла, и стенка вновь натянулась. Раздалось глухое сердитое ворчание, и на долгое время наступила полная тишина.

Харпер с трудом перевел дух. Он ожидал, что в стенке вот-вот появится зияющая прореха, и на них из темноты ринется нечто невыразимо ужасное. И он чуть истерически не вскрикнул, когда вместо треска рвущейся ткани откуда-то сверху донесся еле слышный посвист поднявшегося на мгновение ветра.

Затем последовал знакомый – почти домашний звук. Это зазвенела пустая консервная банка, ударившись о камень, и почему-то напряженность немного спала. Харпер наконец смог заговорить, а вернее, сипло прошептать:

– Он отыскал наши консервы. Может, теперь он уйдет.

Словно в ответ, послышалось рычание, в котором чувствовались разочарование и злость, затем раздался удар и грохот катящихся банок. Харпер вдруг вспомнил, что все их продовольствие было в палатке, а снаружи валялись пустые жестянки. Это его не обрадовало. Он от всего сердца пожалел, что они не взяли примера с суеверных горцев и ни оставили снаружи подношения богам или демонам, бродящим по этим вершинам.

И тут произошло нечто настолько внезапное и неожиданное, что он сообразил, в чем было дело, только когда все кончилось. Раздался скрежет, словно по камням протаскивали что-то металлическое, потом – знакомое жужжание и удивленное фыркание.

И затем – душераздирающий вопль ярости и ужаса, который начал стремительно удаляться – все выше и выше в небо...

Этот замирающий звук вызвал в памяти Харпера давно забытую картину. Однажды ему довелось посмотреть старинный (начала двадцатого века) фильм, посвященный истории воздухоплавания. В этом фильме было несколько страшных кадров, рассказывавших о первом полете дирижабля. Выводившие его из ангара рабочие отпустили канаты не все вместе, и тех, кто замешкался, дирижабль мгновенно увлек за собой в высоту. Несколько минут они беспомощно болтались под ним, цепляясь за канаты, а за-

тем уставшие пальцы разжались и они один за другим попадали на землю.

Харпер ждал далекого глухого удара о камни, но удар так и не раздался. Тут он услышал, что доктор Элвин повторяет снова и снова:

— Я связал левитаторы вместе. Я связал левитаторы вместе.

Харпер был настолько ошеломлен, что это его даже не встревожило. Он испытывал только досаду.

Ведь теперь он так никогда и не узнает, кто рыскал вокруг их палатки в смутном мраке гималайской ночи.

День начинал клониться к вечеру, когда в ущелье спустился горный спасательный вертолет, который вел скептик-сикх, подозревавший, что все это подстроил какой-то изобретательный шутник. Когда вертолет приземлился в центре поднятого им снежного вихря, доктор Элвин, одной рукой цепляясь за столбик палатки, отчаянно замахал машине.

Узнав ученого, вертолетчик испытал что-то похожее на благоговейный ужас. Значит, это правда! Ведь иначе Элвин никогда бы не очутился тут. И следовательно, все, что сейчас летает в земной атмосфере и за ее пределами, с этой минуты устарело, как древние колесницы.

— Слава богу, что вы нашли нас, — прочувствованно сказал ученый. — Но как вы добрались сюда так быстро?

— За это можете поблагодарить радиолокаторную сеть слежения и телескопы орбитальных станций. Мы бы добрались сюда и раньше, только сначала думали, что это какой-то розыгрыш.

— Не понимаю...

— А что бы вы сказали, доктор, если бы кто-нибудь сообщил, что дохлый гималайский снежный барс, запутавшийся в какой-то сбруе болтается на высоте в девяносто тысяч футов, не взлетая выше и не падая?

Джордж Харпер на своей постели в палатке принялся хохотать, не обращая внимания на боль, которую причинял смех. Доктор всунул голову внутрь и обеспокоенно спросил:

— Что случилось?

— Ничего... о-ох! Я просто задумался над тем, как мы снимем оттуда бедную животину, чтобы она не создавала угрозы для воздушного транспорта.

— Ну, отправим туда кого-нибудь на левитаторе, чтобы он нажал на кнопки. Возможно, надо будет ввести радио-контроль для всех аппаратов...

Голос доктора Элвина замер на полуслове. Ученый был уже далеко отсюда, углубившись в расчеты, которым предстояло изменить судьбу многих миров. Ибо он возвращал человечеству свободу, утраченную давным-давно, когда первые амфибии покинули свою невесомую подводную родину.

Битва с тяготением, длившаяся миллиард лет, была выиграна.

В СПОРЕ О БУДУЩЕМ

О стремлении взглянуть в дали грядущего и даже попытаться мысленно перенестись в предполагаемый мир свидетельствуют древнейшие первоисточники, мифы, народные сказки, философские трактаты мудрецов давно минувших дней. Неисчерпаемость мира и великое множество загадочных явлений всегда давали богатую пищу как для суеверного ума, так и для пытливых личностей с богатым воображением и жаждой познания. Изобретательские мечты разных веков, социальные и инженерно-технологические прожекты, проникая в область литературного творчества, породили один из наиболее популярных в наше время жанров – научную фантастику.

В переводе с греческого *phantasia* – это психический образ, плод воображения. По современному Философскому энциклопедическому словарю, задача фантастики, а следовательно, воображения «состоит в идеальном представлении результата деятельности до того, как он будет достигнут реально, в предвосхищении того, чего еще не существует. С этим связана способность делать открытия, находить новые пути, способы решения возникающих перед человеком задач»¹. Догадка, интуиция, ведущие к открытию, невозможны без воображения. Создатель учения об электромагнитном поле, английский ученый-физик Майкл Фарадей подчеркивал, что «наука выигрывает, когда ее крылья раскованы фантазией». А чуть ранее его соотечественник, ученый-естествоиспытатель и философ

---

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 91.

Джозеф Пристли писал: «Самые изобретательные и тонкие экспериментаторы те, кто дает полный простор своему воображению и отыскивает связь между самыми отдаленными понятиями. Даже тогда, когда эти сопоставления грубы и химеричны, они могут доставить счастливый случай для великих и важных открытий, до которых никогда не додумались бы рассудительные, медлительные и трусливые умы». Иначе говоря, знанию, практике, новым научным открытиям всегда предшествуют предположения, догадки, утопии, смелые мечтания. Альфонс Ламартин, французский поэт и публицист, писатель-романтик и известный политический деятель, замечал, что «утопии часто оказываются лишь преждевременно высказанными истинами». И именно поэтому, утверждал немецкий ученый-естествоиспытатель Юстус Либих, «разум и фантазия одинаково необходимы для наших знаний и равноправны в науке». Почему? На этот лаконичный вопрос однозначно отвечал Виктор Гюго: «Ничто так не способствует созданию будущего, как смелые мечты. Сегодня утопия, завтра — плоть и кровь».

Удостовериться, что это так, не составляет особого труда: вчера — идея гиперболоида инженера Гарина, сегодня — реальность лазерного луча; вчера — легенда об Икаре, сегодня — полеты дельтапланеристов и отчаянных изобретателей оригинальных аппаратов, позволяющих человеку свободно парить в воздушном пространстве.

Но важно, на наш взгляд, подчеркнуть следующее: коль скоро утопии и фантастические идеи предшествуют практике и даже способны в иных случаях направить науку и ориентировать ее на те или иные открытия или изобретения,

бретения, то, следовательно, фантастика – это действенное оружие, ибо человек по фантастическим прогнозам может соответствующим образом настраивать мировосприятие и, что очень важно, даже формировать свое будущее.

Прогрессивные писатели-Фантасты уже давно поняли и усвоили эту истину, понимая ответственность перед читателем и будущими поколениями, многие из них, в частности писатели капиталистических стран Европы, вполне сознательно отказались от нагромождения в произведениях всякого рода «космических ужасов», от чрезмерного увлечения «технократизмом», от погони за голой «детективностью», от «механистического» видения мира.

Впрочем, это не значит, что их романы, повести утратили приключенческий или детективный характер и сами они превратились в скучных моралистов. Совсем нет. Прогрессивные писатели-фантасты стали больше уделять в своих произведениях внимания социальным проблемам, расширив тем самым художественные рамки одного из наиболее популярных жанров современной литературы. В зарубежной фантастике стали чаще звучать «предупредительные мотивы». Писатели стали глубже вникать в суть научных открытий, показывать возможные последствия технических изобретений, предостерегать от бездушного, фанатичного и зачастую агрессивного вторжения человека в окружающую природу и необъятные просторы Вселенной.

И если ранее фантастика носила преимущественно приключенческо-развлекательный характер, то ныне – во всяком случае, в своих лучших образцах – она обрела духовность, стала социально значимой. В этом несомненный

прогресс как самого жанра, так и заслуга современных фантастов, в том числе писателей современного Запада.

Именно эту тенденцию – беспокойство за судьбы человека и человечества, за морально-этический облик людей, в чьих руках находятся «фантастические» изобретения, – и показывают произведения, составившие настоящий сборник.

Шведского писателя Пера Валё в повести «Стальной прыжок» тревожит духовное обнищание общества, где, казалось бы, положительно решены многие житейские проблемы. В изображаемом им обществе нет людей несчастных, но... и нет людей счастливых, так как человек превращен в биологического робота, а все общество – в биологического потребителя. Поэтому люди становятся равнодушными к проблемам добра и зла, перестают быть духовными личностями. В этом автор видит нечестный заговор тех, кто призван вершить судьбами других людей. Где выход? В решении нравственных проблем, в своевременном разоблачении антигуманной операции «Стальной прыжок», направленной на «стандартизацию» сознания и «роботизацию» всего общества, – такова позиция автора. Позиция, скажем мы, ограниченная, глубоко не затрагивающая социальных проблем. Но предупреждения писателя и его размышления о нравственности вполне оправданы. Да, поистине так: человек неспособен быть ученым, творческой личностью, подлинным строителем настоящего и будущего, если он в той или иной мере не одарен эстетически, не богат духовно.

Исторический оптимизм, стремление к активной жизнеутверждающей деятельности перед лицом испытаний –

лейтмотив романа «Бегство Земли» Франсиса Карсак, французского писателя и ученого. Надо отметить, что научная фантастика имеет во Франции давние традиции. Она так или иначе присутствует в произведениях Сирано де Бержерака, Себастьяна Мерсье, Жюль Верна, Анатоля Франса, Андре Моруа и других писателей, Лучшие традиции научной фантастики, несмотря на некоторое влияние американской «фантастики ужасов», сохраняются во Франции и по сей день. Франсис Карсак – один из продолжателей этих традиций.

В романе «Бегство Земли» писатель смело оспаривает моду американских и западноевропейских фантастов на «Ноев ковчег» для избранных. В случае каких-либо катаклизмов, угрожающих человечеству, он видит выход не в подземных убежищах или межпланетных кораблях, а в борьбе за спасение всего человеческого рода, в борьбе за спасение Земли, которая для всех нас и является Ноевым ковчегом. Главное, считает автор, не отчаиваться, не прятаться в норы, не пасовать перед космическими напастьями, не скатываться к эгоизму, индивидуализму и вражде между обитателями единого корабля, на котором сосредоточены плоды цивилизации многих поколений. Именно эту фантастическую картину спасения всего человечества от, казалось бы, неминуемой гибели и рисует автор в своем произведении. Устами нашего далекого потомка Карсак обращается к читателям: «Никогда не отчаивайтесь! Даже если будущее покажется вам беспросветным, даже если вы узнаете, что ваша цивилизация исчезнет под льдами нового палеолита, не прекращайте борьбу!.. Я живое свидетельство того, что ваши усилия не напрасны и что ваши потомки достигнут звезд!»

Подобным жизнеутверждающим оптимизмом проникнуты и другие произведения Франсиса Карсака: «Пришельцы ниоткуда», «Робинзоны космоса», «Наша родина – космос», «Этот мир наш», «Львы Эльдорадо» и др.

Русский социолог, публицист и литературный критик Петр Лавров писал: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости – вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом». Над этой истиной уже давно стали задумываться прогрессивные писатели Запада. Впрочем, не только они. И, может быть, потому столь популярная до недавнего времени буржуазная теория «всеобщего благоденствия», проповедующая всеобщую сытость в условиях технократического общества, все чаще стала подвергаться критике. И не только теми, кто стоит в очередях за бесплатной «благотворительной» похлебкой или за пособием по безработице. Эта теория подвергается сомнению всеми, кто хоть сколько-нибудь задумывается о подлинной сущности бытия, о месте человека в духовной эволюции и, если хотите, о его космическом предназначении.

Вообще, надо сказать, проблема человека в условиях ускоренного прогресса занимает все более ведущее место как в произведениях писателей-фантастов, так и в трудах многочисленных ученых. И это не случайно. Известный американский социолог, историк и теоретик в области проблем развития культуры и техники Льюис Мамфорд считает, что такая тенденция связана с нарастающими противоречиями между человеком и обществом, техно-

кратическими принципами и духовными запросами личности, к которым привело развитие западной цивилизации. По мнению Мамфорда, современная цивилизация представляет собой цивилизацию машин, а не людей. «Абсолютизация роли техники, – пишет социолог, – привела к появлению социальной мегамшины, которая превратила людей в послушных роботов и не ставит перед собой никаких человеческих целей». Он говорит о чрезмерной регламентации поведения и сознания человека в современном мире, о выхолащивании эмоциональных переживаний, об обездушивании духовного, о превращении индивида в безликое существо, а общества – в механическую массу, в которой индивиды отличаются друг от друга столь же мало, как и любые продукты массового производства. Мамфорд отмечает такие черты общества, как оправдание антигуманных целей и средств, усиление аморализма, деградация искусства, разрушение экологической среды, и так далее. Все это – проявление кризиса человека. Истоки этого кризиса американский социолог усматривает в нарушении баланса между материальным и духовным в окружающем человека мире, между господствующими ориентирами социального престижа и подлинными ценностями человека.

Словом, как было уже сказано, пресловутая идея благоденствия человека на материальном уровне подверглась на Западе серьезному сомнению. В рассуждениях западных интеллектуалов все чаще стали звучать следующие мотивы: свободное и всестороннее развитие личности, а также создание возможностей для удовлетворения духовных запросов человека есть принцип более ценный, гу-

манный и перспективный, чем удовлетворение лишь материальных потребностей на основе технократических принципов, порабащивающих отдельных индивидов. Ибо человек, не сумевший реализовать себя и не ставший личностью, фигура, быть может, более несчастная, даже более трагическая, чем тот или иной член общества, испытывающий материальную нужду.

Всеобщее «благоденствие» разоблачается и в рассказах датского писателя Нильса Нильсена. Но зачастую это сводится все к тем же «предупредительным мотивам»: прогресс технический, материальный отнюдь не всегда ведет к прогрессу духовному. Так, например, в рассказе «Продается планета» люди, обладающие немалыми знаниями и мощной техникой, равнодушно торгуют планетами вместе с их обитателями, попирая элементарные нравственные нормы. Не менее преступна деятельность землян и в другом его рассказе – «Никудышный музыкант», где люди «преуспевающего» общества доведены с помощью новейшей техники до унижительного состояния. Они разучились чувствовать и наслаждаться прекрасным, страдать и сопереживать, их идеалы и духовный мир катастрофически пусты, культура стандартизирована.

Подобные мотивы мы встречаем и в рассказах итальянских авторов. Так, Анна Ринонаполи затрагивает «больное» место-проблему школьного образования. Правда, она рисует не настоящее, а далекое будущее: кризис помещений и учебного оборудования в стране преодолен, над школами ввиду загрязненной атмосферы возведены пластиковые купола, вместо прежних самодуров-директоров сидят роботы, многих учителей заменили магнитофоны.

Но каковы результаты такого прогресса? Знания заменились полужнанием, подлинные духовные ценности — мнимыми, в головы учеников вдалбливаются стандартные мысли, классическая литература потеряла всякое значение и давно забыта, ибо ее заменили маловыразительные, стандартизированные киносюжеты. Падает культура. Деформируются человек, его духовный мир.

Интересно отметить, что художнические выводы фантастов зачастую очень тесно соприкасаются с выводами ведущих западных социологов и специалистов по проблемам человека. Так, например, уже цитируемый нами известный американский социолог Мамфорд считает, что культура и, в частности, искусство являются специфическими трансляторами существующей в обществе и воспроизводящейся им модели человека. Кризис культуры — это кризис господствующего образа человека. Когда общество здорово, замечает социолог, художник усиливает его здоровье, но когда оно больно, художник усиливает его болезнь. Деформация форм в искусстве, в духовном, восприятии мира — это отражение растущей отчужденности человека в бездушном механистическом мире. Мамфорд пишет: «Образы абстрактных художников отражают пустоту и дезорганизацию нашей жизни; образы сюрреалистов отражают действительный кошмар человеческого существования в век массовых истреблений и атомных катастроф... они... говорят нам о действительности гораздо больше, чем газеты или радио. Такие картины ценны как документы, даже если они почти не работают как искусство... Наше искусство становится во все более возрастающей степени пустым по содержанию или явно иррацио-

нальным в своих претензиях на то, чтобы служить убежищем для свободного духа от деспотических требований повседневной жизни».

Выводы многих западных ученых, занимающихся изучением этих проблем, сводятся к следующему: механистическая культура оборачивается разрушением подлинно человеческой культуры, ведет к утрате человечности, к подчинению человека машине не столько в натуралистическом, сколько в психологическом смысле. Поэтому возникает псевдоличностная модель рационализованного, стандартизированного, ориентированного извне, а не из своей собственной сути человека.

Именно против этих тенденций и предостерегают писатели-фантасты, рисуя фантастические сюжеты, способные заострить проблемы и выявить трагизм ситуаций, к которым современный человек, как правило, быстро адаптируется. И в этом смысле творчество писателей-фантастов носит Далеко не абстрактный, а конкретно-социальный характер.

Английский ученый и общественный деятель Джон Бернал как-то вынужден был заметить, что «если наука должна стать благом, а не проклятием», то человечество должно позаботиться о том, чтобы науку представляли не одни лишь ученые или политические деятели, а чтобы в прогрессе участвовал прежде всего весь народ.

Но, впрочем, и сами ученые должны чувствовать свою ответственность перед человечеством. Всемирно известный французский специалист в области радиохимии и физики атомного ядра Фредерик Жолио-Кюри указывал: «Ученые не вправе считать себя кучкой избранных, чуж-

дых задачам практической жизни. Будучи членами великой семьи трудящихся, они должны быть озабочены тем, как используются их открытия».

В самом деле, взять, скажем, такую проблему, как генетика, генная инженерия. Тайна наследственности веками привлекала людей. Более двухсот лет назад французский философ-энциклопедист Дени Дидро предсказывал, что наступит день, когда человеческие эмбрионы будут развиваться в искусственных условиях, а свойства будущих организмов специально подбираться. Но тогда это называли фантастикой. А сегодня? Сегодня это почти реальность. В наше время рождение ребенка – это уже не обязательно результат любовных отношений между мужчиной и женщиной. Благодаря методам искусственного воспроизводства жизни в этом процессе все чаще начинают появляться «третьи лица» – так называемые доноры. Есть на этом пути и реальные достижения. Например, доктора Патрик Степту и Роберт Эдвардо 26 июля 1976 года дали миру Луизу Браун, первую девочку, зачатую вне материнского чрева.

Однако нет сомнений, что такие эксперименты далеко не безобидны, ибо в дальнейшем, в случае злоупотреблений и нарушения «биоэтики», они могут привести к переоценке ценностей, пренебрежениям моралью и общественной этикой. Прогрессивные ученые многих стран уже засвидетельствовали, что с появлением новых методов искусственного воспроизводства человеческой жизни, в мире создавалась чрезвычайная обстановка. Соблазн по выведению «новой породы людей» настолько велик, а уровень «биоэтики» в мире предпринимательства настолько низок,

что это может привести к катастрофе. Английский генетик Дж. Холдейн в 1962 году в Лондоне на конференции «Съезд фабрикантов людей» назвал свой доклад «Биологические возможности человечества в ближайшие 10 тысяч лет». Он поразил воображение аудитории фантастическими картинами производства людей-мутантов, чьи формы приспособлены к размерам космических кораблей. Его коллега из ФРГ А.Мюллер отметил, что благодаря селекции на зародышевой стадии можно получить сверхчеловека. Словом, как говорит Энрике Фоссар, член комиссии экспертов по вопросам семейного права Европейского совета, во всех западных странах «биоэтика» обретает конкретные черты. Она стремится ответить на вопросы, поставленные генетикой и медициной. При этом наибольшую тревогу вызывают манипуляции с генами, а также попытки ряда закрытых организаций проводить опыты над людьми. Это «экспериментирование» противоречит основным правам человека – таким, как право на жизнь, на физическую и моральную неприкосновенность личности, право на честь, целостность семьи, и так далее. Но не меньшую тревогу вызывает и другое: не произойдет ли в результате опрометчивых опытов нарушения в генной эволюции человечества? Не приведет ли это к непоправимой трагедии?

Естественно, что все эти проблемы не могут не волновать и писателей-фантастов. Именно о «биоэтике» – рассказ «Мутация» западногерманского писателя Герберта Франке.

В рассказе «Координаторша» повествуется о том, как с помощью новейших медицинских приборов и аппаратуры,

предназначенных для хирургии мозга, осуществляется тотальная проверка психических свойств на «агрессивность», а по существу, на «благонадежность». Иными словами, прогресс используется не в целях свободного развития человека, а в целях его закабаления и постоянного контроля за деятельностью мозга. Автор предупреждает: не становитесь рабами собственных изобретений.

Итальянский литературовед Джордже Пуллини, подводя некоторый итог развития жанра научной фантастики в Италии, замечает: «...нас по-прежнему больше привлекает тайна человеческой души, чем тайны механических роботов... Разрушительные или созидательные возможности техники целиком зависят от сознательности или от моральной неустойчивости управляющего ею индивида, и поэтому никакая тайна, несмотря на самые большие завоевания науки, не превосходит важностью и не исключает тайну человеческой жизни».

Да, пожалуй, это справедливо. Прогрессивная итальянская научная фантастика сегодня становится более внимательной к духовному миру человека. Это в полной мере относится и к рассказу Лино Альдани «Луна двадцати рук». Трагедия Земли побеждена именно благодаря моральным и нравственным качествам людей, благодаря их мужеству, самопожертвованию.

Тревожится за цивилизацию, за морально-этический облик землян и швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт в своем фантастическом диалоге «Операция «Вега».

Литературными критиками как у нас в стране, так и за рубежом уже давно замечено, что наибольший успех в на-

учной фантастике достигают именно те авторы, которые не гонятся за детективностью ради детективности, не увлекаются лишь техническими гипотезами, а стремятся к раскрытию характеров. В их числе англо-ирландский писатель Боб Шоу, английский писатель-фантаст Бертрам Чандлер, норвежский писатель Юн Бинг и др.

Сборник завершается рассказом английского фантаста Артура Кларка «Безжалостное небо». На первый взгляд в нем все просто. Человек, как и некогда легендарный Икар, стремится преодолеть земное притяжение. Создан фантастический аппарат – левитатор, взаимодействующий с гравитационным полем Земли. Его испытывает изобретатель-инвалид со своим приятелем вблизи Эвереста. Внезапно налетевший ураганный ветер ставит испытателей в труднейшие условия. Они рискуют разбиться о скалы, попасть в потоки смертельных вихрей, взорваться от перегревшихся батарей, провалиться в пропасть, потеряв управление. И тем не менее испытатели, рискуя жизнью, продолжают полет. «Икаров» не покидает надежда выиграть «битву с тяготением, длившимся миллиарды лет».

Рассказ полон подтекстов, аллегорий. И дело не только в «земном тяготении», а прежде всего в том, что в каждом человеке есть еще и свое, «внутреннее тяготение», которое так же необходимо преодолеть, чтобы духовно прозреть, почувствовать себя и частицей земной материи, и сыном Вселенной.

Замечательный советский ученый профессор А.Л.Чижевский (1897–1964), посвятивший свою жизнь сложнейшей проблеме-изучению связей биосферы Земли и земных биологических процессов с солнечной активно-

стью, писал: «Теперь мы можем сказать, что в науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни».

Это очень важное замечание. Ибо «чувство мира как неделимого целого» как никогда необходимо человечеству и для понимания опасности термоядерной войны, и губительности затеи с милитаризацией космоса, и для решения экологических проблем, и для нового политического мышления. Это важно также и для прогресса в литературе, так как осознание идеи «о единстве и связанности всех явлений» все чаще побуждает, в частности, писателей-фантастов развивать новые направления в популярном жанре, поднимать принципиально новые темы, искать новые выразительные средства.

В. А. Пигалев